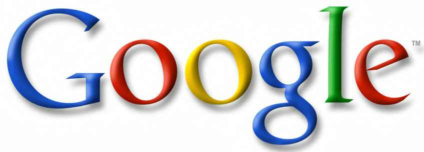

АРХИВЪ

КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

XXXVI.

АРХИВЪ

КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

КНИГА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1890.

БУМАГИ

ФЕЛЬДМАРШАЛА

КНЯЗЯ МИХАИЛА СЕМЕНОВИЧА

ВОРОНЦОВА.

Письма князя Цицiанова, переписка съ Д. В. Арсеньевымъ и С. Н. Маринымъ. Письма А. П. Ермолова и бумаги разнаго содержанiя.

ПИСЬМА
КНЯЗЯ П. Д. ЦИЦІАНОВА
КЪ
КНЯЗЮ М. С. ВОРОНЦОВУ.

Ученикъ и сподвижникъ великаго Суворова, герой Кавказа, до сихъ поръ тамъ не забытый, человѣкъ высокаго сердца и развитаго образованіемъ ума, издавшій книгу объ инженерномъ искусствѣ и писавшій стихи, другъ графа Ростопчина, князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ (род. 8 Сентября 1754 † 8 Февраля 1806) былъ первымъ руководителемъ князя Воронцова на дѣятельномъ воинскомъ поприщѣ. Грузинъ происхожденіемъ, онъ предался всею душою новому своему отечеству, величіе и слава котораго были ему вполнѣ свои. Также какъ и князь Воронцовъ, онъ началъ службу въ Преображенскомъ полку. Юноша Воронцовъ, еще находясь при отцѣ своемъ въ Англіи, созрѣвая и готовясь къ дѣятельности подъ обаяніемъ подвиговъ Суворова, которые наполняли тогда весь міръ славою Русскаго имени, рвался къ бою и принялъ участіе въ первой же войнѣ, начавшейся по вступленіи его въ военную службу, т. е. въ 1803 году, въ войнѣ съ Персіею. Дядя его, государственный канцлеръ написалъ по этому случаю къ князю Циціанову слѣдующее письмо:

«Поелику нигдѣ, кромѣ края, гдѣ вы командуете, нѣтъ военныхъ дѣйствій, гдѣ бы молодому офицеру усовершенствоваться можно было въ воинскомъ искусствѣ; къ тому присовокупляя, что подъ начальствомъ вашимъ несомнительно можно болѣе въ томъ успѣть, нежели во всякомъ другомъ мѣстѣ: то по симъ самымъ уваженіямъ, какъ я, такъ и братъ мой согласились на желаніе графа Михаила Семеновича служить волонтеромъ въ корпусѣ, находящемся въ Грузіи».

«На дружескій вопросъ вашего сіятельства, по гвардейскому ли чину его употреблять, имѣю вамъ отвѣтствовать съ такою же откровенностью, что чинъ его гвардейскій нимало, кажется, не будетъ препятствовать къ употребленію его, если взять то, что онъ служить у васъ будетъ не при полку, а генерально при корпусѣ волонтеромъ; а потому отъ распо-

1*

ряженія вашего зависѣть будетъ, при случаѣ, поручить ему въ команду деташаментъ, чему многіе имѣли мы примѣры и въ другихъ войнахъ. Сіе, какъ я, такъ и братъ мой, примемъ знáкомъ дружбы вашей; токмо прошу васъ не иначе то учинить, какъ поколику позволяютъ вамъ нынѣшнія воинской службы постановленія».

«Въ предложеніи вашемъ отправить сюда племянника моего при радостномъ какомъ событіи вижу я охотливость вашу сдѣлать мнѣ пріятное. Благодаря васъ всемѣрно за оную, скажу вамъ, что какъ таковые посылаются единственно для доставленія имъ чина, то, по сей самой причинѣ, ни я, ни братъ мой того не желаемъ: графъ Михаилъ Семеновичъ, будучи еще довольно молодъ, можетъ успѣть чины заслужить прямымъ путемъ, чѣмъ мы болѣе будемъ довольны. Къ тому же отправленіе его противно установленію фельдъегерей, для посылокъ учрежденныхъ; да и вообще мнѣ кажется, что еслибы посылали офицеровъ съ радостными извѣстіями, то сіе право болѣе принадлежитъ тѣмъ, кои въ дѣлѣ отличили себя и симъ заслуживаютъ награды».

«Ко всему этому остается мнѣ повторить то, чтò я и прежде писалъ вашему сіятельству, что онъ у насъ одинъ и что мы желаемъ, чтобъ былъ полезенъ Отечеству своему, и для того, чтобъ усовершенствовался во всемъ, къ тому относящемся. Полагаясь на дружбу вашу и будучи увѣрены, что не оставите его своими наставленіями и доставленіемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ онъ можетъ себя образовать и достигнуть цѣли нашей, мы отдали его, такъ сказать, въ полную вашу благосклонную попечительность, не сомнѣваясь нимало, что будемъ имѣть причину быть довольными сею посылкою».

Въ предисловіи къ предъидущей книгѣ мы упомянули о томъ обаяніи, которое производилъ молодой князь Воронцовъ на свое окруженіе. Нижеслѣдующія письма свидѣтельствуютъ, что этому обаянію поддался и князь Цицiановъ. (О немъ подробнѣе см. во второй книгѣ нашего сборника «Девятнадцатый Вѣкъ»).

П. Б.

Письма князя П. Д. Циціанова къ князю (графу) М. С. Воронцову.

1.

Получ. 24 Генваря 1804.

8 Генваря, крѣпость Ганжинская.

Не можете вообразить вы, любезный графъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду о вашихъ дѣлахъ извѣстія, дрожа собственно за васъ и, спасши васъ отъ вѣрнѣйшей пули на штурмѣ могущей быть, боюсь, чтобъ тамъ васъ не нашла. На Бога во всемъ пространствѣ положись, то цѣлъ и здоровъ будешь.

Я завтра отсель отъѣзжаю. Плѣну взято обоего пола болѣе 17 тысячъ: кусокъ благородный!—Письма вчера доставленныя посылаю. Дядюшка вашъ не соглашается посылать васъ курьеромъ, твердитъ только, чтобъ васъ беречь. Кой часъ кончится дѣло, пріѣзжайте въ Тифлисъ. Я въ Имеретію, можетъ быть, пойду. А. Хр. *) мое почтеніе, а мнѣ прошу вѣрить, что душею и сердцемъ весь вамъ преданный

князь Циціановъ.

Почтенному товарищу Василію Семеновичу[x] мое почтеніе прошу сказать и желаніе успѣха.

---

*) Т. е. А. Х. Бенкендорфу (см. книгу XXXV-ю).

x Сипягину

2.

Получ. 23 Апрѣля 1804 въ Ваханѣ.

Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка господину поручику и дѣйствительному камергеру графу Воронцову.

Его Императорское Величество, по донесенію моему, въ воздаяніе отличной храбрости, оказанной вами при занятіи Ганжинскаго форштата и садовъ, высочайше пожаловать изволилъ вамъ орденъ св. Анны 3-го класса, который при особомъ высочайшемъ на имя ваше рескриптѣ при семъ препровождаю съ тѣмъ, чтобъ вы носили оной по установленію, оставаясь въ увѣренности, что сей знакъ монаршаго отличія послужитъ къ вящему усугубленію вашего къ службѣ Его Императорскаго Величества усердія.

«Генералъ отъ инфантеріи князь Циціановъ».

№ 891.
Селеніе Вахань.
Апрѣля 23 дня
1804 года.

3.

Получ. 29 Окт. 1804 въ Тифлисѣ.

28 Окт. вечеру.

Сей часъ почта принесла мнѣ радость тѣмъ, что вы кавалеромъ св. Георгія. Теперь съ вами квиты.

Письмо вашего дядюшки я прочесть не умѣлъ по обыкновенію *), кромѣ 1-го пункта, изъ котораго увидѣлъ, что вы кавалеръ, никакъ не думая, чтобъ то было 2-й Анны.—Выздоравливайте и дождитесь меня. Попразднуемъ!

Симановичъ—полковникъ, а Ливенцовъ—маіоръ.

---

*) Дядя князя Воронцова, тогдашній государственный канцлеръ графъ Александръ Романовичъ, писалъ крайне неразборчиво. П. Б.

4.

Получ. 30 Октября 1804 въ Тифлисѣ.

28 Окт. Анануръ.

Сей часъ, любезный графъ, читая приказы, нашелъ, что ты пожалованъ капитаномъ, съ чѣмъ и поздравляю, хотя мнѣ не того хотѣлось, въ доказательство чего прилагаю выписку о писанномъ въ реляціяхъ относительно тебя. И такъ не моя вина. Я и къ Чарторыжскому три раза о томъ же писалъ. Говорятъ, и именно Ѳедоръ Исаевичъ Ахвердовъ, что онъ слышалъ якобы о Георгіевскомъ крестѣ. Дай-то Богъ! Это поправитъ. Я думаю, что по твоей скромности и сокровенности *) ты скажешь, что ты и капитанскимъ чиномъ доволенъ; да я недоволенъ.

Начинщики на обманъ не даются и не идутъ на зовъ мой для объявленія постановленія о ихъ повинностяхъ. Несвѣтаетъ проситъ попугать, и я на сегодняшній день разрѣшеніе ему далъ. Прости. Ивану

---

*) Объ этой „сокровенности" Воронцова замѣтилъ графъ Ростопчинъ въ письмѣ къ князю Циціанову отъ 20 Марта 1805 года: „Въ его лѣта скрытность въ нравѣ не можетъ быть пріобрѣтенной воспитаніемъ, а просто врожденная. Замѣть, что въ ихъ родѣ ни одного нѣтъ на распашку".

Петровичу мой поклонъ. Дай Богъ, чтобъ къ моему пріѣзду лихорадка прошла и ты укрѣпился, безъ чего опасно ѣхать.

Выписано изъ реляцій о Эриванской экспедиціи.

30-го Мая. Имѣю счастіе всеподданнѣйше донесть, что въ должность бригадъ-маіора при отрядѣ употребилъ я лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка поручика графа Воронцова.

26-го Іюня. Отдавая справедливость точному исполненію должностей всѣхъ бывшихъ во всѣ сіи дни сраженій, должен по справедливости отдать вящшую N. N. N. Не могу особенно не рекомендовать при мнѣ находящагося за бригадъ-маіора несмѣняющагося лейбъ-гвардіи Пр. полку поручика графа Воронцова, который, дѣятельностію своею замѣняя мою дряхлость, большою мнѣ служитъ помощію и достоинъ быть сравненъ съ его сверстниками господами Васильчиковыми, переименованными изъ камергеровъ вышними противъ его чинами.

О семъ дерзаю всеподданнѣйше представлять, зная священныя правила справедливости Вашего Императорскаго Величества, по строгости коихъ служба и рвеніе сего молодаго офицера, обѣщевающаго многое для пользы службы, заслуживаетъ всеконечно всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества вниманіе ко ободренію его.

1-го Іюля. Не могу не повторить о N. N., всегда впереди находящемся и въ самой первой опасности, такъ какъ и за бригадъ-маіора при мнѣ находящійся лейбъ-гвардіи Пр. полку поручикъ г. Воронцовъ.

x [illegible]

5.

Получ. 9 Ноября 1804 въ Тифлисѣ.

7 Ноября 1804. Цхинвалъ.

Луарсабъ, я думаю, тебѣ сказалъ, любезной капитанъ, что его посольство кончилось ничѣмъ, какъ я и ожидалъ, да еще по глупости Ковалева и съ большею мнѣ досадою, которой, твердя, какъ и всѣ Русскіе, что всѣ намъ невѣрны (какъ будто это неизвѣстно), вытерпѣлъ, что ему царь *) сказалъ, что мы не хуже Таулетинцевъ умѣемъ драться; а онъ послѣ этого слǒва не откланился и не уѣхалъ.

Состояніе мое весьма не завидное, какъ видишь и, буде съ одной стороны потухаетъ огонь, то съ другой пожаръ начинается. Дадьянова смерть меня поразившая заставляетъ меня ожидать большихъ непріятностей, особливо потому, что у Литвинова, кажется, также какъ у Ковалева, не то чтобъ лѣчить больнаго въ головѣ, а то, что болѣзнь-де опасна и неизлѣчима. Доказательствомъ сей мысли послужить можетъ его описаніе Имеретіи и Мингреліи, при семъ изложенное, которое ты прикажешь Чудинову у себя въ горницѣ списать на обрѣзной бумагѣ почище и ко мнѣ вмѣстѣ возвратишь. Прочти и Ивану Петровичу. Вы увидите, что онъ сердится за то, что въ дикой, такъ сказать, землѣ и между въ дикость обратившимся народомъ дорǒги не сдѣланы какъ въ Англіи (des

*) Имеретинскій. П. Б.

chaussées), для чего царь и покойной Дадьянъ не пьютъ Аліатико съ Шампанскимъ и Мозель съ Зельцерской водой*). Вотъ вѣкъ письма и письмённыхъ! Всякой хочетъ въ сочинители влѣзть, наглостью или искусственно, особливо о такой землѣ, въ которую рѣдкой кто поѣдетъ повѣрять его топографическое (о коемъ онъ самъ говоритъ, что по большимъ только дорогамъ замѣчалъ) и политическое описаніе, о коемъ самъ говоритъ, что ему никто не хотѣлъ правду сказать. Я слова не говорю о томъ, что правды тутъ много; да неужто ничего хорошаго нѣтъ? Мнѣ же не землеописанія нужно было, а по требованію нашего министерства свѣдѣнія, когда пристали, отошли и когда принадлежали. Вотъ любезные помощники! Да этотъ изъ наилучшихъ.

За новость скажу, что я убитъ, что нашли солдата похожаго на меня и наряженнаго въ мое платье, чтобы Грузію пугать. Такъ-то Осетинцы думаютъ, и такъ ихъ легковѣріемъ играютъ здѣшніе бояре. Послалъ, чтобъ пришли посмотрѣть, такъ какъ Таулетинцы.

Не знаю, какъ пойду, если не послушаютъ требованія *все возвратить*, и въ счетъ не идетъ разумѣется. А вотъ что: 1) всѣ башни сломать, 2) изъ всякой деревни дать аманата съ своимъ содержаніемъ изъ лучшихъ домовъ, и за всякую проказу доказанную посылать аманатовъ въ Россію въ солдаты или на заводы. Прости, кавалеръ. Я заболтался.

Худо пишу, отъ того что при свѣчахъ и безъ очковъ. О дорогѣ Иванъ Петровичъ скажетъ.

---

*) Два стиха Державина. П. Б.

6.

Ваше сіятельство взяли мои часы, чтобъ ускромить ихъ прыткость; а мерзкой часовщикъ ихъ остановилъ навсегда, такъ что я ни единаго дня ими пользоваться не могъ. И такъ прошу взять трудъ свои ссудить мнѣ. Я бы оставилъ, не безпокоясь о томъ; но нашъ отрядъ совсѣмъ безъ часовъ и, поминая кн. А. В. Суворова, по пѣтухамъ учреждаю день мой. Прощенія прошу. А я еще жду отряда, который послѣ завтра сюда будетъ.

9 Ноября 1804. Цхинвалъ.

Надписано въ Тифлисъ.

7.

Получ. 29 Ноября 1804 въ Тифлисѣ.

24 Ноября 1804. Хце.

Любезный графъ. Мерзавцы меня держутъ переговорами, такъ что я, не смотря, что мѣста очень опасныя и выше колѣна выпалъ снѣгъ, иду завтра или послѣ завтра... [1]) по отношенію попа Алексѣя къ кн. Волконскому, чтобы ихъ наказать, какъ онъ то нужнымъ находитъ. Между тѣмъ ты не ѣдешь. Дядюшка твой, кажется, на меня сердится за это. Напиши въ нему съ фельдъ-егеремъ. Я же прежде полторы недѣли возвратиться не могу. Буде же дожидаться тебѣ нельзя, увѣдомь, сколько надобно денегъ. Я асигную. Прибавь родъ монеты и гдѣ. Совсѣмъ тѣмъ признаться долженъ, что мнѣ съ тобою хочется видѣться при отъѣздѣ и также видѣть въ орденѣ, которые уже изъ Моздока ѣдутъ. Прости. Ив. Петр. мой поклонъ. Я изъ Цхинвала почту отправляю.

Преданный кн. Циціановъ.

Дядюшкино письмо переведи [2]) пожалуста.

---

[1]) Не можемъ разобрать трехъ словъ. П. Б.

[2]) Т. е. перепиши, чтобъ его можно было прочесть. П. Б.

8.

30 Ноября 1804. Кошки.

Вторникъ вечеру.

Получа твое письмо, любезной мой графъ, благодарю по премногу за намѣреніе, съ которымъ, какъ ты говоришъ, желалъ бы при мнѣ въ здѣшней войнѣ быть. Сколько ни опасна война, да слава Богу, меня милующему, я еще здоровъ.

Хотя не смѣю тебѣ позволить сюда пріѣхать, потому что здѣшнія лихорадки, какъ говорятъ, требуютъ величайшихъ осторожностей, а здѣсь отъ Хце надобно 6 разъ переѣхать черезъ Арагву иногда по брюхо лошади. Здѣсь же можетъ, если Богу угодно, будетъ конецъ всей кампаніи, для того, что даже изъ-за горъ пришли съ повинною, даютъ аманатовъ и обѣщаютъ все отдать чтò имѣютъ. Вѣры не имѣю къ переговорамъ Осетинцевъ съ Грузинами, хотя душевно намъ преданными. Но льзя ли перемѣнить ихъ обычаи?

Со всѣмъ этимъ жалѣю крайне, что ты здѣшнихъ мѣстъ не видѣлъ. Они ни Чардаклу, ни Закаталу, ни Тагаурскимъ мѣстамъ не подобны.

Два дня дравшись, пришелъ я сюда въ Воскресенье на ночь и, ужасныя вспоминая мѣста и дорогу,

шелъ съ упорною дракою. Твой хваленый Майновъ гроша не стоитъ въ распоряженіяхъ; со всѣмъ тѣмъ умѣлъ въ дремучемъ лѣсу три раза изъ картечи выстрѣлить, говоря, что то при переправѣ. Онъ оставался съ пушками и прикрытіемъ, а я шелъ съ большей частью пѣхоты впереди. У насъ убито 3, да ранено 18; много тяжелыхъ, потому что сверху Осетинцы стрѣляя, весьма мѣтко давали вдоль тѣла раны.

Повторю еще, что жалѣю, что тебѣ, любезной, не можно было видѣть здѣшнихъ мѣстъ. Было бы сказать что въ Петербургѣ. Это одинъ уголъ Грузіи, гдѣ ты не былъ. Представь себѣ, что я теперь въ 4... *) отъ Эльборуса.

Если лѣкарь возметъ на себя твою лихорадку, а ты самъ возмешь на себя опасность, то я мою руки, хотя трепетать буду до полученія отвѣта. Посылаю на жилетъ и панталоны дорожные Осетинскаго сукна. Прошу на память неотмѣнно себѣ сдѣлать. Не подумай, что здѣсь взято: въ Цхинвалѣ куплено именно для тебя; да считалъ со дня на день, что ворочусь и самъ вручу сіе Осетинское произведеніе на память.

Ивану Петровичу мой поклонъ. Не можешь себѣ вообразить, какъ меня терзаетъ то, что здѣшняя кампанія меня остановила какъ въ отправленіи его, такъ и къ Государю рапорта болѣе мѣсяца не посылалъ. Опять растревожатся.

Прости. Вѣрь искренности моей привязанности, забывъ мою проклятую вспыльчивость, которая ни

*) Тоже одно слово не разобрано. П. Б.

отъ чего не происходитъ, какъ отъ лишней чувствительности къ тѣмъ, кого я душевно люблю и привязанъ чистосердечно [1]). Слѣдовательно слова: *еслибы и не благодарнымъ былъ, могъ бы сдѣлаться благодарнымъ* были не у мѣста. Прости еще разъ. Податель долженъ воротиться ко мнѣ, то напиши о себѣ.

Считая, что, имѣвъ на линію путь премерзкой, не пустися страдать еще въ здѣшней пропасти. Да и какъ поспѣть? Онъ въ два дня, какъ бы скоро ни ѣхалъ, пріѣдетъ къ вамъ. Тебѣ надобно по самой крайней мѣрѣ четыре дни; я же ничего на себя не возму. Измучаюсь, если занеможешь. Журналъ дѣлъ нашихъ посланъ къ князю Волконскому [2]).

---

[1]) Не даромъ Пушкинъ, конечно наслышавшійся о томъ на Кавказѣ въ 1820 году, писалъ въ своемъ „Кавказскомъ Плѣнникѣ":

И въ сѣчѣ съ дерзостнымъ челомъ
Явился *пылкій* Циціановъ.

[2]) Князь Дмитрій Петровичъ Волконскій посланъ былъ на Кавказъ соглядатаемъ Петербурга за тѣмъ, что́ дѣлалось на Кавказѣ. Такое же порученіе имѣлъ графъ П. А. Толстой въ 1806 году, во вторую войну съ Наполеономъ. П. Б.

9.

Получ. Декабря 1804 въ Осетіи, въ дер. Кошки.

Милостивый государь мой графъ Михаилъ Семеновичъ!

Его Императорское Величество, по предъявленію моему, въ воздаяніе отличной храбрости оказанной вашимъ сіятельствомъ въ сраженіяхъ при разбитіи Персидскихъ войскъ и овладѣніи ихъ лагеремъ въ 30-й день Іюня и при занятіи Ериванскаго предмѣстія 2-го Іюля, всѐмилостивѣйше пожаловать соизволилъ вашему сіятельству орденъ святаго великомученика и побѣдоносца Георгія 4-го класса, который при особомъ высочайшемъ на имя ваше рескриптѣ при семъ препровождая съ тѣмъ, чтобъ вы носили оной по установленію, съ сею высокомонаршею щедротою поздравляю душевно и остаюсь въ полной увѣренности, что оная послужитъ въ вящшему усугубленію вашего къ службѣ Его Императорскаго Величества усердія.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть милостивый государь мой вашего сіятельства «покорный слуга кн. П. Циціановъ».

Его сія-ву лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка г-ну капитану графу Воронцову.
№ 2038.
Декабря 9 дня 1804 года.
Въ Осетіи, дер. Кошки.

10.

Le ci-joint projet d'un ordre qui vous sera adressé, mon cher comte, vous faira voir mes dessins à votre sujet, et c'est à vous de m'en dire votre façon de penser, étant pleinement convaincu de l'intérêt que je prends à votre bien-être. Tout à vous P. Tzi.

Ce 19 x-bre 1804, samedy matin.

11.

Получ. 2 Февраля 1805 въ Ананурѣ.

Милостивый государь мой графъ Михаилъ Семеновичъ!

Его Императорское Величество, по всеподданѣйшему представленію моему, въ воздаяніе отличной храбрости оказанной вашимъ сіятельствомъ въ сраженіи съ Чарцами 1 и 15 числъ Генваря минувшаго года, всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ вашему сіятельству орденъ св. Владимира 4-й степени съ бантомъ, которой при особомъ высочайшемъ на имя ваше рескриптѣ при семъ препровождая съ тѣмъ, чтобъ вы носили оной по установленію, съ сею высокомонаршею щедротою душевно поздравляю ваше сіятельство и остаюсь въ полной увѣренности, что оная послужитъ къ вящшему усугубленію вашего къ службѣ Его Императорскаго Величества усердія.

Съ истиннымъ почтеніемъ и такою же преданностію имѣю честь бытѣ милостивый государь мой вашего сіятельства «покорный слуга кн. Пав. Циціановъ».

№ 341.
Тифлисъ, Февраля 1-го 1805 года.
Его сія-ву лейбъ-гвар. Преоб. полку
г. капит. и кавалеру гр. Мих. Сем. Воронцову.

12.

Тифлисъ, 1805. 1 Февр. вечеру въ 9 часовъ.

Хотя ты, любезной мой графъ Михаилъ Семеновичъ, и молчалъ, да я внутренно самъ себѣ говорилъ, что за Чарское дѣло къ 1-му Генварю я у тебя въ долгу. Не говорилъ языкомъ, чтобъ не оскорбить. Теперь мое безпокойство кончилось, и вотъ св. Влад. съ бантомъ меня сквиталъ съ вашимъ сіятельствомъ. Отъ души и сердца поздравляю. Дай Богъ, чтобъ все продолженіе твоего служенія, любезный мой, походило на начало здѣсь сдѣланное. Приготовляйся однакоже и на нужное равнодушіе, когда за храброй подвигъ не подвинутъ: все въ свѣтѣ случается, и въ военной службѣ часто такія досады встрѣчаются.

Я обѣдалъ у Гуляковой со всѣми тремя. Княжна только въ бѣлокуромъ парикѣ, видно чая твоего прибытія на обѣдъ, какъ звѣзда среди черныхъ тучъ. Прости. Не буду покоенъ о твоемъ путешествіи, доколѣ не получу твоего письма изъ Моздока, а если можно и изъ Владикавказа.

Вотъ еще и новости вамъ сообщаю для утѣшенія отъ дороги.

Пожалованы въ Новый годъ:

Въ дѣйствительные тайные совѣтники графъ Головкинъ (оберъ-церемоніймейстеръ). Даны Александ-

ровскія ленты: оберъ-егермейстеру Нарышкину, казначею Голубцову и товарищу министра просвѣщенія Муравьеву; самому министру знаки орденскіе брилліантовые.

Въ камеръ - юнкеры: Крузъ, Ланской, Байковъ, Салтыковъ, князь Гагаринъ и князь Яблоновскій.

Въ Совѣтъ посажены членами: графъ Румянцовъ (Сергѣй Петровичъ), князь Чарторижскій и Чичаговъ.

Сверхъ того Растопчинъ пишетъ, что получилъ изъ Москвы слѣдующее:

Гр. Николай Зубовъ отставленъ, на мѣсто его кн. Димитрій Петровичъ Волконскій; на мѣсто сего Долгорукій.

Свѣчинъ въ артилерійскомъ корпусѣ директоромъ, а на мѣсто его Комаровскій графъ.

13.

Получ. 26 Марта въ Москвѣ.

28 Февр. 1805. Тифлисъ.

По отъѣздѣ твоемъ, любезной мой графъ Михаилъ Семеновичъ, письмо изъ Екатеринограда отъ тебя получилъ, и по письму батиньки о твоихъ людяхъ ты 16 сего мѣсяца могъ выѣхать. Теперь же съ неописаннымъ нетерпѣніемъ жду твоего письма изъ Москвы. И вотъ къ тебѣ изъ Петербурга присланное. Я думаю, такъ какъ ты не предварилъ о своемъ отъѣздѣ, многіе еще прокатятся сюда и посмотрятъ на Тифлисъ. Между тѣмъ, ласкаясь, что ты писать ко мнѣ будешь, надѣюсь, что письма твои будутъ пространныя и заключающія въ себѣ всѣ подробности до тебя касающіяся. Ты мнѣ напишешь также, буде можешь узнать, скоро ли думаютъ меня отпустить, и скоро ли я могу одѣться во фракъ съ запасомъ. Прошу меня привести на память дядюшкѣ твоему, буде сіе письмо въ Москвѣ тебя застанетъ. Жду длиннаго письма; однако чтобъ ни на верху *сіятельнаго князя*, ни гдѣ отставки не было: я хочу дружескихъ писемъ, буде стòю, а не чиновныхъ, которыя мнѣ надоѣли, какъ самъ видѣлъ. Жду извѣщенія, какъ принятъ въ обѣихъ столицахъ. — Козловскій опять на меня сердится за твой Владимирскій крестъ и не ходитъ. Прости, Богъ съ тобой. А я весь твой князь П. Циціановъ.

Видишь, какъ мѣщусь, чтобъ на другую страницу не перейти. Ты былъ свидѣтель, какъ почтовые дни мнѣ тяжелы числомъ писемъ. Прости еще.

14.

Получ. 17 Мая 1805 въ Петербургѣ.

Тифлисъ 1805. 2 Апрѣля.

Считая, что вы, любезной графъ Михаилъ Семеновичъ, уже въ Петербургѣ, надписываю нынѣшнее мое письмо туда и много сожалѣю, что долженъ начать его печальнымъ происшествіемъ, которое и васъ всеконечно чувствительно тронетъ. Кн. Д. Д. Енакадзевъ *) по 12 дневной горячкѣ умеръ почти на моихъ рукахъ.

Зная, сколько вы его любили, долженъ всю исторію послѣднихъ дней его сказать. Гдѣ простудился, не знаю. Знаю только то, что славной вашъ Сергѣевъ въ три дни лѣченія довелъ больнаго до того, что голова распухла. Тутъ мнѣ сказалъ Фалкенштейнъ, за которымъ онъ прислалъ. Я навѣщать его сталъ. Черезъ 3 дня курносой поставилъ его въ лучшее состояніе, и опухоль головы прошла; да другое несчастіе его ожидало: у него въ 8 часовъ утра заперся уринальный каналъ. Фалкенштейнъ въ 5 часовъ пополудни нашелъ мерзкой полковой катедръ; поставить не было средства отъ уродливой толщины онаго. Спрашивалъ доктора. Тотъ ему сказалъ, «что у князя были катедры, да онъ

---

*) Не ручаемся, вѣрно ли здѣсь и ниже (стр. 25 и 28) прочитано это собственное имя. П. Б.

услалъ въ Москву!» Курносой не спросилъ меня. Однимъ словомъ сказать, въ 11 часовъ вечера пришелъ сказывать, что другаго средства нѣтъ, какъ трокаремъ сдѣлать операцію въ паху. Я спрашивалъ, для чего. Онъ отвѣчаетъ, что моча остановилась. Я говорю: Для чего у меня не спросили? У меня есть эластическіе катедры. Онъ отвѣчалъ, что докторъ ему сказалъ, что я ихъ услалъ. Кончилось, что онъ взялъ мои и туже минуту отворилъ ими путь мочѣ; но поздно было: 14 часовъ удержанная моча раздула пузырь, которой, поднявшись къ верху, воспалилъ діафрагму, и икота уже началась прежде операціи (чѣмъ онъ и умеръ). На другой день онъ со мной, какъ здоровой, говорилъ и разсказывалъ, какъ мой инструментъ его спасъ. На третій день икота уменьшилась, и большую надежду подавалъ, такъ что за четыре часа до смерти я былъ у него и говорилъ съ нимъ. Со всѣмъ тѣмъ икота продолжавшаяся уморила его.

Вы не можете представить, какъ я былъ тронутъ, видя оставшуюся жену съ сыномъ, которой до сихъ поръ бѣдняжка думаетъ, что отецъ его въ Петербургъ поѣхалъ. Поведеніе его и вѣтренность меня еще больше трогали, потому что я не могъ по онымъ сдѣлать его счастіе, привыкши въ моемъ домѣ его видѣть такъ велика какъ Петрушу. Чтò дѣлать? Видно, Богу такъ угодно было. Чтò всего болѣе жаль, такъ то, что онъ о причастіи слышать не хотѣлъ и умеръ не такъ, какъ христіанинъ, если и былъ такимъ. Долговъ тьму оставилъ. Я просилъ Государя обратить его жалованье 750 р. женѣ въ пенсіонъ и на оплату долговъ дать 4000 р. Не знаю, будетъ ли удача. Неужто эта бѣдная вдова, потерявшая въ службѣ

Его Величества отца, брата и мужа, не удостоится щедроты его, когда онъ доселѣ мнѣ не отказывалъ? Буде можете, помочь не откажите.

Нетерпѣливо жду изъ Москвы и изъ Петербурга отъ васъ писемъ, тѣмъ паче, что изъ Георгіевска приставъ Тихобраге 18-го выѣхалъ. Я надѣюсь, что вы мнѣ напишите все подробно и во всей откровенности, по пріѣздѣ въ Петербургъ наипаче. Этого только прошу во мзду моей къ вамъ привязанности.

О смерти покойнаго князя Енакадзева, то есть о подробностяхъ его приключенія, разскажите Семену Михайловичу [1], буде вы съ нимъ видаетесь. Сердце обливается кровью, и не могу болѣе повторять. Слезы писать мѣшаютъ.

Скажи, графъ, сколько завистливыхъ тебя встрѣтятъ. Здѣсь Козловскій только что не треснулъ. Онъ живетъ въ Мцхетѣ. Государь изволитъ всѣмъ безпутнымъ шефамъ дѣлать милость, сдавая за нихъ полки.

Кажется, довольно пописалъ [2]... Служивой пострѣлянъ, мнѣ еще капитаномъ знакомъ. Каковъ-то будетъ генераломъ? Гурьевъ больше на Павлову руку. Князь Вяземской не знаю что будетъ, а желалъ бы чтобъ удался, по связи моей съ его зятемъ г. Л. К. Разумовскимъ, хотя, какъ знаешь, это на линейку не прибавитъ въ глазахъ моихъ его достоинства. Прости, заговорился. Вѣрь искренности моихъ чувствованій, какъ всегда безъ примѣси эгоизма. Весь вашъ душевно князь П. Циціановъ.

---

[1]) Вѣроятно князю Давыдову, родному дядѣ (по сестрѣ своей) князя Циціанова. П. Б.

[2]) Одного собственнаго имени разобрать не можемъ. П. Б.

15.

Елисаветполь, 17 Іюня 1805.

Не бывъ никогда эгоистомъ и любя искренно и явно, считаю тебя, любезной мой графъ, мнѣ принадлежащимъ по сердцу, и потому пѣняю, что, при отъѣздѣ своемъ изъ Москвы, ты ко мнѣ не написалъ, приказавъ чрезъ зятя кланяться. Лихорадка твоя меня весьма безпокоила, и я ждалъ нетерпѣливо о выздоровленіи увѣдомленія *). Мой тебѣ совѣтъ, любезной графъ, по обыкновенію своему на вишни не нападать непріятельски хотя одинъ годъ; супу же хотя по три тарелки, а не по двѣ кушать на здоровье.

Я здѣсь; а шаховъ сынъ, и тотъ же, у Аракса, говорятъ. Ты, я чаю, узнаешь о всѣхъ обстоятельствахъ отъ кн. Чарторыжскаго. Нынѣшнее лѣто еще хуже. Они лѣзутъ на два пункта, а у меня болѣе тысячи человѣкъ нечего поставить, да въ Бомбакахъ у Несвѣтаева столько же. Богъ одинъ у меня помощникъ, какъ ты знаешь короче всѣхъ. Полки не уком-

*) Пріѣхавъ съ Кавказа въ Москву, князь Воронцовъ такъ сильно заболѣлъ, что нѣкоторое время не могъ даже собраться къ дядѣ своему въ его Владимирское помѣстье. 5-го Апрѣля 1805 онъ еще былъ въ Москвѣ (см. 39-е письмо гр. Растопчина въ сборникѣ „Девятнадцатый Вѣкъ"; отъ 5 Мая онъ пишетъ: „Воронцовъ выздоровѣлъ и повезенъ въ Андреевское къ дядѣ"). П. Б.

плектованы; многіе безъ лошадей. Авось не сломятъ отъ воротъ Адербежанскихъ (то есть Карабагъ), которые мы захватили.

Пиши, пожалуста, почаще. Вѣдь ваше сіятельство писать не лѣнивы. Пожалуста, поискреннѣе описывай, какъ меня полощутъ и когда Козловской [1]) пріѣдетъ, которой, не смотря на хорошее наше разстаніе, говорятъ, на линіи не оставилъ блѣять, какъ бѣшеной козелъ. Богъ съ нимъ! Я на него не сержусь. Это его пища, а мое презрѣніе и сожалѣніе о немъ же самомъ. Пожалуста, всѣ новости пиши и узнай, коли можешь, отпустятъ ли меня домой. Ей Богу пора! Виноватъ ли я, что меня некѣмъ смѣнить?

Для чего ты о моихъ племянницахъ ни слова не написалъ? Прости, а мнѣ писали изъ Москвы, что будто ваше сіятельство намѣрены жениться на какой-то графинѣ Орловой. Такъ развѣ на дочери графа Ив. Григ.? [2]) Буди Божіе благословеніе надъ тобою! Посмотри, чтобъ мой князь Егоръ не закурилъ, для Бога, и напиши, какъ онъ себя ведетъ.

Буде будетъ война, не оставайся, пожалуй, при своей ротѣ и при «на правѣ на лѣвѣ» ступай къ Ласію. Это хорошій генералъ. Не знаю, какъ при командованіи арміею будетъ. Подробности, я чаю, не его дѣло. Впрочемъ тактикъ и хорошій человѣкъ. Я

---

[1]) Объ этомъ Козловскомъ (который если не ошибаемся замѣшанъ въ событіи 12 Марта 1801, позднѣе тесть А. О. Дюгамеля), будетъ рѣчь ниже. Графъ Ростопчинъ пишетъ про него князю Циціанову: „Я его какъ душу люблю, не зная совсѣмъ въ глаза". П. Б.

[2]) Кн. Циціановъ хотѣлъ сказать: Алексѣя Григорьевича. У графа Ивана Григорьевича Орлова дѣтей не было. П. Б.

его ген.-маіоромъ знавалъ и полковникомъ. Напиши, какъ тебѣ гарнизонная служба кажется послѣ сраженіевъ и движеніевъ войскъ противъ непріятеля, хотя здѣшнія на правильныя не походили.

Я думаю, въ Петербургѣ найдете мое письмо о смерти покойнаго князя Енакадзева. Прости. Увижу, будешь ли писать и чтобъ ни ваше сіятельство, ни милостивой государь мой не было; а если привязанность къ обычаю отъ послѣдняго отвлечь не можетъ, то по крайней мѣрѣ въ одной шеренгѣ со всѣмъ штатомъ, а не на ведетѣ. Прости. Богъ съ тобой, такъ какъ здоровье и удовольствіе чтобъ съ тобой не разлучались: вотъ мое желаніе.

Старому товарищу Ѳед. Ив. Енгелю припомни обо мнѣ и скажи, чтобъ онъ иногда обо мнѣ въ молитвахъ упомянулъ, буде приписать не захочетъ двухъ строкъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ Д. В. АРСЕНЬЕВА

къ

КНЯЗЮ М. С. ВОРОНЦОВУ

Полковникъ Дмитрій Васильевичъ Арсеньевъ, командовавшій батальономъ Преображенскаго полка, былъ сынъ генералъ-маіора Василья Дмитріевича, извѣстнаго своею дѣятельностью въ 1812 году, когда онъ былъ губернскимъ предводителемъ Московскаго дворянства. Д. В. Арсеньеву предстояла блестящая будущность. Къ несчастью, горячность души погубила его: онъ былъ убитъ на поединкѣ графомъ Хрептовичемъ, 3-го Декабря 1807 года. Общій другъ его и князя Воронцова, С. Н. Маринъ (письма котораго помѣщены въ XXXV-й книгѣ сего изданія) сочинилъ на его кончину двустишіе:

Ты душу грѣшную, о Боже, ублажи
И горести ея за гробъ не продолжи!

Въ Архивѣ князя Воронцова сохранился цѣлый рядъ писемъ его, изъ которыхъ помѣщаемъ нѣкоторыя. Очевидно, что Арсеньевъ, подобно Марину, принадлежалъ къ числу самыхъ искренныхъ пріятелей молодаго князя Воронцова. П. Б.

Изъ писемъ Д. В. Арсеньева къ князю М. С. Воронцову.

I.

Получ. 20 Октября 1803. De St.-Pétersbourg, le 17 de septembre.

...Je ne me croyais jamais capable d'un attachement que vous m'avez fait avoir pour vous, et j'étais bien loin de songer à la peine que j'ai eue de vous voir partir. Il m'est arrivé plus d'une fois de me séparer des gens qui ne m'étaient pas indifférents, mais je vous avoue que jamais de quitter un homme de votre espèce, un homme qui soit aussi capable de faire une impression ineffaçable.

Pour tant, de peur de vous faire réciter:

Достойной похвалы невѣжда не умалитъ;
А то не похвала, когда невѣжда хвалитъ,

je veux bien vous parler des manoeuvres. L'Empereur en fut enchanté, et tous les spectateurs disent qu'elles ne pourraient pas être mieux exécutées; on trouve pourtant à critiquer la disposition. Aussi la récompense fut généreuse. Il faut que vous sachiez qu'il y avait des cordons de donnés, dont l'un fut destiné au comte Tolstoy, qui l'a refusé le trouvant trop au-dessus du service qu'il a pu rendre aux manoeuvres, et n'a accepté qn'une boïte avec le chiffre. Tout le monde trouve cette conduite admirable, et je crois que cela mérite

votre approbation*). J'ai reçu une bague avec le chiffre.

Votre tante et m-r Narychkine sont meilleurs que jamais, et vous le jugerez d'après ce que je vais vous dire. Étant en voiture à nous trois, il était question de leur voyage en Italie, qui est presque sûr. Александръ Львовичъ a eu la politesse de me faire entendre que ce voyage leur serait plus agréable si j'y pouvais les accompagner. Je fus bien plus flatté d'entendre votre tante me faire les mêmes propositions, et la bonne grâce qu'ils y ont mise m'a fait voir leur bonté à mon égard. Je les ai assuré que je ne manquerai pas de faire toutes les démarches pour obtenir un semestre d'un an, et effectivement l'idée de voyager aussi agréablement me tourne la tête, de même que l'impossibilité de jamais être en Italie m'oblige à ne pas laisser échapper cette favorable occasion. Cher ami, si je vous en fais part, c'est pour savoir ce que vous pensez là-dessus; aussi je vous prie d'avoir la franchise due à un homme dévoué et qui demande le jugement d'un autre, ne se posant pas trop sur le sien.

Il vous est certainement arrivé de voir chez nous un officier de chasseurs qui s'appelle Ртищевъ, une grosse physionomie, et voilà ce qui lui est arrivé. Le lendemain de notre retour des manoeuvres, nous sommes allés avec le comte Tolstoy chez le Grand-

---

*) Подобные случаи очень рѣдки. Мы знаемъ еще только два: князь П. А. Вяземскій въ 1821 году просилъ снять съ него званіе камеръ-юнкера, а въ 1861 году Ю. Ѳ. Самаринъ отказался отъ Владимирскаго креста за участіе въ работахъ по отмѣнѣ крѣпостнаго права. П. Б.

duc pour lui faire notre cour. La cérémonie faite, chacun s'en alla. Ртищевъ était à attendre sa voiture et malheureusement eut le chapeau sur la tête. Descend en même temps Winzelroth et lui reproche l'impolitese d'être en chapeau. Ртищевъ, croyant que Monseigneur le suivait, le cherche des yeux et, ne l'appercevant pas, demande à Winzelroth, pour qui est ce qu'il l'oblige d'avoir chapeau bas. Winzelroth, avec une fierté et une suffisance digne d'un Prussien, lui fait sentir que son rang exigeait plus d'égards d'un officier, et quoique Ртищевъ ôta son chapeau en le priant de l'excuser, Winzelroth lui a dit que les officiers sont des impolis, qu'il ne manquera pas de faire les plaintes à l'Empereur et, voyant le Grand-duc se mettre en voiture, il lui demande une place disant qu'il avait quelque chose à lui communiquer. Les choses restèrent là, et tout le monde croyait qu'il n'avait fait ces menaces que pour lui faire peur. Mais quelle fut notre surprise, lorsque nous apprîmes le приказъ en terme suivant: que le capitaine Ртищевъ, pour son insolence et comme indigne de servir dans les gardes, est mis au 20-me régiment de chasseurs (qui est à Olonetz). Vous pouvez juger, cher ami, d'après vos sentiments, combien une nouvelle de cette espèce pouvait nous être désagréable, et nos supérieurs ne manqueraient certainement pas d'aller implorer son pardon, si le Granduc ne leur avait dit que celui qui irait demander sa grâce ferait une offense à sa personne. Vous pouvez clairement voir de quelle manière cette histoire fut racontée à l'Empereur pour obliger sa bonté de céder au devoir de punir le coupable.

J'oublie de vous dire que je joins à ma lettre votre passeport. Vous ne doutez pas que j'aurais mieux ai-

mé vous envoyer un ordre de retourner qu'un triste papier qui facilite votre éloignement.

Adieu, mon ami. Amusez vous et sacrifiez tout hormis l'honneur pour conserver votre santé.

Je viens d'apprendre dans le moment que Ртищевъ avait assez de présence d'esprit pour dire à Winzelroth que les officiers russes ne cherchaient le service nulle part, et voilà on dit ce qui l'a mis en fureur. Dolgorouky lui a dit qu'il était fâché pour lui, car cette histoire lui attirera la haine du public, et on dit que Winzelroth ne se montre nulle part.

2.

Пол. 3 Дек. De St.-Pétersbourg, l'an 1803 du 27 d'octobre.

Je ne puis m'empêcher de vous faire la déscription du bal de votre cousine, le jour de sa naissance... Si la maison ne pouvait pas renfermer beaucoup de monde, du moins il y avait assez de place pour les personnes qui ont été de coeur et d'âme pour danser, excepté monsieur Шепингъ, qui a paru être triste. Les danses ne cessaient que lorsqu'on faisait chanter les Italiens, qui paraissent avoir des meilleurs voix et une méthode aussi jolie que ce jour fut extraordinaire. Votre cousine n'avait pas besoin d'engager tout le monde à danser: on se faisait une devoir de l'imiter, et le plasir qu'on y goûtait dédommageait de la fatigue. Le Bijou *), étant aussi présentable que possible, a fait servir le souper magnifiquement; on ne manquait de rien; au contraire, tout le monde également avait conscience d'occuper votre cousine de cette manière-là. Elle n'oublia personne, et la grâce et l'aisance avec laquelle elle faisait les honneurs lui donneraient de nouveaux charmes, si elle avait à en gagner. Après que tous se furent en allée, nous sommes restés prendre le thé, et le lendemain nous étions curieux de savoir comment Маша se portait. Je crois vous avoir

*) Прозвище князя Аркадія Александровича Суворова. Онъ былъ мужемъ хозяйки бала. Маша—малолѣтняя ихъ дочь. П. Б.

mé vous envoyer un ordre de retourner qu'un triste papier qui facilite votre éloignement.

Adieu, mon ami. Amusez vous et sacrifiez tout hormis l'honneur pour conserver votre santé.

Je viens d'apprendre dans le moment que Ртищевъ avait assez de présence d'esprit pour dire à Winzelroth que les officiers russes ne cherchaient le service nulle part, et voilà on dit ce qui l'a mis en fureur. Dolgorouky lui a dit qu'il était fâché pour lui, car cette histoire lui attirera la haine du public, et on dit que Winzelroth ne se montre nulle part.

2.

Пол. 3 Дек. De St.-Pétersbourg, l'an 1803 du 27 d'octobre.

Je ne puis m'empêcher de vous faire la déscription du bal de votre cousine, le jour de sa naissance... Si la maison ne pouvait pas renfermer beaucoup de monde, du moins il y avait assez de place pour les personnes qui ont été de coeur et d'âme pour danser, excepté monsieur Шепингъ, qui a paru être triste. Les danses ne cessaient que lorsqu'on faisait chanter les Italiens, qui paraissent avoir des meilleurs voix et une méthode aussi jolie que ce jour fut extraordinaire. Votre cousine n'avait pas besoin d'engager tout le monde à danser: on se faisait une devoir de l'imiter, et le plasir qu'on y goûtait dédommageait de la fatigue. Le Bijou *), étant aussi présentable que possible, a fait servir le souper magnifiquement; on ne manquait de rien; au contraire, tout le monde également avait conscience d'occuper votre cousine de cette manière-là. Elle n'oublia personne, et la grâce et l'aisance avec laquelle elle faisait les honneurs lui donneraient de nouveaux charmes, si elle avait à en gagner. Après que tous se furent en allée, nous sommes restés prendre le thé, et le lendemain nous étions curieux de savoir comment Маша se portait. Je crois vous avoir

*) Прозвище князя Аркадія Александровича Суворова. Онъ былъ мужемъ хозяйки бала. Маша—малолѣтняя ихъ дочь. П. Б.

donné une idée de ce bal, quoique je vois moi-même qu'il perd à être décrit par un homme aussi peu éloquent que moi. J'aurais certainement mieux fait si, au lieu de vous dire tout cela, je vous avais dit que nul ne fut plus animé et nul ne méritait votre présence autant que celui-là; je me suis dit maintes fois que Woronzow nous manquait et apparémment je me serais reproché de m'amuser à ce point, si je n'avais pas constamment pensé à vous et si j'avais en vue autre chose que le désir de partager avec vous mes plaisirs.

J'ai dîné aujourd'hui chez Gagarine, qui m'a prié de le rappeler à votre souvenir et qui paraît vous aimer beaucoup. A propos, il faut que je vous dise qu' il était question de vous chez les Tolstoy. On a commencé à parler des jeunes gens, et lorsqu'il il s'agissait d'un jeune homme accompli, alors on vous a cité pour exemple, et tous ceux qui s'y sont trouvés ont dit chacun un mot à votre éloge; pour conclusion la comtesse et le comte ont déclaré qu'ayant des enfants à élever ils sont capables d'aller demander au comte votre père comment est-ce qu'il s'est pris pour vous faire avoir tant de mérites avec autant de modestie.

...L'autre jour nous avons été déjeuner à la campagne *), moi, Narychkine et Constantinow. Que de choses cela m'a rappellé: m-me, m-r, toutes les campagnes et principalement le passage périlleux m'ont fait penser à vous d'une manière tout-á-fait particu-

---

*) Дача Нарышкина по Петербургской дорогѣ. П. Б.

lière; il me paraît que ce n'est que la honte qui m'a empêché de pleurer. En y arrivant, j'ai parcouru le jardin; les chemins, les divers endroits m'ont fait regretter un temps qui ne saurait se répéter. Mais c'était bien peu de choses en comparaison du sentiment que j'ai éprouvé en entrant dans les appartements: le petit clavecin et la chambre où il est m'a fait sentir l'inexprimable. Le souvenir fut agréable et pénible en même temps; tous les évenemens se présentèrent à moi l'un après l'autre, et tous m'agitèrent d'une manière extraordinaire. J'ai bien regretté de n'avoir pas été seul pour pouvoir me livrer sans gêne à mes réflexions; aussi je me propose d'y aller un jour et absolument seul. J'étais bien fâché entre autres de ne plus trouver le bâton qui nous servait d'armes contre les loups à notre dernière promenade, et content en même temps d'avoir apperçu le Горе Богатырь. Je m'en suis emparé, et vous ne me saurez pas mauvais gré de l'avoir pris.

Entre les bruits de la ville il y a celui de la guerre; depuis quelque temps on en parle avec une certaine certitude, et il paraît être avec un fondement: car l' oukaze de deux recrues de 500 paysans à été manifesté. J'aurais voulu que la chose y soit: peut-être cela nous fera faire une campagne ensemble!

3.

Пол. 24 Генв. 1804. St.-Pétersbourg, l'an 1803 du 23 du novembre.

...Nous n'étions pas inquiets sur l'article de votre santé: nous en avons eu des nouvelles par les lettres de votre Benkendorff, qui, étant avec vous, trouva, je ne sais par quel miracle, le moyen d'instruire ses parents de tout ce qui lui est arrivé.

Il y a dix jours de cela que votre Аѳанасій est venu me dire: «у насъ несчастье случилось». Effrayé par ces paroles, de même que par la physionomie sinistre qu'il avait, j'ai d'abord cru qu'on avait des mauvaises nouvelles de chez-vous. Lui, ayant remarqué mon trouble, se dépêcha à me tirer de l'erreur, en me disant aussi vite qu'il pouvait, que vous vous portez bien et qu'il ne s'agissait pas de vous, mais c'est votre chien qui c'est perdu. Mon premier mot fut: «слава Богу, какъ ты меня испугалъ». Mais un moment après je fus au désespoir de cette aventure et je ne savais par quoi commencer, serait-ce par gronder Аѳанасій ou par mettre tout le monde sur pieds pour retrouver Pigeon. Pourtant, j'ai abandonné le projet de faire de la peine à un homme qui paraissait être consterné sans cela et j'ai embrassé l'utile. Je l'ai envoyé dire à tous les boutochniks que, si on m'amenait ce chien, on aurait une récompense, et moi-même je suis allé chez Gertel *), qui m'a servi de son mieux: il a fait

*) Петербургскій оберъ-полицмейстеръ Эртель. П. Б.

écrire une объявленіе et ordonna à ses officiers de faire leur possible pour le retrouver. Après trois jours on est venu me dire que le chien est ramené à la police et que je n'avais qu'à y envoyer pour le prendre. Ипатка a été nommé pour cette expédition avec ordre de le rendre ensuite à Аѳанасій; en même temps j'ai récompensé généreusement celui qui est venu m'annoncer cette nouvelle et j'ai fait donner cinq roubles à celui qui l'a retrouvé. Mais tout cela ne fut qu'un songe: Ипатка, après trois heures d'absence, est venu me dire que ce chien n'est pas Pigeon, quoiqu'il lui ressemble au point qu' Аѳанасій l'appelle par son nom pour être convancu que ce n'est pas le vôtre, et après l'avoir bien examiné, tous les gens de votre maison prononcèrent que ce n'est pas Pigeon, et Ипатка très capot le ramena à la police.

Nos amusements sont parfaitement ordinaires, quoique la princesse Kourakine s'est plaît à étonner le monde, et d'une bonne manière. Elle a joué l'opéra comique; elle—la Pupille, St. Léon l'Amant (faisant en attendant le réel) et Claparède le Tuteur; cette pièce était précédée par le Chanoine de Milan, où Шаховской fit le rôle du Chanoine. Il y avait plus de ceux cents personnes d'invitées, quoique de notre société il n'y avait que les deux Naryschkine. Sur ouï-dire je me propose de vous en faire le récit. Ce spectacle était dans la maison du commandeur . . . . *) de sorte qu'il y avait deux hôtes, et par conséquent du monde invité de la part et d'autre. Les jeunes princesses jouèrent dans le Chanoine, Olrich faisait le Sans-quartier, Rindal le Général et St. Léon Firmin. La chronique scan-

*) Одного слова не разобрать. П. Б.

daleuse passe la comédie sous silence. Quoique on a dit que la société de la princesse a mise en scène une comédie qui est tombée à Paris même à cause de son indécence; mais vous, qui connaissez beaucoup cette pièce, vous pouvez voir que ceci a été dit pour l'unique plaisir de médire. Mais l'opéra à son tour a fourni bien de sujets pour la plaisanterie: on a trouvé que la princesse Kourakine [1]) a parfaitement bien joué, quoiqu'elle a mis beaucoup de décence dans son rôle, mais que Claparède a donné dans le contre-sens en lui parlant comme à une personne innocente. Au reste, il serait difficile que je vous reportasse tout ce qui a été dit sur son compte: vous êtes vous même dans le cas de vous représenter cette pupille intéressante. Je me bornerai à vous dire le contenu de l'affiche, qui a paru le lendemain de ce spectacle et qui tomba entre les mains de la princesse; il est dit: «on donne dans la maison du ministre de Portugal une représentation de l'opèra très comique, opéra très connue, mais mise en scène pour la première fois, dans lequel la princesse K., formée successivement par tous les acteurs de la capitale, fait l'Amoureuse, St. Léon son Amant et Claparède le Tuteur, emploi très peu signifiant» [2]). L'auteur de cette méchanceté reste inconnu.

---

[1]) Княгиня Наталья Ивановна Куракина, ур. Головина (тетка графа С. С. Уварова), въ молодости поклонница Дидерота и до кончины окруженная иноземцами. Жила она въ бывшемъ дворцѣ императрицы Елисаветы Петровны на Невскомъ, между Полицейскимъ мостомъ и Большою Морскою (нынѣ домъ Елисѣева). П. Б.

[2]) En attendant la première représentation de la Coquette Corrigée, suivie des Précieuses Ridicules.

4.

Получ. 24 Дек. 1804. De St.-Pétersbourg, ce 16 décembre

Vous savez que m-r Narychkine *) a dérangé les affaires de le direction, et les différentes dettes qu'il a faites demandaient une réforme à l'état de la direction et, plus encore, de l'ordre pour ne pas en faire de nouvelles et de plus considérables. Il a présenté à l'Empereur qu'il n'a pas suffisement de l'argent pour entretenir tout le monde et pour contenter le public, en lui procurant de nouveaux sujets supérieurs aux anciens. l'Empereur fit nommer un comité, dont Wassiliew, Gouriew et lui furent les membres. pour examiner les comptes et pour faire un nouvel état. Comme ce comité a été nommé contre le gré de m-r N., de sorte qu'il ne douta pas de ne plus se trouver directeur après qu'on aurait vu le désordre de ses affaires et, pour n'avoir pas la honte d' être congédié, il fit passer le bruit que la direction l'ennuyait et qu'il n'aspire qu' aller aux pays étrangers après avoir obtenu son congé; en un mot, qu'il était las de la cour et que rien ne saurait le déterminer à renoncer au projet du voyage. On ne parlait que voyage dans la maison; tous les jours on en faisait des préparatifs, et il ne manquait plus que de faire atteler les chevaux pour quitter Pétersbourg. Et c'est alors, mon bon ami, que je fus pris. J'étais déjà au point d'en demander permis-

*) Александръ Львовичъ, мужъ родной тетки князя Воронцова, Марьи Алексѣевны (ур. Сенявиной). П. Б.

sion et de ne plus en faire mystère, lorsqu'un soir arrive m-r Narychkine joyeux, content, comme je ne l'avais vu depuis longtemps. A peine fut-il entré dans la chambre qu'il déclara que l'Empereur a signé le докладъ du comité, que toutes les dettes sont payées et qu'en un mot la direction est mise sur un pied à pouvoir se soutenir sans peine et avec beaucoup d'avantages. Moi je frottais des mains comme les autres, croyant que notre voyage n'est devenu que plus sûr; mais je n'étais pas longtemps dans cette erreur: Александръ Львовичъ m'a pris à l'écart et me détailla les bontés de l'Empereur à son égard, en me disant qu'il ne se représentait jamais que les affaires ayent pu prendre une aussi bonne tournure. Bref, je conclus de tout cela que les projets du voyage ne pouvaient être exécutés qu'en cas qu'il fût congédié contre son gré, et effectivement depuis ce temps-la il n'est plus question du voyage, tout comme si on n'en avait jamais parlé. Au contraire, il n'a dans la bouche que la direction et les bontés impériales. Un jour, mon bon ami, nous ferons le voyage ensemble, et je vous accompagnerai si non en qualité du compagnon, du moins en celle de secrétaire.

Pigeon s'est retrouvé et vous fait ses compliments en me chargeant de vous dire qu'il pouvait bien s'absenter pour quelques intrigues amoureuses, mais qu'il n'est jamais capable de vous abandonner et qu'on ne s'attache à vous que pour la vie. Ne faites pas de reproches à Аѳанасій: il a en eu assez d'inquiétudes sans cela. Cet accident l'apprendra le mieux garder.

Votre cousin Tatischew est décoré de S-t Wolodimer de la seconde classe, et son frère est fait cham-

bellan. Le nouveau commandant Башуцкой, étant à l'Hermitage, lorsque l'orchestre jouait piano, regrettait de n'avoir pas les musiciens sous ses ordres. Voyez-donc, disait-il, comme ils sont paresseux ces gens! A peine ou les entend. Ah! Ils appuyeraient autrement leurs archets s'ils étaient à moi.—Чертовъ a su que, pour être du bon ton, il fallait avoir une bibliothèque. D'abord il achète des livres par-ci, par-la, et lorsqu'il en avait une certaine quantité, il se mit à en faire le catalogue. Il tombe sur l'Histoire Universelle par Millot et se trouve en peine d'en connaître l'auteur. Il demande à Maslow, qui s'est trouvé là, s'il ne savait pas qui a écrit l'Histoire de Millot...—Mais c'est Millot.—Eh non! Je vois que vous ne savez pas non plus: comment voulez vous qu'il écrive son histoire lui-même? Le jeune homme voulait à toute force que cela soit l'histoire de la vie de Millot, quoique il voyait l'adjectif *universelle*.

5.

Получ. 21 Апрѣля 1804 въ Вахапѣ. De St.-Pétersbourg, du 21 de févricr.

Le prince Dolgorouky, conformement à ses désirs, est nommé inspecteur à Lithuanie sous Benigson, et Jeannot Narychkine est fait son aide-de-camp. Votre oncle a quitté Pétersbourg, et on attend votre père au mois de mai. Колычовъ doit être nommé à sa place (c'est un secret), et Boudberg à Paris. Voilà les nouvelles qui paraissent occuper davantage notre public.

Vous dirai-je quelque chose du théâtre? Hier on a donné pour la première fois Idalide pour la rentrée

de m-me Magiorletty, et le spectacle a eu un très grand succés, soit par la musique, soit par le luxe des décorations et des costumes *).

On nous a fait voir les deux compagnies de Семеновскій, qui ont été exercées pendant trois mois. La manière de tirer est tout-à-fait autre. Le premier rang appuie les fusils contre la porte-épée, le second plus haut, et le troisième contre l'épaule. Mais tout ceci est un changement bien insignifiant en comparaison de celui qui est dans la marche. En un mot, nous sommes depuis les huit heures jusqu'à deux après-midi à l'exercishaus à faire marcher les шеренги, une derrière l'autre, et à expliquer toutes ces nouvelles conversions à des gens qui ne peuvent pas concevoir tout cela, et surtout la huitième partie de conversion par rangs. C'est tellement de l'hebreux pour les bas-officiers que j'ai entendu un d'eux dire aux soldats: правомъ глазомъ гляди на право, а лѣвомъ прямо! Enfin, mon cher, réduit à exercer toutes les compagnies moi-même, à cause des différentes maladies qui ont attaqué tous mes capitaines, je ne sais comment je ferai voir mon bataillon à l'Empereur, quoique à présent il ne se passe pas de parade qu'il ne me parle du grand changement qu'il apperçoit dans mon bataillon et ne me dit que j'ai rajeuni mes soldats de vingt ans.

---

*) Любопытно, что въ письмахъ этихъ (равно и Марина) не говорится о Русскомъ театрѣ, на которомъ тогда извлекали слезы у зрителей Дмитревскій, и въ особенности Волковъ (см. статью А. Н. Сиротинина о семъ послѣднемъ въ 7-й тетради „Русскаго Архива“ 1889). П. Б.

ПИСЬМА
КНЯЗЯ М. С. ВОРОНЦОВА

къ пріятелямъ его

Д. В. АРСЕНЬЕВУ и С. Н. МАРИНУ.

1803 — 1805.

Читатели уже знакомы съ С. Н. Маринымъ и его отношеніями къ князю М. С. Воронцову (книга XXXV). Кажется, что онъ и Д. В. Арсеньевъ изъ всѣхъ сослуживцевъ пользовались наибольшею дружбою молодаго Преображенца, отправившагося воевать въ Закавказье. Уцѣлѣвшія письма къ нимъ обоимъ князя Воронцова были ему возвращены послѣ ихъ рановременной кончины. Маринъ вѣроятно не особенно силенъ былъ во Французскомъ языкѣ, и къ нему князь Воронцовъ писалъ исключительно по-русски. Русскій слогъ этихъ писемъ напоминаетъ намъ, что писавшій образовалъ его по Ломоносову, любимому писателю его отца и священника Лондонской посольской церкви Я. В. Смирнова (говорятъ, что сочиненія Ломоносова и Тацита въ подлинникѣ сопровождали князя Воронцова во всѣхъ походахъ). П. Б.

Письма князя М. С. Воронцова къ его пріятелямъ-сослуживцамъ по Преображенскому полку Д. В. Арсеньеву и С. Н. Марину.

1.

Къ Арсеньеву.

(Астрахань, Сентябрь 1803).

Je suis ici depuis 4 jours. J'ai déjà vu beaucoup de choses, mais il m'en reste beaucoup plus encore à voir: cette ville est la chose du monde la plus curieuse. C'est vraiment la confusion des langues et des nations. Les rues sont une mascarade perpétuelle: Russes, Allemands, Persans, Tartares, Indiens, Kalmouks, Circassiens, cosaques; on a de tout ici, et tant qu'on veut.

J'ai trouvé ici tout plein de connaissances, et nous courons ensemble pour voir ce qu'il y a de curieux, et je vous assure que nous ne manquons pas d'objets dignes de notre curiosité.

J'aurais voulu rester plus longtemps ici, mais il faudra que je parte dans 5 à 6 jours.

Les nouvelles que j'ai eu ici de Géorgie ne sont pas très agréables (mais je vous, supplie, mon cher ami, de ne montrer cette lettre à personne exepté Маринъ, car je n'en rien écrit à aucun de mes pa-

rens). Tout cet été il y a eu là la peste, et par les dernières nouvelles elle existe encore, quoique un peu affaiblie. L'armée de Цицiановъ a tant souffert de ses ravages qu'elle est réduite jusqu'à la moitié, et il lui sera impossible de rien faire de longtemps. Ici tout le monde me presse de ne pas y aller de sitôt; mais comme je porte des dépêches au prince Цицiановъ, et que, de plus, ce ne sont que des ouï-dires, je crois de mon devoir d'y aller malgré cela. Il y a même toute apparence que le temps froid, qui est survenu depuis quelques jours, aura tout-à-fait arrêté cette maudite maladie, et même, si elle existe, avec des précautions on s'en garantit. Mais je vous supplie encore une fois de ne dire ceci à âme qui vive; car mes parents seraient inquiets sur mon compte, quoilqu' il n'y a pas grand danger, et puis ils seraient mécontents de ce que je ne leur en ai rien dit.

Je suis ici dans un vrai pays de cocagne pour quelqu'un qui aime les fruits. Les melons, les melons-d'eau, le raisin sont ici en quantité immense et de la meilleure qualité; aussi j'en mange beaucoup.

Adieu, mon cher Arséniew. Bien de choses à Chékhawskoy et Villereau.

2.

Къ Марину.

Астрахань, 26 Сентября 1803.

Я столько уже всѣмъ писалъ о томъ что̀ я здѣсь вижу, дѣлаю и не дѣлаю, что ты бы бросилъ письмо мое за окошко, любезной мой Маринъ, ежели бы я сталъ тебѣ говорить объ Астрахани. И такъ поговоримъ-ка о Петербургѣ, что̀ у васъ тамъ дѣлается, чѣмъ занимаетесь, что̀ въ городѣ новаго? Ты не можешь себѣ вообразить, сколь я сожалѣю, что намъ не удалось вмѣстѣ поѣздить въ сихъ краяхъ; но такъ какъ это невозможно, сдѣлай мнѣ по крайней мѣрѣ дружбу, пиши почаще и попространнѣе. Всякія новости изъ Петербурга мнѣ будутъ пріятны, а писанныя тобою, цѣна ихъ удвоится.

Я ѣду отселѣ дня черезъ два и надѣюсь быть въ Тифлисѣ около 6 или 7 числа Октября; и такъ адресуй мнѣ писмы прямо туда и пиши на конвертѣ: «при князѣ Циціановѣ», потому что я не знаю, гдѣ онъ тогда будетъ. Я нашелъ здѣсь товарища для поѣздки въ Грузію: Бенкендорфъ рѣшился со мной ѣхать, и я тому очень радъ. Американецъ Смитъ, прелюбезный человѣкъ и котораго я зналъ и въ Англіи и послѣ того въ Петербургѣ, съ нами ѣдетъ до Моздока, а тамъ, судя по обстоятельствамъ, или

съ нами отправится въ Грузію, или чрезъ Черкаскъ поѣдетъ въ Крымъ [1]).

Поклонись отъ меня, пожалуй, Арсеньеву, Вилеро, Путятину, Розену, Аргамакову и всѣмъ нашимъ друзьямъ. Прощай, мой милый другъ. Я тебя въ мысляхъ цѣлую.

P. S. Мы сейчасъ получили росписаніе милостей за маневры. Поздравь отъ меня Арсеньева съ перстнемъ. Волконскому дали Аннинскую чрезъ плечо. Здѣсь находятъ, что за маневры этого много; но ежели давать только за дѣло такимъ людямъ, каковъ Волконскій, никогда ничего не достанется; да при томъ же Кологривову дали Александровскую, такъ чему же дивиться? Дибичу скоро Андреевскую дадутъ. Смотри, не плошись, салютуй чековато. Все въ томъ!

Написавъ уже письмо сіе, я купилъ шаль для сестрицы [2]); и такъ сдѣлай милость, любезный другъ мой, отдай ей. Я посылаю оной на твое имя, чтобъ все ужъ было вмѣстѣ.

---

[1]) Про этого Смита любопытенъ отзывъ графа Растопчина въ одномъ изъ его писемъ къ князю Циціанову („Девятнадцатый Вѣкъ“, кн. 2-я).

[2]) Т. е. для княгини Суворовой. П. Б.

3.

Къ Арсеньеву.

Reçu le 20 de novembre. Tiflis, ce 26 octobre (1803).

Je sais bien que jusqu'ici vous n'avez pas pu m'écrire, car ma cousine me dit que vous êtes encore aux manoeuvres; mais, ne recevant pas de lettres de vous, il me semble que vous m'avez oublié.

J'ai vu tant de choses nouvelles et intéressantes pour moi depuis Astracan qu'il m'est impossible de vous les décrire et je vous renvoie pour cela à ce que j'ai écrit à ma tante, à ma cousine et à Shöpping*). Vous verrez que notre voyage est tout-à-fait différent de ceux qu'on fait aux environs de Pétersbourg et de Moscou. Nous avons eu toutes sortes de difficultés et un peu de danger; mais à présent nous sommes, grâce à Dieu, arrivés en bonne santé, et je me trouve ici on ne peut pas mieux, quoiqu'à côté d'une ville où la peste a fait d'assez grands ravages et dans laquelle les habitants ne sont pas encore rentrés.

---

*) Знатный Курляндецъ, племянникъ графа П. А. Палена, баронъ Оттонъ Шепингъ, впослѣдствіи женившійся на Марьѣ Дмитріевнѣ Чертковой и долго жившій въ Москвѣ, человѣкъ многосторонняго образованія и вполнѣ достолюбезный (вопреки шуточному отзыву Пушкина въ извѣстныхъ посланіяхъ его къ А. Ѳ. Орлову и Чадаеву).

Je ne puis assez me louer des bontés du Prince pour moi, et je me sens ici on ne peut pas plus agréablement.

Voilà assez parler de moi. Dites moi à présent ce que vous faites, comment ont été les manoeuvres, comment vous n'avez pas empêché le malheur qui est arrivé à Korsakow *). Dites à notre cher Маринъ que sa réputation est arrivée jusqu'à Tiflis et qu'on m'a demandé si ce n'est pas de lui que sont les vers qu'on a fait à cette occasion. Donnez moi, je vous en supplie, tous ces détails: ils m'intéressent beaucoup. Je sais que vous êtes paresseux pour écrire; mais, grand seigneur comme vous êtes, dites à votre Кузнецовъ et que votre belle pate n'aie qu'à signer la lettre.

---

*) См. въ XXXV-й книгѣ письмо Марина со стихами.

4.

Къ нему же.

Tiflis, ce novembre 1803.

C'est une grande félicité pour moi de recevoir les assurances de votre amitié; je n' ai pu la mériter que par l'attachement sans bornes que je vous ai voué pour la vie. L'habitude de passer ma vie avec vous est devenue une nécessité fondée sur l'amitié et l'estime que vous êtes si capable d'inspirer, et je me ressens tous les jours de la peine de m' être séparé de vous.

J'ai reçu un petit billet de notre cher Черкаской, et je lui écris en réponse à Londres. J'espère qu'il a eu un bon voyage et qu'il se trouve bien là; ce dont je suis sûr, c'est qu'il trouvera des gens prêts à lui rendre le séjour aussi agréable que possible.

Je suis enchanté de ce que notre digne chef a refusé le cordon qu'on voulait lui donner. Il a eu parfaitement raison. Il y a des gens qui ne peuvent recevoir des cordons que pour des manoeuvres; mais il n'est pas de ce nombre, et il sert son pays plus utilement.

Je vous suis bien reconnaissant, mon cher ami, pour la confiance que vous me témoignez en me demandant conseil sur votre voyage en Italie. Certainement je ne me crois nullement en état de juger d'une

chose mieux que vous, et ce serait toujours à moi à vous demander conseil dans mes entreprises; mais puisque vous voulez que je vous parle franchement, je vous obéirai et vous dirai qu'à votre place je n'aurais pas fait ce voyage. La place que vous avez ne peut être quittée, selon le régime du service actuel, sans beaucoup de difficultés et quelque désagrement. Je sais bien que vous n'êtes pas homme à vous enquiéter d'une petite diminution de la bienveillance impériale; mais songez que vous voulez servir et que nous devous être, aussi bien que nous pouvons, dans esprit de nos maîtres pour qu'ils ne nous empêchent pas de servir notre Patrie. Vous savez en outre que nous sommes comme à la veille d' avoir une guerre sur le continent, et vous ne voudriez pas la manquer. Et puis, quel plaisir aurez vous à voyager dans un temps comme celui-ci, où vous ne trouverez tout-au-plus que quelques provinces d'Allemagne qui ne se ressentent pas de la guerre. Cette Italie, que nous nous figurons si belle, est-ce à présent le moment de la voir, quand, se relevant à peine des horribles ravages que les Français y ont fait, elle va probablement recevoir une seconde fois la visite de ces prétendus amis du genre humain. L'Italie est peut-être le seul pays que je désire encore de voir, et je le désire extrêmement; mais je peux vous assurer que pour rien au monde je n'y serais allé maintenant.

Mille grâce pour l' histoire de Ртищевъ. Je suis très fâché pour lui, pour l'Empereur et pour le service. Je croyais que Winzelroth était un galant homme; à présent je vois qu'un Allemand est toujours un Allemand et que le meilleur n'en vaut rien. Ce qu'il y

a de sûr, c'est que dans un autre service un gueux comme cela serait si mal reçu de tout le monde qu'il serait forcé de quitter le pays.

Nous nous préparons à marcher dans quelques jours à Gangea. Je crains beaucoup que messieurs les Persans se rendront sans résistance, quoiqu'on dit qu'ils font des préparatifs contre nous, et alors nous n'aurons d'autres avantures que quelques escarmouches probablement chemin faisant avec les Lezguins.

On a eu ces jours-ci la nouvelle que le brave régiment de la Kabarda a été attaqué par 10.000 Lezguins à 2 heures du matin. C'était un coup de main qu'ils voulaient faire. Ils n' avaient avec eux ni provisions ni rien, et ils étaient si sûrs de leurs succès que la seule chose qu'ils avaient prise étaient des cordes et des fers pour les prisonniers. Гуляковъ n'est pas homme à se laisser surprendre, et quoique on n'a su qu'ils venaient que quand l'avant-poste cosac (qui était à une werst et demie) commenca à tirer pour donner l'alarme, le régiment était déjà sorti du camp et formé en carré quand les Lezguins arrivèrent. Dans ce régiment, qui est certainement le plus distingué de l'inspection par ses services, on célèbre beaucoup la mémoire d'un Арсеньевъ, qui les a commandé pendant trois ans; on dit que c'est lui qui l'a mis sur un si bon pied. Marquez moi, je vous prie, s'il est de vos parens.

J'espère qu'on voudra récompencer les officiers qui se sont distingués dans cette affaire. Ils n'ont rien reçu pour la bataille de Bélokany ce printemps, et si

c'est de même à présent, presque tous quitteront le service, et nous perdrons un coup d'officiers des meilleurs et des plus aguerris de l'armée. Le prince Цицiановъ, qui, comme tous les hommes d'un mérite distingué, aime à se voir récompensé dans d'autres, a extrêmement à coeur qu'on fasse quelque chose pour ce régiment, et pour ses officiers.

Notre cher Philosophe *), qui n'a pas pu partir avec nous de Ekatérinograd parce qu'il avait des chevaux à acheter, nous a donné des scènes parfaites. Nous dînions un jour ensemble chez un colonel de dragons, et avec nous dînait aussi un officier congédie, nommé Шеншинъ, fanfaron et hâbleur autant qu'ils est possible. Vous sentez bien qu' à eux deux ils ne donnerent pas le temps aux autres d'ouvrir la bouche. Ils se vantaient criant à tue-tête et mentaient à qui mieux. Cela n'était pas drôle; mais Шеншинъ s'avisa de parler mal du régiment du Caucase. Notre Philosophe s'échauffa, l'autre soutint ce qu'il avait dit, et ils se seraient immanquablement pris aux cheveux, si nous ne l'aurions empêché. Le maître de la maison, le plus galant homme du monde, était au désespoir et ne savait que faire.

Козловскiй a avec lui un pauvre diable d'assesseur, qui est une espèce de médécin, qui nous donna aussi une scène de comédie. Le jour de notre départ nous déjeunons ensemble, et quand il vit qu'avant nous mettre à cheval, nous chargions nos fusils et nos pistolets à balles, il lui prit une telle peur du chemin, qu'il devait faire aussi quelque temps après, qu'il prit

*) Козловскiй. П. Б.

Козловскій de côté et lui dit qu'il ne voulait pas risquer le voyage. Nous sommes partis qu'on ne l'avait pas encore tout-à fait persuadé.

Dites à Скарятинъ *) que je suis très sensible à ce qu'il a bien voulu penser à moi. Comment va Villereau?

---

*) Яковъ Өедоровичъ, одинъ изъ участниковъ событія 12 Марта 1801 года? П. Б.

5.

Къ нему же.

Tiflis, ce 13 février 1804.

Depuis que j'ai quitté Tiflis au milieu de novembre pour Gangea, j'ai passé d'une expédition à une autre, d'une province à une autre, et je n'ai pas été un moment en place. J'ai écrit à ma cousine et à Маринъ les détails de ce qui c'est passé avec moi; mais je ne vous le répéterai pas et je vous dirai seulement que dans tout cet espace de temps il m'a été impossible d'écrire.

Ce que vous me dites de K. ne m'étonne pas du tout: j'ai été toujours persuadé que c'était un bien mauvais garnement, et j'ai eu souvent là-dessus des disputes terribles avec ma cousine, qui, ainsi qu' Александръ Львовичъ et ma tante, sont aveugles sur son compte. Vous pouvez vous souvenir même que je le disais à vous du commemement que vous fréquentez la maison, et alors vous ne vouliez pas me croire. Je suis bien aise qu'on veut l'envoyer à Vienne; le plus loin qu'on l'enverra sera le mieux, quoique on aurait bien mieux fait de se tenir à la première intention de l'envoyer à l'université d'Edimbourg. Peut-être il s'y serait fait casser bras et jambes, mais au moins il aurait pu s'amender ou gagner de l'instruction.

Les plaisanteries qu'on a faites sur le théâtre de la princesse Kourakine sont très méchantes et injustes, surtout pour ce qui regarde le Chanoine de Milan; mais je leur saurais gré s'ils auront l'effet d'empêcher qu'il s'établisse chez ma tante un théâtre de société, chose que je craignais beaucoup. On ne doit jouer la comédie qu'absolument entre amis, et dès que des étrangers y viennent c'est s'afficher et donner lieu à des scandales et à des plaisanteries.

Je vous demande mille pardons de vous avoir adressé Мансуровъ. Il est certain qu'il est très impatient et m'a même écrit ici pour que j'écrive encore à Pétersbourg à son sujet. Il n'a qu'à rendre un peu de patience; car, puisque le comte lui a promis, il doit se contenter de cela. L'histoire de Чертовъ et sa biblothèque est parfaite et mérite d'être imprimée, ainsi que celle de Башуцкой, qui est un digne successeur d'Епифановъ. Je voudrais bien que nous ayons pour commandant à Pétersbourg celui de Tiflis; je crois que j'ai parlé une fois de lui à ma cousine. Je suis sûr qu'il ferait des affaires mieux que ceux-là et qu'il serait bien avec tout le monde.

Nous avons à présent assez de société à Tiflis. Il y a des dames, et nous dansons au moins deux fois par semaine. Si je dis *nous*, c'est que je ne danse pas; car je me suis donné avec mon adresse ordinaire un coup au genou il y a 15 jours, qui me fait boiter jusqu'à présent.

Benckendorff est parti pour la Crimée avec Smith et Nékludow; pour moi je crois qu'en revenant d'une expédition que nous allons faire à présent, je songerai

aussi à mon départ. Ce sera dans 5 ou 6 semaines. Quel plaisir j'aurai de vous revoir tous, mes bons amis! Peut-être ce sera pour marcher contre les Français, et cela sera encore mieux. Ce qui est sûr c'est que je ne me repentirai pas d'avoir été ici, où, je peux dire, que je n'ai pas perdu mon temps. Si je n'avais pas tant d'amis et de parens que je ne peux pas ne pas désirer de revoir, et si mon père ne revenait pas cette année en Russie, je n'aurais pas quitté de longtemps la Géorgie, et il est très probable que j'y revienne un jour*).

Voilà une lettre pour le comte Tolstoy que je lui a écrit sélon votre avis.

---

*) Это исполнилось только черезъ сорокъ одинъ годъ! П. Б.

6.

Къ Марину.

Горп, 5 Марта 1804.

На дняхъ получилъ я, любезнѣйшій другъ, твое письмо отъ 29 Генваря. Фельдъегерь, который оное привезъ, обрадовалъ насъ всѣхъ извѣстіемъ, что князь Павелъ Дмитріевичъ пожалованъ за Ганжу (которую велѣно теперь называть Елисаветполемъ) въ генералы отъ инфантеріи. Ежели бы мы были теперь въ Тифлисѣ, то пошли бы пиры и веселья; но, къ несчастію твоему, мы въ такомъ городѣ, гдѣ пировать не съ кѣмъ, и мнѣ досугъ усыплять тебя симъ моимъ писаніемъ.

Всѣ ваши Петербургскія свадьбы доказываютъ, что городъ съ ума сошелъ, ежели былъ онъ когда нибудь въ немъ, о чемъ я очень сомнѣваюсь. Стихи твои объ Ипаткѣ прекрасны, и риѳмы весьма богаты; жаль только, что не довершилъ дѣла и не нашелъ строки, которая бы начиналась съ буквою *г*. Это бы было достойно тебя, и не худо на досугѣ заняться.

Съ Крещенскимъ парадомъ честь имѣю поздравить, также и съ караулами. Какъ я подумаю объ этихъ караулахъ и что мнѣ, можетъ быть, скоро надо будетъ возобновить съ ними знакомство, то по кожѣ морозъ задираетъ.—Козловской опять сюда ѣдетъ, и

Кушелевъ съ нимъ, и говорятъ, что неутѣшенъ отъ того, что промахнулъ Ганжу.

Въ Гори живемъ мы уже теперь дней десять, и продолженіе пребыванія нашего зависитъ отъ воли его величества царя Имеретинскаго: ежели онъ уменъ, то отпуститъ насъ скоро въ какой-нибудь другой край; а ежели хочетъ драться, то мы не прочь, и попробуемъ, чья возметъ. На дняхъ сіе будетъ рѣшено. Кажется, что дѣло обойдется безъ драки; да и какъ можно такому дрянному царству бороться съ Россіею? Воробьямъ съ орлами не воевать.

Шаль для тебя малиновую всѣми мѣрами постараюсь найти, но не обѣщаю навѣрно, потому что чума и война весьма много комерціи помѣшали, и всѣ Персидскіе товары теперь чрезвычайно рѣдки.

Весьма ты меня обрадовалъ тѣмъ, что въ батальонѣ завелись шахматы. Я эту игру очень люблю и здѣсь часто въ нее играю. По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ рѣшу споръ твой съ Арсеньевымъ, выигравъ у обоихъ.

Скажи пожалуй, не стыдно ли это вамъ, что и такъ уже многочисленной народъ кабской*) всякой день умножается. Загряжской пріѣзжаетъ всякой день! Вѣдь это несносно. Неужели нельзя ихъ какъ-нибудь выкурить? Попросили бы по крайней мѣрѣ митрополита, чтобъ онъ пришелъ съ крестомъ и святой водою избавить васъ отъ сихъ демоновъ.

---

*) Какое-то условное выраженіе, упоминаемое и въ письмахъ Марина. Не понимаемъ также, почему князя Воронцова въ пріятельскомъ кругу звали *Костуй* (сличи ниже стр. 87-ю). П. Б.

Чтò это, батюшка, за новая игра квинтичь? Какіе это черти ее выдумали? А ты, родимой, играешь въ оную до 6 часовъ утра! Опомнись, сдѣлай милость: ты избаловался. Посмотри на Левушку. Вотъ примѣрной молодой человѣкъ: поговоритъ съ фельдфебелемъ объ ротѣ да и заснетъ, за то въ это время дурныхъ дѣлъ не дѣлаетъ!

Черкаской пишетъ ко мнѣ, что умираетъ отъ скуки въ пансіонѣ, гдѣ онъ учится по-аглицки. Я ему очень вѣрю и предвѣщалъ ему еще въ Петербургѣ, что въ Лондонѣ ему не очень будетъ весело; но у насъ никто не вѣритъ нѣкоторой Американской пословицѣ, которая речетъ: «славны бубны за горами», и всякой думаетъ, что въ чужихъ краяхъ все должно быть лучше и веселѣе, нежели въ Россіи.

Я пишу сегодня Арсеньеву длинное письмо объ дѣлѣ. Онъ тебѣ покажетъ; но сдѣлай милость ни кому не говори, а особливо роднымъ моимъ.

7.

Къ Арсеньеву.

Gori, ce 5 mars 1804.

Je vous prie de féliciter de ma part Ипатка sur son mariage et de lui souhaiter toute sorte de bonheur. Je voulais lui envoyer une paire de cornes en cadeau, car il y a ici de très beaux béliers; mais il n'y a pas de courrier qui veuille se charger d'un tel envoi, disant que cela porte malheur. D'ailleurs, il est difficile d'en trouver, tout ce qu'il y a de cornes étant retenu par les princes et seigneurs géorgiens et quelqu'uns de nos géneraux ici.

J'ai recu ces jours-ci une lettre de mon oncle, qui (tout en me disant que je dois absolument me rendre le plus tôt en Russie pour être à Pétersbourg quelques semaines avant l'arrivée de mon père, qui y sera en juillet, et préparer sa maison et son futur ménage) me dit en même temps qu'il faut que je m'adresse à Lieven pour qu'il en obtienne la permission de l'Empereur, auquel mon oncle a déjà parlé à ce sujet. Ceci, je vous avoue, ne me fait pas de plaisir du tout; car il me semble que demander à quitter un endroit où on peut attendre à chaque moment d'avoir à se battre, a mauvaise mine et peut déplaire à l'Empereur, quoique mon oncle lui a déjà parlé à ce sujet. Il n'y

a pourtant rien à faire, et je dois prendre mon parti. Mais comme je crois que Dolgorouky me veut plus de bien que Lieven, je préfère de m'adresser pour cela à lui, et je vous supplie de remettre le plus tôt possible la lettre incluse à son nom. Si par hasard il n'est pas à Pétersbourg, comme certaines nouvelles nous le font présumer, alors jetez la au feu et remettez celle adressée à Lieven. Si Dolgorouky y est, alors brûlez celle à Lieven.

J'espère, cher ami, que vous voudrez bien m'arranger tout cela le mieux que cela se peut et qu'on m'envoye la réponse le plus tôt possible: car l'énorme distance qui nous sépare fait que, si même on m'envoye cette permission deux jours après avoir reçu celle-ci, encore alors à peine aurais-je le temps d'arriver à Pétersbourg à l'époque que je dois y être. Cette permission ne doit être autre chose qu'une lettre écrite ou par Lieven, ou par Dolgorouky par ordre de l'Empereur au prince Цицiановъ, qui l'autorise à me renvoyer, quand il croira qu'il n'y a rien à faire pour moi ici. Car, je vous avoue, que si on va ce printemps à Érivan (ce qui n'est guerre probable), rien au monde ne me fera quitter la Géorgie sans avoir assisté à cette expédition.

N'en dites pas un mot ni à ma tante, ni à ma cousine, ni a personne excepté Маринъ. Tâchez qu'on m'envoye la réponse le plus vite possible, afin que je puisse partir les tous premiers jours de mai, passer une dizaine de jours à la campagne chez mon oncle et me rendre à Pétersbourg vers le milieu du mois de juin. Comme il serait peut-être que Dolgorouky ne

se chargerait pas de la commission, par ce que c'est plutôt l'áffaire de Lieven, ne brûlez pa ma lettre pour celui-ci que quand l'autre aura fait ce dont je le prie.

Je ne m'attendais pas à tant de cérémonies, surtout comme le comte Tolstoy m'avait dit que mon retour dépendait de moi-même; mais, en recevant cette lettre de mon oncle où il me dit qu'il faut pour cela que j'écrive à Pétersbourg, je l'ai montré au Prince, et nous avons relu avec lui l'ordre que l'Empereur lui avait écrit à mon sujet, où il est dit, что таково-то употребить на службу по разсмотрѣнію вашему въ войскахъ ввѣренныхъ вашему начальству. Il se trouve donc que véritablement ni moi je ne peux partir, ni lui ne peut me laisser aller sans un autre ordre de l'Empereur. Surtout je vous supplie qu' on voit que c'est par ordre de mon père et de mon oncle que je dois revenir si tôt et que ce n'est pas mon seul désir à moi que je demande à quitter un pays que je n'aurais sûrement pas quitté sans cette raison, tant que le Prince y reste et qu'il peut y avoir à faire. Je crois ne pas perdre mon temps ici du tout, et, outre l'utilité que j'espère tirer de mon séjour, je vous assure que jamais je ne me suis moins ennüyé qu'ici.

Ma soeur m'écrit qu'elle vous a enfin envoyé l'étui de cure-dents que je vous ai promis et pour lequel vous m'avez si souvent grondé. C'est son séjour en Écosse qui a retardé l'exécution de la commission.

8.

Къ нему же.

Gori, ce april 1804.

Je ne sais pourquoi vous trouvez qu'une épée avec l'inscription *за храбрость* ne soit pas une récompense suffisante. Je vous assure que je me trouverais très heureux de la recevoir et que je ne suis pas assez présomptueux pour croire que parce que j'ai risqué ma vie peut-être un peu plus qu'un autre pendant une demie-heure, je dusse recevoir tout de suite la croix de St. Georges. Mais le fait est que l'épée que j'ai reçue n'a pas cette inscription et n'est autre chose que l'épée gatchinoise des parades de S-t Pétersbourg. J'ai eu la consolation d'apprendre en même temps que la même récompense a été donnée quelques jours auparavant à Krüdener et Власовъ pour un exercice. Ceci, je vous avoue, ne me fait guerre plaisir, et j'aurais été beaucoup plus content de ne rien recevoir que de voir qu'on met sur le même pied deux genres de service tout-à-fait différents. Au reste, si cela m'a fait de la peine, j'en ai été bien récompensé par la manière dont on prend la chose ici: personne ne m'a félicité de ceux qui ont été avec moi, et tous disent que je ne dois pas même porter cette belle épée de plomb, qui n'est bonne que pour donner des фухтель à un exercice. Le Prince lui-même en est offensé, puis-

qu'il m'avait recommandé d'une manière qui devait avoir une autre fin, et je suis bien plus flatté de voir qu'un homme comme lui trouve que je ne suis pas récompensé, que je ne le serais de tout ce qu'on pourrait m'envoyer de Pétersbourg. Pour ce qui regarde l'inscription, d'où ce bruit a pu venir? (car mon oncle me l'a écrit aussi). A vous je suppose que c'est Dolgorouky qui l'a dit, connaissant l'amitié que vous avez pour moi et ne voulaut pas dire la vérité, pendant que c'est sûrement à lui que je dois ce beau présent. Mais je vous assure que je méprise toute cette clique, m'estimant beaucoup plus heureux de ce que ma consience ne me reproche rien et que mes chefs et mes camarades me rendent justice. S'il est vrai, comme on le dit, qu'on perlustre à Pétersbourg les lettres venant d'ici, il aura le plaisir de lire ce que je vous écris, et j'en serais enchanté.

Avant de finir cette dissertation ennuyante pour vous, il faut que je vous dise, mon bon ami, que vous avez tort de croire que la croix a été le seul but de mon voyage. Elle doit être agréable à tout militaire; mais je vous assure que, quand je me suis décidé de venir ici, je n'y songeais non plus qu' à l'empereur de Japan et que, si j'y ai pénsé depuis, c'est parce qu'on m'a dit que je trouverais peut-être occasion de la mériter.

Depuis que nous sommes partis au mois de novembre pour l'expédition de Gangea, je n'ai pas été quinze jours en place, et tant que je resterai ici, je n'aurai pas de séjour fixe, mais je serai continuellement à aller de lieu en lieu, comme un Juif errant. L'affaire de l'Imérétie étant à présent heureusement finie, nous

allons partir pous Tiflis où, je crois, je ne resterai que deux .ou trois jours, et irai à Télaw; je retournerai de là vers le temps que je pourrai recevoir la réponse sur ce que je vous ai écrit du 5 mars, et alors je m'arrangerai d'après cette réponse et de même d'après la tournure des affaires ici, pour me décider ou de revenir tout de suite en Russie, ou d'aller à Érivan.

Je vous prie de me rappeller au souvenir de la famille Gagarine et de Петръ Ивановичъ. J'ai vu par les gazettes qu'il y a eu des Polignacs impliqués à Paris dans l' affaire de Moreau et de Pichégru; ne sont-ce pas des parens de Villereau? J'espère que non. Ambrassez le bien pour moi et dites lui mille sottises de ce qu'il ne m'a ni écrit, ni même fait dire un mot par qui que ce soit.

Les derniers prikazes m'ont appris que Driesen George est fait capitaine; mais je ne comprends par ce qu'est devenu le jeune Tatischew, car il était le plus ancien. L'aurait-on passé? J'espère que non et qu'on a pas voulu faire cette offense à son respectable père. Mais, au reste, tout est possible à présent, et il a le malheur de ne pas ressembler à un gatchinois.

Je vous prie aussi féliciter Potemkine sur son avancement et de me dire comment il se tire à présent des exercices et des parades.

Mon père m'a écrit, supposant que je serais à Pétersbourg beaucoup avant lui, de lui trouver deux laquais de louage, de bonne conduite et de bonne tournure. Je me trouve obligé de vous supplier, si par hasard vous en rencontriez de tels, de leur proposer

cette place. Je préférerais à tous autres des soldats congédiés ou encore plus des Ukrainiens congédiés des chevaliers-gardes et de la garde à cheval. Si vous en trouvez, faites moi l'amitié de leur donner de l'argent pour vivre jusqu'à l'arrivée de mon père, que je vous payerai exactement dès mon retour *).

---

*) Графъ Семенъ Романовичъ отложилъ свой пріѣздъ изъ Лондона въ Россію, а сынъ его оставался на войнѣ весь этотъ годъ. П. Б.

9.

Конецъ не вполнѣ сохранившагося письма къ Марину.

...Я начну помышлять о возвращеніи въ Россію, ибо другаго предстоящаго дѣла здѣсь тогда не будетъ.

Спасибо за подарокъ, включенной въ послѣднемъ твоемъ письмѣ. Такія штуки здѣсь очень нужны. Грузины хорошаго ничего отъ насъ еще перенять не успѣли, а дурное знаютъ наизустъ, и я думаю, что въ Тифлисѣ столько же венерическаго яду, сколько въ Петербургѣ.

Уже очень давно, что я сбираюсь писать къ тебѣ о поступкѣ нѣкотораго молодаго Философа. Теперь вы вѣрно знаете, что̀ онъ сдѣлалъ; но я полагаю, что совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ должно, и я долгомъ почитаю увѣдомить тебя и чрезъ тебя полкъ нашъ, что онъ опять обезчещенъ чрезъ малодушіе и хвастовство единаго изъ невѣрныхъ чадъ своихъ. Какъ я поѣхалъ изъ Екатеринограда, я оставилъ тамъ Козловскаго готоваго къ отъѣзду и удивившаго всѣхъ храбростью и неустрашимостью своею (на словахъ). Казалось, что его одного недоставало въ Грузіи, чтобъ все было хорошо: чума была у него бездѣлицею, Ганжа, Эривань и вся Персія покорились, Лезгины валялись у ногъ его. Желая по любви къ Отечеству, чтобъ сей великой мужъ поскорѣе принялся за дѣло

и чтобъ время не терялось, предлагалъ я ему ѣхать съ нами; но дѣло стало за лошадьми для вьюковъ, которыя надобно ему было купить, и мы поѣхали, думая, что онъ вслѣдъ за нами поѣдетъ. Мѣсяцъ жили мы въ Тифлисѣ и не знали, гдѣ находится Козловской. Пошли подъ Ганжу, куда шелъ и батальонъ ему назначенный; нѣтъ объ немъ извѣстія. Наконецъ, узнали мы, что̀ ты думаешь? Что сей безпримѣрной герой, сей неустрашимой наѣздникъ доѣхалъ только до Казбека, первое селеніе Грузинское, верстъ пять отъ границы. Тутъ ввели его въ квартиру дымную. Онъ спросилъ, всѣ ли дома̀ въ Грузіи таковы; ибо у него уже глаза отъ дыму заболѣли. Говорятъ ему, что всѣ таковы. Полковникъ взбѣсился, всталъ, изрубилъ повозку и потомъ сжегъ, и на другой день поѣхалъ назадъ, говоря, что здоровье его не позволяетъ ему служить въ Грузіи и что Государь, которой его очень любилъ, позволилъ ему дѣлать на этотъ случай все, что̀ онъ хочетъ.

Поступокъ сей таковъ, что, описавъ оной, не нужно объ ономъ толковать. Вся Грузія говоритъ о Козловскомъ. Онъ покрылъ себя стыдомъ и осрамилъ полкъ Преображенской. Что̀ же скажутъ, если послѣ этого опять его возьмутъ въ гвардію? Я бы желалъ, чтобы графъ Петръ Александровичъ *) зналъ все это: онъ бы не такъ скоро согласился взять его опять въ нашъ полкъ.

Вотъ тебѣ, любезной другъ, всѣ здѣшнія новости. Съ какимъ удовольствіемъ буду я тебѣ на словахъ

---

*) Толстой, начальникъ Преображенскаго полка. П. Б.

разсказывать что̀ дѣлается въ Грузіи, когда пріѣду въ Петербургъ! Напередъ долженъ тебѣ сказать, чтобъ ты мнѣ приготовилъ нѣсколько бутылокъ хорошаго вина, хотя оно мнѣ и покажется дурнымъ послѣ здѣшнихъ. Славное Кахетинское вино сдѣлало изъ меня пьяницу. Ты этому не повѣришь, а, ей Богу, правда! Прощай, я тебя въ мысляхъ цѣлую.

10.

Къ Арсеньеву.

Faaxbourg d'Érivan, le 7 juillet 1804.

Il y a un siècle que je n'ai écrit à personne et que je n'ai reçu un mot de qui que ce soit. Nous sommes ici comme dans la lune, séparés de l'univers entier excepté les Persans qui ont été très près de nous pendant une quinzaine de jours. Ces messieurs, forts de 30.000 hommes, sont venus dans l'intention de nous écraser tous; mais ils se sont trompés. Quatre fois nos avons eu affaire avec eux sans pouvoir rien faire de décisif à cause de la vitesse de leur chevaux, mais la cinquième nous sommes tombés sur eux à l'improviste, vous avons pris leur camp, et ils se sont enfuis chez eux dans la plus grande consternation. Depuis nous avons pris le fauxbourg d'Érivan, et nous tenons maintenant la ville bloquée, et elle doit bientôt se rendre.

Je n'attends que la permission de l'Empereur pour partir. Vous n'avez pas d'idée quel emploi c'est que celui de major de brigade que j'occupe. Je n'ai pas une seconde de repos, ni le jour ni la nuit, et il n'y a pas de bagatelle dans tout le détachement qui ne doive passer par mes mains.

Adieu, mon bon ami. Remettez l'incluse à ma cousine et embrassez pour moi Marine.

11.

Къ нему же.

Тифлисъ, Сентября 30 1804.

Возвратившись, наконецъ, послѣ пятимѣсячнаго отсутствія сюда, 27 числа, нашелъ я письмо твое, милой мой Арсеньевъ, отъ Апрѣля. Благодарю тебя какъ за письмо, такъ и за позволеніе ѣхать домой, которое ты мнѣ чрезъ Ливена выходилъ. Господа Тагаурцы, Осетинцы и проч., желая, видно, чтобъ я здѣсь подолѣе остался, не пропускали позволеніе сіе съ Мая по Сентябрь. Теперь же, получивъ оное, я надѣюсь около 15 или 20 будущаго мѣсяца отправиться.

Я бы поѣхалъ прежде, но дороги еще не совсѣмъ разчищены отъ этихъ разбойниковъ; я же между тѣмъ отдыхаю здѣсь послѣ похода, который всѣ считаютъ въ числѣ труднѣйшихъ бывшихъ въ здѣшнемъ краю. Безпрестанныя драки ничего бы не значили, хотя и потеряли мы въ оныхъ довольно людей; но поддѣли насъ больше недостатокъ въ провіантѣ, страшная жара и особливо болѣзни, которыя до того простирались, что болѣе шести недѣль половина корпуса лежала, а другая половина болѣе походила на тѣнь человѣческую, нежели на настоящихъ воиновъ. И въ этомъ-то состояніи, имѣя менѣе 2000 подъ ружьемъ

и расположенные на семи верстахъ кругомъ непріятельскаго города, въ которомъ было до шести тысячъ гарнизону, а вокругъ насъ Персидская армія до 45.000, мы дрались почти всякой день и всегда побѣждали, такъ что, когда уже совершенно не стало ни хлѣба, ни способовъ къ доставленію онаго, и что мы по сей причинѣ принуждены были снять блокаду, Персіяне не смѣли почти безпокоить наше отступленіе, хотя оно было и труднѣйшее. Обозу весьма много, а лошадей почти не было: всѣхъ драгунскихъ и казачьихъ отдали подъ артиллерію и подъ-полки, и со всѣмъ тѣмъ больше везли на рукахъ. Къ сему прибавить надо страшное число больныхъ, такъ что въ иномъ полку третьей части не было на лицо, а офицеровъ еще меньше здоровыхъ, по препорціи, нежели солдатъ. Въ примѣръ тебѣ скажу, что въ двухъ батальонахъ Кавказскаго полка командовали въ одномъ порутчикъ, въ другомъ подпорутчикъ, въ третьемъ подполковникъ; ни капитана, ни кого помощниковъ не было. Что̀ же бы сдѣлалъ съ нами непріятель съ духомъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя мы проходили! По большей части ущелья и дороги такія, что всѣхъ людей изъ фрунта надобно было посылать на помочь обоза. Но Персіяне столь напуганы Русскими штыками, что хотя и приходили всякой день съ нами драться, но не такъ жарко, чтобы помѣшать нашему походу, а больше все строили безпрестанно батареи изъ фальконетовъ и стрѣляли, но фланкерами нашими всегда были сбиты.

Въ одинъ день они нась потревожили серьезно слѣдующимъ образомъ. Вѣтеръ былъ сильной, намъ въ тылъ, а трава по степи весьма сухая отъ боль-

шихъ жаровъ. Они ее зажгли, такъ что обозъ былъ въ крайней опасности, и особливо находящіеся сзади зарядные и патронные ящики. Въ самое то время они сдѣлали со всѣхъ сторонъ сильное нападеніе. Тутъ было очень жутко. Однако, хотя и съ большимъ трудомъ, успѣли, наконецъ, огонь потушить плащами и мѣшками и пр., а Персіанъ отбить штыками.

Бѣдной Кушелевъ находится въ числѣ жертвъ Эриванскихъ. Онъ заболѣлъ скоро послѣ большаго сраженія съ Баба-ханомъ 15 Іюля, въ которомъ онъ весьма отличился. Въ Эривани его лѣчили; но упрямство его было таково, что никакого лѣкарства принимать не хотѣлъ. Оттуда его везли сюда въ коляскѣ. Отъ дороги ему сдѣлалось хуже; изъ простаго поноса, которой у него былъ, сверхъ сильной лихорадки, невоздержностью своею добился онъ до кроваваго и, наконецъ, на третій день по пріѣзду сюда померъ. Козловскій также весьма боленъ уже два мѣсяца. Онъ ѣхалъ съ Кушелевымъ вмѣстѣ изъ Эривани; однако, хотя у него сильная лихорадка, опасности нѣтъ. Я долженъ при семъ случаѣ отдать ему справедливость, что сія кампанія показала мнѣ Козловскаго совсѣмъ въ другомъ видѣ, нежели какъ я прежде объ немъ думалъ: онъ показалъ не только отмѣнную и, по его чину лишнюю, храбрость, но сверхъ того неусыпно думалъ о своемъ дѣлѣ, имѣлъ крайнее попеченіе о солдатахъ и, словомъ сказать, былъ бы совершенный штабъ-офицеръ, ежели бы не мерзкая привычка все хулить, хвастаться и прочее. Впрочемъ онъ служить здѣсь не хочетъ и, ежели его не переведутъ, то пойдетъ въ отставку.

Чтд касается до твоего прожекта, мой милой другъ, о которомъ ты мнѣ намекнулъ въ письмѣ твоемъ, то скажу тебѣ истинно, что здѣсь уже дѣла повидимому долго не будетъ; ибо, по состоянію дѣлъ въ Европѣ, сюда теперь войскѝ послать нельзя, а безъ прибавочнаго войска здѣсь только что можно удерживать свое, а за чужимъ гнаться нельзя. Прощай, мой любезной полковникъ. Кланяйся всѣмъ пріятелямъ, которыхъ я теперь надѣюсь самъ скоро видѣть.

12.

Къ нему же.

Koshka en Ossétie, 10 décembre 1804.

Je ne sais à quoi attribuer votre silence depuis le mois de mai, qui est la date de votre dernière lettre. Je connais bien que vous attendiez que j'arrive moi-même à Pétersbourg; mais, quand vous avez vu par les prikazes que nous étions à batailler avec les Persans, vous auriez bien pu voir que mon retour n'était pas si prochain, et à moins que vous me comptiez pour mort en bien que vous m'ayez oublié, vous auriez bien pu m'écrire deux mots pour me dire que vous vous portez bien et que vous m'avez gardé encore votre souvenir. Mais je ne veux point disputer avec vous là-dessus, remettant à le faire verbalement à mon retour, qui sera bientôt.

Nous sommes à présent ici dans des endroits faits non pour des hommes, mais pour des chats; car jamais troupes n'ont grimpé des hauteurs aussi escarpées, dans la plus haute chaîne des montagnes du Caucase et dans la neige jusqu'au cou. Les Ossétins, pendant la révolte de l'été passé, ont massacré un régiment de cosacs, qui venait en Géorgie, et c'est pour les en punir que le Prince est venu faire une visite chez eux.

Après l'expédition contre les Tiouletinzy je suis tombé malade et fus obligé d'aller me faire guérir à Tiflis, et étant guéri je suis venu ici. L'affaire est à présent terminé à peu-près, quoique les endroits sont diaboliques; nous avons battu les Ossétins deux fois, et plusieurs villages ont été brûlés. Dans deux ou trois jours nous partirons d'ici, et moi j'espère me mettre en route pour la Russie.

Je suis très impatient de savoir quelle compagnie j'aurai et dans quel bataillon, si je dois sortir du premier. Tâchez, mon bon ami, que je sois dans le vôtre. Priez en le comte Tolstoy.

Mille amitiés à Marine. Je lui en veux aussi pour son silence. Il est général: ma cousine a cessé de m'écrire aussi. Enfin, je ne reçois pas un mot de qui ce soit.

Adressez votre lettre à Moscou, car elle ne me trouverait plus en Géorgie.

13.

Къ нему же.

Получ. въ Корфу, Февраля 30. 1805.

Цинвалъ, 30 Декабря 1804.

Подъ ногами землетрясеніе, надъ головой внезапное затмѣніе солнца, или по бокамъ чудесныя натуры происшествія меньше бы меня удивили, нежели приписка твоя въ Бенкендорфовомъ письмѣ изъ острова Корфу. Безъ всякихъ шутокъ, я такъ былъ оной пораженъ, что глазамъ своимъ не хотѣлъ вѣрить. Скажи, пожалуй, не стыдно ли тебѣ уѣхать изъ Петербурга, не написавъ мнѣ о томъ хотя двухъ строчекъ и послѣ 10-ти мѣсячнаго молчанія приписать въ чужомъ письмѣ пять словъ! Какъ вѣрить тому, чтобъ ты думалъ, что письмо твое никогда до меня не дойдетъ? Или ты почиталъ меня покойникомъ или могъ быть увѣреннымъ, что письмо посланное къ Ливену не могло не быть мною получено? Вотъ, по моему мнѣнію, ясныя доказательства, что ты меня совсѣмъ забылъ и что наскучило письма ко мнѣ писать. Со всѣмъ тѣмъ полно браниться! Я надѣюсь, что любезной мой Арсеньевъ въ поведеніи своемъ исправится и что скоро получу письмо предлинное отъ героя, на Италійскихъ или Мальтійскихъ берегахъ лаврами увѣнчаннаго, описывающее мнѣ великія дѣла, отъ

которыхъ злодѣй, взявшій священное названіе Императора, потрясется на новомъ своемъ престолѣ, а угнетенная Европа увидитъ новой лучъ надежды.

По примѣру твоему и другіе Петербургскіе жители перестали ко мнѣ писать. Съ самаго Апрѣля мѣсяца я не получилъ ни одного письма, ни отъ сестрицы, ни отъ Марина, ни отъ кого. Ты можешь судить, какъ сіе мнѣ пріятно; я даже не знаю, живы ли они или нѣтъ. Ежели и о семъ я не вѣдаю, кольми паче долженъ я быть неизвѣстенъ о вашей экспедиціи, куда вы идете и съ кѣмъ будете драться *). Весьма бы я желалъ быть съ вами и, бывъ уже два года въ сихъ дикихъ и варварскихъ мѣстахъ, увидѣть войну и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ климатъ, мѣста, люди и все уменьшаетъ непріятности оной, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ случится въ Воскресенье быть на сраженіи, въ Понедѣльникъ на балѣ, а во Вторникъ въ театрѣ и слушать Le Cantatrice Villane или Il Matrimonio Segretto.

Со всѣмъ тѣмъ полученіе письма вашего весьма меня не обрадовало и отнимаетъ большую часть удовольствія, которое я себѣ обѣщалъ при возвращеніи въ Петербургъ. По новому чину, можетъ, меня изъ перваго батальона переведутъ, и я въ такомъ случаѣ надѣялся быть у тебя въ батальонѣ, а теперь сей переводъ мнѣ будетъ весьма непріятенъ. Сверхъ того, я боюсь и Марина не найти въ Петербургѣ, и тогда я буду въ полку сиротою. Сдѣлай милость, любезной другъ мой, ежели экспедиція ваша кончится миромъ, пріѣзжай поскорѣе назадъ и не оставайся въ Италіи.

*) Наши войска посланы были на Іоническіе острова подъ начальствомъ Анрепа, и туда перешелъ на службу Д. В. Арсеньевъ. П. Б.

Я боюсь, что испорченные Итальянскіе нравы испортятъ и тебя, и дѣвоподобная твоя невинность будетъ тамъ въ большой опасности отъ ухищреній Сатаны подъ образомъ какой-нибудь прелестной Итальянки. Удались поскорѣе отъ искушенія и пріѣзжай въ Россію. Ежели не удалось драться съ Французами, то будемъ вмѣстѣ на маневрахъ драться съ земляками. Веселья будетъ столько же, а уродомъ и отъ картечи ихней не сдѣлаешься. На послѣднихъ маневрахъ ты съ батальономъ самъ стоялъ два часа подъ непріятельскою батареею и вышелъ, слава Богу, здоровъ! Французы же не такъ учтивы.

Но прощай, милой полковникъ. Я уже заврался. По крайней мѣрѣ письмо сіе удостовѣритъ тебя въ томъ, что я живъ и заставитъ ко мнѣ писать. Я скоро ѣду въ Россію. Addio.

14.

Къ нему же.

Получ. Іюля 31.

С.-Петербургъ, Іюня 23. 1805.

Много я виноватъ предъ тобою, любезной другъ, что живу здѣсь уже мѣсяцъ цѣлой, а къ тебѣ еще не писалъ. Не думай однако, что здѣшнія веселости меня столько занимаютъ, что я меньше думаю о друзьяхъ своихъ. Маринъ мнѣ свидѣтель, что нѣтъ дня, въ которомъ мы о тебѣ бы не думали, не говорили и не разсчитывали, когда съ тобой можемъ увидѣться и жить по прежнему. Причина моему молчанію есть та, что я совершенно замученъ. Надо тебѣ знать, что въ теченіе девяти мѣсяцевъ я былъ два раза въ горячкѣ и три раза въ лихорадкѣ, пріѣхалъ изъ Москвы сюда не Костуй твой, а тѣнь его; а не меньше того всякой Божій день на ученьи въ четвертомъ часу утра. Всякой день ложиться въ 9 часовъ невозможно; и такъ мнѣ достается спать изъ трехъ ночей одну. Со всѣмъ тѣмъ я уже здѣсь совершенно поправился въ своемъ здоровьѣ и готовъ опять на все.

Не могу описать тебѣ, сколько я былъ огорченъ твоимъ состояніемъ и тѣмъ больше, что недостойная виновница онаго есть мнѣ двоюродная сестра, которую я всегда любилъ какъ душу свою. Совершенно

разлюбить ее я не могу, но и на прежней ногѣ съ нею остаться мнѣ невозможно, и никогда уже между нами не будетъ той откровенности, которая прежде существовала. Слава Богу, по послѣднимъ твоимъ письмамъ мы можемъ надѣяться, что ты совершенно превозмогъ страсть, которая тебя терзала. Клянусь тебѣ, хоть мнѣ и больно въ этомъ признаваться, что предметъ оной совершенно не заслуживаетъ, чтобъ ты ею занимался. Хоть она со мною и стыдится, ежели о тебѣ заговорю, но рѣчи ея съ другими доказываютъ легкомысленность и непростительное кокетство. Маринькѣ также не вѣрь: она добрая дѣвка, но съ сестрицей одна душа и раза два вывела меня изъ терпѣнья своими разсужденіями о томъ, что̀ съ тобою случилось. Брось ихъ, милой другъ мой, а займись какой - нибудь Греческой красавицей; у васъ ихъ должно быть много, и одна мысль, что онѣ родились въ отечествѣ Аспазіи, Лаисы и Фрины, представила бы мнѣ ихъ въ прелестномъ видѣ.

Сейчасъ получилъ я письмо твое отъ 10 (22) Мая, за которое цѣлую тебя мысленно тысячу разъ. Ты справедливо заключилъ, что мнѣ хотѣлось остаться при князѣ Циціановѣ. Я тебя увѣряю, что ежели бъ не получилъ я писемъ отъ батюшки, въ коихъ онъ непремѣнно требовалъ моего возвращенія, то и теперь бы я былъ въ Грузіи. Я такъ былъ во всемъ счастливъ въ томъ краю, что всегда буду помнить объ ономъ съ крайнимъ удовольствіемъ и охотно опять поѣду, когда случай и обстоятельства позволятъ.

Ты приказываешь мнѣ описать теперешнюю мою жизнь и привычки. Скажу тебѣ, что почти все по

старому; только что ученья замучили, и все въ надеждѣ каникулъ таскаемся всякой день въ грязи по колѣно. Это бы для меня ничего было, потому что я служить охотникъ и теперь, что̀ я капитанъ, радъ бы все кинуть и заняться совершенно своимъ дѣломъ; но то бѣда, что я въ третьемъ батальонѣ. Командиръ нашъ Яковъ Ивановичъ Дедюлинъ весьма доброй человѣкъ, но слабъ, да и недавно женился. Батальонъ совершенно имъ забытъ; ротные командиры, кромѣ меня, суть Страховъ, Дризенъ и Алалыкинъ, ребята добрые, но также во фрунтѣ незадорные. Твой покорный слуга и прежде мало зналъ, да и изъ того часть забылъ, да и охоты нѣтъ заниматься, когда протчіе всѣ спятъ. Будь я у тебя въ батальонѣ, я отвѣчаю, что помощью твоихъ совѣтовъ и наставленій въ три мѣсяца я бы сдѣлался славнымъ капитаномъ, и ты не можешь себѣ вообразить, какъ я бы желалъ имѣть тебя своимъ командиромъ. Тутъ бы я занялся душой и сердцемъ, а теперь руки не поднимаются. Я уже думаю перейти къ Шеншину, который очень желаетъ имѣть меня у себя; но правду сказать, теперь наступаетъ лучшее время въ году, и мнѣ хочется пользоваться онымъ послѣ двухлѣтняго отсутствія отъ всякихъ забавъ, кромѣ тѣхъ, кои встрѣчаются въ полѣ и противъ непріятеля; да я же и не такъ увѣренъ въ Шеншинѣ, какъ ежели бы ты былъ здѣсь.

На дачу ѣзжу теперь рѣдко; но какъ скоро кончатся ученья, мы съ Маринымъ переѣдемъ туда жить на нѣсколько времени. Ты не можешь себѣ вообразить, какъ часто я тебя вспоминаю. Привычка раздѣлять здѣсь всѣ удовольствія съ тобою до того въ

меня вкоренилась, что я думаю, что безъ тебя никогда совершеннаго удовольствія въ Петербургѣ вкушать не буду. Въ театрѣ ли я, ищу тебя и сокрушаюсь, что тебя нѣтъ. Замбони безъ тебя не такъ меня смѣшитъ, Ронкони не такъ восхищаетъ своимъ пѣніемъ, и даже Паезіелло и Чимароза кажутся мнѣ не тѣ, которые прежде были. Когда мы вмѣстѣ сидѣли, взаимное согласіе, примѣчанія наши и одинаковой вкусъ удвоивали наше удовольствіе, и мы оное вкушали, можно сказать, вдвое каждой за себя и за друга своего. Теперь же судьба опредѣлила мнѣ сидѣть возлѣ людей недостойныхъ того, чтобы когда-нибудь хорошая музыка была при нихъ пѣта, возлѣ невѣжъ, Мидасовъ, которыхъ невнимательность, глупыя примѣчанія и сравненія и неправильныя сужденія приводятъ меня въ отчаяніе и отнимаютъ все удовольствіе, которымъ бы безъ того пользовался. Вообрази себѣ мою горесть, видя, что не только Италіянскую оперу совершенно неглижируютъ и жертвуютъ ею проклятымъ Французамъ, но даже теперь въ виду всю труппу отпустить и не имѣть здѣсь Италіянскаго спектакля. О Боже, почто далъ ты симъ людямъ уши? А ежели уже нельзя безъ ушей, то зачѣмъ не сдѣлалъ, чтобы они были у нихъ втрое длиннѣе обыкновенныхъ?

Я здѣсь имѣлъ удовольствіе познакомиться съ любезнымъ братомъ твоимъ. Мы съ нимъ уже съ перваго дня на дружеской ногѣ и въ качествѣ Костуевъ.

На дачѣ мнѣ не такъ весело, какъ прежде было. Одна причина тому: новыя лица, коихъ у насъ много

и такихъ, которымъ рады только Пушкинъ и Гагаринъ; другая же и главная та, что я уже не могу быть съ сестрицей такъ какъ бы должно было. Она совершенно избаловалась. На мѣсто безпритворной натуры, которая была въ ней такъ любезна, теперь все кокетство и притворство. Со мною она очень смирна и, кажется, немного меня боится; но съ другими ее узнать нельзя. Теперь выпускаетъ всѣ свои стрѣлы на Константина Бенкендорфа. Неизвѣстно, на кого падетъ жребій, когда онъ уѣдетъ въ Китай. Ты чувствуешь, что мнѣ эдакіе поступки не могутъ быть пріятными и что я никому бы вѣрно объ нихъ не писалъ кромѣ самаго искренняго друга, и такого еще, который самъ въ дѣлѣ интересованъ. Презирай ее, она то заслуживаетъ; но будь симъ доволенъ и не обнаруживай другимъ ея пороковъ, ежели не для нея, то для меня.

Левушка все по старому, я въ немъ никакой перемѣны не нашелъ, любитъ тебя чрезмѣрно; только худо, что въ службѣ очень лѣнится и теряетъ куражъ. Козловскій всячески его менажируетъ, но принужденъ иногда дѣлать ему замѣчанія; а мой Левушка еще дуется и жалуется, что Козловскій его гонитъ. У нихъ вѣчной споръ о семъ, и я боюсь, что когда нибудь Михаилъ Тимофѣевичъ потеряетъ терпѣніе, чтò все слѣдствіе воспитанія аббата Николя: проклятый этотъ Французъ не вперилъ ни въ кого изъ нихъ (кромѣ Бенкендорфа) ни малѣйшей амбиціи, ни желанія быть когда-нибудь значущими и полезными членами общества. Было бы имъ только спокойно и весело, а чтò будетъ подъ старость, это и въ умъ не входитъ.

Цѣлая шайка изъ нихъ готовится ѣхать въ Китай съ Головкинымъ и съ кучей разнаго народа. Ты не можешь себѣ представить, какая сволочь! Кирюша въ числѣ, и я радъ, что онъ ѣдетъ; потому что, можетъ быть, онъ чѣмъ-нибудь займется, и выдетъ изъ него путь, а здѣсь онъ балуется и проводитъ свое время въ совершенной праздности. Первой въ посольствѣ по Головкинѣ есть Байковъ, что̀ былъ въ Парижѣ. Онъ уже и здѣсь беретъ надъ прочими тонъ и ломается удивительно. Они уже всѣ въ ссорѣ, прежде нежели выѣхали изъ Петербурга; что̀ же будетъ послѣ? За Кяхтой они навѣрное передерутся; и надо знать, что и самъ Головкинъ человѣкъ умной, но впрочемъ моральнаго характера въ немъ не ищи, и я думаю, что нѣкоторые изъ молодыхъ будутъ жертвою гордости Байкова и Голландскихъ правилъ самаго посла. Я бы хотѣлъ, чтобы Китайской императоръ все это рѣшилъ для нихъ и, разсердясь на то, что съ ними посланы инженеры, которые будутъ снимать планы и профили тамошнихъ крѣпостей, приказалъ бы всѣхъ высѣчь отъ перваго до послѣдняго и потомъ выпроводить изъ его владѣній.

Сейчасъ Маринъ отдалъ мнѣ табакерку изъ лавы, которую ты мнѣ прислалъ. Будь увѣренъ, мой милой другъ, что она у меня по смерть, и Испанскій табакъ мнѣ покажется въ ней пріятнѣе еще, нежели въ другой.

Я забылъ тебѣ писать о томъ, что Черкаской видѣлъ въ Лондонѣ г-на Тета, стараго, умнаго и музыку любящаго Англичанина, которой умѣлъ цѣнить искусство мое на альтѣ и жалѣлъ, что меня не было тамъ, чтобы играть квартеты; вы же всѣ здѣсь такіе не-

вѣжи, что увѣряли всѣхъ, что я не умѣю играть и никогда не умѣлъ. Вотъ тебѣ ясное доказательство, что я игрывалъ на альтѣ и не такъ-то плохо; а что теперь немного отвыкъ, это неудивительно и происходитъ отъ лѣни. Признаюсь, я чрезвычайно радъ, что безпристрастной человѣкъ рѣшилъ за насъ скоро и что ты уже не можешь сумнѣваться въ моемъ талантѣ.

Я думаю, что какъ ты получишь это письмо, первое твое слово будетъ: ахъ, за чѣмъ чортъ его вынесъ изъ Грузіи! Тамъ ему недосугъ было писать по шестнадцати страницъ разомъ. Признаюсь, что оно неучтиво такъ много писать вдругъ, но никакъ не могу кинуть перо, и кончу изъ одной благопристойности, а вздору имѣлъ еще въ головѣ листа на четыре. Продолженіе будетъ послѣ; еще многаго я тебѣ не описалъ. Здѣсь пропасть чудеснаго во всякомъ родѣ. Мы съ Маринымъ смотримъ съ боку и на все дѣлаемъ свои замѣчанія. Знаешь ли ты, что я Марина еще больше полюбилъ, какъ увидѣлъ, какъ онъ къ тебѣ привязанъ! Ты въ немъ имѣешь истиннаго друга во всемъ пространствѣ слова.

Прощай, любезнѣйшій мой полковникъ. Люби меня такъ, какъ я тебя люблю. Больше не желаю и желать не могу.

ПИСЬМО
КНЯЗЯ М. С. ВОРОНЦОВА

КЪ

ОТЦУ ЕГО ВЪ АНГЛІЮ, ИЗЪ ПЕРСИДСКАГО ПОХОДА.

1804.

Помѣщаемъ это письмо здѣсь. Къ сожалѣнію, только одно оно (и то въ современномъ спискѣ) сохранилось изъ писемъ князя Воронцова къ его родителю за первые годы ихъ разлуки. (За время послѣ 1812 года ихъ сохранилось много). Покойный князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ напрасно искалъ этихъ писемъ. Они вѣроятно остались въ Англіи, у потомства его тетки, леди Пемброкъ. П. Б.

Письмо князя М. С. Воронцова къ отцу его въ Англію, изъ Персидскаго похода 1804.

№ 10. Reçue le 18 (30) x—bre 1804. Tiflis, ce 12 octobre 1804.

Dans mes deux dernières lettres je vous ai parlé, mon très cher papa, de batailles etc., pendant que dans celle que j'ai écrite d'Érivan sous le № 7 du 6 juillet je faisais mention de l'affaire du 30 juin où nous avons pris leur camp et après laquelle ils se sont enfuis frappés d'une terreur panique jusqu'aux bords de l'Arax. A présent je vous expliquerai comment, après une défaite aussi complette, ils sont revenus et comment notre nombreux bagage et le manque de cavalerie, nous liant sans remède au blocus, nous ont empêché de tenter de nouveau la fortune avec eux en rase campagne.

Nous étions à continuer le siège tranquillement sans attendre d'ennemi de quelque part que ce soit; le caractère du soi-disant Schah de la Perse Baba-Khan, connu pour être mou et lâche, faisait croire à tout le monde qu'il ne bougeroit pas de Tigrane; on disoit meme que les troubles intérieurs qu'il aurait à craindre s'il quittoit sa capitale pour quelque espace de temps considérable, l'empêcheroient d'en sortir jamais. Heureusement pour nous un ancien khan persan, Djapar-Kouli-Khan de *Хой* (première domaine persane au-delà de l'Arax), qui avoit servi sous Aga-Mahomet-Khan et chassé par son successeur, se trouve depuis 7 ans sans feu ni lieu

et cherche la protection de la Russie pour rentrer dans *Xoï*, étoit venu chez le Prince pour offrir ses services et arriver par là à son but. Il fut le premier à nous faire entendre qu'il n'étoit pas du tout impossible que Baba-Khan, entendant la nouvelle de la défaite de son fils, vienne lui-même le venger, et le 14 de juillet, au soir, il vint dire au Prince que deux de ses gens, ayant été à la découverte, avoient vu arriver à Garniczay (endroit à 15 wersts d'Érivan) un corps de troupes assez considérable. Il ne croyoit pas pourtant que ce fût quelque chose de très sérieux. Ses gens pouvoient avoir exagéré le nombre, et nous étions presque persuadés que c'étoit quelque troupe de Tartares appartenant à Érivan ou a Nakhishevan, dont le Khan étoit aussi dans la fortresse et dont quelque parties avoient déjà eu des rencontres avec nos fourageurs. On donna ordre cependant à deux quarrés de réserve (qui avoient été formés auparavant, par précaution pour pouvoir agir sans déranger en rien le blocus) de sortir au milieu de la nuit et de se porter aux endroits qui leur étoient indiqués, par quoi celui de l'aile droite (commandé par le général Portniaguine) occupoit une hauteur par laquelle passoient tous les chemins qui menoient au faubourg de trois différents côtés et tenoit par là en sûreté le quartier - général et les postes de deux bataillons et de trois escadrons qui formoient l'aile droite.

Les postes de l'aile gauche étant situés dans un enroit ouvert, le quarré formé de ce côté sous les ordres du general Léwontiew, devoit s'avancer seulement un peu plus loin dans la plaine du côté du dehors et se porter là où le danger seroit plus grand. Notre centre, où se trouvoit le general Toutchkow, entouré de jar-

dins et ayant tous ses bouts de chemins défendus par l'une ou l'autre aile, étoit regardé comme en sûreté.

De cette manière il restoit pourtant encore les chasseurs qui formoient un point de blocus tout-à-fait à part, séparés du reste par une rivière assez difficile à passer. Pour ceux-ci, ils devoient se défendre eux-mêmes sans espérer de prompt secours des deux ailes auxquelles ils se joignoient pourtant par une chaîne de piquets. La bravoure étonnante que ce régiment a montré, quoique tout composé presque de récrues et n'ayant que son brave chef et encore un officier qui n'a avoient jamais fait une campagne, a fait que ce poste fut regardé comme le plus sûr de tous, et ils ont donné dans la suite du secours plusieurs fois à d'autres parties du blocus. Toute notre petite armée a pleuré après cela la mort du digne colonel Цеханской, chef du 9-me régiment de chasseurs, devenu victime des maladies d'Érivan, et dont l'exemple et les manières nobles et militaires avoient donné un esprit invincible à tout son régiment. Personne ne l'a plus regretté que moi: il avoit une amitié particulière pour moi, et c'est chez lui que j'ai demeuré pendant deux mois le printemps passé à Gori où il étoit en quartier. Mais je m'éloigne de mon but et je m'apperçois que je veux vous expliquer, mon très cher papa, la position du blocus sans avoir de carte à vous en envoyer.

Le 15, une heure avant le jour, le quarré de l'aile gauche venoit de sortir et commençoit à placer à tatons ses piquets avancés, quand tout d'un coup une de nos batteries, sur une hauteur nommée Mahomet-Tapa, fut attaquée premièrement par un feu de mousqueterie du côté

du dehors (съ поля) et puis le sabre à la main par une grande foule de Persans. Quelques minutes après les autres postes de l'aile gauche furent également attaqués, et une hauteur où l'obscurité de la nuit avoit empêché le général Léwontiew de placer un piquet, ayant été occupée par l'ennemi, ils y placèrent des falconettes desquels ils tiroient, ainsi que des fusils, dans le quarré. Dans le même temps les chasseurs furent attaqués jusque dans leur bagage et avec une telle fureur que les chasseurs et les Persans se prenoient les uns les autres par les cheveux; de ce côté-ci pourtant ils furent bientôt répoussés, la mitraille et la bayonette firent une exécution terrible, et les Persans défaits n'inquietèrent plus les chasseurs pendant de la journée.

Le quarré du general Portniaguine qui avoit un peu tardé de prendre sa position, au premier bruit de l'attaque, se hâta de le faire et arriva à la hauteur qu'il devoit occuper justement comme une foule de 5 à 6000 Persans alloit s'y établir. Il se jetta sur eux, et ils se retirèrent derrière un ravelin où ils sont restés pendant toute la journée sans rien faire, exepté deux ou trois tentatives infructueuses de tourner la hauteur où étoit posté Portniaguine. Toute l'attaque se trouvoit donc bornée au flanc gauche, mais elle y étoit continuée avec une vivacité qui faisoit trembler pour cette partie la plus importante du blocus. L'espoir de nous trouver endormis et la présence de leur souverain ont fait que les Persans se sont battus dans cette journée, comme personne ne se souvient de les avoir vu se battre, et effectivement dans les nombreuses affaires que nous avons eues avec eux avant et après, c'étoient tout à-fait d'autres hommes. La hauteur Mahomet-Tapa fut sur

le point d'être emportée, et une redoute (où il y avoit un major avec 56 hommes et un canon) se trouva cernée pendant plus de 6 heures par plus de 6000 hommes, car la ville commença aussi à envoyer des sorties qui se réunissoient aux Persans. Ces 56 hommes non seulement ne perdirent pas courage dans une redoute misérable qui les défendoit tout au plus jusqu'au milieu du corps, mais quand les Persans venoient trop près et que leur feu devenoit dangereux, 20 ou 30 hommes sortoient à la bayonette et les chassoient plus loin. La conduite de cette petite garnison a été telle que les Persans mêmes en ont témoigné dans la suite leur admiration, et de la ville le Khan fit faire des compliments au Prince sur la manière dont s'étoit battue la petite redoute noire (c'est ainsi qu'ils l'appelloient). C'est le major Nolde du régiment de Saratow qui commandoit dans cette redoute; il a été blessé, et de cinq officiers qui s'y trouvoient, il n'y a eu que l'aide-de-camp qui est resté sain et sauf.

Pendant ce temps-là et comme nous avions envoyé du flanc droit et du quartier-général tous les secours possibles à l'aile gauche, tout d'un coup nous fumes régalés d'une sortie furieuse de la ville, forte de 2000 à 3000 hommes; mais le lieut.-colonel Simanowitch, qui commandoit l'aile droite, prenant une 50-ne de grenadiers, se jetta sur eux avec une telle résolution qu'il les repoussa tout de suite et les poursuivit jusqu'aux murs de la ville. Depuis ce moment la ville cessa de faire des sorties et se tint tranquillement dans ses mûrs.

Défaits de tous le autres côtés et toujours repoussés du flanc gauche, les Persans paraissoient ne sa-

voir que faire. Ils prenoient du repos et avec de nouveaux renforts ils attaquoient de nouveau cette partie, mais toujours avec le même succès. Après avoir répété ces attaques 3 on 4 fois, ils virent tout d'un coup une dizaine de chasseurs s'approcher par curiosité de la rivière, qui séparoit leurs postes du flanc gauche. Les Persans s'imaginèrent que c'étoient des troupes envoyées pour les prendre en flanc et s'enfuirent avec précipitation; les autres, voyant cela, se retirèrent aussi, et bientôt après de tous côtés ils commencèrent à s'éloigner et enfin disparurent. Il nous étoit impossible de les poursuivre; car, outre qu'ils étoient tous à cheval, ceux mêmes qui combattent à pied ayant toujours leurs chevaux derrière, le seul corps qu'on pouvoit envoyer étoit le quarré de Léwontiew, qui avoit beaucoup perdu de monde par la faute qu'il avoit faite de ne pas occuper pendant la nuit la hauteur dont j'ai parlé plus haut. Vers la fin de l'affaire, ayant reçu des renforts, il envoya l'escalader, ce qui réussit trés bien. C'est le capitaine Kouchelew (qui avoit été gentilhomme-de-chambre, mais pour un duel envoyé ici, depuis pardonné et fait chambellan, mais trop tard, étant mort deux jours après notre arrivée à Tiflis d'une maladie de 2 mois d'Érivan) qui s'empara de cette hauteur et y prit deux falconettes et un drapeau. Les chasseurs ont aussi pris un drapeau: ce sont là nos trophées de cette journée. Notre perte étoit de 4 officiers et de 60 h. tués, 12 officiers et 130 h. de blessés. La perte des Persans a été très considérable; nous avons sçu depuis qu'ils y avoient perdu 4 khans ou généraux et toute l'élite de leurs troupes.

Quand on considère les circonstances de cette urnée, on ne peut ne pas s'étonner comment nous

en sommes tirés. Nous avions au plus 2500 hommes sous les armes, situés sur 7 wersts autour de la ville assiegée, sans attendre aucun autre ennemi. Dans la ville nous avions contre nous une garnison de 6 à 7 m. h. et c'étoit 40,000 qui nous ont attaqués du dehors avec une vivacité, une rage inconnues en Asie. Baba-Khan fut si étonné de la manière dont se battoient les Russes et si consterné de la perte que ses troupes avoient éprouvée, que deux jours après l'affaire il partit et arriva jusqu'à l'Arax; mais là, atteint par les exhortations de la ville et par une députation de quelques infidèles Géorgiens, il se laissa persuader et revint, mais très à la légère, sans tentes, à Garnitzay, laissant son fils et tout son bagage beaucoup plus loin de peur de surprise. Depuis ce temps là, pendant 6 semaines qu'il est resté là, jamais il n'a osé, ou plutôt ses troupes n'ont jamais voulu répéter l'attaque du 15. Souvent il arrivoit avec toute la mine de vouloir se battre en désespéré, venoit à une grande portée de fusil, tiroit, et ainsi ce prétendu grand et puissant souverain, s'appellant roi des rois, égal au soleil et maître de toute l'Asie, se trouvoit vis-à-vis d'une poignée d'hommes à faire le métier d'un chef d'une bande de Lesghiens, ne songeant qu'à attraper quelques fourageurs ou quelques cheveaux sortis trop loin de notre enceinte. Un pareil ennemi, dès que nous l'avons compris, ne nous inquiéta guère; mais il gênoit beaucoup, premierèment parce qu'il soutenoit la ville par des espérances et des assurances qu'il viendra un jour nous exterminer tous; secondement parce que sa présence nous tournoit en ennemi beaucoup de Tartares des environs, qui sans cela nous auroient offert leurs services et nous auroient apporté des vivres etc.

Nous commençions à éprouver le manque de provisions; de Tiflis nous en avions pris avec nous pour 6 semaines, dans le monastére d'Etchmiazine (chef lieu de la religion armenienne) nous avions trouvé encore du pain pour environ 3 ou 4 semaines; tout cela tiroit à sa fin, et nous ne savions plus où en prendre. A Bombac, province géorgienne sur la frontière, il y avoit un magasin, mais pas beaucoup de vivres. Nous y avons envoyé pourtant prendre pour 10 jours, et on écrivit en même temps à Tiflis pour envoyer mille mesures (четверть) à Bombac. Pour que ce pain que nous avions durât plus longtemps, on imagina un moyen—ce fut d'acheter tous les boeufs qui avoient servi à transporter le pain que nous avions pris de Tiflis et, en donnant aux soldats une livre de viande par jour, de diminuer de moitié la quantité de pain, et c'est de cette manière que nous avons vecu 5 semaines de ce pain dont j'ai déjà parlé, de quelque peu que nous trouvions enterré dans le faubourg et d'environ 100 mesures que nous fauchâmes dans les champs avant que les Persans, s'apperçevant de cela, n'eussent brûlé tout le pain qui se trouvoit dans les champs.

A la fin, tous les moyens étoient épuisés. Les nouvelles de Géorgie ne nous donnoient pas le moindre espoir de reçevoir quelque convoi, et les Persans euvoyèrent un détachement de 6000 h. sous Pir-Kouli-Khan et le царевичъ Александръ, proclamé par les Persans roi de Géorgie, qui, se réunissant à tous les sujets tartares en Géorgie, occupa tous les chemins par lesquels on pouvoit nous envoyer quelque chose.

Nous savions qu'à Bombac il n'y avoit presque rien et que d'ailleurs Karaklisse, le chef lieu de cette

province étoit bloqué étroitement. Il ne nous restoit du pain que pour 4 jours, et c'étoit tout ce que nous avions à espérer de quelque côté que ce fut. A Etchmiazine nous avions une petite ressource: c'étoit 80 mesures de ris que nous gardions pour la dernière extrémité, et en effet cela nous sauva dans la suite.

L'assaut étoit impossible: nous avions plus de mille malades et le bagage qu'il falloit assurer avant de monter. Ces réserves soustraites, il nous restoit une poignée pour monter à l'assaut et le risquer, ayant 40,000 h. prêts à tomber sur nous par derrière, auroit été beaucoup trop hardi. Il ne restoit donc que le parti de lever le blocus, ce qui étoit d'autant plus piquant que toutes les nouvelles nous confirmoient que Baba-Khan avoit l'intention, las de notre constance et redoutant les montagnes couvertes de neige qu'il devoit passer pour revenir, de partir et s'en retourner chez lui au plus tard dans 10 jours. Mais comme il est impossible d'être 6 jours sans aucune nourriture, il falloit partir.

La levée du blocus étoit presque aussi dangereuse qu'un assaut: si pendant que nous faisions sortir les bagages des différents wagenburgs, qu'on les mettoit en ordre dans les quarrés et qu'on sortoit des jardins, les Persans arrivoient, ou qu'ils faisaient une forte sortie de la ville, la confusion auroit été horrible, et Dieu sait ce qui seroit arrivé. Mais heureusement, profitant d'une nuit obscure, nous sommes sortis tranquillement, et au lever du soleil nous étions déjà dans la plaine, nos quarrés formés et prêts à reçevoir l'ennemi s'il vouloit venir. Ceci étoit très

bien, mais dès que nous commençames à marcher, nous eûmes des difficultés sans nombre. Pendant le blocus les chevaux étoient presque tous crevés. On donna tous ceux des dragons et des cosaques à l'artillerie et aux régimens, et malgré cela tout le bagage devoit presque toujours être traîné par les hommes. Les chaleurs terribles que nous avions eues à Érivan desséchant les roues etc., faisoient qu'à chaque moment quelque chose se cassoit, et alors tout devoit s'arrêter pendant qu'on raccommodoit. La quantité de malades étoit telle, même en officiers, qu'il y avoit des bataillons commandés par des sous-lieutenats; ce qu'il y avoit de bien pourtant en fait de soldats étoit à traîiner le bagage: il ne restoit presque personne pour la défense.

Quel moment pour l'ennemi de venir nous attaquer s'il avoit du courage! Mais telle étoit la terreur que le seul nom russe leur inspiroit qu'ils ne venoient que, comme pendant le blocus, à une grande portée de fusil pour tirer et puis s'en aller; ou bien ils établissoient des batteries de falconettes qu'ils retiroient de nouveau dès que nos flanqueurs se jettoient sur eux à la bayonette. Notre principal ennemi fut donc la faim; car allant de cette manière nous ne faisions que 7 à 8 wersts par jour et nous fumes quelque fois obligés de nous arrêter pour la nuit sans qu'il y eût de l'eau dans les environs. Depuis le monastère d'Etchmiazine il n'y eut d'autre nourriture que le ris dont j'ai parlé plus haut et encore étoit-il нетолченой, pendant que les marches étoient telles qu' allant depuis le matin jusqu'au soir on n'avoit pas le temps de le préparer. Il se trouva de ce ris pour tout

le détachement pour 3 jours, et pourtant il a fallu qu' il dura 8 jours juste que nous avons été à faire un chemin que dans d'autres circonstances on auroit fait facilement dans quatre. Au sortir d'Etchmiazine les Persans, qui jusque là avoient toujours cru que nous n'avions levé le siège que pour aller les attaquer dans leur camp (ce que nous aurions certainement fait, si nous avions seulement pour 4 jours de biscuits) devinrent un peu plus hardis et firent mine de se battre sérieusement; mais après quelques petites rencontres un peu rudes ils rentrèrent dans l'ordre.

Seulement un jour ils faillirent nous jouer un mauvais tour. Nous devions marcher par une plaine où l'herbe étoit très haute et très séche. Le vent nous étoit en dos et très violent. Les Persans s'avisèrent de mettre le feu à l' herbe derrière nous, et le vent fit que l'incendie nous eût bientôt atteint, et en même temps ils nous attaquèrent de tous les côtés et établirent sur toutes les hauteurs leurs batteries de falconettes. Là il n'y avoit pas à badiner: la queue de nôtre bagage se trouva dans le plus grand danger, et sur tout nous avons craint pour les caissons à poudre de l'artillerie et des régiments de l'arrière-garde. Cependant à la fin et avec infiniment de peine on réussit, à force de manteaux, de sacs, ete, d'éteindre l'incendie, et en même temps on repoussa les Persans de tous les côtés. Ce tour leur plût, et ils le répétèrent les jours suivants, mais les vents ne les secondèrent pas comme la première fois.

A trois marches de Karaklisse nous rencontrâmes Pir-Kouli-Khan qui, rappellé par le Shah, revenoit de la Géorgie avec ses 6000 h. Il voulut nous em-

pêcher le passage d'un défilé qui se trouvoit sur notre chemin, mais nous l'eûmes bientot forcé, et lui, prenant un autre chemin, s'en alla à sa destination. C'est ici que les Persans prirent congé de nous, et nous ne les vîmes plus depuis, après avoir marché toujours en compagnie pendant 7 jours. Nous n'étions pas encore du tout tranquilles, pourtant, ne sachant pas ce qui se faisoit à Karaklisse et si on nous enverroit de Tiflis des vivres au moins pour remplacer ceux que nous étions intentionnés d'ôter à la garnison de Karaklisse; car nous commençions à souffrir de faim, et le futur n'étoit pas du tout assuré. Mais deux jours après nous eumes la joie de voir venir à notre rencontre un petit convoi de biscuits et la joyeuse nouvelle que le général Talysine arrivoit de Tiflis avec 600 mesures (четверть) et n'étoit plus qu'à une journée de Karaklisse. En effet il y arriva le même jour que nous, et nous ne songeames plus qu'à l'agréable occupation de construire des fours et de faire du pain. De Karaklisse nous mîmes encore 11 jours pour venir a Tiflis, ayant une montagne terrible et une rivière extrêmement difficile à passer. Il est impossible de conçevoir la joie de ceux qui étoient restés en Géorgie à notre retour. Pir-Kouli-Khan avoit répandu la terreur, et pour nous on nous avoit regardé comme perdus. Nous trouvâmes Tiflis comme dans un état de siège; on y attendoit l'assaut tous les jours, quoique jamais les Persans n'ayent pu en conçevoir l'idée.

Voilà une bien longue lettre, mon très cher papa, mais j'ai voulu vous décrire tout ce qui nous étoit arrivé. Je vous supplie d'embrasser pour moi Katinka et me rappeller au souvenir de tous nos amis.

ПИСЬМА
КНЯЗЯ М. С. ВОРОНЦОВА

КЪ

ДЯДѢ ЕГО ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАНЦЛЕРУ

ГРАФУ А. Р. ВОРОНЦОВУ ИЗЪ ГЕРМАНІИ

1805 года.

Не прошло и полугода по возвращеніи князя Воронцова изъ Персидскаго похода, какъ началась у насъ новая война противъ Французовъ, въ союзѣ съ Англіей, Австріей и Швеціей. Франціи угрожало цѣлое нашествіе, и наша военная молодежь мечтала побывать въ Парижѣ. Подъ начальствомъ графа П. А. Толстаго, князь Воронцовъ участвовалъ въ походѣ по Сѣверной Германіи. Къ сожалѣнію, писемъ его оттуда сохранилось не много. Послѣднія три изъ нижеслѣдующихъ писаны, когда тотъ, кому они обращены, уже не находился въ живыхъ: такъ туги были тогда сообщенія! П. Б.

Письма князя М. С. Воронцова къ дядѣ его государственному канцлеру графу А. Р. Воронцову изъ Германіи 1805 года.

1.

Lüneburg, ce 12 (24) novembre 1805.

Je ne peux vous exprimer, mon très cher oncle, combien j'ai été rejoui à Schwerin en recevant les quatres lettres que vous avez eu la bonté de m'écrire du 7, 16, 22 e. 27 septembre. Il y avait si longtemps que je n'avais eu de vos nouvelles que je ne pouvais m'empêcher d'être un peu inquiet, et je craignais que vous ne soyez indisposé. Ma joie a donc dû être extrême en recevant ces quatre lettres et de voir dans chacune que vous vous portez bien.

Le neveu du comte Завадовскій n'est pas avec nous; il est dans la partie de notre régiment qui marche sous les ordres du Grand-Duc et qui doit être à présent bien près de se réunir avec l'armée de Koutouzow et de Buxhövden. Dans notre armée il n'y a d' officiers de Préobrajensky que Narychkine et moi.

Vous savez déjà sûrement les caprises du roi de Suède et l'ordre qu'il a donné à ses troupes de rentrer en Poméranie. La perte que nous faisons par là est d'environ 6 à 7000 hommes de bonne infanterie; car il n'avait pas pu envoyer d'avantage, et pour sa cavalerie elle est détestable et ne vaut pas le four-

rage qu'elle consumerait. Heureusement pour nous il débarque dans ce moment un corps anglais et hanovrien de 12 mille hommes qu'on promet encore de renforcer.

Nous n'avons aucune nouvelle sur la marche des Français à notre rencontre, et je crois que nous n'en verrons pas au moins jusqu'au printemps. La forteresse de Hameln, où il y en a environ 4000, est jusqu'à présent à moitié cernée par les Prussiens; mais il est possible qu'elle sera bloquée par une partie de nos troupes. Le comte Tolstoy est dans ce moment à Hildesheim chez le duc de Brunswick; il doit revenir dans deux jours, et alors on décidera ce qu'il y a à faire avec Hameln; car les Prussieus bloquent si mal cette forteresse que les Français font continuellement des petites sorties et maltraitent les habitants à la ronde.

Il est arrivé ici cette nuit une nouvelle par estaffette, qui, si elle se confirme, nous consolera des malheurs des Autrichiens et des marches rétrogrades de Koutouzow: c'est que les Français, ayant attaqué ce dernier à Krems, furent complètement battus et laissèrent 12000 hommes sur la place. Ceci et la magnifique victoire du brave Nelson auront fait passer de mauvais moments à m-r Bonaparte.

Adieu, mon très cher oncle. Je vous supplie de me rappeller au souvenir des tous nos amis et de croire au profond respect et à l'attachement sans bornes avec les quels je suis votre très humble et très obéissant serviteur et neveu Michel Woronzow.

2.

Nienbourg, ce 18 (30) novembre 1805.

Je profite de l'envoi d'un courrier à Berlin pour vous dire, mon très cher oncle, que je suis ici depuis hier et que le quartier-général va être transporté pour quelques jours à Hanovre.

Nous avons enfin reçu la nouvelle officielle de la réunion de l'armée de Koutouzow avec celle de Buxhövden, et de tous les combats glorieux qui ont eu lieu pendant sa retraite. Le plaisir bien grand que cela nous a fait est pourtant mêlé des regrets en ce que nous restons ici les bras croisés, pendant que nos autres armées se distinguent. Nous n'avons pas même l'espoir de voir bientôt d'ennemis.

Le temps est détestable; il pleut depuis le matin jusqu'au soir, et nous attendons avec impatience les gelées. Avant cela il nous est bien difficile d'avancer vers la rivière d'Ems, car il y aurait beaucoup de malades, si on marchait par le temps qu'il fait.

Les Prussiens paraissent vouloir se déclarer hautement et avec toutes leurs forces contre les Français. Ceux-ci seraient dans ce cas bien mal à leur aise, et Bonaparte est à présent dans une situation bien critique, pour peu que les alliés seront d'accord.

Adieu, mon très cher oncle. J'espère recevoir bientôt de bonnes nouvelles de vous et vous prie de croire au profond respect etc.

3.

Nienbourg, ce 26 novembre (8 décembre) 1805.

Il y a de nouveau longtemps que je n'ai pas eu de vos nouvelles, mon très cher oncle, et tous les jours j'espère en avoir.

Il est décidé enfin que nous laisserons seulement un petit corps pour le blocus de Hameln et que le reste de l'armée combinée, russe et anglaise, s'avancera aussitôt que possible vers la frontière de la Hollande. De cette manière les Français, étant inquiets pour ce pays, seront obligés d'y envoyer quelques troupes, qui sans cela auraient marché pour joindre ce qu'ils appellent leur grande armée, et si nous ne pouvons pas faire grande chose par nous mêmes dans cette campagne, au moins aurons nous fait déjà une forte diversion.

Les dernières nouvelles de nos armées en Autriche sont bonnes, et il paraît que les Français commencent à rétrograder. Il est impossible de concevoir de mensonges aussi impudents que ceux contenus dans les bulletins de Bonaparte; je serais curieux de savoir ce qu'il écrira une fois qu'il sera en pleine retraite.

Le comte Münster, qui a été à Pétersbourg, vient d'arriver ici il y a deux ou trois jours pour règler le gouvernement de ce pays. Il m'a apporté des let-

tres de mon père et de ma soeur, qui se portent parfaitement bien.

Je viens de recevoir votre lettre, mon très cher oncle, du 15 octobre, et je suis tout étonné que vous n'avez pas reçu la mienne de Christianstadt; car elle a dû être remise à m-r Kalinine [1]) le 4.

Nous allons demain faire un course à Hanovre, d'où nous reviendros, je crois, après-demain; la distance d'ici n'est que de 5 miles d'Allemagne.

Adieu etc.

M-r Laptew [2]) n'est pas dans notre corps, mais dans celui le Koutouzow.

---

[1]) Петербургскій почтъ-директоръ. П. Б.

[2]) Одинъ изъ воспитанниковъ княгини Дашковой. П. Б.

4.

Nienbourg, ce 7 (19) décembre 1805.

Je ne vous ai pas écrit de quelques jours, mon très cher oncle, parce que, inquiétés comme nous le sommes par les nouvelles qui nous arrivent de toutes parts, j'espérais savoir quelque chose de sûr et bientôt, et jusqu'à là je n'ai pas le courage de rien faire. Mais il paraît que dans la bagarre on nous a tout-à-fait oublié, et nous sommes jusqu'à présent dans la plus cruelle incertitude. Les gazettes et les lettres particulières nous annoncent qu'on a perdu une bataille et qu'après cela on a fait une trêve qui doit amener la paix. Une bataille perdue n'est pas grande chose, mais une paix faite tout de suite après est une chose désolante et déshonorante, selon moi, au suprême degré. Ou il ne fallait pas se mêler de la guerre, ou bien la soutenir avec vigueur. Je ne vois pas comment après cela un Russe pourra regarder un Français en face sans mourir de honte.

J'espère que bientôt nous saurons ce qui en est. Il est étonnant que de Berlin on ne nous donne pas de nouvelles.

5.

Nienbourg, ce 12 (24) décembre 1805.

J'ai reçu, mon très cher oncle, votre lettre du 8 novembre et je suis enchanté d'apprendre que vous vous portez bien et que vous vous prépariez à aller pour l'hiver à Moscou.

Nous avons reçu ces jours-ci des courriers de Berlin et du prince Czartorysky, qui nous ont donné à la fin des renseignements clairs, mais bien tristes sur la situation des affaires. La perfidie et la lâcheté des Autrichiens ayant mis fin à toute espérance de pouvoir agir contre les Français de ce côté-là, l'Empereur, croyant toujours que la Prusse agira loyalement, lui a donné la disposition des corps du général Benigson et du nôtre. Par tout ce qui se fait, il ne peut presque point y avoir de doutes qu'elle fera la paix, et tout ce qui nous en arrivera, c'est un libre passage par son territoire pour revenir en Russie. Dans le premier ordre du roi de Prusse au comte Tolstoy il est dit que, ne devant pas jouir le rôle d'agresseur, il lui recommande de laisser un rayon plus étendu a la forteresse de Hameln, afin que la garnison ne soit pas exposée à la disette. Nous voilà donc venus ici non pour la guerre aux Français, mais pour soigner leur approvisionnement.

Tout cela est bien désolant, mais pour me consoler je me dis que la guerre étant à peu près finie, j'aurai dans peu de mois le bonheur de vous voir, mon très cher oncle. Je vous supplie en attendant de croire au profond respect etc.

6.

Nienbourg, ce 24 décembre 1805.

Il y a de nouveau bien longtemps que je n'ai pas de vos nouvelles, mon très cher oncle; mais j'en attends tous les jours avec impatience. Vous devez savoir depuis longtemps tout ce qui est arrivé entre les armées. Bonaparte a de nouveau triomphé par la ruse et la perfidie ou, pour mieux dire, par la bassesse et l'avilissement de l'Autriche et de la Prusse. Tout cela est bien désolant. Nous vivons dans un vilain siècle, et Dieu sait quand cela changera.

Nous attendons bientôt l'ordre de partir pour retourner en Russie. On prétend qu'il y aura, peut-être, pour le printemps de la besogne en Pologne; mais je crois que Bonaparte, malgré son bonheur, ne sera pas assez fou pour aller si loin.

Adieu, mon cher oncle, etc.

ПИСЬМА

АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА.

1.

Mon général.

Le général Krasnow, commandant les avant-postes sur la route de *Poreczie*, a fait parvenir la nouvelle comme si l'ennemi avait poussé une colonne sur la direction de *Beloi*. Cette nouvelle est trop intéressante que je ne veuille en avoir la certitude. Le général en chef absent pour les avant-postes de m-r Platow, je n'ose laisser échapper l'occasion d'éclaircir ce doute. Veuillez, mon général, m'en faire parvenir des renseignements, ce qui ne peut ne pas influer sur mes entreprises ultérieures, et le général en chef, tranquillisé sur ce compte, vous en saura gré.

J'ai l'honneur d'être avec la plus parfaite considération, mon général, votre très humble et très obéissant serviteur

Yermolow, chef de l'état-major.

Ce 14 juillet 1812. 2 heures après dîné.

2.

Получ. въ Нюренбергѣ. (1814).

Любезный товарищъ и братъ!

О мудромъ Нейдгартѣ получилъ письмо ваше; но онъ точно сдѣлалъ такъ, какъ въ полученномъ мною отъ Дибича сообщеніи сказано. Сію бумагу дали мнѣ въ самый день вашего отъѣзда изъ Праги. Въ ней сказано, что дивизія 12-я отходитъ къ 5-му корпусу и съ нимъ располагается.

Любезный братъ, видѣлъ ты, какъ стараются разумѣть насъ, и я увѣренъ, что данному слову вѣрить мы не должны. Нѣмцы никогда мнѣ не благоволили. Меня чрезвычайно огорчило повелѣніе фельдмаршала и чтó хуже, что едва ли насъ увидитъ Государь. Я постараюсь пріѣхать скорѣе, видѣть брата любезнѣйшаго; но мнѣ уже нѣтъ нужды видѣть 12-ю дивизію, и это меня огорчаетъ.

Ермоловъ.

3.

(1815).

Чудеснѣйшій изъ человѣковъ!

Преже о службѣ. Я распечаталъ на имя ваше бумагу отъ фельдмаршала, дабы удостовѣриться въ содержаніи ея и нашелъ, что она тоже, что̀ къ Удому. Нужно поспѣшить отвѣтомъ.

Теперь слово о нашихъ дѣлахъ. На бульварѣ всѣ. Я Злодѣйкѣ сдѣлалъ возможныя вѣжливости и умѣлъ избѣжать встрѣчи Глазъ. Званъ вмѣстѣ съ нею сегодня ужинать и отказался. Въ пять часовъ вѣдьма назначила пріѣхать къ ней. Тамъ никого не будетъ, и я отдамъ записку вашу. Черные Глаза были на гуляньи; страшно скучны. Я ничего не говорилъ съ нею кромѣ обыкновенныхъ вещей. Она скучна ужасно и страшно поблѣднѣла. Я подозрѣваю, что Глаза не лучшую сегодня отправляли должность. Вѣдьма сказала мнѣ, что Глаза видѣли васъ уѣзжающихъ изъ города. Сказала мнѣ о привязанности къ вамъ. Прощайте.

Душевно преданный

Ермоловъ.

4.

(1815 **Краковъ**).

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій товарищъ!

Письмо ваше ко мнѣ, *письмо и чай* также получилъ. Видѣлся съ вѣдьмою, но говорить не могъ. Послѣдніе дни поста никуда не ѣздятъ, потому ничего и узнать не могъ. Меня не разъ однакоже спрашивала она: точно ли имѣете привязанность къ Чернымъ Глазамъ? Я божился и даже сказалъ, что болѣе удобны къ тѣмъ чувствамъ, нежели я. Справедливость и въ семъ случаѣ заставила пренебречь собственную выгоду. О чаѣ спрошу, можно ли будетъ отослать. Я думаю, что сіе нѣсколько встревожитъ спокойствіе мужа; а особливо онъ, будучи здѣсь, могъ говорить съ матерью, тою самою, чтò бранила Черные Глаза и не велѣла съ вами видѣться. Послѣ завтра буду у *вѣдьмы*, обо всемъ переговорю и пришлю нарочнаго. Отъ васъ всѣ здѣсь безъ памяти и все чтó можетъ быть лестнымъ, суть похвалы обыкновенныя вамъ. Мнѣ всегда казалось, что Черные Глаза тѣмъ восхищены. При ней нарочно всегда бывалъ разговоръ. Она ни слова на то; но это самое болѣе нежели чтò обнаруживало ея чувства. Вѣдьма съ вашей стороны рѣшительно. Всѣ вамъ кланяются бабы. Мои васъ всѣ боготворятъ. Я люблю и почитаю васъ какъ брата. Душею на вѣкъ

А. Ермоловъ

Съ Злодѣйкою у меня не клеится. Она сколько можно скрываетъ, что перестала быть равнодушною. Со мною обхожденіе престранное. Я ей хочу сказать Французскую пословицу и бросить, ибо ничего порядочнаго не выйдетъ. Она ѣдетъ весьма скоро.

5.

Краковъ, Марта (1815).

Чудеснѣйшій изъ человѣковъ!

Слава Богу брани, нѣтъ мира на землѣ! Вы вмѣстѣ съ симъ получите бумагу быть готовыми къ выступленію въ походъ; но думаю, что уже предупредили васъ изъ главной квартиры. Какъ бы то ни было, все хорошо и, мнѣ кажется, я имѣю счастіе служить вмѣстѣ съ вами, почтеннѣйшій товарищъ. Кажется, ступимъ мы на землю Италіи, гдѣ, не углубляясь въ древность, будемъ имѣть примѣры къ подражанію самихъ соотечественниковъ нашихъ, гдѣ каждый шагъ шествія нашего воспомянетъ намъ славныя дѣла великаго Суворова. Душа въ душу, рука за руку, исполнены усердія къ славѣ народа нашего и Государя, будемъ мы дѣйствовать вмѣстѣ, любезнѣйшій графъ. По взаимнымъ чувствамъ, по сдѣланному взаимно обѣщанію, представимъ мы примѣръ единодушія, и соотчичи наши благословятъ доброе наше согласіе. По обороту обстоятельствъ надобно думать, что не долго оставаться намъ въ праздности. Я въ восхищеніи и какъ бы получилъ новую жизнь. Увѣренъ, что тѣже и ваши чувства! До васъ вѣрно уже дошло извѣстіе, что *Наполеонъ* ушелъ съ *Эльбы*. Въ семъ нѣтъ ни малѣйшаго уже сумнѣнія по многимъ свѣдѣніямъ изъ Вѣны. Слухи не согласуются въ томъ толь-

ко, гдѣ онъ присталъ къ берегу; болѣе думаютъ, къ берегамъ Франціи близъ *Тулона*; нѣкоторые полагаютъ, что въ *Неаполѣ*. Гдѣ ему угодно, вѣрно то, что война неизбѣжна! Австрійская армія собирается, и поспѣшно, къ границамъ Италіи.

Теперь поговоримъ о собственныхъ дѣлахъ. Черные Глаза еще здѣсь; давно уже готовы были уѣхать, но Злодѣйка удержала. Вчера пріѣхалъ самъ мужъ, ожидавшій встрѣтиться съ нею на дорогѣ. La tante dit que c'est un homme de très bonne naissance et très comme il faut. Вѣрю первому, и не знаю почему, сумнѣваюсь въ послѣднемъ. Его никому и не показали здѣсь. Черные Глаза по отъѣздѣ вашемъ въ ужасной были скукѣ и такъ, что того никакъ скрыть было невозможно; была даже очень нездорова. Тетка (которую впередъ называть буду вѣдьмою) призналась мнѣ, что у Черныхъ Глазъ есть начало привязанности, которую строгое обхожденіо *de la belle-mère* еще болѣе умножаетъ. Я думаю, по сплетнямъ, дошедшимъ до мужа, онъ вдругъ неожидаемо написалъ къ ней самое нѣжное письмо, ни малѣйшаго не обнаруживая подозрѣнія. Это такъ ее тронуло, что она тотчасъ было поѣхала къ нему. Я часто весьма говорю съ нею объ васъ. Меня всегда слушаютъ съ удовольствіемъ. Въ первый разъ запретили мнѣ говорить; чрезъ пять минутъ забыли запрещеніе. Въ тотъ же вечеръ я успѣлъ говорить нѣсколько разъ. Отвѣчали, что о томъ непозволительно ей думать, что слишкомъ велики ея обязанности мужу. Но если когда коснется привязанности, то она говоритъ, что имѣетъ ее къ дѣтямъ; но никогда не слыхалъ я, что къ мужу. Изъ всего заключаю, что за звѣрь мужъ! Я нѣсколько разъ по-

слѣ говорилъ съ нею. Она недовольна, что вы нескромно сдѣлали *confidence* о привязанности къ ней. Я догадываюсь *вѣдьмѣ*. Вамъ прощено, что я о томъ знаю, и насъ не иначе разумѣютъ, какъ братьями, даже называютъ *Castor et Pollux*. Съ Немоевскою она очень хороша, но Немоевская ничего не могла мнѣ сказать: говоритъ, что Черные Глаза никогда о томъ съ нею не говорятъ. Вѣдьма часто при ней хвалитъ васъ чрезвычайно, и Черные Глаза съ удовольствіемъ слушаютъ. Разъ мнѣ Черные глаза сказали, что она не вѣритъ вашимъ чувствамъ и что вы все дѣлаете *par vanité*. Я спросилъ, почему, и мнѣ доказать не умѣли. Я сказалъ qu'il y a plutôt de la gloire à s'attacher une personne telle qu'elle est. Вздохнули и умолкли. Словомъ, кокетствуетъ ужасно, когда я объ васъ говорю: сдѣлается задумчивою и мила какъ ангелъ. Съ нею ничего сравнить невозможно. Худая безпрерывно погода прерываетъ наши свиданія, и уже *boulevard* пустъ. Вижу ее по вечерамъ, но всегда короткое время, и на насъ слишкомъ много обращено глазъ: всѣ подозрѣваютъ. Сплетницы злы, какъ черти, и несносны; мнѣ кажется, она отъ нихъ терпитъ. Послѣ васъ нарочно при ней говорили о чепцѣ *Бышевской*. Помните ли? Ей хотятъ внушить противъ васъ подозрѣніе. У меня спрашиваютъ: поѣду я въ Калишъ и когда, ибо я не скрываю, что вмѣстѣ пріѣдемъ назадъ.

Я послѣ васъ долго не выѣзжалъ, отказывался отъ многихъ приглашеній; но наконецъ меня изсильничали, и я *Злодѣйку* вижу почти всякій день. Она перемѣнилась совершенно: кокетствуетъ менѣе нежели кто-либо; я вижу, что то съ намѣреніемъ болѣе привязать меня къ себѣ. Я признаюсь, что не могъ пре-

одолѣть моей къ ней привязанности, и одно оставалось средство избѣжать скорымъ отъѣздомъ. Она послала за лошадьми, но къ несчастію осталась здѣсь на праздники. Я не прощаю себѣ, что не послѣдовалъ вашему совѣту; теперь жалѣю, но уже поздно. Поправить можно, но не достанетъ времени. Она не перестаетъ опять съ нѣкотораго времени показывать ко мнѣ привязанность свою. Ужасно! Не повѣришь, любезный графъ, какъ Черные Глаза строго за нею смотрятъ и какъ мнѣ вредятъ у ней. Говоритъ мнѣ, что мнѣ нужно уѣхать, что надобно быть далѣе отъ ней и что въ послѣдствіи времени, короче узнавши обстоятельства, я увижу, сколько она мнѣ желаетъ добра. Противорѣчія безпрерывныя! Попался я въ хорошія руки!

Теперь, благодаря судьбѣ, всему конецъ. Когда дѣло идетъ о войнѣ, когда въ предметѣ слава, можетъ ли чѣмъ другимъ наполнена быть душа солдата любящаго честь? Лишь дай Боже скорѣе. Съ какимъ восхищеніемъ оставлю Краковъ. Развѣ останутся слабыя о немъ воспоминанія.

Завтра званъ я къ Вѣдьмѣ на вечеръ. Что̀ произойдетъ относительно обоихъ насъ, обо всемъ напишу.

Теперь, любезнѣйшій графъ, нельзя уже мнѣ быть въ Калишъ. Ежедневно ожидая повелѣній, невозможно мнѣ отлучиться отсюда. Государь по обстоятельствамъ бѣгства *Наполеона* отсрочилъ на нѣкоторое время отъѣздъ свой изъ Вѣны, дабы обо всемъ узнать подробнѣе. Естли вы все по дивизіи устроите въ порядокъ и замедлится наше выступленіе, то можно сюда пріѣхать.

Васъ обо всемъ положительнѣе можетъ извѣстить *Сабанѣевъ*. Если что узнаете точнаго, дайте и мнѣ знать. Между тѣмъ сообщенія между нами сдѣлаются удобнѣйшими и естлибы что случилось, то можете отсюда успѣть въ два дни прибыть къ дивизіи. Увѣдомьте обо всемъ, какъ расположите.

Всѣ мои и, можно сказать, наши товарищи, боготворящіе васъ, которыхъ вы владѣете душею, вамъ кланяются.

Старуха *Грибова* скоро послѣ васъ умерла, и трауръ почти на половинѣ города. *Водзицкія* и Пршеземскія никуда не выѣзжаютъ; общество чрезвычайно уменьшилось. *Vincent* также уѣхала.

6.

Пол. 27 Марта. 16 Марта по утру. (1815, Краковъ).

Почтеннѣйшій графъ Михаилъ Семеновичъ и любезный товарищъ!

Послѣднее письмо ваше получилъ. Какой таинственный даръ имѣете сдѣлать ихъ одно другаго пріятнѣйшими. Въ семъ послѣднемъ меня восхищаетъ то сходство, которое находите въ образѣ мыслей нашихъ и правилахъ. Оно должно было существовать, чтобы столько заставить васъ любить и почитать, сколько я умѣю. И такъ, отъ сходства начиная, начну драгоцѣннѣйшимъ для насъ, честію и обязанностями нашими: походомъ и войною! У меня до сего времени голова въ чаду отъ радости, и вы, любезный графъ, весьма много тому причиною. До сего времени судьба, во всемъ другомъ чрезмѣрно ко мнѣ щедрая, лишала сладостнаго удовольствія имѣть сослуживцемъ-товарищемъ друга. Не могу сумнѣваться, что и сего достигъ я счастія.

Радость умножаютъ мою и храбрые наши *легіоны*.

Чтò говорить могу я о двѣнадцатой дивизіи, когда она подъ начальствомъ вашимъ? Мнѣ одно останется чувство удивленія. У насъ 9-я дивизія, которой довольно вспомянуть, что нѣкогда была она Суворова.

У насъ 2-я гусарская храбрая дивизія, которая, по привычкѣ къ успѣхамъ, пойдетъ путемъ славы. Прибавимъ къ тому, естли мы составимъ авангардъ арміи, не слишкомъ ли достойна зависти участь моя? Не найдутся ли люди могущіе лишить меня счастія командовать имъ? Боюсь!—Замолкли о походѣ нашемъ. Развѣ успѣхи *Наполеона* не приведутъ ли насъ въ движеніе. Вы уже конечно читали выписку изъ *Moniteur*, что онъ въ *Ліонѣ*, измѣною въ немъ бывшаго гарнизона. Я разсуждаю такъ: въ странѣ Франціи, наименѣе ему расположенной, выйти на берегъ безъ препятствія есть уже успѣхъ значительный. Отойти отъ берега на 50 миль, надобно непремѣнно имѣть связи и способы; позволить себѣ предпріятіе противъ города каковъ *Ліонъ* и сверхъ того защищаемаго значущимъ гарнизономъ, надобно имѣть силы. Здѣсь есть партикулярныя извѣстія, что маршалъ Gouvion *St. Cyr* перешелъ съ войсками *къ Наполеону*; но половина войскъ разошлась, не согласясь передаться. Говорятъ, что у *Marie-Louse* перехвачена переписка и будто намѣреніе было у нея отправить къ нему сына. Весь дворъ ея и услуга перемѣнены, и она живетъ уже въ самомъ городѣ. Австрійскія всѣ войска идутъ въ Италію и тѣ, что̀ стоятъ въ *Подгуржѣ* противъ Кракова.

Не знаю, почему здѣсь всѣ вообще заключаютъ, что Австрійцы участвуютъ въ отходѣ Наполеона. Думаютъ; что союзъ нашъ съ Франціею устрашилъ ихъ и, чтобы оставить насъ однихъ, заняли Францію междоусобною войною, дабы ослабить требованія наши на конгрессѣ. Англичане также имѣютъ въ томъ свои виды. Можетъ быть, Австрія не надѣялась, что успѣхи Наполеона въ короткое время такъ будутъ рѣшительны; быть можетъ, что она ошиблась въ своихъ разсче-

тахъ; но уже зло сдѣлано, и теперь надобно опасаться, чтобы слѣдствіемъ того не была война жестокая.

Велингтонъ выѣхалъ уже изъ Вѣны къ командованію арміею во *Фландріи.*

Вы должны имѣть изъ Варшавы извѣстія любопытныя. Не думаю, чтобы фельдмаршала оставили въ совершенномъ на счетъ обстоятельствъ невѣдѣніи. А то чтѐ онъ знаетъ, вы вѣрно знаете. Послѣдніе оттуда слухи, что главная квартира совершенно покойна и о походѣ не помышляетъ. Жаль, любезнѣйшій графъ, но сердце мое то предчувствуетъ: не быть войнѣ, не служить намъ вмѣстѣ!

16 Марта ввечеру.

Теперь о дѣлахъ собственныхъ.

Я говорилъ *съ вѣдьмою.* Ничего нѣтъ толку. C'est un dédale de contradictions. Говоритъ, что она увѣрена въ томъ, что *Черные Глаза* имѣютъ начало къ вамъ привязанности и начало доброе, что она чрезвычайно осторожна и всѣ сохраняетъ наружности, почему не слишкомъ явна ея къ вамъ наклонность. Потомъ вдругъ говоритъ, что она весьма строгихъ правилъ и конечно не отклонится отъ пути чести и своихъ обязанностей, что боготворима своимъ мужемъ и сколько возможно сберегаетъ его. Тогда же говоритъ, что она никакихъ наслажденій въ жизни не имѣетъ, кромѣ привязанности къ дѣтямъ своимъ. Мнѣ кажется изъ сего послѣдняго заключить должно, что въ мужѣ она ничего для блага и счастья своего не находитъ, слѣдовательно чувствъ любви не можетъ быть чуждою. Я согласенъ вѣрить, что она имѣетъ

даже силу бороться съ ними, но бороться и покорить совсѣмъ другое. Естлибы менѣе было препятствій ее видѣть, естлибы жили вы съ нею въ одномъ мѣстѣ, при томъ началѣ привязанности, о которомъ говоритъ *вѣдьма* и которое вы могли уже нѣсколько примѣчать, думаю я, она кончила бы тѣмъ, что принадлежала бы вамъ. Естли можно допустить то, что она къ вамъ неравнодушна, то согласитесь, что не такъ легко обратится она къ совершенному спокойствію, когда растравляетъ его жизнь уединенная, единообразная, неразлучная съ человѣкомъ, котораго она любить не можетъ и съ которымъ знаетъ она, что жить должна вѣчно. Вотъ положеніе ея и, какъ кажется, сумнѣваться нельзя, что довольно горестное. Я очень помню, что предъ ея отъѣздомъ отсюда говорилъ я съ нею объ васъ уже гораздо свободнѣе. Вѣдьма соглашается отослать къ ней вашъ чай, но письма́ не принимаетъ. Я увѣрялъ ее, что въ немъ столько же все невинно, какъ бы я ей пожелалъ добраго утра; но, вѣря тому совершенно, никакъ письма́ не взяла. Я спрашивалъ, можно ли будетъ пріѣхать къ ней, когда вы будете сюда; мнѣ отвѣчали, что невозможно; словомъ, я понять не умѣю. Чрезъ три недѣли вѣдьма увѣряетъ, что она на нѣсколько дней пріѣдетъ въ городъ съ своими дѣтьми. Знаю, почтеннѣйшій графъ, другъ мнѣ любезный, что не легко покорить сердца чувство. Нельзя сказать ему: перестань любить, или по крайней мѣрѣ невозможно скорое назначить ему время. Но думаю, надобно тѣмъ кончить. Вы согласитесь со мною, что *Черные Глаза* кажутся пообстоятельнѣе и прочнѣе *Злодѣйки*; но положимъ, что она имѣетъ не болѣе постоянства въ характерѣ и не болѣе вѣрна своимъ обязанностямъ, то и тогда надобно все кончить и,

буде можно, стараться навсегда забыть. Я вамъ говорю изъ опытовъ, происшедшихъ между мною и *Злодѣйкою*. Она видѣла, сколько я люблю ее и какъ далеко уже шла моя привязанность; но кажется, что она еще болѣе хотѣла заставить почитать себя, нежели любить. Я точно удивился ей, не могъ не уважать ея правила, жалѣлъ, что ей стоило нѣкоторой борьбы съ чувствами, но долженъ былъ кончить дружбою: конецъ не удовлетворяющій моимъ ожиданіямъ, тяжкій для моего сердца. Но такъ сдѣлалось, любезный графъ, и моей вины немало. Завтра или послѣ завтра она ѣдетъ. Я даю ей честное слово никогда ея не видать и не искать того. Она сказала мнѣ qu 'elle était persuadée que je ne voudrai pas troubler le repos d' une femme malheureuse. Я въ тоже время даю слово стараться и вамъ не говорить о ней болѣе, развѣ когда въ минуту грусти вырвется какое нибудь о ней слово. Я узналъ, какъ жестоко я любилъ ее. *О Черныхъ Глазахъ* я буду стараться узнавать точную истину и доброе или худое отъ васъ не скрою. Можетъ однакоже и то быть, что она живѣе имѣетъ чувства, нежели *Злодѣйка,* и я даже думаю быть въ томъ увѣренъ. *Немоевская* о ней ничего не знаетъ; я подозрѣваю, что она ея остерегается, какъ живущую здѣсь. Ничего не могъ я развѣдать объ отвѣтѣ данномъ на вопросъ вашъ. *La vanité* не знаю почему замѣшалась, но божились, что отвѣтъ не диктованъ. Я радъ однакоже присягнуть, что въ томъ есть участіе *Черныхъ Глазъ.*

Естли не можно вамъ будетъ сюда пріѣхать, а *Черные Глаза* будутъ здѣсь, я добьюсь до чего нибудь точнаго. Обѣ сестры одна другой остерегались и скры-

вали свои чувства; когда *Sophie* одна будетъ, можетъ быть, легче я ихъ открою. Не понимаю, чтò бы заставило вѣдьму сказать *qu'elle lui voyait un beau commencement*. Все узнáемъ, и я буду вашимъ же совѣтомъ убѣждать васъ, то-есть поступить рѣшительно. Увидимъ, такъ ли удобно въ подобныхъ случаяхъ совѣтовать или исполнять данный совѣтъ.

21-е число.

Вы увидите изъ числъ письма моего, сколько безпорядочно я писалъ его. Узнаете безпорядокъ моихъ мыслей. Но, почтенный графъ, другъ любезнѣйшій, душа моя въ ужасномъ волненіи. Я не перемѣняю моего письма, хотя обстоятельства, о которыхъ говорю въ немъ, перемѣнились совершенно: повелѣніе о походѣ дало всему другой оборотъ. Идемъ, другъ любезнѣйшій, слава призываетъ насъ! Исполненіе обязанностей нашихъ есть чувство сердцу пріятнѣйшее. Прощайте. Спѣшу отправить курьера. Вслѣдъ за тѣмъ письмо будетъ порядочнѣйшее.

Вѣрный по смерть Ермоловъ.

Говорятъ, Наполеонъ вошелъ торжественно *въ Парижъ*. Король спасся въ *Lille*.

7.

Пол. 27 Марта (1815).

Любезнѣйшій графъ Михаилъ Семеновичъ.

Вчера получилъ письмо ваше и тотчасъ бы отправилъ посланнаго, но мнѣ хотѣлось поговорить съ вѣдьмою, дабы узнать, точно ли будутъ сюда *Черные Глаза*. Она увѣрена, что пріѣдетъ на нѣкоторое время и спрашивала у меня: не близко ли ея переходите вы съ дивизіею границу? Моя колонна переходитъ въ одной только мили отъ *Глазъ*.

Я думаю, что вы можете успѣть все исправить въ дивизіи и сюда пріѣхать изъ Варшавы. Естли вы уже меня здѣсь не застанете, то отъ того ничего хуже не будетъ, ибо вы пріѣхать можете въ мѣстечко *Бендзинъ*, гдѣ 4-го числа я буду переправлять всѣ войска за границу. Мы тамъ проживемъ нѣсколько дней вмѣстѣ близко къ тому, что̀ *всего безцѣннѣе*. Естли же въ то время она будетъ здѣсь, то мы найдемъ причину сюда пріѣхать.

Часто съ вѣдьмою говоримъ мы о *Sophie*; она утверждаетъ, что примѣтила начало привязанности. Вамъ остается удостовѣриться въ томъ. Не мѣшаетъ, любезнѣйшій графъ, еще повидаться. Естли и прихватитъ крѣпко, то бѣжать за границу, куда и безъ того намъ идти должно.

Увидишь, любезный Михаилъ Семеновичъ, какъ больно будетъ разстаться; я испыталъ это ужаснѣйшимъ образомъ. Вчера уѣхала *Злодѣйка* и увезла все, чтó могло быть въ жизни для меня пріятнаго. Благодаря походу, одно и единственное средство утѣшиться. Доселѣ чувства ваши не тѣ были, какъ со времени полученія повелѣнія о походѣ. Отъ васъ зависѣло видѣться, и этой надежды отнять никто не могъ. Перейдемъ шагъ за границу, и война предстоитъ жестокая. Болѣе ли надежды видѣться, какъ и возможности никогда не видать? Вотъ чувство, умножающее горести любящаго человѣка. *Граббе правъ.* Мы съѣдемся вмѣстѣ, и какъ обойтись безъ *signe de détresse?* Но онъ будетъ нѣкоторое время въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ живетъ его Статуя. Тамъ проходятъ войски и почти всѣ имѣютъ растагъ.

Вы мнѣ предлагаете, почтеннѣйшій товарищъ, слѣдовать при вашей колоннѣ. Чтобы быть съ вами вмѣстѣ, я бы всему предпочелъ; но по обязанности службы долженъ идти съ другою колонною: ибо тамъ, гдѣ вы, я совершенно ненадобенъ; а у меня гусары, и я боюсь ихъ шалостей. Вотъ почему я иду съ ними.

Благодарю за присланную копію съ письма о силахъ союзныхъ. Ополченія ужасныя, каковымъ подобныхъ не бывало. Одинъ голодъ имъ страшенъ и котораго мы не избѣжимъ всеконечно.

Я боюсь только того, что прежде нежели всѣ придутъ союзники, Наполеонъ бросится на Велингтона въ Фландрію и потерзаетъ, если не запрутся въ крѣпости; а между тѣмъ онъ воспользуется средствами земли. Онъ успѣетъ встрѣтить насъ близко отъ Рейна, и

первые наши шаги на гнусной землѣ подлѣйшаго народа обмыты будутъ нашею кровью, которой капли они не стоятъ. Можно было избѣжать! Дать отвѣтъ предъ Богомъ! Неужели великодушнѣе положить тысячи невинныхъ, нежели отнять жизнь у одного злодѣя? Вотъ наше обстоятельство! Какой ужасный далъ Наполеонъ урокъ презирать народы тому, у кого въ рукахъ войско. Неужели мы въ 19-мъ живемъ вѣкѣ?

Напишите, любезнѣйшій товарищъ, естли что̀ любопытнаго достигнетъ до васъ. Сегодня проѣхалъ въ Вѣну адъютантъ Великаго Князя спросить, какимъ образомъ долженъ онъ вести себя съ Поляками, надъ которыми появленіе Наполеона въ Парижѣ дѣлаетъ большое вліяніе и которые показываютъ нетерпѣніе знать участь свою.

Представьте, что Сакенъ съ корпусомъ идетъ, и Великій Князь остается одинъ между Поляками, которымъ двѣ недѣли тому назадъ роздали оружіе! До прибытія корпуса Виртембергскаго Евгенія у него остается *Бороздинъ* начальникомъ всѣхъ резервовъ въ герцогствѣ Варшавскомъ. Подпора надежная! Хорошо положеніе Великаго Князя! Я вижу, что войски не для того надобны, чтобы грозила опасность, но чтобы сохранить къ себѣ уваженіе.

Прощайте. Пріѣзжайте. Я ожидаю. Выступимъ, любезный и почтеннѣйшій товарищъ. Прошу судьбу, чтобы успѣхи утвердили еще болѣе любовь нашу къ славѣ оружія великаго нашего народа.

Всѣ мои, а потому и ваши товарищи, всѣ душевно вамъ преданные, свидѣтельствуютъ почтеніе. По ихъ приговору я долженъ идти съ вами. Мнѣ кажется они адвокатами своего дѣла.

8.

Получено 22 Апрѣля въ Bunzlau (1815).

Любезнѣйшій товарищъ и рѣдкой братъ графъ Михаилъ Семеновичъ! Вчера писалъ съ Басаргинымъ и теперь готовъ былъ повторить мою просьбу, чтобы видѣться непремѣнно въ Прагѣ. Я успокоенъ обѣщаніемъ и ожидаю васъ 26-го сего Апрѣля. Я буду въ Прагѣ, гдѣ не болѣе проживу трехъ дней; ибо опять нужно мнѣ быть впереди въ разсужденіи Баваріи, гдѣ, можетъ быть, тѣже встрѣчу затрудненія, какъ здѣсь повсюду. Прощай! Писать болѣе нечего. Ожидаю видѣться съ нетерпѣніемъ.

Я 26 въ Прагѣ. Вы въ *Шланѣ*: нѣтъ 4-хъ миль отдаленія.

9.

Любезный братъ и товарищъ графъ Михаилъ Семеновичъ!

Радъ чрезвычайно, что мы увидимся въ Прагѣ. Мнѣ это нужно по сердцу. Я естли не буду 25-го числа, то непремѣнно приду съ 1-мъ отрядомъ 26 числа. Во всякомъ случаѣ предупрежду. До свиданья, братъ любезный.

До гроба вѣрный Ермоловъ.

10.

Пол. 23 Мая.

21 Маія 1815, Нирснбергъ.

Любезный товарищъ и братъ!

Письмо ваше получилъ сейчасъ; еще полчаса, и я уѣхалъ бы въ *Виндсгеймъ*. Видишь ли, какъ Сакену мила 12-я дивизія? Начальники разумѣютъ иногда, чего надобно желать. Войски дивизіи сами по себѣ прекрасныя, а начальникъ не болѣе ли еще самихъ ихъ нуженъ. Сакена тоже какъ и Ланжерона положеніе. У нихъ вожди отличные; надобно хватать, кто попадется. Удивляетъ меня извѣстіе, что еще мы не раздѣлены. Вѣрить тому не смѣю, и едва ли столько буду я счастливъ; однако будемъ держаться, сколько можно. Побывай, братъ любезнѣйшій, въ главной квартирѣ, когда пріѣдетъ фельдмаршалъ; мнѣ не такъ ловко: у васъ есть придирка, у меня никакой. Вчера изъ Мюнхена прибылъ Тетенборнъ и сказывалъ Полторацкому, что еще не рѣшено, кому командовать авангардомъ. Трое рыцарей, какъ онъ увѣряетъ, къ предметѣ: *Паленъ*, *Ламбертъ* и *я*. De tous les chevaliers je suis certainement celui de la triste figure. Противъ меня и власти, и многіе сильные. Я бы уже желалъ попасть въ линію; и то милость человѣку, имѣющему резервъ въ виду.

Въ Виндсгеймѣ, въ сторонѣ съ большой дороги, я ничего не буду знать. Етсли чтó дойдетъ до вашего

свѣдѣнія, дайте знать и откройте прямую дорогу. Прощай.

Государь завтра изъ Стутгардта пріѣдетъ въ Гейльбронъ и, говорятъ, будетъ въъ Бамбергѣ, слѣдовательно насъ увидитъ. Душевно преданный

Ермоловъ.

11.

29 Мая (1815) Виндсгеймъ.

Письмо ваше, любезнѣйшій братъ, получилъ я прежде нежели извѣстна вамъ была новая диспозиція. Въ главной квартирѣ вы обо всемъ уже узнали. Итакъ, братъ любезный, насъ раздѣлили. Наконецъ успѣли въ томъ. По несчастію я не могъ видѣть Государя, и онъ не имѣетъ понятія о бывшемъ корпусѣ нашемъ. Сіе принадлежитъ къ тѣмъ непріятностямъ, которыя со служеніемъ моимъ неразлучны и къ которымъ придаетъ еще неблагорасположеніе ко мнѣ начальства. Истину сего докажетъ вамъ новая диспозиція. Можно ли было въ разсужденіи меня сдѣлать что-нибудь наглѣе! Я не хочу обижаться, что Ламберту дали авангардъ: онъ, можетъ быть, болѣе имѣетъ на то права по опытности, которою пренебрегать не должно; но ему дали право требовать отъ меня по обстоятельствамъ подкрѣпленій. По составу нелѣпому авангарда, подкрѣпленія сіи ему необходимы, и конечно лишь только къ Рейну, онъ ихъ потребуетъ, а паче имѣя порученіе открыть въ обѣ стороны сообщеніе съ Прусскою и Австрійскою арміями. Изъ пяти полковъ пѣхоты и двухъ гусарскихъ, сколько ни возьмутъ у меня, я останусь гораздо съ меньшимъ числомъ нежели дивизія: слѣдовательно лучше отправить меня къ корпусу гранодеръ, о командованіи которымъ мнѣ уже объявлено, и отъ коего одна дивизія находится уже

при арміи. Я весьма понимаю, что ищутъ дѣлать мнѣ обиды и самымъ глупымъ образомъ. Я писалъ уже, чтобы фельдмаршалъ далъ мнѣ какую-нибудь команду, что всегда она лучше будетъ, нежели то депо войскъ, изъ котораго графъ Ламбертъ будетъ по произволу брать, сколько ему угодно; что естли съ требуемыми подкрѣпленіями я пойду самъ, то, будучи старѣе Ламберта, я невинно сдѣлаю вопреки намѣренію фельдмаршала дать ему командованіе авангардомъ. Сіе обстоятельство понудитъ со мною скорѣе развязаться. Естли продолжатъ пребываніе мое здѣсь подъ командою Ланжерона: я, пришедши къ Рейну, далѣе не пойду, изберу себѣ мѣсто и буду жить. Года 812 рѣдки! Не всегда одинаковы обязанности служащаго, не всегда должно забыть о себѣ самомъ. Естли я служить не буду, я не виноватъ. Не столько еще безтолочи будетъ отъ Нѣмцевъ. Отъ нашествія иноплеменниковъ мало будетъ добра.

Естли что́ узнаешь, напиши, братъ, другъ любезнѣйшій, и никогда не пиши иначе, какъ съ вѣрнымъ случаемъ; я также буду дѣлать. Довольно намъ быть друзьями, чтобы переписку нашу желали знать.

Граббе мой, недавно возвратясь изъ Мюнхена, пробылъ одинъ день, и я его отпустилъ во Франкфуртъ. Онъ въ сопровожденіи любезной ѣздитъ *à petites journées*. Разумѣется, и мужъ вмѣстѣ. Вотъ счастливое положеніе, не похожее на обоихъ насъ! Я отъ *вѣдьмы* писемъ не имѣю и ничего не слыхать. Не тожъ ли и съ вами? Но причины тому различныя. *Черные Глаза* строго наблюдаемы. Мужъ все знаетъ или догадывается. Она сама никому не смѣетъ ввѣриться. *Злодѣйка* въ другомъ положеніи. Мужъ не подозрѣваетъ

или конечно не меня, и сверхъ того она открыла *вѣдь-мѣ* и къ ней писать можетъ. Я къ вѣдьмѣ недавно писалъ и, по данному прежде ей слову, уже не говорилъ о *Злодѣйкѣ* и не буду никогда, естли она ничего писать не будетъ.

Закревской пишетъ къ *Мадатову*, что Австрiйцы не скрываютъ, что прежде прибытiя войскъ нашихъ къ Рейну, дѣйствiя не начнутся. Пишетъ, что *Чернышовъ* сдѣланъ начальникомъ всѣхъ *партизановъ*. Я разумѣю, что въ немъ соединена будетъ сумма бездѣйствiя, безполезности и хвастовства всѣхъ партизановъ. Доселѣ наглости его собственной было недостаточно!! Не лежитъ сердце у *сихъ героевъ* къ службѣ на ряду съ прочими. Они не хотятъ себя уничижить равнымъ съ другими назначенiемъ. Прощай, братъ любезнѣйшiй! Естли раздѣлили насъ по службѣ, ничто не должно раздѣлить насъ по сердцамъ нашимъ. Сходно съ чувствами моего я равно любить и почитать тебя буду. Прошу и убѣждаю сохранить мнѣ дружбу свою.

По гробъ вѣрный Ермоловъ.

P. S. Журналъ продолжается вѣрно.

3 Iюня, *Аубъ* (1815).

Басаргинъ, великiй посолъ, засталъ меня уже на походѣ. Я иду съ *фрагментами* бывшаго нѣкогда моего корпуса. Больно быть такъ разбиту Нѣмцами, а паче *Барклаемъ*! Чтó дѣлать, братъ любезнѣйшiй, терплю, потому что Русской душою; но мнѣ кажется, есть черта, которую терпѣнiе переходя дѣлается подлостiю. Я почти уже стою на ней, или кажется мнѣ.

что она не далѣе Рейна. Я его не перехожу въ теперешнемъ моемъ мѣстѣ; развѣ понудятъ къ тому обстоятельства чрезвычайныя. Увѣряютъ, что Государь увидитъ нашъ лѣвый флангъ въ Гейдельбергѣ. Я очень радъ. Церемоній дѣлать не буду и скажу, чтó у меня на душѣ. Жаль, что не весь корпусъ нашъ будетъ подъ глазами его. Все, чтó слышалъ о другихъ войскахъ, меня бы не страшило. Кажется и намъ ничто не помѣшало имѣть свои части въ добромъ порядкѣ.

Вотъ, братъ любезнѣйшій, есть время и для службы, и для того чтó мило сердцу. Ты говоришь, что Черные Глаза всегда въ памяти. Со мною точно тоже обстоятельство. Никогда со времени отсутствія не грустилъ я столько о Злодѣйкѣ, какъ все это время отдохновенія. Неужели, рѣдкой братъ, другъ любезнѣйшій, и въ семъ случаѣ есть между нами сходство? Для меня оно во всякомъ отношеніи безцѣнно и льститъ весьма. Никогда Злодѣйка не имѣла такой власти надъ сердцемъ моимъ. Прежде господствовала къ службѣ страсть; теперь обида горькая утушила ее, и всѣ чувства мои одной ей принадлежатъ.

Я туже имѣлъ мысль, что лучше было велѣть мнѣ отправиться къ гранодерскому корпусу и потомъ отдать всю кому угодно теперешнюю мою команду. Я не утаю предъ Государемъ обиду мою, хотя теперь же перестать служить я готовъ. Не понимаю, почему не должны покидать меня всѣ непріятности и оскорбленія. Проклятая Нѣмецкая шайка меня вся ненавидитъ, и я безъ сумнѣнія не уклонюсь отъ безпрерыв-

ныхъ обидъ. Одно утѣшеніе быть у Ланжерона въ командѣ!

На письмо мое отвѣчали изъ главной квартиры, что Ламбертъ, будучи произведенъ за *Городечно*, меня старѣе, что фельдмаршалъ никакой не можетъ предложить мнѣ другой команды, какъ гранодерской корпусъ. Я просилъ дать мнѣ какую-нибудь, которою бы графъ Ламбертъ не могъ распоряжаться по произволу, какъ своимъ депо. Не знаю, что́ скажетъ свиданіе съ Государемъ.

Мы такъ въ противныя расходимся стороны, что нѣтъ надежды видѣться. Я не могу отлучиться, ибо грозятъ смотромъ въ *Гейдельбергѣ*. Маршрутъ мой слѣдующій: 3-е Аубъ, 4-е Мергенгеймъ и растагъ, 6-е Адельсгеймъ, 7-е Некаръ-Эльцъ и растагъ, 9-е Гейдельбергъ и 10-е Мангеймъ. Вы идете гораздо правѣе, и до соединенія за Рейномъ проститься надобно. Но что́ я говорю о соединеніи, я, который долженъ командовать резервомъ резервовъ! Естли весь корпусъ Ник. Ник. Раевскаго въ резервѣ, то я могу готовиться къ параду въ Парижѣ, не иначе.

Отъ вѣдьмы ни слова. Не понимаю, что́ значитъ. Не могу думать, чтобы не было писемъ; но вѣрно сыскать насъ не умѣютъ. Я писалъ въ Эйхштетъ, чтобы прислали письма въ *Мангеймъ*. Естли что́ до васъ касающееся будетъ, тотчасъ пришлю.

Хорошъ Засъ! Славный полководецъ! Но сколько вождей и его хуже? Ему за порядокъ вѣрно ни слова. Когда Нѣмецъ можетъ быть непріятенъ сердцу Нѣмца?

Прощай, братъ любезнѣйшій, товарищъ, которому подобнаго я имѣть не буду. Жаль, что не допустили доказать, что̀ въ службѣ можетъ связь дружеская и единодушіе. Храбрымъ вашимъ товарищамъ мой усерднѣйшій поклонъ. Все, что̀ окружаетъ меня, подобно мнѣ, любитъ васъ безъ памяти.

Вѣрный по гробъ А. Ермоловъ.

12.

12 Іюля 1815.

Наконецъ, свободнымъ человѣкомъ, нашелъ я свободную минуту писать къ любезному брату, нѣкогда товарищу безцѣнному. Я представлялъ войска въ Гейдельбергѣ. Они найдены довольно хорошими, но не такъ кажется, какъ бы надлежало. Погода была прескверная, но еще хуже: получено было непріятное извѣстіе о первомъ Блюхера сраженіи, которое неудачно было. Я принятъ благосклонно; но какъ же иначе, чтобы усладить то, что предъ лицемъ непріятеля берутъ у меня команду и отсылаютъ къ такой, которая или служить должна молебны за побѣды другихъ, или, по окончаніи войны, составитъ авангардъ возвращающейся арміи? Никогда обида по службѣ не была для меня чувствительнѣе сей послѣдней, и никогда не былъ я столько вразумленъ, что я служить далѣе не годенъ. Вотъ, любезной и рѣдкой братъ, оправданіе въ томъ, что̀ говаривалъ я вамъ въ Нюренбергѣ. Посмотрю, чѣмъ возразить вы можете?

За̀втра главная квартира переходитъ въ Мангеймъ. Я сегодня ѣду въ Франкфуртъ дожидаться ближайшей дивизіи, изъ которой также, говорятъ, отдѣляется одинъ полкъ въ главныя квартиры. Пріятнымъ я буду казаться дивизіонному командиру, который легко безъ меня могъ бы обойтись. Что̀ дѣлать! Доживу до конца войны и болѣе уже срамиться не буду.

Извѣстіе о славныхъ успѣхахъ Веллингтона и Блюхера наполнило всѣхъ насъ радостію. Побѣда огромностію своею долгое время казалась невѣроятною. Надобно благодарить Бога. Неожидаемо было такое ужасное пораженіе, и мнѣ кажется, происшествіе сіе много должно сократить войну. Я воображаю положеніе Наполеона въ то время, когда ему нужны люди, когда надобны деньги, когда необходимы всѣ необычайныя усилія Франціи. Чтò скажетъ онъ ей? Нуженъ лобъ чрезвычайной.

Наконецъ, совѣсть зазрѣла фельдмаршала: Сабанѣеву составленъ корпусъ и, чтò чрезвычайно радуетъ меня, кажется я нѣкоторое время буду съ нимъ вмѣстѣ. Но онъ составляетъ резервъ, могущій тотчасъ при первомъ востребованіи быть въ дѣлѣ. Всѣмъ намъ Русскимъ пріятно было, что его не заслонили иноплеменники.

Посылаю, любезной братъ, письмы, полученныя изъ Кракова. *Вѣдьма* проситъ вѣрнѣе вамъ доставить. Я изъ сего ожидаю что-нибудь пріятное. Мнѣ прислала она письмо *отъ Злодѣйки къ ней.* Sous des noms supposés говорится обо мнѣ. Ничему не вѣрится. Я долженъ скоро забыть. Привязанность моя непродолжительна. Словомъ, *un manège très ordinaire.* Я давно себя увѣряю, что точно долженъ забыть и никакъ не могу скоро это сдѣлать. Теперь надежда скорѣйшаго войны окончанія еще болѣе растравляетъ. Чувство непонятное! Спросите у себя, чтó *Черные Глаза* производятъ въ сердцѣ? Ѣдемъ вмѣстѣ въ Карлсбадъ будущую весну, любезной братъ. Ты меня во сто разъ счастливѣе, и я не завидую.

Прощай, братъ любезнѣйшій; продолжи мнѣ дружбу свою. Не пренебреги человѣкомъ, которой во всеобщихъ трудахъ, на славу оружія нашего и народа подъемлемыхъ, не будетъ имѣть участія. Я буду въ бездѣйствіи, но я не виноватъ. Довольно уже мучительно, что я брошенъ, какъ будто за негодность, и не каждаго могу я увѣрить, что я жертвою гнусной интриги и неблаговоленія начальства. Послѣдняя въ жизни моей военная глупость!

Прощай! Письмо истреби. Вѣрный по смерть

А. Ермоловъ.

13.

(1815).

Любезнѣйшій изъ человѣковъ!

Не знаю, получилъ ли письмо мое; но я съ дороги послалъ съ фельдъ-егеремъ и поручилъ отдать его или въ Шалонѣ, гдѣ ты могъ быть въ главной квартирѣ, или въ Парижѣ, гдѣ письмо мое передано было Закревскому. Я при выступленіи моемъ изъ *Vertus* не могъ съ тобою проститься, ибо по новому назначенію твоему ты долженъ былъ безпрестанно быть въ главной квартирѣ и дома не жилъ. У меня на сердцѣ оставалось не сказать тебѣ, сколько я жалѣлъ, что съ тобою не видался. Въ томъ же письмѣ, къ досадѣ моей, нашелъ я сдѣлать тебѣ справедливой упрекъ, что, обѣщавши мнѣ *портретъ* свой, ты не хотѣлъ исполнить даннаго слова. Не повѣрю, любезнѣйшій Михаилъ Семеновичъ, чтобы могъ забыть о томъ; слѣдовательно, неисполненіе происходило отъ другой и конечно непріятнѣйшей для меня причины. Не хотѣлъ! Я не продолжаю о семъ. Объясненіе въ семъ случаѣ не можетъ быть тебѣ пріятно, ибо ты не можешь кончить его выгодно для себя. Любезной мой братъ, чудеснѣйшій изъ человѣковъ, ты избалованъ дарованіемъ своимъ заставить каждаго любить себя и знаешь, что это тебѣ ничего не стóитъ, лишь одной воли, а потому любящихъ тебя трактуешь какъ *ка-*

налію и меня между прочими *надулъ важно;* а я всетаки продолжаю любить тебя.

Чтò сказать о себѣ? Я боленъ; такъ умѣлъ простудиться, что нѣсколько дней уже не хожу, безпрестанное же перемѣщеніе и еще болѣе усиливаетъ боль. Приближаюсь *къ Франкфурту,* гдѣ, думаю, долженъ буду нѣкоторое время остаться лѣчиться и потомъ пущусь въ Россію, ибо я уже имѣю отпускъ. Продолженіе его или даже и отставка зависѣть будетъ отъ моихъ собственныхъ обстоятельствъ. Я припомню тебѣ споръ нашъ *въ Нюренбергѣ.*

Проѣзжая Варшаву, увижу я *вѣдьму.* Можетъ быть увижу и *Черные Глаза.* Чтó я долженъ сказать послѣднимъ? Говорить ли правду? Братъ любезной, послѣднею я, кажется, не долженъ утѣшить. Мнѣ съ давняго времени казалось, что не было уже того огня, съ каковымъ нѣкогда ты думалъ долго не разстаться. Я себя упрекалъ, что не умѣлъ долѣе сохранить въ одинаковой степени привязанность. Меня не льстило сіе во мнѣ свойство; но, обративъ глаза на тебя, я успокоился и думалъ, что таковымъ быть должно. Спрошу тебя, если *Глаза Черные* истинно привязаны, если, не плѣняясь мужемъ и борясь вѣчно съ способностію любить, она въ первой разъ въ жизни позволила сердцу сладостное чувство любить, которое тѣмъ болѣе сильно, что ново, она въ прекрасномъ положеніи! Какъ думаешь? Мое совсѣмъ не то состояніе. *Злодѣйка* баба бойкая; она, думаю, все испытала. Еслибы даже она и любила меня, я не знаю, успѣлъ ли бы я прежде перестать любить. Трудно предупредить ее. Мнѣ осталась слава предусмотрительности.

Упомяну чудесныя слова твои: мы не виноваты; что̀ зависѣло отъ насъ, мы все дѣлали; въ прочемъ мы не отвѣчаемъ!

Отсутствіе!! Но въ нашей ли было волѣ то перемѣнить?

Я мысленно уже въ Варшавѣ предъ *вѣдьмою*. Смотритъ мнѣ въ глаза и старается открыть истину. Крѣплюсь и *надуваю!* Прощай.

Лаутеръ-Экенъ. Département du Mont-Tonnerre.

14.

1 Октября 1815.

Чудеснѣйшій изъ человѣковъ!

Письмо твое Басаргинъ, великой посолъ, мнѣ отдалъ. Не скрою отъ тебя, что оно мнѣ чрезвычайно пріятно было; ибо не могъ я не видать въ немъ чувствъ дружбы любезнаго мнѣ брата. Скажу по истинѣ, что не любить тебя невозможно; но любить столько, какъ любилъ я прежде, не умѣю. Прекращаю навсегда прежніе мои упреки, которые вырвала у меня досада и происшедшіе единственно отъ сожалѣнія, что при отъѣздѣ изъ *Vertus* съ тобою не видался. И теперь мнѣ не менѣе того жаль. Но поговоримъ шутя, безъ сердца. Я точно тебя *надулъ* тѣмъ, что ты, какъ говоришь, сидѣлъ четыре раза статуею, чтобы написать портретъ свой. Но ты долженъ былъ то сдѣлать, ибо ты тотъ чудесной человѣкъ, которому на все достаетъ время, а я все тотъ же, прогоняющій его безъ толку и безъ пути. Мнѣ первому принадлежитъ мысль имѣть твой портретъ, и по справедливости я долженъ воспользоваться плодомъ моего вымысла. Ты былъ только послѣдователь, и потому я, знавши, что есть у тебя рисунокъ, не спѣшилъ дать тебѣ портрета; къ тому же конечно, лучше бы его не сдѣлали. Сегодня, услышавши, что Булгаковъ пріѣхалъ, посылаю къ нему депутацію, и завтра братъ любезной предо мною.

Письмо сіе отдастъ тебѣ генералъ-маіоръ Юшковъ, служащій у тебя въ корпусѣ. Прошу благоволить ему. Онъ по службѣ конечно сыщетъ твое расположеніе. Я видѣлъ, какъ въ короткое время перемѣнилъ онъ видъ Якутскаго полка своею дѣятельностью и заботою. Сверхъ того, онъ человѣкъ хорошихъ свойствъ. Вы конечно знали его въ Преображенскомъ полку.

Я въ Франкфуртѣ. Къ неудовольствію начальствовать теперешнимъ моимъ корпусомъ присоединяется и то, что главная квартира идетъ за мною во слѣдъ, и я на вѣчномъ парадѣ. Кромѣ того по дорогѣ моей шатаются всѣ цари. Великій князь Константинъ Павловичъ сегодня будетъ и объѣзжаетъ корпусъ. Оба молодые князя уже пріѣхали, и здѣсь Екатерина Павловна. Я мимо ихъ дѣйствую въ парадѣ и потомъ каждаго пропускаю на походѣ. Церемоніальную службу мою я скоро однакоже кончу, ибо сближается время моего отпуска, и по прошествіи полугодоваго срока я на водахъ, слѣдовательно еще долгое время свободнымъ. А тамъ что̀ будетъ, посмотримъ! Въ Варшавѣ бесѣдую съ *вѣдьмою,* можетъ быть *Чернымъ Глазамъ* говорю о тебѣ страшную ложь, т. е. что ты ее любишь. Кончилось, другъ любезной, и *мы не виноваты*: не отъ насъ зависѣло. Прервалось одно кольцо связующей насъ цѣпи. Я не испугался, ибо она не одна должна была сближать насъ. Я запасся прочнѣйшимъ чувствомъ.

Лестно мнѣ чрезвычайно мнѣніе на счетъ мой *Чичагова,* и я доволенъ, что ему извѣстенъ поступокъ мой. Естли ты хочешь написать къ нему письмо и прислать ко мнѣ, то я вложу въ него копію

моей *mémoire* и къ нему отправлю. Ты не говори ничего обо мнѣ въ письмѣ своемъ, такъ чтобы онъ думалъ, что я и не видалъ его, а я тебѣ доставлю также копію. *Mémoire* моя написана на трехъ страницахъ, ибо для правды не нужно было много словъ. Мнѣ пріятно было, что Французской офицеръ, описавшій *le passage de Bérézina*, встрѣтился со мною въ мысляхъ и во многихъ обстоятельствахъ. Естли увижу я *Чичагова*, я постараюсь сыскать его знакомство. Я, въ нѣсколько минутъ разсужденія его о дѣлахъ 1812 года, видѣлъ въ немъ человѣка необыкновенно умнаго и, кажется, понималъ его.

Прощай! Будь тѣмъ же любезнымъ мнѣ братомъ, котораго люблю душевно и почитаю.

Вѣрный навсегда Ермоловъ.

15.

Пол. 13 (25) Іюня. 15 Маія 1816. С.-Петербургъ.

Благодарю тебя душевно за портретъ твой. Я получилъ его живши праздно въ продолжительномъ отпускѣ моемъ. Нахожу его чрезвычайно похожимъ, и пріятно мнѣ было любоваться на стараго товарища, брата, друга, чудеснѣйшаго изъ человѣковъ! Другое твое письмо получилъ передъ отъѣздомъ моимъ изъ отпуска въ Петербургъ, т. е. въ началѣ Апрѣля. Сегодня видѣлъ пріѣхавшаго отъ тебя Муравьева. Съ нетерпѣніемъ разрывалъ конверты на имя Закревскаго, думалъ найти что-нибудь для меня; но ты, любезнѣйшій братъ, ничего не написалъ ко мнѣ, и мнѣ очень жаль было. Я уже двѣ недѣли въ Петербургѣ, готовлюсь ѣхать въ Грузію, гдѣ сдѣланъ я командующимъ. Вотъ, другъ любезнѣйшій, исполнившееся давнее желаніе мое.

Боялся я остаться въ гранодерскомъ корпусѣ, гдѣ бы наскучила мнѣ единообразная и недѣятельная служба моя. Теперь вступаю я въ обширной кругъ дѣятельности. Были бы лишь способности, дѣлать есть что! По справедливости могу назваться балованнымъ сыномъ счастія. Естлибы не корпусъ твой во Франціи, едва ли бы получилъ я сіе назначеніе; ибо ты, служа при наилучшемъ въ томъ краю начальникѣ, узналъ землю и конечно болѣе всѣхъ тамъ полезенъ; между

нами двумя нельзя дѣлать выбора. Я первой уступаю тебѣ преимущество. Теперь я той страны житель. Вступаю въ управленіе земли мнѣ незнакомой; займусь рядомъ дѣлъ мнѣ неизвѣстныхъ, слѣдовательно безъ надежды угодить правительству. Мысль горестная! Одна надежда на труды!

Скажу тебѣ еще вещь страннѣйшую, которая и удивитъ тебя, и смѣшить будетъ. Я ѣду посломъ въ Персію! Сіе и мнѣ самому еще въ голову не вмѣщается, но однакоже я точно посолъ, и сіе объявлено послу Персидскому нотою, и дворъ его увѣдомленъ. Ты можешь легко себѣ представить, что конечно никакихъ негоціацій нѣтъ, а что это настоящая *фарса*, или бы послали человѣка къ сему роду дѣлъ пріобыкшаго. Не менѣе однакоже и самое въ Персію путешествіе любопытно, а паче въ моемъ званіи. Не худо получше узнать сосѣдей! Итакъ, вскорѣ между нами съ тобою будетъ нѣсколько тысячъ верстъ; по различію же народовъ, я могу назваться твоимъ антиподомъ. Прощай, любезнѣйшій другъ, легко быть можетъ и навсегда. Со мною будутъ воспоминанія пріятнѣйшаго времени, которое нѣкогда провели мы, служа вмѣстѣ, времени непродолжительнаго.

Прощай Польша и то, что̀ украшало ее, *Злодѣйка,* прощай навсегда! Правду говоришь ты, что я не умѣю такъ любить, какъ ты! Мадатовъ ѣдетъ со мною въ Грузію. Съ нимъ будемъ мы говорить о жизни нашей въ Краковѣ. Гдѣ Черные Глаза? Говорятъ, что они несравненно прекраснѣе стали и что ихъ видѣть небезопасно. Но ты ихъ увидишь, и я за тебя не боюсь; развѣ какая красота во Франціи заставитъ тебя пренебречь счастіе обладать ими. Прощай, про-

должи мнѣ безцѣнную дружбу твою; пиши ко мнѣ черезъ Закревскаго. Вообрази, какъ въ отдаленіи порадуютъ меня письма твои. Не откажи сего удовольствія.

Поклонись отъ меня *Святому*, Лисаневичу, за котораго бы далъ половину жизни моей въ моихъ обстоятельствахъ. Поклонись *Полторацкому, старой гвардіи*, *Раевскому*, *Франку* и *Бутлеру*, великому капитану *Рослякову* и всѣмъ старымъ нашимъ товарищамъ.

Прощай. Всегда твой душею А. Ермоловъ.

16,

1-го Іюня 1816, С.-Петербургъ.

Два уже отъ тебя курьера, пріѣхавшихъ при мнѣ, и отъ брата любезнаго, рѣдкаго изъ человѣковъ, нѣтъ ни строки. Забываешь стараго товарища!

Письмо сіе пишу я къ тебѣ послѣднее изъ Россіи. Недѣли черезъ двѣ надѣюсь отсюда отправиться. Въ Тифлисѣ остановлюсь нѣкоторое время и пускаюсь далѣе. Тамъ грозитъ мнѣ весьма продолжительное пребываніе; ибо естли нужно мнѣ будетъ прислать сюда раза два за разрѣшеніемъ, то, по образу дѣлъ здѣшнихъ, т.-е. по скорости съ каковою они производятся, надобно по крайней мѣрѣ годъ времени, считая отдаленность пути. Странно тебѣ, живущему во Франціи, будетъ получать письма изъ Тегерана.

Другой на мѣстѣ моемъ собственно *pour la rareté du fait* писалъ бы; мнѣ позволишь то дѣлать по душевному удовольствію.

Здѣсь живу я мѣсяцъ, и голова какъ въ чаду. Дѣла встрѣчаются, о которыхъ понятія не имѣю, и въ меня вселилось отчаяніе, что я не исправлю порученій такъ успѣшно, какъ ожидаютъ. Признаюсь тебѣ, что путешествіе въ Персію уступилъ бы я охотно другому. Одна польза, которой отъ того ожидать смѣю, что, будучи уже назначенъ начальникомъ въ Грузію,

не мѣшаетъ познакомиться съ сосѣдственнымъ народомъ и узнать землю ихъ и, буде возможно, способы ихъ.

Грузія, о которой любишь ты всегда говорить, много представляетъ мнѣ занятій. Со времени кончины славнаго князя Циціанова, которой всѣмъ можетъ быть образцомъ и которому не было тамъ не только равныхъ, ниже подобныхъ, предмѣстники мои оставили мнѣ много труда. Мнѣ запрещено помышлять о войнѣ, и я чувствую того справедливость; позволена одна война съ мошенниками, которые грабятъ тамъ безъ памяти и въ отчаяніе приводятъ народы. Вотъ чего я болѣе всего боюсь.

Ты у насъ, любезный братъ, молодецъ; а Арсеній *) увѣряетъ, что сверхъ того пишешь новые законы во Франціи; но и тебѣ не легко бы было сладить съ гражданскими кровопійцами въ Грузіи, а меня совсѣмъ съ ума сводитъ управленіе.—Арсеній нашъ заболѣлъ, однакоже это не мѣшаетъ ему хлопотать о награжденіи знаменитаго Еврея медалью. Судя по участію, которое онъ принимаетъ въ справедливомъ воздаяніи отличныхъ заслугъ его, надобно думать, что онъ когда нибудь имѣлъ опыты его способностей. И я помню, что видалъ его скитающагося по длиннымъ коридорамъ квартиры нашей въ Нюренбергѣ. Помнится мнѣ, что провождалъ онъ тебя въ ночныхъ твоихъ экспедиціяхъ. Пора тебѣ, любезный братъ, прекратить сіи подвиги. Неужели во Франціи надобно прибѣгать къ тѣмъ же способамъ? Сочини новую так-

*) Т. е. Арсеній Андреевичъ Закревскій. П. Б.

тику. Прекрасной полъ во Франціи стоитъ трудовъ. Прощай *Черные Глаза*! Не хочешь ли ты и со стороны постоянства быть чудеснымъ человѣкомъ? Оставь намъ хоть одну слабую сторону. И безъ того мы уже божимся тобою. Случается, въ разговорахъ между людьми тебѣ короткими, что естли разсуждаемъ о комъ, то чтобы высокое дать понятіе, говоримъ: *этого и Михаилъ не скоро проникнетъ.* Конецъ однакоже всегда тотъ, что *брата Михаилу* никто не проведетъ.

Арсеній показывалъ мнѣ письмо, въ которомъ ты бранишь несправедливость генеральскаго списка. Для тебя въ немъ нѣтъ старшинства; знаемъ, *братъ Михаилъ*, что тебѣ не помѣшаетъ порядокъ; но спасибо, что ты вступился за бѣднаго стараго служиваго *Гурьева*. У этихъ бѣдняковъ безъ протекціи одна надежда— доброй начальникъ.

Ты мучишь Арсенья *Желтухинымъ,* а мнѣ не смѣешь упрекнуть; развѣ я тебѣ не сформировалъ Свѣчина? Чтó можешь сказать вопреки его? Малой хоть куда! Послужить, въ карты ли поиграть. Но сіе послѣднее достоинство я засталъ уже прежде моего съ нимъ знакомства. Не знаю, почему ты опрокинулся на *Юшкова*: онъ преизрядной рыцарь и, право, хорошо командовалъ полкомъ.

Вижусь часто довольно съ любезнымъ Никол. Михайловичемъ *), которой совсѣмъ не *дипломатъ.* Но однакоже онъ точно такой же *аккуратъ,* какъ и ты.

*) Т. е. Лонгиновымъ, котораго Ермоловъ иногда по ошибкѣ называетъ въ дальнѣйшихъ письмахъ Логвиновымъ. Онъ жилъ въ Воронцовскомъ домѣ на Малой Морской. П. Б.

Ужасная твоя аккуратность доставила ему топографію твоего погреба съ означеніемъ номеровъ винъ, и между ими есть нѣкоторыя, что онъ и понюхать не даетъ намъ, а предлагаетъ какія-то подозрительныя и съ короткими пробками. Мы на васъ вопіемъ ко Господу винъ. Прощай!

Любящій вѣчно Ермоловъ.

У тебя въ корпусѣ служитъ въ артиллеріи Гедеоновъ; прикажи доставить ему приложенное у сего письмо.

17.

(1816)

Любезный братъ и рѣдкой изъ человѣковъ!

Письмо твое съ Нарышкинымъ получилъ; мое доставитъ тебѣ *Choiseul*, ибо съ курьеромъ, прежде его отправившимся, забылъ я его отправить. Я здѣсь живу уже два мѣсяца, а когда выѣду, не знаю и даже скоро не надѣюсь. Въ требованіяхъ, для пользы службы необходимыхъ, не успѣваю: во всемъ встрѣчаю трудности и медленность несносную. Словомъ, не взирая на все лестное въ полученномъ мною назначеніи, можно отъ всего отказаться. До сего времени, какъ солдатъ, не имѣлъ я дѣла съ министрами и не зналъ, что Богъ за грѣхи рода человѣческаго учредилъ казнь сію. Теперь собственные опыты научили однакоже и тому, что природа не особенныхъ людей въ министры пріуготовляетъ. Со всѣми сими для посредственнаго человѣка одобреніями и утѣшеніемъ жалѣю однакоже, что судьба отказала мнѣ состояніе. Нѣтъ его, нѣтъ свободы!

Полно говорить о министрахъ. Неужели нѣтъ чего-нибудь лучшаго въ мірѣ?

Старая гвардія сказывала мнѣ, что ты весьма часто бывалъ въ Парижѣ. Не думаю я, чтобы одна служба туда тебя привлекала. Не Чернымъ ли Глазамъ нашлись подобные? Или, питая къ нимъ вѣрность, не

ищешь оскорбить ихъ подобіемъ, а довольствуешься между тѣмъ разными оттѣнками. Не знаменитый ли провожатый къ удовольствіямъ, ловкостію своею, доказываетъ тебѣ право свое на полученіе медали? Я, нѣкогда наслаждавшійся подобныхъ людей услугами, изъ почтенія къ нимъ, наилучшій за нихъ стряпчій. Но Арсеній—непріятель нашъ. Онъ человѣкъ неумолимой, непреклонной. Я старался возобновить въ немъ память прежнихъ наслажденій. Чтó же онъ отвѣчаетъ мнѣ? Говоритъ о докладномъ журналѣ, о нерѣшенныхъ дѣлахъ, о запутанности по аудиторіатскому департаменту. Словомъ, съ женщинами встрѣчается какъ съ *сенатскими меморіями*. Я желалъ бы, чтобъ онъ поступалъ съ ними какъ съ нужными иногда *справками*; но еще далекъ я отъ сего успѣха. Суди, любезной братъ, какое можно ожидать воздаяніе достойному Еврею? Еще ты особеннымъ пользуешься его уваженіемъ, что онъ не препятствовалъ представленію твоему о другомъ *Жидѣ*, и онъ произведенъ за отличіе. Ты вѣрно догадываешься, что я говорю о *Вигелѣ*. За что хотѣлъ ты *надуть* насъ и притворился, что не понимаешь производства за отличіе? Съ такою невинностію спрашиваешь: можно ли тебѣ будетъ сдѣлать представленіе? Развѣ ты не принаровилъ сей возможности относительно до *Вигеля*? Я скажу тебѣ, какъ мы поняли сей опытъ. Когда я говорю *мы*, то конечно Арсеній въ семъ случаѣ немалую играетъ роль. Мы разумѣемъ, что ты для того испыталъ надъ *Вигелемъ*, чтобы послѣ имѣть право успѣха во всякомъ случаѣ. Я воображаю, что естлибы когда-нибудь хотѣли тебѣ отказать, довольно тебѣ указать на *Вигеля*, и всякій увидитъ, что послѣ того нѣтъ справедливаго отказа. Славную ты выдумалъ штуку; при-

знаюсь, что у тебя можетъ быть быстрое по корпусу производство. Тайну сего первый постигъ Арсеній, а мнѣ только осталась выгода воспользоваться открытіемъ. Ты Нѣмецкому племени важную оказалъ услугу, и въ *главной колоніи* конечно воздается тебѣ благодарность. Ты поднесъ *букетъ* и прекрасному Нѣмецкому полу. Ты взялъ Барклая съ слабой стороны. Со всѣмъ тѣмъ однакоже не возвратишь прежней его нѣжности, хотя и пишешь Еленѣ Ивановнѣ *) разныя сладости. Погубилъ тебя Арсеній! Въ свободное время у насъ пріятнѣйшій разговоръ о тебѣ, любезный братъ; радуемся вмѣстѣ счастливому устройству твоего аудиторіата; недостаетъ только рѣчей обвинителей и защитниковъ, а то перенеслись бы мысленно въ парламентъ, гдѣ безбоязненно справедливость защищаетъ права народа свободнаго. Одинъ изъ подсудимыхъ, недавно явившійся въ Берлинѣ, жалуется на чрезмѣрную строгость твоего судилища, но прославляетъ снисхожденіе воинской части, которое дало ему возможность укрыться бѣгствомъ, и сіе приписываетъ твоему великодушію. Упрекаетъ немного Васильковскаго въ неумѣренности требованія, признаваясь, что онъ воспользовался бы его услужливостію, естлибы по худому ассигнацій курсу не такъ велика была сумма. Васильковскій, думать надобно, сдѣлалъ предложеніе въ звонкой монетѣ.

Сію минуту застаю я Закревскаго, которой пишетъ къ тебѣ о палаткахъ. Не могу утерпѣть, чтобы чего-нибудь о нихъ не сказать. Я слышалъ, что не соглашаются дать ихъ будто потому, что нехозяйственно разочтено ихъ доставленіе. Другіе увѣряютъ, что вой-

---

*) Супругѣ фельдмаршала Барклая-де-Толли. П. Б.

скамъ полезенъ чистый воздухъ. Нѣкоторые догадываются, что не хотятъ закрывать прекраснаго неба Франціи грубымъ Русскимъ полотномъ и потому совѣтуютъ *биваки*. Я не изъ числа сихъ снисходительныхъ людей; признаюсь, что завидую прекрасному небу Франціи, завидую любезному брату, живущему въ странѣ, вмѣщающей въ себѣ всѣ удовольствія жизни. Постъ твой доказываетъ особенную къ тебѣ довѣренность, какъ человѣку, въ которомъ не одни надобны были достоинства военныя. Брата Михайлу оцѣнили и по ловкости. Увѣряютъ, что нужна была твоя невинность! Корпусъ у тебя славной и въ рукахъ твоихъ заставитъ почитать не одну храбрость Русскихъ; ты познакомишь Французовъ и съ нашими свойствами. Хорошо однакоже, что ограждаешь молодежь нашу отъ прелестей Француженокъ и мѣшаешь имъ жениться. Остерегись, чтобы старыя матушки и бабушки не предали проклятію имя твое, если, возвратясь, не всѣ вы тотчасъ женитесь. На самого тебя есть виды, и я, согласуясь съ общимъ мнѣніемъ, назначаю тебѣ знатнѣйшую и богатую невѣсту. Всѣ нападенія на нее безуспѣшны. Судьба какъ будто для тебя ее сберегаетъ. Кто не узнаетъ изъ сего описанія *Орловой*? Право, не худо!

Съ любезнымъ Николаемъ Михайловичемъ мы иногда видимся, но не часто; онъ, кажется, насъ убѣгаетъ съ тѣхъ поръ, какъ мы внимательно стали разсматривать номера на бутылкахъ и долготу пробокъ. Ему совѣстно встрѣчаться съ нами послѣ того, какъ № 116 хотѣлъ выдать за вино превосходное. Мы требуемъ № 106, но отговаривается твоимъ запрещеніемъ. По исходящему журналу нѣтъ въ расходѣ сего рода

вина. Мнѣ пришла мысль, что къ вину можно приноровить табель о рангахъ. Кажется, чѣмъ болѣе номеръ, тѣмъ ниже чинъ. Такъ *Лонгиновъ* уловилъ насъ 16 классомъ: такъ низкаго и въ табели нѣтъ!

Письмо сіе застанетъ тебя празднаго; я полагаю, что чрезвычайные жары въ Іюлѣ мѣсяцѣ не допускаютъ тебя заниматься войсками, и теперь вы сидите въ мороженомъ пуншѣ между красотъ, и въ семъ упражненіи вамъ не уступающихъ. Жаль только, что славную кровь Русскую розольете вы между гнуснымъ народомъ... Не лучше ли бы въ собственномъ царствѣ нашемъ отъ *Черныхъ Глазъ* прекраснѣйшихъ завести славную породу? Я напишу о семъ къ вѣдьмѣ диссертацію, и она вѣрно согласится. Позволь однакоже надѣяться, что ты отклонишь *Гурьева*, чтобы онъ не произвелъ великихъ во Франціи людей. Меня мучитъ мысль сія.

Прощай. Я нарочно писалъ къ тебѣ всякой вздоръ, чтобы прервать важныя свои занятія. Одолжи меня, повѣрь, что я ихъ имѣю; безъ того мнѣ стыдно моей праздности и ничтожной здѣсь жизни.

18.

Получ. 20 Іюня (2 Іюля) 1816.

Забылъ отвѣчать на любопытный вопросъ твой, что̀ значитъ производство за отличіе. Вотъ объясненіе: производство сіе дѣлается не за какое либо оказанное отличіе, но за отличное уваженіе къ начальнику, которой представляетъ. Сей есть надежнѣйшій способъ въ мирное время поселять между служащими враждебныя чувства. Скажи мнѣ, любезный братъ, много ли начальниковъ, которые представляютъ точно достойныхъ людей и которыхъ производство есть точная выгода службы. Не есть ли это потаенный ходъ, отъ котораго ключи вручены протекціи? Изъ сего между начальниками произойдетъ соревнованіе подобное тому, каковое оказалось при награжденіяхъ адъютантовъ. Какъ, скажетъ графъ Воронцовъ, произвели по представленію такого генерала, а служащіе подъ моимъ начальствомъ тѣмъ новымъ изобрѣтеніемъ не воспользовались; а какъ еще къ тому прибавятъ подчиненные сами, что естли по представленію такого уже произведены, то какъ намъ не получить служащимъ у Воронцова, и кто же болѣе долженъ быть уважаемъ? Намъ не за себя, но за начальника будетъ стыдно; или мы будемъ умалчивать, что нѣкогда служили подъ его повелѣніями. У кого нѣтъ самолюбія? У Воронцова по справедливости должно быть болѣе, нежели у другаго. Итакъ смѣло пиши представленіе.

Въ письмѣ моемъ я хвасталъ тебѣ, что сформировалъ *Свѣчина,* а забылъ сказать, что онъ къ тебѣ скоро отправится. Увидя изъ бумагъ, что ты одного изъ генераловъ занялъ аудиторіатскою частью, не знали кого къ тебѣ назначить. Положено, что какъ онъ уже служилъ у тебя въ дивизіи и по твоему представленію получилъ ленту, то его и назначили. Я зналъ о томъ, но признаюсь промолчалъ, вспомня злодѣйскій способъ, которымъ ты крадешь офицеровъ лучшихъ изъ арміи. Не то что я способствовалъ соединить тебя съ Свѣчинымъ, но еще растолковалъ, что онъ отличнѣйшій офицеръ и что ты уже никакъ съ рукъ его не сбудешь. Это мщеніе за *Лисаневича.*

Прощай, услужилъ бы тебѣ *за Швейковскаго,* но скоро ѣду; однако для любезнаго брата стараться буду.

19.

(1816)

Вхожу въ комнату Арсенія и застаю Николая Михайловича. *Совсѣмъ не дипломатъ!* Ведетъ самую разсѣянную жизнь, дома никогда нѣтъ и наслаждается загородными на дачахъ увеселеніями. Держу сію минуту за полу. Вырывается и спѣшитъ на *rendez-vous* [1]).

Необычайнѣйшій изъ прокуроровъ *Постниковъ* начинаетъ отдыхать съ тѣхъ поръ, какъ разсѣянность овладѣла *Лонгиновымъ*. Къ иностранному воздуху пріобыкши, въ продолжительную здѣшнюю зиму прятался онъ дома или по сосѣдству часто навѣщалъ *Постникова*, и дражайшая его половина была неравнодушна къ сему вниманію. По счастію весна вывела Николая Михайловича, а то къ чему нельзя привыкнуть, и Марья Ивановна [2]) переставала уже страшить его! Вотъ чего однакоже не можетъ достигнуть прокуроръ. Онъ такъ настращалъ насъ съ Арсеніемъ безконечными своими разсказами, что мы уже отступилися отъ дому Ник.

---

[1]) Н. М. Лонгиновъ, сынъ Харьковскаго священника, причетникъ Лондонской посольской церкви, былъ зачисленъ для письмоводства въ канцелярію посольства въ 1799 году, когда послу нашему графу С. Р. Воронцову велѣно было принять въ свое вѣдѣніе войска наши послѣ неудачнаго похода ихъ въ Голландіи. Къ этому вѣроятно относится выраженіе: *совсѣмъ не дипломатъ*. Въ 1816 году Лонгиновъ уже состоялъ секретаремъ императрицы Елисаветы Алексѣевны. П. Б.

[2]) Урожд. Архарова. Сенатскій прокуроръ З. Н. Постниковъ и Лонгиновъ завѣдывали въ Петербургѣ дѣлами графа С. Р. Воронцова. П. Б.

Мих., гдѣ съ нимъ встрѣчаемся. Я какъ-то по неосторожности за обѣдомъ вошелъ съ нимъ въ разговоръ, и онъ, обѣщавши въ короткихъ словахъ со мною объясниться, едва живаго отпустилъ меня при наступленіи вечера. Вспомни продолжительной въ Петербургѣ лѣтній день!

Скажи, непостижимый человѣкъ, что̀ находишь ты писать къ Марьѣ Ивановнѣ и когда находишь ты на то время? Забылъ сказать тебѣ, что здѣсь появилась одна прекрасная дѣвущка *Архарова*, которую она тебѣ пріуготовляетъ въ невѣсты [1]). Хорошо тебѣ жить: ты о комъ и не слыхивалъ, а имъ и во снѣ снишься. Но я не отступаю отъ прежняго моего мнѣнія и въ душѣ бы порадовался, еслибы ты женился на Орловой. Она всѣхъ плѣняетъ умомъ своимъ. Ты не можешь представить себѣ сколько вздыхателей у ногъ ея, и никто не удостоенъ взора. Появись, и доселѣ нечувствительная узнаетъ очарованіе любви.

Здѣсь Васильчиковъ женится на *Пашковой* [2]). Прекрасная дѣва, на которую многіе покушались. Есть безподобная княжна *Лопухина*, хороша какъ ангелъ. Вообще же можно сказать, что конечно нѣтъ столицы въ мірѣ, гдѣ бы такъ мало хорошихъ было женщинъ какъ здѣсь. Мнѣ случилось быть въ Варшавѣ во время пребыванія тамъ Государя, и Варшава, казалось мнѣ, не уступила бы ни въ чемъ Парижу.

Наша любезная Россія не отчизна красотъ!

Садимся обѣдать, и курьеръ готовъ въ путь. Прощай.

---

[1]) Младшая сестра М. И. Постниковой (отъ другой матери) Александра Ивановна, вскорѣ вышедшая за Алексѣя Васильевича Васильчикова. Она памятна до сего дня многимъ высокими качествами сердца. П. Б.

[2]) Иларіонъ Васильевичъ, позднѣе графъ и затѣмъ князь. П. Б.

20.

(1816)

Любезный братъ Михаилъ Семеновичъ.

Сегодня писалъ я къ тебѣ съ генералъ-маіоромъ Юшковымъ. Теперь просилъ меня Старинкевичъ написать тебѣ о немъ. Конечно зналъ ты его при покойномъ князѣ Багратіонѣ. Естли же нѣтъ, то въ четверть часа съ нимъ разговора увидишь, что человѣкъ большаго ума и способности. Я его хорошо знаю съ сей стороны. Ему, какъ путешественнику Русскому, весьма пріятно, что начальникъ Русскихъ войскъ будетъ къ нему благорасположенъ. Сдѣлай дружбу, обласкай его. У него есть знакомства съ значущими и всеконечно съ умными людьми въ Парижѣ. Можешь такія имѣть свѣдѣнія, которыхъ ни за что достать невозможно.

Булгаковъ здѣсь. Портрета твоего мнѣ не далъ; говоритъ, будто ты его взялъ обратно. Не знаю кѣмъ изъ васъ, но *надутъ* жестоко! Я думаю, пришлю къ тебѣ унтеръ-офицера, сына роднаго моего брата *), хорошаго молодаго человѣка и добрыхъ свойствъ. Возьми его къ себѣ и будь ему благодѣтелемъ. Ты добро сдѣлаешь самому мнѣ. Я другаго просить не стану и обязанъ быть не хочу. Вѣрный вѣчно Ермоловъ.

---

*) Т. е. Каховскаго. Мать Ермолова, Марья Денисовна (ур. Давыдова) въ первомъ бракѣ была за Каховскимъ. П. Б.

21.

26 Августа (1816, Москва.)

Любезной братъ, рѣдкой изъ человѣковъ!

Послѣ письма твоего послѣдняго къ Арсенію, могъ бы я на нѣсколько времени отказать тебѣ названіе рѣдкаго: ибо разсердиться за письмы, въ которыхъ кромѣ пустой шутки ничего не было, непростительно. Предполагать со стороны моей хитрое намѣреніе сказать тебѣ колкости, есть тоже чтȏ отказать мнѣ и самый здравой смыслъ. Какъ же не хотѣлъ ты видѣть, что оба мы съ Арсеньемъ писали и въ одномъ смыслѣ и объ однихъ предметахъ? Естли я противъ тебя имѣю что-нибудь непріятнаго, какая необходимая причина Арсенію, тебя давно знающему, столько же давно любящему, раздѣлять со мною одни чувства? Ты не похожъ былъ на себя, когда писалъ послѣднее письмо свое и, чтобы то, которое ты обѣщалъ писать ко мнѣ, не показало мнѣ любезнаго брата столько же неосновательнаго, я просилъ Арсенія, прочитавъ, удержать у себя. Между пріятелями горька необходимость объясняться. Справедливость не будетъ на сторонѣ твоей и, хотя я увѣренъ, что ты дашь объясненію весь приличествующій видъ, но оно меня не утѣшитъ! Упомянемъ причины гнѣва твоего, чтобы и ты увидѣлъ, чтȏ его могло вызвать: старшинство *Гурьева*, производство *Вигеля*, медаль *Еврея*, ябеда *Эрикса* и палатки. Я со всѣми съ ними незнакомъ и можетъ

быть въ жизнь мою и видѣться не буду, и статься можетъ и не весьма жалѣть о томъ стану и подъ одной палаткой не встрѣчусь! Виноватъ ли я, что *Вигелю* надобно было быть роднею фельдмаршала? Вотъ чтò взяло тебя за сердце. Неужели ты не предполагаешь во мнѣ довольно смѣтливости, чтобы видѣть, что графу Воронцову не нужна Елена Ивановна. Мнѣ пріятно будетъ, естли ты́ увѣришься, что я точно того мнѣнія. Изъ всѣхъ сихъ особъ, признаюсь по развратности моей, что мнѣ болѣе всѣхъ жаль Еврея. Тѣмъ судьба, можетъ быть, предназначаетъ быть полезными, а Еврей уже былъ таковымъ и естли ты имѣешь право роптать, то на Арсенія за его нечувствительность къ его услугамъ. Не могу не обратиться къ *Вигелю*. Онъ точно достойный человѣкъ, ибо великодушный заимодавецъ. Я ему былъ долженъ 2000 р. Я не былъ его начальникъ, но онъ и мнѣ снисхожденіемъ своимъ искалъ понравиться. Это одно уже есть отличіе. Проклятый Эриксъ; тебѣ не знаю, чтó сказать въ похвалу? Никогда не видывалъ тебя. Развѣ званіе твое коммиссіонера можетъ мнѣ ручаться за твои добродѣтели? А ты, о Гурьевъ! Не дерзаю въ хвалу тебѣ открыть недостойныя уста мои. Гласитъ о тебѣ Саксонія, свидѣтель великихъ дѣлъ твоихъ. Развѣ изреку сожалѣніе, что зависть, вѣрная спутница достоинствъ, ищетъ въ спискѣ генераловъ похитить старшинство твое; но бдитъ справедливость начальника, и имя твое пребудетъ незабвеннымъ.

Довольно о вздорѣ. Скажу тебѣ, что я прожилъ здѣсь десять дней въ присутствіи Государя. Москва являетъ истинную приверженность къ Царю своему. Народъ боготворитъ его, и здѣсь чувствомъ общимъ возвы-

шается чувство каждаго. Здѣсь народъ въ своемъ достоинствѣ, здѣсь царь въ полномъ величіи.

Сію минуту ѣду я въ Грузію, гдѣ многое напомнитъ мнѣ пребываніе нѣкогда тамъ брата моего. Какія противуположныя страны назначены судьбою для нашего пребыванія! Отдаленность не должна быть въ сердцахъ нашихъ. Прощай, пиши ко мнѣ. Арсеній вѣрно доставитъ, и хотя мы въ заговорѣ противъ тебя, онъ однакоже такъ хорошъ, что ты его и разсердить не умѣешь.

Любящій по смерть Ермоловъ.

День Бородинскаго сраженія. Москва.

*

Копія съ приказа по Грузинскому Отдѣльному Корпусу, 12 Октября 1816 года. № 1-й.

Принявъ начальство надъ войсками, Высочайше мнѣ ввѣренными, объявляю о томъ всѣмъ новымъ по службѣ моимъ товарищамъ отъ генерала и до солдата. Уваженіе Государя Императора къ заслугамъ войскъ научаетъ меня почитать храбрость ихъ, вѣрность и усердіе, и я увѣряю, что каждой подвигъ ихъ на пользу службы возложитъ на меня обязанность ходатайствовать у престола Государя, всегда справедливаго, всегда щедраго.

Подлинной подписалъ генералъ-лейтенантъ

Ермоловъ.

22.

Тифлисъ, Декабря 29-го 1816.

Легли между насъ тысячи верстъ, и я, любезнѣйшій графъ Михаилъ Семеновичъ, медленно получаю твои письма. Недавно Арсеній доставилъ мнѣ послѣднее отъ 4 (16) Сентября. Читаю о тебѣ въ газетахъ. Вижу похвалу Веллингтона Русскимъ войскамъ. Вображаю состояніе ихъ подъ твоимъ начальствомъ и съ твоею заботливостью. Радуюсь душевно, что ты доброе о Русскихъ мнѣніе распространишь и утвердишь въ земляхъ чужихъ, гдѣ долгое время не знали цѣны ихъ. Уваженіе, которое они заслужатъ, должно быть пріятно сердцу каждаго изъ Русскихъ, и по мѣрѣ того тебѣ благодареніе. Какія разныя дала намъ судьба назначенія! Я въ такой землѣ, гдѣ незнакомые мнѣ предметы занятія, по роду для меня совсѣмъ новые, даютъ мнѣ чувствовать недостатки моихъ способностей. Безпорядокъ во всемъ чрезвычайной. Въ народѣ врожденная къ нему наклонность, слабостію многихъ изъ предмѣстниковъ моихъ ободренная. Мнѣ надобно употребить чрезвычайную строгость, которая здѣсь не понравится и конечно не вселитъ ко мнѣ привязанности. Вотъ первое сильное средство, котораго я долженъ непремѣнно лишиться. Наши собственные чиновники, отдохнувъ отъ страха, которой вселяла въ нихъ строгость славнаго князя Циціанова, пустились въ грабительство и меня возненавидятъ;

ибо также и я жестокой разбойниковъ гонитель. Я не въ состоянiи замѣнить ихъ лучшими, слѣдовательно вѣрныхъ помощниковъ имѣть не буду.

Здѣсь военныхъ нашелъ я совсѣмъ другихъ. Въ продолженiе всей моей службы жилъ я съ ними, какъ товарищъ. Теперь нѣтъ здѣсь *Котляревскиго*, нѣтъ *Лисаневича*, ни *Симоновича*, нѣтъ многихъ другихъ извѣстныхъ офицеровъ. Половину оставшихся надобно удалить, ибо самое снисхожденiе терпѣть ихъ не въ состоянiи. Необходимы мѣры весьма строгiя. Онѣ не заставятъ любить меня. И такъ, поживши здѣсь нѣкоторое время, не сдѣлавъ большой пользы, отправлюсь отсюда, обремененный общимъ негодованiемъ. Не взирая на все то, естли только служба моя угодна будетъ Государю, я рѣшился жить здѣсь. Теперь, по причинѣ скораго въ Персiю отъѣзда, не могу я порядочно за все приняться. Для нѣкоторыхъ моихъ намѣренiй надобенъ миръ. Если Персiя дастъ намъ свободы на сколько нибудь времени, я тотчасъ объявлю войну внутреннимъ неустройствамъ и домашнимъ непрiятелямъ, и какъ невозможно истребить совсѣмъ безпорядки, съ помощiю счастiя моего, много уменьшу ихъ.

Ты, любезнѣйшiй братъ, рѣдкое существо, обладающее общею всѣхъ любовiю. Ты долженъ быть поставленъ судьбою для водворенiя здѣсь порядка и будешь всѣми боготворимъ. Я предсказываю тебѣ сiе назначенiе, развѣ ты самъ его не пожелаешь. *Всѣ дороги ведутъ къ Риму*. Разумѣешь!! Мнѣ одного только жаль въ тебѣ, что ты не имѣешь непрiятелей. Не смѣшивай съ ними завистниковъ: это люди почтенные, которые служатъ проповѣдниками достоинствъ

того, которой возбуждаетъ въ нихъ чувство зависти, и непримѣтно служатъ къ его пользѣ. Но для счастія человѣка надобны непріятели. Они удерживаютъ въ бдительности и оживляютъ силы къ дѣятельности. Я только тѣмъ и живу. Какое сладостное существованіе на зло своимъ непріятелямъ! Я отдѣлился отъ прежнихъ Кавказомъ, но тоска жить въ разлукѣ заставила меня здѣсь запастись новыми. Пошла работа!

Позвольте мнѣ, ваше сіятельство, за васъ покраснѣть немного. Васъ на минуту оставила ваша тонкость, которою мы до сего дня клялись даже. Вы прогнѣвались за нѣкоторыя невредныя насмѣшки, между пріятелями весьма обыкновенныя, и мы съ Арсеньемъ торжествуемъ! Выгодно съ человѣкомъ необыкновеннымъ сблизиться, хотя въ нѣкоторыхъ свойствахъ. Вытащили небольшую слабость. Я признаюсь въ умыслѣ и потому его не скрываю, что уже въ другой разъ не удастся мнѣ торжествовать. Отъ Арсенія ты бы не дождался признанія: этотъ и еще надуетъ! Скажи, какъ можно принять иначе какъ за шутку то, что̀ писали мы о *Евреѣ*, человѣкѣ впрочемъ знаменитомъ, о рыцарѣ, требующемъ старшинства? Онъ и безъ того похожъ на кардинала, котораго при наименованіи называютъ равнымъ всѣмъ царямъ, высшимъ надъ всѣми князьями. *О производствѣ за отличіе. О законахъ*: вотъ статья, которая взяла тебя за живое. Я готовъ былъ и теперь распространиться на сей счетъ. Перо порывается противъ воли моей, но воздерживаюсь писать противъ себя, ибо и я даже попалъ въ законодатели. На счетъ обузданія строгаго чрезмѣрно съ подчиненными въ полкахъ обхожденія, я не могу ни слова сказать, ибо самъ убѣжденъ опы-

тами, что можно совсѣмъ другое употреблять средство и съ большею пользою. Напротивъ, я не могу не почитать сего намѣренія, и внушеніе его прочимъ есть дѣло, тебя, любезнѣйшій братъ, достойное. Ты виноватъ противъ М—пы *), полагая его охуждающимъ сіе правило. Я видѣлъ его совсѣмъ другимъ съ сей стороны, и не одинъ разъ. Онъ замѣтилъ это въ бывшемъ моемъ гранодерскомъ корпусѣ и тотчасъ предостерегъ меня.

Забылъ сказать тебѣ о *Швецовѣ*. Онъ до сихъ поръ терпитъ ужасно. Въ началѣ можно было схватить знатнѣйшихъ Андреевскихъ владѣльцовъ, повидимому въ семъ участвовавшихъ и, по связямъ ихъ съ Чеченцами, заставить достать его. Сіе средство упустили, и теперь остается одно—выкупа. Мнѣ кажется, точно какъ и тебѣ, средство сіе неприличнымъ и котораго могутъ быть послѣдствія вредными. Я употребляю всѣ возможныя, но безъ успѣха. Неосторожное опубликованіе въ газетахъ заставило возвысить его цѣну. И я въ отчаяніи, что ѣду въ Персію. Надобно стать на *Сунжѣ* и пожить нѣкоторое время: все дадутъ что̀ намъ надобно. Это неизбѣжно, но мнѣ безъ себя сдѣлать того не хочется.

Прощай, будь тѣмъ же безцѣннымъ для меня братомъ. Поклонись всѣмъ прежнимъ моимъ товарищамъ: Святому, блаженному Полторацкому, Лисаневичу, приближеннымъ твоимъ особенно. Далъ бы не одинъ годъ жизни, чтобы прожить съ вами хоть нѣсколько дней. Здѣсь царство скуки и отчаянія.

---

*) Не можемъ догадаться, кто это. Не условное ли прозвище Государя? П. Б.

23.

Тифлисъ, Генваря 10-го дня 1817.

Любезный братъ Михаилъ, рѣдкой изъ человѣковъ!

Вчера получилъ письмо твое отъ 4 (16) Октября. Какъ гора свалила у меня съ плечъ, ибо ты увидѣлъ, что шутка, заключавшаяся въ прежнихъ моихъ письмахъ, была безъ всякаго намѣренія вреда. Не понимаю, какъ прежде ты не хотѣлъ того замѣтить. Можно ли такимъ образомъ вредить кому-нибудь, не только тебѣ? Не потерпѣлъ бы то Арсеній, который тебѣ добрый и вѣрный пріятель; а онъ писалъ одно и тоже. Признаюсь тебѣ, что непріятно мнѣ одно мѣсто въ прежнемъ письмѣ твоемъ; вотъ настоящія слова: «легко и не разсмотрѣвши меня судишь и публично хулишь». Естлибы я могъ сдѣлать первое, то всеконечно послѣдняго не умѣю. Въ этомъ даже непріятели меня оправдаютъ, которыхъ не люблю я хулить, а просто ругаю безъ церемоній. Въ отношеніи къ тебѣ, съ которымъ обѣщали мы всегдашнюю одинъ другому дружбу, чтó могло вызвать меня на подобной поступокъ? Ты еще меня не знаешь. Но довольно; обратимся къ другому.

Я здѣсь живу очень счастливо. Нѣтъ никакихъ развлеченій: вѣчная работа, доселѣ потому безплодная, что скорый мой въ Персію отъѣздъ препятствуетъ

взяться за дѣло порядочно. Пріѣду назадъ, и естли меня потерпятъ здѣсь, надѣюсь что-нибудь сдѣлать. Надобна истинная любовь къ пользѣ Отечества своего, чтобы рѣшиться жить долго между народомъ, каковъ здѣшній. Я не вижу ни признательности къ правленію, устроивающему благо его, ни приверженности къ Государю, столько для него милосердому. Исключая небольшое число служащихъ военныхъ, прочіе не стоятъ тѣхъ попеченій, которыя о нихъ имѣютъ. Давно ли былъ бунтъ въ пользу Царевича, которому глупостію и подлостію нѣтъ равнаго *)? Завтра большая часть Грузіи будетъ за него, естли легковѣрному и несмысленному здѣшнему дворянству чуть обстоятельства покажутся благопріятными. Словомъ, этотъ народъ не созданъ для кроткаго правленія Александра: для него надобенъ скиптръ желѣзный. Прочіе здѣсь народы гораздо лучше. Они знаютъ свое невѣжество, не въ претензіи быть людьми. Ихъ такъ разумѣешь и по мѣрѣ того терпѣливо ожидаешь ихъ образованія. Оно тогда только возьметъ свое дѣйствіе, когда въ ханствахъ введено будетъ Россійское правительство и истребятся ханы, въ пользу которыхъ даны чрезвычайно выгодные трактаты, въ началѣ вырванные у насъ необходимостію, въ продолженіе времени утвержденные слабостію и неспособностію начальствовавшихъ здѣсь послѣ князя Циціанова, человѣка единственнаго!

Графъ Гудовичъ, *гордѣйшій изъ всѣхъ скотовъ*, по ненависти къ князю Циціанову, вмѣнилъ себѣ въ

*) Царевичъ Александръ. См. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1878 (II, 300) предписаніе Вельяминова Ладинскому о поимкѣ его. П. Б.

долгъ дѣлать все вопреки его предначертаній, принялъ бѣглеца изъ Персіи и сдѣлалъ ханомъ Шекинскимъ. Ханъ Карабагскій, болѣзненной и бездѣтный человѣкъ, не оставлялъ по себѣ наслѣдника. Ртищевъ, *созданіе совершенствомъ неспособности отличное*, опредѣлилъ ему наслѣдника Джафаръ-Кули-агу, который бѣжалъ въ Персію, несъ противъ насъ оружіе и, подведя Персидскія войска, истребилъ нашъ одинъ баталіонъ. Ртищевъ посылалъ къ нему въ Персію, согласилъ возвратиться, простилъ его преступленіе и именемъ Государя наименовалъ наслѣдникомъ ханства! Вотъ двѣ прекраснѣйшія и богатѣйшія провинціи, потерянныя надолго для Россіи. Естлибы только одна глупость начальниковъ была причиною; но тутъ вмѣшались гораздо гнуснѣйшія причины. Ртищевъ былъ человѣкъ добрыхъ весьма свойствъ и намѣреній; но *мерзавка-жена*, распутная и корыстолюбивая, окружающіе мошенники и явные грабители управляли имъ самовластно, а онъ, слабая, и можетъ быть и не совсѣмъ невинная тварь, допустилъ ужасныя распутства.

Вотъ, любезнѣйшій другъ, безпорядки, которые предлежитъ мнѣ исправлять, тогда какъ ни способовъ, ни способностей не имѣю. Здѣсь надобно другаго князя Циціанова, которому я удивляюсь и котораго послѣ смѣрти почувствовали здѣсь цѣну. Но земля вообще чудесная изобиліемъ и сокрываетъ большія сокровища, которыя ждутъ, чтобы коснулась ихъ искусная рука. Въ нынѣшнемъ году предоставлено свободное ископаніе рудъ, которыя до сего времени были въ большой накладъ казнѣ. Появились свинцовыя руды, которымъ нѣтъ въ свѣтѣ подобныхъ богатствомъ;

напримѣръ, изъ пуда камня или матеріи достаютъ 30 и 32 фунта свинцу и 6 и до 7 золотниковъ серебра.

Военная здѣсь часть въ ужаснѣйшемъ разстройствѣ. Лучшихъ начальниковъ не стало. *Котляревскій*, единственный человѣкъ, за ранами не могъ пріѣхать, подалъ даже просьбу въ отставку, но его не отпустили. *Лисаневича*, славнаго и храбраго офицера, ты подговорилъ, а онъ мнѣ далъ слово послужить со мною года два. Мнѣ бы онъ большимъ былъ пособіемъ, совершенно зная землю и нашихъ сосѣдей. Мнѣ здѣсь немного помощниковъ.

Въ Персію я ѣду не прежде конца Февраля или въ началѣ Марта. Тамъ собираются большія силы для того, думаю, чтобы при переговорахъ сохранить уваженіе. Впрочемъ узнать нельзя. Политика *въ красномъ мундирѣ* много тамъ дѣйствуетъ. Трудно узнать точныя намѣренія правительства, никакой постоянной системы политической не имѣющаго. Шахъ, роскошной и распутной человѣкъ, желаетъ дожить конца въ сластолюбіи, но на него дѣйствуютъ внушенія. Корыстолюбивымъ вельможамъ война даетъ въ руки большія сокровища. Увидимъ, что́ будетъ. Изъ *Тегерана* непремѣнно пишу къ тебѣ. Прощай, любезный и рѣдкой братъ. Извини, естли длинно письмо. Ты желалъ, чтобы я обо всемъ писалъ. Прощай; люблю тебя душевно. Надѣюсь на твое расположеніе и дружбу, когда меня узнаешь болѣе.

Душевно преданный А. Ермоловъ.

Ты называешься прислать мнѣ книгъ, то сдѣлай дружбу, пришли: *Précis des événements militaires par*

Dumas. Не забудь вновь вышедшихъ двухъ книгъ его. Если вышла *L'Histoire de l'Arménie* par *Cirbied*, такъ мнѣ его назвали, пришли.

Благодарю за экстракты писемъ *Сабанеева* и *Бенкендорфа*; перваго мнѣніе чрезвычайно мнѣ лестно, какъ славнаго офицера и человѣка достойнѣйшаго; но оно происходитъ отъ расположенія его ко мнѣ. Послѣдняго благодарю за дѣлаемую мнѣ честь; но онъ совсѣмъ меня не знаетъ и мало даже знакомъ со мною.—*Злодѣйка* гдѣ, не знаю. Разлука уже не огорчаетъ, ибо и надежды нѣтъ когда-либо видѣть. Помню однакоже, сколько начиналъ я имѣть къ ней привязанности. *Черные Глаза*, я слышалъ, прекраснѣйшая, какъ ангелъ. Ты легко можешь съ нею видѣться; можешь быть счастливъ, судя по началу. Какая различная со мною участь!

24.

Пол. 29 Апрѣля въ Парижѣ. Февраля 24 дня, 1817. Тифлисъ.

Писмы твои, любезнѣйшій братъ графъ Михаилъ Семеновичъ, отъ 4—16 Декабря и 5—17 Генваря, получилъ въ одно время. Сіе самое объясняетъ мнѣ, отъ чего мои къ тебѣ не доходятъ порядочно, хотя, впрочемъ, къ тебѣ каждый мѣсяцъ отправляются обратно твои курьеры. Благодаря газетѣ, она извѣстила тебя, что я обѣдалъ у *Ртищева*. До сего времени, кажется, нечего другаго и сказать обо мнѣ; я лучшаго ничего еще не сдѣлалъ. Хорошо еще, что не пишутъ въ газетахъ, когда обѣдаю у себя дома: въ томъ только бы и заключалось описаніе жизни моей. Кажется мнѣ, нельзя и тебѣ ничего сдѣлать, о чемъ бы не тотчасъ свѣту дано было извѣстіе.

Твое положеніе несравненно пріятнѣе моего. Въ странѣ просвѣщеннѣйшей, между отличнѣйшими людьми нынѣшняго времени, въ вихрѣ происшествій, обращающихъ общее всѣхъ вниманіе, въ маломъ числѣ избранныхъ, ты поставленъ на видъ не однимъ твоимъ соотчичамъ, но и всѣмъ другимъ, и всѣмъ отличныя способности твои сдѣлаютъ тебя извѣстнымъ. Представь за симъ, какая блистательная ожидаетъ тебя *перспектива*. Усмотри разницу моего положенія. Я въ странѣ дикой, непросвѣщенной, которой бытіе, кажется, основано на всѣхъ родахъ безпутствъ и безпорядковъ. Образова-

ніе народовъ принадлежитъ вѣкамъ, не жизни человѣка. Естли бы на мѣстѣ моемъ былъ *геній*, и тотъ ничего не могъ бы успѣть, развѣ начертать путь и дать законы движенію его наслѣдниковъ; и тогда между здѣшнимъ народомъ, закоренѣлымъ въ грубомъ невѣжествѣ, имѣющемъ всѣ гнуснѣйшія свойства, развѣ бы поздніе потомки увидали плоды. Но гдѣ геніи и гдѣ наслѣдники, объемлющіе виды и намѣренія своихъ предмѣстниковъ? Рѣдки подобные примѣры и между царей, которые даютъ отчетъ народамъ въ своихъ дѣяніяхъ. И такъ людямъ обыкновеннымъ, каковъ между прочимъ и я, предстоитъ одинъ трудъ— быть немного лучше предмѣстника, или такъ поступать, чтобы не быть чрезвычайно хуже наслѣдника; ибо естли сей послѣдній не *геній*, то всеконечно немного превосходнѣе быть можетъ. Итакъ всѣ подвиги мои состоятъ въ томъ, что какому-нибудь князю Грузинской крови помѣшать дѣлать злодѣйства, которыя въ понятіи его о чести, о правахъ человѣка, суть дѣйствія ознаменовывающія высокое его происхожденіе; воспретить какому-нибудь хану по произволу его рѣзать носы и уши, который въ образѣ мыслей своихъ не допускаетъ существованія власти, естли она не сопровождаема истребленіемъ и кровопролитіемъ. Вотъ въ чемъ состоятъ главнѣйшія мои теперь занятія, и я начинаю думать, что надобенъ великій героизмъ, чтобы трудиться о пользахъ народа, котораго отличительное свойство есть неблагодарность, который не знаетъ счастья принадлежать Россіи и измѣнялъ ей многократно и еще измѣнить готовъ. Я, не взирая на то, начинаю по малу приниматься за порядокъ. Онъ здѣсь весьма незнакомъ, глупымъ головамъ кажется дикимъ; ропщутъ по немногу, меня не любятъ очень.

Но я когда что приказалъ, требую исполненія. Здѣсь послѣ каждаго приказанія есть привычка трактовать объ уступкѣ, и испытывается, нельзя ли нѣсколько не послушать. Помню князя Циціанова названіе *Армяшки*. Вотъ родъ людей, буде людьми назвать пристойно, самый презрительный, у котораго Богъ—свои выгоды, и никакихъ въ отношеніи къ другимъ обязанностей. Европа не должна гнушаться Жидами: они удобно покоряются порядку и при строгомъ наблюденіи не болѣе могутъ дѣлать вредъ какъ *Армяшки*, во всемъ съ худой стороны имъ подобные.

Терзаютъ меня ханства, стыдящія насъ своимъ бытіемъ. Управленіе ханами есть изображеніе первоначальнаго образованія обществъ. Вотъ образецъ всего нелѣпаго, злодѣйскаго самовластія и всѣхъ распутствъ, унижающихъ человѣчество.

Когда возвращусь изъ Персіи, введу перемѣну въ образѣ ихъ управленія. Ханъ Карабагскій, какъ доброй, хотя слабой человѣкъ, по счастію болѣзненный и бездѣтный, не будетъ уже имѣть наслѣдника, и конечно послѣ него не бывать тамъ ханству. Текинскаго владѣнія ханъ, ужасная и злая тварь, еще молодъ и недавно женился на прекрасной и молодой женщинѣ. Каналья заведетъ кучу дѣтей, и множества наслѣдниковъ не переждешь. Я намѣренъ не терять время въ ожиданіяхъ. Богатое и изобильное владѣніе его будетъ Россійскимъ округомъ, и вскорѣ по моемъ изъ Персіи возвращеніи. Подобныя дѣла надобно производить рѣшительно и не спрашивать повелѣній. Я сдѣлаю опытъ, который безъ сумнѣнія и правительству понравится. Ты конечно помнишь

Мустафу, хана Ширванскаго. Этотъ поистинѣ молодецъ. Подвластные его имъ довольны, безпокойствъ начальству нѣтъ. Въ землѣ похвальное устройство, и я сыскалъ его ко мнѣ довѣренность. Съ нимъ буду умѣть ладить.

Прощай. Вѣрь истинной дружбѣ почитающаго тебя всею душою.

А. Ермолова.

25.

Получ. 29 Апрѣля въ Парижѣ. Февраля 27, 1817. Тифлисъ.

Благодарю тебя, любезнѣйшій Михаилъ Семеновичъ, за книги. Одна чрезвычайно любопытная; другая, т.-е. кампанія 1812 года, есть ничто иное, какъ продолженіе военныхъ сочиненій послѣднихъ временъ Франціи. Скажи мнѣ хотя одну военную книгу, гдѣ бы болѣе было справедливости? Разность въ томъ только, что гнусную ложь и подлую лесть Наполеону успѣхи его нѣсколько оправдывали, и войны его, большею частію счастливыя, но между тѣмъ не занимавшія всѣхъ народовъ Европы въ одно время, могли нѣкоторымъ изъ нихъ казаться таковыми, какъ представляли ихъ лживыя описанія. Въ 1812 году вся Европа участвовала, и надобно быть и дерзку и подлу, какъ Французу, чтобы Наполеона смѣть представлять человѣкомъ чрезвычайнымъ. Слишкомъ много было свидѣтелей, слишкомъ много участниковъ горестныхъ происшествій, за которыя проклятіе преслѣдовать будетъ Наполеона до гроба. Вотъ славныя дѣла, которыя превозноситъ сочинитель. Для чего скрылъ онъ имя свое? Онъ въ подломъ Французскомъ народѣ нашелъ бы многихъ съ своей стороны, и могъ ли онъ, обнаружа себя, бояться быть болѣе подлымъ? Французская нація, въ сихъ отличающихъ ее свойствахъ, не терпитъ соперничества! Сочинитель избралъ для описанія самые вѣрные источники, оффиці-

альныя, какъ называетъ онъ, извѣстія, т.-е. *bulletins de la grande armée*, и съ нашей стороны, кажется, реляціи партизановъ. Какія заставляетъ онъ говорить рѣчи! Какіе отдаетъ приказы! Водитъ арміи наши, какъ хочетъ, вездѣ бьетъ насъ, сколько хочетъ и естли до сихъ поръ существуетъ Россія, то, кажется, и тѣмъ обязаны мы сочинителю. Я, любезный братъ, еслибы зналъ Французской языкъ, какъ ты, непремѣнно опроверженіемъ убилъ бы въ гробъ *подлянику Француза*. Стыдно вамъ будетъ, если ничего не выдадите противъ гнусной и безчестной сей лжи. Или, по крайней мѣрѣ, неужели ни одинъ изъ Русскихъ офицеровъ не публикуетъ въ газетахъ, что сочинитель приглашается обнаружить себя для исправленія нѣкоторыхъ погрѣшностей въ своемъ твореніи, въ чемъ могутъ ему способствовать наши офицеры ихъ свѣдѣніями? Конечно никто другой не возразитъ, ибо въ 1812 году вся Европа была въ услугахъ у Наполеона и передъ нимъ на колѣнахъ. Каждой изъ народовъ имѣлъ свой участокъ безчестія и срама. Выгода всѣхъ ихъ молчать!!

Ты заботишься о Дельпоццо, и весьма справедливо. Онъ человѣкъ чрезвычайно усердствующій пользамъ Государя, истинно благонамѣренный и правилъ примѣрной честности и безкорыстія. Я оказываю ему должное уваженіе и увѣренъ, что ладить по службѣ буду. До сего времени я упрекалъ ему слишкомъ большимъ снисхожденіемъ къ подчиненнымъ, отчего была кордонная наша стража весьма оплошна; но онъ сталъ гораздо строже, и пошло лучше; упрекалъ ему великодушіемъ и довѣрчивостію къ горскимъ народамъ, которые понятія не имѣютъ о добродѣтели и всегда

во зло употребляли кротость его, толкуя, что оная происходитъ отъ слабости и недостатка средствъ нашихъ. Теперь онъ поступать принужденъ рѣшительнѣе, ибо горцы сдѣлались весьма наглыми и смѣютъ дѣлать величайшія хищничества. Самые даже *Кабардинцы*, чумою въ четвертую долю приведенные, истребляемые бѣдствіями всякаго рода, позволяютъ себѣ разныя дерзости. Сихъ послѣднихъ приказалъ я смирить оружіемъ порядочно. *Чеченцы* весьма усилились и впадаютъ большими партіями на Линію. До возвращенія моего изъ Персіи отложилъ я наказаніе ихъ и безъ себя не позволю ничего сдѣлать. Я намѣрѐнъ изъ *Дагестана* чрезъ *Андреевскія слободы* и съ *Терека* въ достаточныхъ силахъ придти ко времени снятія хлѣба, придти на *Сунжу* и тамъ, собравши хлѣбъ, сдѣлать небольшія укрѣпленія и остаться на всю зиму, отнюдь не входя въ горы; Андреевскія богатѣйшія селенія занять также войсками и прервать сношенія и большой торгъ ихъ съ *Чеченцами*. Тебѣ, думаю я, извѣстно, что мы имѣемъ редутъ одинъ на Сунжѣ отъ Владикавказа въ 25 верстахъ, къ которому нѣкоторые изъ горцевъ переселились и занимаются хлѣбопашествомъ. Они во всегдашней враждѣ съ Чеченцами и тѣмъ обезпечиваютъ сообщеніе наше съ постами по дорогѣ къ Моздоку. Въ проѣздъ мой чрезъ Владикавказъ другіе изъ народовъ горскихъ просили меня о позволеніи выселиться изъ горъ и обработывать землю. Ты не сумнѣваешься, что я былъ доволенъ ихъ намѣреніемъ и тотчасъ согласился. Имъ опредѣлено мѣсто на Сунжѣ, и приказано весною устроить для охраненія ихъ редутъ, котораго они желали и что̀ въ понятіи ихъ составляетъ страшную крѣпость. Народы сіи также непріязненные Чеченцамъ.

Редутъ сей отъ перваго будетъ далѣе въ 20-ти верстахъ.

Такимъ образомъ чрезъ нѣсколько времени построится цѣпь редутовъ по Сунжѣ, безъ всякой со стороны нашей потери, и при нихъ заведутся селенія, которыя жители охраняя, будутъ между тѣмъ ограждать лѣвый флангъ Кавказской линіи, который теперь открытъ ихъ нападеніямъ. Я большую уже нахожу пользу, что вмѣсто Русскихъ будутъ истребляемы другіе, и на Линіи водворится чрезъ то гораздо большее спокойствіе и безопасность.

Прощай, любезнѣйшій братъ. Скоро отправляюсь въ Персію, но прежде отъѣзда еще писать къ тебѣ буду. Поклонись всѣмъ старымъ моимъ товарищамъ. За *Фалкенберга* честь тебѣ и слава! Подобныя представленія еще болѣе тебя любить заставятъ. Удивляюсь участи *Полторацкаго*, что родные его не должны умѣть говорить по-русски. У него была еще племянница такая же штука!

А. Ермоловъ.

*

Копія.

Его Императорскому Величеству генералъ-лейтенанта Ермолова.

Рапортъ.

Въ представленіяхъ моихъ о вознагражденіи чиновниковъ, никогда не обращалъ я вниманія начальства на недостойныхъ, или особеннымъ усердіемъ и трудами, или похвальнымъ безкорыстіемъ онаго не заслуживавшихъ. Здѣсь, по недавнему моему пребыванію, наиболѣе строгъ я въ выборѣ; но, Государь, безполезно ободряю я трудящихся: не внимаетъ начальство моимъ представленіямъ, не достигаютъ они право-

суднаго Вашего Императорскаго Величества воззрѣнія, и я по волѣ Вашего Величества, занимая мѣсто, съ которымъ неразлучно должно быть довѣріе правительства, въ первый разъ въ продолженіе службы моей, не смѣю ручаться подчиненнымъ моимъ за справедливое воздаяніе трудовъ ихъ, а потому и довѣрія къ правительству внушать не могу. Управляющему Министерствомъ Полиціи представлялъ я о исходатайствованіи вознагражденія чиновникамъ за труды въ прекращеніи заразы. Я былъ свидѣтель, каковыхъ стоитъ трудовъ и самой опасности тщательное исполненіе сихъ должностей; но мнѣ отвѣтствуютъ, что Высочайше повелѣно остановиться представленіями до назначенія времени и формы докладовъ по сему предмету. Въ тоже время по Министерству Полиціи и по другимъ частямъ безпрестанно награждаемые чиновники утверждаютъ меня въ мнѣніи, что нѣтъ формъ правосудію и милосердію Государя. Здѣсь надежда на справедливое воздаяніе за вѣрность и усердіе должна вознаграждать лишеніе всѣхъ прочихъ выгодъ: родъ жизни служащихъ здѣсь, отрѣченіе всѣхъ удовольствій оной по отдаленности, достойны особеннаго вниманія. Никто не служитъ здѣсь, кому сильныя связи и могущественное покровительство представляютъ выгоднѣйшее служеніе въ другомъ мѣстѣ. Я требую трудовъ, и здѣсь все надобно доставать трудами.

Къ милостямъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ на меня изливаемымъ, присовокупи, Государь и ту, чтобы могъ я достойнымъ обѣщевать достойное воздаяніе.

Генералъ-лейтенантъ Ермоловъ.

Марта 12 дня 1817. Гор. Тифлисъ.

26.

Пол. 28 Мая (9 Іюня). 17 Апрѣля 1817. Тифлисъ.

Любезный и рѣдкой братъ.

Давно отъ тебя не имѣю писемъ, и послѣдній изъ Петербурга курьеръ ничего мнѣ о тебѣ не привезъ. Ты живешь въ землѣ, по истинѣ можно сказать средоточіи всего любопытнаго, на сценѣ происшествій, наиболѣе занимающихъ и вблизи Англіи, въ которой, если вѣрить газетамъ, также готовятся разныя забавы, могущія намъ припомнить невинныя шутки революціи. Тебѣ, я вижу, досадно, какъ человѣку, проводившему лѣта юности въ сей землѣ и конечно имѣющему естли не точную привязанность, то всеконечно большую привычку. Ты ничего не пишешь. Не странно, естли я пишу изрѣдка: ибо нечего сказать, или надобно мучить тебя разными вздорами, или повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же вещей. Грузія, до тѣхъ поръ пока не буду я умѣть вникнуть во всѣ обстоятельства и не постигну выгодъ, которыя извлечь можно изъ счастливаго положенія моего, представляетъ мнѣ большею частію упражненія единообразныя, мелочныя и по необходимости ничто иное, какъ необходимыя послѣдованія и точное продолженіе дѣлъ моихъ предмѣстниковъ, которыми и занимать тебя безполезно, и Лисаневичъ скажетъ тебѣ лучше, нежели я описать могу.

Сегодня отправляюсь я въ Персію, умедливъ по разнымъ обстоятельствамъ долгое время отъѣздъ мой. Изъ Тегерана буду писать непремѣнно, естлибы то случилось и для одной рѣдкости. Теперь заваленъ бумагами; нечего совершенно сказать тебѣ. Прощай! Посылаю тебѣ довольно удачно сдѣланный мой *силуэтъ*. Твой портретъ у меня сохраненъ и выставленъ на стѣнѣ. Многіе изъ знающихъ тебя и служившихъ вмѣстѣ съ тобою увѣряютъ, что не такъ перемѣнился, чтобы, хотя мало, трудно было узнать его. Многіе съ восхищеніемъ вспоминаютъ дружбу и знакомство съ тобою.

Вѣрно преданный А. Ермоловъ.

27.

Пол. 5 (17) Генв. 1818. 5 Ноября 1817. Тифлисъ.

Я возвратился изъ Персіи въ шесть мѣсяцевъ отсутствія моего изъ Грузіи. Не могъ я самъ ожидать того, и еще менѣе другіе, и потому и различны были заключенія на счетъ скорости, до того времени, какъ пріѣхалъ отъ меня курьеръ. Счастье мое не оставило меня и въ семъ совершенно новомъ для меня препорученіи. Дѣла кончилъ я совсѣмъ сходно съ нашимъ желаніемъ. Персіяне не довольно хорошо знали насъ и не имѣли къ намъ довѣренности. Иноземцы, живущіе у нихъ, не имѣли выгоды представлять насъ въ настоящемъ видѣ, дабы не внушить имъ желанія сблизиться съ нами и утвердить пріязненныя сношенія, въ каковомъ предположеніи теряли они могущество своего вліянія. Они не только не опровергали мнѣнія весьма невыгодно для насъ распространившагося, напротивъ старались придать ему видъ основательности. Изъ всѣхъ иноземцовъ, посѣтившихъ Персію, дѣйствіе Французовъ было болѣе открытое. Наполеонъ искалъ вредить Россіи всѣми образами и Персію потому старался возбудить противъ насъ: прислалъ мошенниковъ, которымъ удобно было пользоваться тогдашнимъ нашимъ съ Персіею несогласіемъ, и они, истолковавъ неудачныя войны наши въ Европѣ, глупыхъ Персіянъ увѣрили, что они могутъ быть намъ опасными.

Французы не имѣли однакоже насъ главнѣйшею цѣлью своихъ занятій и Персидскимъ войскамъ старались дать образованіе для того, чтобы обратить ихъ на Индію. Я, будучи въ Персіи, узналъ отъ верховнаго визиря, что было уже условіе ввести Французскія войска, и Персія обязывалась присоединить свои, и пріуготовлены были даже маршруты. Генералъ *Гарданнъ* не былъ довольно терпѣливъ, не умѣлъ перенести прибытія Англичанъ, взбѣсился и уѣхалъ. Тотъ же визирь признался, что они дали болѣе денегъ, нежели Французы, и потому къ нимъ расположился шахъ, человѣкъ скупой до крайности.

Англичанъ первыя старанія были отвлечь вниманіе Персіянъ отъ Индіи, и для того надобно было изобрѣсти *épouvantail*. Они указали на насъ и всѣ употребили усилія пріуготовленную Французами недовѣрчивость укрѣпить внушеніемъ боязни. Намъ приписали намѣренія завоеваній и уничтоженіе Персіи междоусобными войнами и выдали себя за единственныхъ спасителей ихъ. Предложили учрежденіе регулярныхъ войскъ и тѣмъ болѣе сдѣлались необходимыми. Персіяне по глупости не видятъ, что это не для огражденія ихъ, но чтобы имѣть средство продать выгодною цѣною самое гадкое свое сукно и бракъ изъ оружія. И въ то время, какъ заводятъ они литейные дома, арсеналы, строятъ крѣпости, тогда же всѣ употребляютъ мѣры отдалить Персіянъ отъ заведенія своихъ суконныхъ, шелковыхъ и бумажныхъ фабрикъ. Не даютъ имъ средствъ вычищать сахаръ, который имѣютъ они въ изобиліи и ежегодно привозятъ онаго изъ Индіи на миліонъ червонцевъ. Словомъ, овладѣли совершенно торговлею и, придавъ поступкамъ своимъ наружности почтенныя, всѣ дѣйствія свои учреждаютъ на прави-

лахъ ростовщиковъ, т. е. на законахъ чести, свойственныхъ купеческимъ націямъ. Сему всеобщему стремленію къ чести уступили и военные ихъ люди. Они служатъ въ Персіи не по одному повиновенію къ волѣ правительства своего, но за получаемыя отъ Персіянъ деньги, по контракту и на опредѣленное число годовъ.

Это самый бѣдный торгъ, производимый Англичанами и въ которомъ не достигнутъ они *монополіи*; ибо много совмѣстниковъ и весьма мало глупыхъ земель, какъ Персія, гдѣ вѣрятъ военнымъ ихъ талантамъ и за ничтожныя ихъ способности платятъ чрезвычайную цѣну. Весьма страннымъ казалось мнѣ видѣть офицеровъ Англійскихъ при фронтѣ Персидскихъ войскъ, когда они выставлены были для встрѣчи моей, какъ посла. Они по крайней мѣрѣ должны были снять мундиры своей націи, обязаны будучи ихъ не безчестить. Я видалъ ихъ командующими внутреннимъ у наслѣдника карауломъ. Видалъ ихъ, въ угожденіе ему, въ овчинныхъ Персидскихъ шапкахъ. У Персіянъ не имѣютъ они стула и садятся, сложа ноги, на коврѣ. Входить обутыми не смѣютъ, но снимаютъ обувь и въ однихъ входятъ чулкахъ или надѣваютъ красные чулки по этикету Персидскому. Въ тоже самое время и въ ихъ присутствіи каждый изъ офицеровъ моихъ ничего того не соблюдалъ, и мнѣ не трудно было отдалить сіе требованіе. Слѣдовательно господа купцы честь свою положили въ курсъ и конечно выгодный. Не знаю, не положатъ ли и тѣлесное наказаніе въ цѣну, но случиться можетъ: ибо Персіяне начинаютъ раскрывать глаза, что они не столько опасны и что за оскорбленіе ихъ, лишь бы торговля отъ того не потерпѣла, купцы не вступятся.

Извини, любезный братъ, что я занялъ тебя недостойнымъ предметомъ; но вина моя болѣе въ томъ, что я имѣю странное о чести понятіе, и по оному оскорбляетъ меня нарушеніе ея. О Персіи могъ бы я ничего тебѣ не говорить, ибо есть множество сочиненій довольно обстоятельно о ней разсуждающихъ. Послѣднее изъ таковыхъ извѣстное путешествіе *Малькольма;* но какъ въ Персіи и малѣйшее время дѣлаетъ во всемъ примѣтную розницу, то я тебѣ скажу то, что̀, по кратковременному моему тамъ пребыванію, самимъ мною и нѣкоторыми изъ моихъ товарищей замѣчено.

Персія вообще по пространству своему населена мало. Богатѣйшія и многолюднѣйшія области ея лежатъ къ границамъ нашимъ и по берегамъ Каспійскаго моря. Во многихъ мѣстахъ земля такого свойства, что производить ничего не можетъ, а причиною тому недостатокъ водъ и народонаселенія. Промышленности почти нѣтъ, и потому торговля ничтожная. Ихъ мертвитъ неувѣренность въ собственности. Въ государствѣ нѣтъ удобныхъ сообщеній, ни дорогъ, ни судоходныхъ рѣкъ, и единственный способъ транспортированія—верблюды и лошаки. Все сіе препятствуетъ торговлѣ, имѣющей нужду въ скорыхъ оборотахъ произведеній земли и издѣлій. Образа правленія опредѣленнаго нѣтъ: власть шаха безпредѣльна, по свойствамъ ихъ болѣе или менѣе тягостная для народа. Нынѣшній шахъ скупъ до чрезмѣрности и любитъ собирать деньги. Грабительство сдѣлалось необходимостію. Надобно имѣть деньги, чтобы дѣлать ему подарки; безъ нихъ нѣтъ милости шахской, нѣтъ покровительства вельможъ, нѣтъ уваженія равныхъ.

областей оградила цѣпьми горъ и положила твердые предѣлы, почти каждую населила народомъ, особенныя свойства имѣющимъ, которыя правительство должно различать въ правахъ и преимуществахъ и потому не обладаетъ одинаковою ихъ приверженностію и между ими посѣяло зависть. Въ Персіи примѣры возмущеній дѣлаютъ большой развратъ, ибо свѣжи въ памяти происшествія, утверждающія въ возможности освободиться отъ власти и зависимости. Недовольные всегда выжидаютъ, чтобы народъ возмутившійся или пріобрѣлъ успѣхи или усилился какими-либо внѣшними пособіями, и тогда распространяется пламя, и возгорается война. Теперь бунтуетъ область Хорасанская, богатая и многолюдная, и Афганцы, непріятели непримиримые, имъ способствуютъ и естлибы не миръ и дружба съ нами, уже бы многіе послѣдовали ихъ примѣру.

Не докончилъ, ибо совѣстно и тебя занимать вздоромъ, и мнѣ Персіяне наскучили, чтобы далѣе говорить о нихъ. Прощай. Впередъ буду писать, какъ я былъ принятъ и какую важную разыгрывалъ я фарсу.

Люблю тебя душевно.

Алексѣй Ермоловъ.

28.

Пол. 18 Февр. 1818. 30 Ноября 1817. Г. Тифлисъ.

Я писалъ къ тебѣ съ первымъ фельдъ-егеремъ по прiѣздѣ моемъ изъ Персiи и вкратцѣ сообщилъ то понятiе, каковое имѣю я вообще о семъ мало-извѣстномъ государствѣ. Теперь скажу о томъ, что̀ собственно до меня касается и какъ я былъ тамъ принятъ. При первомъ шагѣ моемъ зналъ я, что буду имѣть дѣло съ людьми несносной надменности и гордости и что снисходительность и умѣренность наша никогда не отнесется къ свойствамъ нашего правительства, но къ слабости и потому къ уваженiю ихъ. Предмѣстникъ мой чрезмѣрными угожденiями наиболѣе утвердилъ ихъ въ сей мысли. Итакъ я начерталъ себѣ планъ поведенiя, котораго они совсѣмъ не ожидали. Я при самомъ началѣ показалъ себя столько гордымъ, что они примѣра подобной гордости не видывали.

Съ первымъ долженъ я былъ встрѣтиться сардаремъ Эриванскимъ, человѣкомъ знатнымъ и по власти ему данной, и по расположенiю къ нему шаха, какъ къ соплеменнику, ибо они оба изъ народа *Каджаровъ*. Ему казалось несовмѣстно выѣхать ко мнѣ на встрѣчу; я потребовалъ, настоятельно объявивши, что я прiѣду въ Эривань и во все время моего тамъ пребыванiя въ отношенiяхъ моихъ не буду признавать его за начальника, а адресуюсь къ старшему по немъ, и тѣмъ истолкую народу, какъ я его разумѣю. Надобно за-

мѣтить, что народъ имъ недоволенъ и что онъ его остерегается. Сардарь выѣхалъ на встрѣчу, и я по выѣздѣ изъ Эривани оказалъ ему уваженіе. Далѣе до Тавриза никто не допустилъ сдѣлать себѣ напоминовенія.

Въ Тавризѣ сдѣлана была великолѣпнѣйшая встрѣча: всѣ войска расположены были, не доѣзжая до города; знатнѣйшіе чиновники и даже визирь высланы были на встрѣчу. На другой день всѣ и каймакамъ сдѣлали мнѣ посѣщеніе, и потомъ былъ я у наслѣдника. Мнѣ стороною сдѣлано было внушеніе, что въ Персіи существуетъ этикетъ надѣвать красные чулки, которому покорялись всѣ до меня бывшіе послы, и самихъ Англичанъ не исключая. Я отвѣчалъ, что я сего не сдѣлаю, ибо хорошо весьма чувствую, что я посолъ державы Россійской и, что̀ болѣе, сосѣдственной. Аббасъ-Мирза выдумалъ преглупый способъ, чтобы не позволить мнѣ войти въ сапогахъ въ комнату: принялъ меня на дворѣ внутреннемъ своего дома, стоя самъ на ногахъ подъ навѣсомъ къ стѣнѣ придѣланнымъ. Я не показалъ неудовольствія, ѣздилъ съ нимъ потомъ на ученье, въ загородный домъ; но когда, предъ выѣздомъ моимъ изъ Тавриса, пригласилъ онъ меня съ собою на прогулку за городъ, я отвѣчалъ, что быть не могу, ибо рано завтра выѣзжаю, а что не прошу прощальной аудіенціи, потому что, будучи принятъ на дворѣ, я не разумѣю себя посломъ, а его сыномъ шаха; но пріятно мнѣ было познакомиться съ нимъ, какъ съ любезнымъ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ знакомство могъ бы д сдѣлать и въ конюшнѣ, если бы мы были охотники яо лошадей. Не столько оскорбилъ я его отвѣтомъ,

какъ обидно ему было, что я не пріѣхалъ по приглашенію и отправляюсь не откланиваясь и что народъ увидитъ, что смѣютъ наслѣдника не уважать до такой степени. Употреблены были всѣ со стороны его средства, чтобы дать сему лучшую наружность, употреблены были просьбы; но я отказалъ и въ 5 ч. поутру выѣхалъ съ однимъ адъютантомъ, оставя всю свиту (ибо для оной не успѣли такъ рано приготовить лошадей), а одному изъ совѣтниковъ приказалъ идти къ нему и объяснить мое неудовольствіе. Каймакамъ, наставникъ Аббасъ-Мирзы, воспитывавшій его съ ребячества и теперь имъ управляющій, дервишъ Сеидова поколѣнія, человѣкъ самой гнуснѣйшей и черной души, употреблялъ всю свою хитрость, чтобы удержать меня; но я безъ церемоніи послалъ ему сказать, что онъ величайшій изъ подлецовъ и что я его презираю. Надобно замѣтить, что онъ второй чиновникъ въ государствѣ!

Шаху послано было донесеніе, что я человѣкъ чрезвычайно гордый, характера ужаснѣйшаго и всѣ случаи изыскивающій къ раздору, словомъ сказать—звѣрь. Отъ шаха былъ присланъ ко мнѣ на встрѣчу одинъ изъ министровъ, его любимецъ, подъ видомъ будто бы сократить мнѣ время бесѣдою своею до его въ Султанію пріѣзда; а между тѣмъ поручено ему было развѣдать о провинціяхъ, которыхъ посолъ Персидской требовалъ возвращенія: можно-ли надѣяться получить ихъ? Ему дана была довѣренность вступить со мною въ переговоры. Я не принялъ полной мочи, отвѣтствуя, что, не имѣя отъ шаха аудіенціи, я ни съ кѣмъ не вхожу въ разсужденіе о дѣлахъ, но что, уважая его и желая сыскать его друж-

бу, я буду говорить съ нимъ, какъ съ пріятелемъ обо всемъ томъ, о чемъ не могу я сказать ему, какъ министру. И въ такихъ отношеніяхъ пробыли мы три недѣли, въ одномъ живучи лагерѣ и никакихъ другихъ занятій не имѣя. Меня стращали войною, сильными Персіи ополченіями и прочею глупостію. Я сдѣлалъ тоже съ своей стороны; споры были горячіе. Наконецъ удостовѣрились, что я дать ни которой изъ провинцій не намѣренъ, и такъ шахъ былъ предупрежденъ.

Онъ пріѣхалъ, и вскорѣ я имѣлъ аудіенцію и принятъ былъ самымъ пріятнѣйшимъ образомъ съ изъявленіемъ возможнаго уваженія. Испытаны были всѣ средства склонить меня къ уступкѣ земель, но безполезно; наконецъ должно было со мною согласиться, ибо не смѣли надѣяться оружіемъ возвратить оныя, хотя Англичане образованіемъ на Европейскую ногу войскъ внушили въ нихъ большую довѣренность къ своимъ средствамъ. Ты не можешь вообразить, любезный графъ Михаилъ Семеновичъ, какое ужасное нашелъ я въ министрахъ невѣжество и съ которымъ тѣмъ труднѣе мнѣ было бороться, что Англичане, въ мнѣніи ихъ желая сохранить первенство, объ насъ не передали имъ настоящаго понятія, и они Россію почитали державою едва Персіи равною. Одна кампанія 1812 года могла имъ нѣкоторое дать къ намъ уваженіе, но и та въ глазахъ ихъ чрезвычайно обезображена; войну же 1813 и послѣдующихъ годовъ Англичане взяли на свой счетъ и всѣ успѣхи безъ исключенія себѣ приписали. Я долженъ былъ начать вразумлять ихъ съ первыхъ элементовъ, и въ людяхъ такой необразованности всегда трудно истребить дѣйствіе перваго впечатлѣнія; но наконецъ не безъ шуму,

не безъ угрозъ истолковалъ я имъ, что Россійскій Государь не въ состояніи ничего пожелать, чего бы онъ не могъ исполнить, что я одинъ изъ начальниковъ малѣйшей государства части, но что въ рукахъ моихъ способы не только произвести въ Персіи внутреннюю войну, но указать прямѣйшій къ престолу путь и наименовать шаха, которому не трудно достигнуть онаго, ибо царствующій нынѣ не болѣе имѣетъ на то права. Высланный на встрѣчу ко мнѣ министръ, о которомъ сказалъ я выше, былъ одинъ, который постигалъ истину моихъ словъ и, будучи въ особенной у шаха довѣренности, сколько могъ я замѣтить, способствовалъ разсѣять вкоренившееся на счетъ нашъ невѣжество. Безъ его представленій не такъ скоро могъ бы я привести къ окончанію дѣла мои и не имѣлъ бы утѣшенія видѣть перемѣны о насъ мнѣнія.

Не болѣе какъ въ три недѣли времени кончилъ я дѣла мои, изъ коихъ о нѣкоторыхъ поручилъ мнѣ шахъ снестись съ Аббасъ-Мирзою, какъ управляющимъ и областьми, и дѣлами пограничными. Потомъ давали мнѣ пресмѣшные праздники, фейерверкъ и другія увеселенія. У шаха я такъ часто бывалъ, какъ никто изъ иностранныхъ пословъ, и онъ имѣлъ ко мнѣ особенное благорасположеніе. Во все время пребыванія моего любимая рѣчь была обо мнѣ. При свиданіи мы размѣнивались удивительными привѣтствіями и, какъ уже онъ прислушался къ лести Азіятской, то Европейская ему чрезвычайно нравилась, и онъ утверждалъ замѣчаніе мое, что царей рѣдко весьма она оскорбляетъ. Шахъ, ко всеобщему удивленію, вопреки древняго обыкновенія, говорилъ всякій разъ со мною о дѣлахъ, и министры, не обыкшіе видѣть человѣка,

смѣло говорящаго предъ шахомъ, трепетали, чтобы когда-нибудь не принесъ я жалобы на нихъ или не сказалъ моего на нихъ неудовольствія. Я въ такой былъ у него довѣренности, что по обычаю Персидскому могъ бы попросить носъ, уши или глаза котораго-нибудь изъ нихъ, и трудно было бы отказать мнѣ въ томъ. Шахъ не одинъ разъ признавался въ моемъ присутствіи, что ему сдѣлано было несправедливое обо мнѣ донесеніе и что онъ во мнѣ находитъ человѣка, которому ни минуты не остановится онъ ввѣрить собственные интересы. Я выѣхалъ изъ Султаніи осыпанный ласками всѣхъ вельможъ, всѣхъ окружающихъ шаха и съ чувствами къ нему уваженія: ибо нашелъ его весьма кроткимъ, добросердечнымъ, умнымъ и благонамѣреннымъ. Въ Султаніи не было со мною ниже тѣни неудовольствія: всѣмъ чиновникамъ моимъ оказано самое обязательное вниманіе и уваженіе, и не было человѣка во всемъ лагерѣ, въ которомъ считалось по крайней мѣрѣ 60 т. человѣкъ, ктобы съ удовольствіемъ видѣлъ отъѣздъ нашъ. Шахъ, въ ознаменованіе благорасположенія своего къ Русскимъ, всѣмъ чиновникамъ посольства далъ знаки своего ордена Льва и Солнца различныхъ степеней и мнѣ первый классъ онаго съ фирманами при каждомъ самыми лестными.

О проѣздѣ моемъ чрезъ Тавризъ на возвратномъ пути скажу я тебѣ послѣ; теперь усталъ смертельно. О Персіянахъ и похвала утомительна, а въ Тавризѣ не обо всемъ сказать оную должно.

Я получилъ отъ тебя книги, и весьма любопытныя. Мало я имѣю свободнаго времени, но съ удовольствіемъ

прочитываю понемногу. Съ любопытствомъ взялся я за кампанію 1813 года и съ такимъ же прочту о войнѣ въ Гишпаніи. Перу *Дюмаса* надобны великіе предметы. Надобно удивляться описанію кампаніи 1799 и 1800 годовъ; въ слѣдующемъ за сими году есть уже много мелочей, и онѣ не могутъ быть изображены тѣмъ пламеннымъ перомъ, которому столько подражать трудно; а *Дюмасъ* избѣжать не могъ, чтобы не уподобиться нѣсколько обыкновеннымъ писателямъ военныхъ журналовъ.

Благодарю тебя за планъ и диспозицію маневра твоего. Мнѣ весьма было любопытно видѣть, что̀ дѣлаютъ товарищи мои и что̀ когда-нибудь и я здѣсь дѣлать буду. Теперь всѣ мои занимаются дѣланіемъ кирпичей и копаніемъ земли. Благодаря предмѣстникамъ моимъ, ничего здѣсь нѣтъ!

Чудесная мысль чудеснаго изъ человѣковъ заставить выгравировать портретъ мой. Но онъ, любезный братъ, совсѣмъ не похожъ, и уже нападаютъ на меня, чтобы я къ тебѣ послалъ другой; ибо къ красотѣ природной моей присоединены страшные усы со времени путешествія въ Персію. Прощай.

Всегда вѣрный другъ А. Ермоловъ.

29.

Пол. 23 Авг. 1818. 9 Іюля 1818. Лагерь на Сунжѣ.

Любезный братъ, рѣдкой изъ человѣковъ! Давно не имѣю я отъ тебя писемъ, кромѣ нѣсколькихъ строкъ, которыми извѣщаешь меня, что Великій Князь будетъ осматривать твой корпусъ. Я не измѣняю обѣщанію моему и всегда пишу, лишь что-нибудь хотя мало заслуживаетъ вниманія. Зная, по словамъ твоимъ, что всѣ обстоятельства здѣшняго края занимательны для тебя, и теперь сообщаю о томъ, что̀ перемѣнилось послѣ моего послѣдняго увѣдомленія.

Я привожу въ исполненіе давнее намѣреніе занять Сунжу и укротить оскорбительныя злодѣйства Чеченцевъ, которые превзошли уже всю мѣру терпѣнія. Другой уже мѣсяцъ стою я лагеремъ на Сунжѣ противъ *Ханъ-Кале*, извѣстнаго дефиле трудностію прохода и прежними неудачными Булгакова предпріятіями, которыя стоили намъ большой потери, ободрили оною Чеченцевъ и сдѣлали ихъ дерзостнѣе въ ихъ разбояхъ и хищничествахъ. Я заложилъ тутъ крѣпость, наименованную *Грозная*. Въ ней будетъ гарнизона до тысячи человѣкъ и страху для Чеченцевъ на пять. Я предполагалъ въ нынѣшнемъ году сдѣлать болѣе сего одного укрѣпленіе, но недостатокъ во многихъ вещахъ и сопротивленіе Чеченцевъ, которымъ не нравится наше здѣсь пребываніе, умедливаютъ чрезвычайно работы, и я ничего не успѣю сдѣлать болѣе. Въ будущемъ году устрою еще одну не столько большую крѣпостцу и въ нѣсколькихъ пунктахъ при удобнѣйшихъ чрезъ Сунжу бродахъ редуты, и Чеченцы бу-

дутъ сговорчивѣе. Потомъ деревни Чеченскія, по берегу Терека расположенныя, въ которыхъ укрываются подъ именемъ мирныхъ разбойники по сосѣдству наиболѣе вредные, истреблю; роздамъ прекраснѣйшія ихъ земли казакамъ нашимъ, которые или совсѣмъ въ нихъ нуждаются, или имѣютъ весьма неудобныя.

За симъ первымъ актомъ слѣдуетъ важнѣйшій. Дагестанъ, который тебѣ знакомъ и гдѣ всегдашнее убѣжище измѣнникамъ и врагамъ нашимъ, гдѣ весьма покойно живутъ и бѣглый подлецъ Царевичъ, и злобный Шихъ-Али-Ханъ и гдѣ теперь дышетъ все возмущеніемъ, я намѣренъ связать съ Кавказскою Линіею посредствомъ дороги чрезъ Дербентъ. Со временемъ линію укрѣпленій по Сунжѣ доведя почти до устья оной, то есть ниже мѣста гдѣ впадаетъ Аргунъ, перейду я на правый берегъ оной, гдѣ для сообщенія будетъ редутъ; *въ Аксаѣ* заложу крѣпостцу, *въ Андреевской деревнѣ* немного сильнѣйшую и лѣвый флангъ Линіи примкну къ Сулаку, у *Костюковскаго* селенія. Закрою совершенно Кизляръ, богатый городъ и родомъ своей промышленности единственный. Шамхалъ Тарковской, утѣсняемый злодѣями своими, никогда такъ усердно не прибѣгалъ къ нашей защитѣ, проситъ въ *Тарки* войскъ и въ распоряженіе наше отдаетъ богатыя соляныя озера, которыя Чеченцевъ и всѣ довольствуютъ горы. Уцмей Кара-Кайдакской, также злодѣй нашъ, въ худомъ положеніи и проситъ отъ непріятелей защиты. Здѣсь будетъ у меня военный постъ для связи съ Дербентомъ. Такимъ образомъ получу я другую дорогу, во многихъ обстоятельствахъ намъ полезную. И движеніе по оной войскъ, и частое оныхъ въ землѣ обращеніе познакомитъ насъ болѣе съ на-

родомъ, а ему истолкуетъ, что для смиренія его имѣемъ мы средства, которыя теперь весьма недостаточны.

Весь сей планъ довелъ я до свѣдѣнія правительства, и онъ не кажется неосновательнымъ. Еще представилъ я систему крѣпостей для областей нашихъ по ту сторону горъ лежащихъ, вводя въ предметъ умноженіе и усовершенствованіе войскъ въ Персіи. Она требуетъ обстоятельнаго разсмотрѣнія, ибо стоитъ и нѣкоторыхъ издержекъ. Я объ оной сообщу тебѣ въ послѣдствіи, когда правительствомъ или утверждена или откинута будетъ. Естли допустится, то границы наши, сколько возможно по порочному виду ихъ, примутъ нѣкоторую твердость, и въ случаѣ даже распространенія оныхъ, крѣпость ни одна не останется безполезною. Сего конечно уже я не приведу къ окончанію, ибо нѣсколько лѣтъ на то надобно; но по крайней мѣрѣ планъ со всѣми обстоятельствами соображенный должны будутъ исполнять мои преемники, и не такъ какъ доселѣ все предоставлялось произволу начальствующаго, который иногда по злобѣ, иногда по самолюбію, а иногда и по невѣжеству, уничтожалъ распоряженія предмѣстника, и отъ того все осталось *въ состояніи начала*. Такимъ образомъ исчезли всѣ предпріятія славнаго и необыкновеннаго Циціанова. Злоба и невѣжество Гудовича изгладили до самыхъ признаковъ. Я самъ испрашиваю на себя законы, но сносить стану ихъ терпѣливо, чтобы и другіе на мѣстѣ моемъ имъ покорялись.

Прощай, любезный и рѣдкой братъ.

Пишу не по твоему: ты или лѣнишься или забываешь.

Душевно любящій и вѣрной А. Ермоловъ.

30.

Получ. 22 Сент. 10 Августа 1818, лагерь на рѣкѣ Сунжѣ.

Любезный и рѣдкой изъ человѣковъ!

Недавно получилъ отъ тебя книгу *Victoires et conquêtes des Français*, и перебралъ всѣ листы, надѣясь найти письмо, но весьма обманулся. Полагаю, что захлопотавшись не имѣлъ ты времени.

Въ отдаленной сторонѣ нашей пронесся слухъ, что въ нынѣшнемъ году выступаешь ты съ корпусомъ изъ Франціи. Я весьма радъ, ибо пріятнѣе быть съ тобою по близости или по крайней мѣрѣ въ Отечествѣ. Угадывая же назначеніе твое, могу надѣяться и не совсѣмъ быть въ отдаленіи. Пріѣзжай, любезный братъ, и поживи въ Россіи, отъ которой служба долгое время тебя отдаляла. Тебѣ надобно подумать и о женитьбѣ, ибо отъ человѣка такой фамиліи могутъ потребовать того любящіе тебя и имѣющіе въ тебѣ надежды соотечественники. Я, пропустивъ самъ время, не безъ основанія могу остерегать въ томъ пріятеля.

Недавно писалъ я тебѣ весьма подробно о моемъ на Сунжѣ пребываніи и занятіяхъ; теперь могу то только прибавить, что Чеченцамъ весьма не нравится наше сосѣдство и способъ, каковымъ мы за нихъ принимаемся, и они въ помощь къ себѣ призвали Лезгинъ, стекающихся большими къ нимъ толпами. Было нѣсколько неважныхъ сшибокъ, которыя обык-

новенным кончатся образомъ, то-есть подлѣйшимъ бѣгствомъ съ ихъ стороны, даже и послѣ потери весьма мало для нихъ чувствительной. Теперь постигаю я войны здѣшняго края и часъ отъ часу болѣе жалѣю о потерпѣнныхъ нами немалозначущихъ потеряхъ. Здѣсь, въ виду извѣстнаго *Ханг-Кале,* нельзя безъ негодованія вспомнить о *Булгаковѣ!*

Ты былъ свидѣтелемъ одного изъ отчаянныхъ сопротивленій Лезгинъ Чарской области и дѣйствующимъ лицомъ; но таковой былъ одинъ случай, и доселѣ не престаютъ поставлять оный примѣромъ. Съ того времени въ Кахетинскомъ бунтѣ было гораздо болѣе ихъ числомъ, и они ни въ чемъ не были похожи на Чарцевъ. То, чтó здѣсь вижу я, надобно признаться, что гнуснѣйшая каналья, и конечно болѣе разбойники и воры, нежели народы воинственные. И сіи давали прежде поводъ къ пышнымъ и великолѣпнымъ реляціямъ.

Сдѣлай одолженіе, купи мнѣ сколько возможно лучшую зрительную трубу, естлибы цѣна оной продолжалась и до тысячи франковъ, или поручи сдѣлать на заказъ, чтó думаю будетъ благонадежнѣе; а чтó будетъ стоить, я перешлю деньги къ Николаю Михайловичу. Вельяминовъ проситъ достать ему фортификацію *de Montalambert.* Прошу приказать ее купить также. Похлопочи пожалуй о трубкѣ и наилучшей. У тебя есть молодежь, которая можетъ на себя взять сей трудъ. Бутлеръ праакуратнѣйшій все сіе сдѣлаетъ. Поклонись старымъ товарищамъ. Прощай.

Искренно и душевно любящій по смерть

А. Ермоловъ.

31.

Октября 20 (1818) Сунжа.

Любезный и рѣдкой братъ.

Письмо послѣднее твое получилъ. Благодарю за книги. Martin много весьма любопытнаго говоритъ объ Арменіи, особливо что̀ до географіи оной касается. Мнѣ пріятно было прочесть и другія книжки, въ которыхъ справедливо говорится о славномъ Циціановѣ. По истинѣ послѣ смерти его не было ему подобнаго. Не знаю, долго ли еще не найдемъ таковаго, но за теперешнее время, то есть за себя, скажу предъ алтаремъ чести, что я далеко съ нимъ не сравнюся. Каждое дѣйствіе его въ здѣшней землѣ удивительно; а естли взглянуть на малыя средства, которыми онъ распоряжалъ, многое казаться должно непонятнымъ. Ты лучше другихъ судить можешь, бывши свидѣтелемъ дѣлъ его. Отъ старика Дельпоццо знаю я, какъ онъ любилъ тебя, и ты все право имѣешь хвастать, что служилъ подъ начальствомъ сего необыкновеннаго человѣка. Меня бѣситъ, что я никого при себѣ не имѣю, ктобы могъ описать время его здѣсь начальствованія, но думаю, что и матеріаловъ для того достаточныхъ не найдется. Я нашелъ здѣсь архивъ въ безчестномъ безпорядкѣ, многія бумаги растеряны, сгнили, стравлены мышами. Трудолюбивой мой Наумовъ собралъ, что̀ осталось; теперь онъ въ совершеннѣй-

шемъ устройствѣ, разобранъ по содержанію бумагъ, по годамъ, и все въ переплетѣ. Одного не достаетъ чтобы въ семъ видѣ былъ онъ тотчасъ послѣ смерти Циціанова.

Ты мнѣ упрекаешь, что я тебя не извѣстилъ о переходѣ чрезъ Терекъ. Не только при самомъ началѣ предпріятія, ниже теперь по прошествіи пяти мѣсяцевъ, ничего нельзя еще сказать хорошаго. Съ начала прибытія моего на Сунжу потребовалъ я отъ Чеченцевъ выдачи нашихъ плѣнныхъ и чтобы не принимали къ себѣ дезертировъ, требовалъ также аманатовъ. Напередъ зналъ я, что не согласятся на выдачу плѣнныхъ, особливо бѣглыхъ, изъ коихъ есть перемѣнившіе вѣру и оженившіеся. Чеченцы всѣ вооружились, заняли лѣса, дороги и главнѣйшій пунктъ, знаменитый нашими потерями, называемый Ханъ-Кале. Въ помощь имъ пришли толпы довольно многочисленныя Лезгинъ, и тогда вмѣстѣ одинъ разъ подходили къ лагерю и одинъ разъ выступили противъ транспорта идущаго съ Терека. Въ обоихъ случаяхъ имѣли они потерю малозначущую, ибо бѣгутъ самымъ подлѣйшимъ образомъ, и артиллерія рѣдко имѣетъ случай дѣйствовать порядочно. Лезгины, пробывши съ небольшимъ мѣсяцъ, отправились обратно въ дома свои, отзываясь, что не могутъ сносить жаркаго лѣтняго времени; но справедливая причина была та, что не нашли они добычи, въ надеждѣ на которую они изъ горъ приходили. Чеченцы послѣ того не смѣли появляться на сей сторонѣ Сунжи и ограничили себя нападеніемъ на оплошные пикеты казаковъ или на посылаемыхъ изъ лагеря людей. Одинъ только разъ дрались весьма смѣло въ лѣсу, который намъ рубить

надобно было. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ деревень, лежащихъ на лѣвомъ берегу Сунжи за вѣроломство и мошенничество наказаны, и въ сихъ случаяхъ удалось убить болѣе нѣсколько людей и женъ, нежели въ сраженіяхъ; ибо не столько всегда удобно бѣгство.

Въ продолженіе сего времени построилась весьма порядочная крѣпостца противъ самаго Ханъ-Кале, въ 6 верстахъ отъ онаго и по близости лучшихъ дорогъ въ Чечню идущихъ. Я назвалъ ее *Грозною*! Так. образомъ по теченію Сунжи отъ Владикавказа въ 30 верстахъ имѣемъ мы редутъ въ *Назранѣ*, гдѣ попеченіемъ благороднѣйшаго старика Дельпоццо выселены изъ горъ Ингуши почти въ тысячѣ семействъ. Оттуда въ 30-ти верстахъ близъ селенія Чеченскаго Казахъ-Кечу въ прошломъ году построена крѣпостца *Преградной Станъ*; отъ оной до *Грозной* около 45-ти верстъ незанятаго пространства по причинѣ недостатка средствъ; ибо столько мало у меня на Линіи войскъ и столько повсюду много безпокойствъ, что я, собравъ вмѣстѣ семь только батальоновъ, долженъ былъ въ то число привесть изъ Грузіи два батальона, одинъ изъ Дагестана, и выпросилъ изъ Крыма 8-й егерской полкъ, изъ коего находились два баталіона. Будущій годъ, естли особенныя не воспрепятствуютъ обстоятельства, на промежуткѣ, о которомъ сказалъ я выше, учредится крѣпостца, и потомъ между всѣми ими укрѣпленные коммуникаціонные посты, и Сунжа составитъ линію, которая прежде была по Тереку и заключала въ себѣ большія для насъ невыгоды. Въ будущемъ году самъ я намѣренъ заняться построеніемъ крѣпостцы въ Андреевской деревнѣ и со временемъ протянуть линію отъ Сунжи чрезъ Аксаевскія владѣ-

нія, Андреевскія и по рѣкѣ Сулаку, дабы закрыть порочный лѣвый флангъ прежней линіи и городъ Кизляръ, единственный своею промышленностью и пользою казнѣ приносимою. Не знаю, дадутъ ли мнѣ на сіе средства; ибо съ войсками, которыя я имѣю, нельзя на то приняться. Впрочемъ не моя вина, естли на предложенія мои не согласятся: моя обязанность представить правительству мое мнѣніе; его дѣло поправить погрѣшности и, опровергая оное, сказать, почему не хорошо и чтò лучшаго дѣлать должно.

Теперь, объяснивъ тебѣ, чтò дѣлалось на Сунжѣ, скажу, чтò происходитъ въ Дагестанѣ. Въ началѣ лѣта шамхалъ Тарковской, человѣкъ вѣрный Государю, и Уцмей Каракайдакской, близкимъ родствомъ связанный съ шамхаломъ и одинъ изъ величайшихъ мошенниковъ и вѣроломнѣйшихъ людей, прислали ко мнѣ множество жалобъ, что Лезгины и извѣстный сильный Акушалинской народъ готовятся напасть на нихъ за то, что чрезъ владѣнія ихъ даютъ они свободный проходъ нашимъ войскамъ и, давая пособіе подводами, пріучаютъ Русскихъ къ требованію нѣкоторыхъ повинностей. Какъ подданныхъ Россіи, долженъ я былъ оградить отъ опасности и, хотя ни малѣйшихъ не имѣлъ къ тому средствъ, рѣшилъ однакоже собрать изъ Дагестана два баталіона пѣхоты съ шестью орудіями артиллеріи и отправилъ съ ними г.-м. Пестеля на рѣку Бугамъ за одинъ маршъ впередъ Дербента. Ему приказано было показывать готовность идти впередъ, и распущенъ былъ слухъ о запасахъ провіанта для войскъ, идущихъ съ Линіи. Народъ Акушалинской, сильный и гордый воспоминаніями славы своей, когда, предводимый отцемъ бѣглаго Шихъ-

Али-Хана, покорялъ онъ Ширвань, оставилъ намѣреніе напасть на шамхала, но собрался вмѣстѣ и, желая отдалить г.-м. Пестеля, обратился на него. Аварской ханъ, имѣющій чинъ генералъ-маіора и 5 т. руб. сер. пенсіона, братъ его родной, извѣстный мошенникъ, и самый Уцмей, просившій нашей защиты, тайно Акушалинцамъ содѣйствуютъ. Владѣнія Уцмея явно обнаружились противъ насъ и просили Акушалинцовъ придти къ нимъ на помощь. *Башлы*, главный городъ Каракайдакской, первый приступилъ къ тому; но г.-м. Пестель предупредилъ соединеніе ихъ и 1000 человѣками пѣхоты испуганные *Башлы* занялъ безъ выстрѣла, взялъ аманатовъ отъ жителей и укрѣпился въ замкѣ, лежащемъ въ городѣ. Теперь Акушалинцы вмѣстѣ съ сосѣдними народами и съ Лезгинами, болѣе нежели въ 20 т. человѣкъ, идутъ атаковать г.-м. Пестеля, отъ котораго имѣю я о семъ извѣстіе, равно и съ другихъ сторонъ, съ тою только разностію, что силы болѣе гораздо увеличены.

Изъ всего того ожидаю я, что они придутъ къ городу Башлы, постараются, сколько возможно, болѣе выказать свои силы, пострѣляютъ издалека (ибо къ пушкамъ не любятъ приближаться) и потомъ, по причинѣ и погоды, и по тому, что затруднительно продовольствіе для многочисленной сволочи, разойдутся по домамъ. Будущею весною, естли чуть возможно мнѣ будетъ, я приду развѣдаться съ мошенниками въ собственныя ихъ жилища, и тутъ будетъ конецъ и Уцмеевскому достоинству, а жители богатой земли сей и намъ необходимо нужной отдохнутъ подъ милосердымъ правленіемъ Императора отъ злодѣйской власти ихъ утѣсняющей.

Письмо сіе пишу въ нѣсколько пріемовъ, а потому скажу далѣе о Пестелѣ, естли получу отъ него извѣстіе.

Октября 25-го, Сунжа.

Отъ Пестеля не получаю ничего; но изъ Тарковъ есть извѣстіе, что жители города сего разсѣялись, боясь собравшихся Лезгинъ и что все владѣніе шамхала взбунтовало и соединилось съ оными, что сообщеніе съ Пестелемъ прервано и мои къ нему предписанія не достигаютъ. Мятежники присылали возбудить противъ насъ жителей деревень, принадлежащихъ владѣльцамъ Андреевскимъ. Я, дабы удержать сихъ послѣднихъ, рѣшился идти къ нимъ и завтра выступаю. Со мною идетъ пять весьма неполныхъ баталіоновъ пѣхоты, въ числѣ коихъ новосформированной 8-й егерской полкъ, прибывшій ко мнѣ изъ Крыма и не видавшій непріятеля. Идутъ 350 едва движущихся козаковъ, но идутъ 15 орудій артиллеріи, составляющей главнѣйшую мою силу. Дальнѣйшее движеніе мое зависѣть будетъ отъ извѣстій, которыя получу отъ Пестеля.

Октября 30-го пришелъ я въ Андреевскую деревню, и отовсюду есть слухи, что Пестель былъ атакованъ, дрался два дни сряду и вышелъ изъ Башлы, что въ ближайшія здѣсь деревни привезены убитые Лезгины. Недоброжелательствующіе намъ весьма увеличиваютъ нашу потерю.

Октября 31-го дня. Давши отдыхъ войскамъ, нынѣшній день я иду къ Тарки, дабы движеніемъ симъ отвлечь собравшихся мятежниковъ и не допустить идти на Кубу, какъ они намѣреваются и гдѣ нѣтъ у меня войскъ, которыми бы удержать было ихъ можно.

18 Ноября. Шатаясь долгое время, наконецъ, въ свободную минуту опишу я тебѣ все случившееся со мною. Не доходя трехъ часовъ пути до Тарки, остановился я у одного селенія, откуда идетъ дорога довольно свободная во владѣнія всѣхъ возмутившихся противъ насъ мошенниковъ. Начались дожди проливные, и я принужденъ былъ, оставя всѣ выгоды моего направленія, идти въ Тарки, дабы войска расположить на квартирахъ и снабдить себя провіантомъ, котораго мало уже у меня оставалось. Въ Тарки прожилъ я девять дней; ибо казалось, что самое небо далѣе меня не допускало, проливая на насъ дожди ужаснѣйшіе. Наконецъ выступилъ въ горы прямо къ столицѣ Аварскаго хана, генералъ-маіора и подлѣйшаго измѣнника. Въ трудномъ весьма дефиле встрѣченъ я имъ былъ съ довольнымъ числомъ мятежниковъ. Было уже поздно, люди устали отъ перехода, и обозъ мой весьма растянутъ. День сей кончился нѣсколькими выстрѣлами изъ пушекъ и слабымъ ружейнымъ огнемъ. Непріятель остался на вершинѣ горы въ торжествѣ, что не далъ намъ дороги. Расположась лагеремъ, въ десять часовъ вечера послалъ я одинъ батальонъ Кабардинскаго полка въ обходъ на гору, и онъ такъ удачно подкрался, что нашелъ непріятеля въ совершенной неосторожности у огней въ разныхъ забавахъ. Залпъ изъ ружей и ура разсѣяли мошенниковъ, и съ того времени вселился между ими трепетъ; ибо по справедливости нигдѣ уже удобнѣе остановить насъ было невозможно. Болѣе сутокъ употребилъ я, чтобы подняться съ артиллеріею на гору и селеніе Параулъ, столицу и мѣсто рожденія хана Аварскаго, нашелъ совершенно оставленную жителями. На другой день пошелъ я въ селеніе Джунгутай, принадлежащее брату

его, молодому человѣку, владѣющему большимъ округомъ и которой болѣе всѣхъ способствовалъ къ возмущенію противъ насъ Дагестана. Здѣсь нашелъ я мятежниковъ въ большомъ собраніи, въ крѣпкой позиціи, защищенной окопами. Послѣ нѣкоторой перестрѣлки окопы взяты были штыками; но непріятель не могъ имѣть большаго урона: ибо и артиллерія наша мало дѣйствовала, и во время сраженія столько густой распространился туманъ, что непріятель могъ спастись бѣгствомъ, почти не преслѣдуемъ по причинѣ темноты. Селеніе Джунгутай и въ 3-хъ верстахъ отъ него другое того же имени, оба прекраснѣйшія и лучшія нежели многія изъ уѣздныхъ нашихъ городовъ, приказалъ я разорить совершенно. Послѣ сего всѣ возмутившіяся владѣнія шамхала, всѣ брата Аварскаго хана и нѣкоторыя изъ селеній ему самому принадлежащихъ покорились и прислали старшинъ просить помилованія. Шамхалъ во все время остался вѣрнымъ и былъ съ войсками нашими при Пестелѣ. Въ вознагражденіе его изъ владѣній Аварскаго хана, брата его и еще одного мошенника, далъ я ему въ управленіе четыре большихъ городка съ селеніями, составляющими болѣе четырехъ тысячъ семействъ. Сверхъ того изъ остальныхъ составляю особенный небольшой уѣздъ, никому не принадлежащій кромѣ Императора, намѣреваясь въ послѣдствіи имѣть тутъ военную дорогу съ Линіи въ Дербентъ и кратчайшую, и несравненно удобнѣйшую.

Такимъ образомъ кончивъ дѣла здѣшней страны, возвращаюсь я на Линію, дабы успокоить войска, которыя уже семь мѣсяцевъ на бивуакахъ, и здѣсь по близости къ горамъ уже зима порядочная. Въ бытность мою въ Тарки получилъ я отъ

Пестеля рапортъ, что Лезгины въ числѣ болѣе 25 т. человѣкъ атаковали его въ Башлы и что 10 т. сверхъ того, ожидая послѣдствій дѣла, готовы были броситься на Кубинскую провинцію. Пестель занималъ за́мокъ и часть домовъ, прилежащихъ къ нему, которые пріуготовилъ онъ къ оборонѣ; съ нимъ было двѣ тысячи пѣхоты и 6 орудій, конницы Асланъ-хана Кюринскаго и нашей Кубинской слишкомъ 500 человѣкъ. Три дни Лезгины дрались, и жители Башлы, измѣнивъ данной присягѣ, присоединились къ нимъ и впустили ихъ въ дома свои. Тогда Пестель, не имѣя сообщенія съ Дербентомъ и опасаясь недостатка въ провіантѣ и снарядахъ и видя сверхъ того, что непріятель началъ окружать замокъ окопами, выступилъ ночью изъ Башлы. На дорогѣ два раза безуспѣшно нападалъ на него непріятель, но съ большимъ прогнанъ урономъ, и Пестель благополучно пришелъ на прежній при рѣкѣ Бугамѣ лагерь, гдѣ атаковать его непріятель не рѣшился. Потеря съ нашей стороны по образу здѣшней войны необыкновенная, ибо съ убитыми и ранеными простирается до 370 человѣкъ; непріятель, а паче измѣнники селенія Башлы, потерпѣли ужасно. Теперь по предписанію моему Пестель выступилъ изъ Дербента для совершеннѣйшаго разоренія Башлы и прочихъ селеній взбунтовавшаго владѣнія Каракайдакскаго Уцмея.

Въ будущемъ году пойду я наказать Акушинской народъ, сильнѣйшій въ Дагестанѣ и наиболѣе намъ враждебный, и послѣ того вся сія страна будетъ совершенно спокойна и лучше многихъ другихъ повиноваться. Здѣсь не такъ легко я кончу, какъ теперешній разъ, но кончу непремѣнно.

Вотъ, любезнѣйшій братъ, вѣрнѣйшее тебѣ описаніе всего здѣсь происшедшаго и даже частію моихъ впредъ предпріятій. Не думаю, чтобы могъ ты упрекнуть, что не пишу къ тебѣ обстоятельно и обо всемъ.

Теперь позволь отнестись съ собственною моею просьбою, состоящею въ слѣдующемъ. У меня на Сунжѣ былъ m-r Joubert, извѣстный человѣкъ, бывшій при Французскомъ посольствѣ въ Персіи и теперь по препорученію правительства находящійся въ Россіи; я получилъ отъ него въ подарокъ нѣкоторые инструменты и сказалъ ему, что въ подарокъ женѣ его пошлю шаль. Теперь оную при семъ отправляю и прошу ей доставить, естлибы даже и выступилъ ты изъ Франціи съ корпусомъ. Сдѣлай одолженіе, не откажи сего, ибо иначе нѣтъ мнѣ способа ее доставить, и болѣе всего стыдно не сдержать даннаго мною г-ну Joubert слова. Прощай и сохрани мнѣ дружбу свою, которой я истинную цѣну знаю.

20-е Ноября. Сейчасъ доноситъ Пестель, что, по распоряженію моему, выступивъ вторично изъ Дербента, разорилъ онъ до основанія городъ Башлы, для защиты коего весь Дагестанъ вооружался. Я самъ находился отъ онаго въ восьми часахъ пути, дабы отвлечь вниманіе Акушинцовъ и дать ему безпрепятственно довершить истребленіе. Такимъ образомъ гордые, а равно глупые Дагестанцы видятъ всѣ усилія свои безплодными, и ужасъ царствуетъ повсемѣстный. Я завтра возвращаюсь на Линію.

30-е Ноября. Перешелъ я обратно Терекъ благополучно. Прощай. Вѣрный Ермоловъ.

32.

6 Января 1820, Параулъ въ Дагестанѣ.

Любезной и рѣдкой братъ!

Часто весьма присылаемыми книгами и другими вещами доказываешь мнѣ, что помнишь душевно любящаго тебя брата; но понять не могу, также какъ и не жалѣть не умѣю, что давно чрезвычайно ко мнѣ ни слова не пишешь. Не тебѣ отговориться возможно, что писать ничего не имѣешь. Говори о себѣ, и довольно! Естли же потерпишь, чтобы я о тебѣ самомъ говорилъ, я начинаю.

Тобою, какъ человѣкомъ извѣстнымъ и слишкомъ примѣчательнымъ, многіе занимаются, и потому и въ мой отдаленный край довела молва слухи, что ты желаешь уклониться отъ службы. Могу ли вѣрить, что ты, отличивъ себя на пути военномъ рѣдкими и счастливыми способностями, снискавъ общее уваженіе, питая надежду каждаго видѣть въ тебѣ одно изъ главнѣйшихъ орудій правительства, хочешь отнять у себя вѣрнѣйшее средство быть ему полезнымъ? Не можетъ быть мнѣ незнакома особенная наклонность твоя къ ремеслу военному и нѣкогда даже господствующая страсть къ оному. Неужели какое минутное неудовольствіе и нѣсколько умедленное исполненіе желаній могутъ вызвать тебя по крайней мѣрѣ на безполезную тебѣ рѣшительность? Если можно въ подобныхъ слу-

чаяхъ позволить себѣ предложить совѣтъ: мой всегда одинаковый и неизмѣнный, что того ты дѣлать по многимъ весьма причинамъ не долженъ. Какъ вѣрный тебѣ пріятель, убѣждаю не употреблять крайнихъ средствъ, когда обойтись можно легчайшими. Не отнимай у себя удовольствія превосходить другихъ въ способахъ, и слишкомъ въ обыкновенные не впадая! Ты будешь смѣяться, что съ моими свойствами порывчивыми и нетерпѣливыми могутъ представляться мнѣ мѣры благоразумныя. Разсудокъ въ обстоятельствахъ, относящихся до другихъ, дѣйствуетъ безъ страсти; касательно друзей служитъ онъ мнѣ въ полной силѣ. Я, а можетъ быть и ты самъ, вспомнишь въ послѣдствіи съ удовольствіемъ, что я исполнилъ обязанность пріятеля.

Скажу тебѣ о собственныхъ дѣлахъ.

Въ Андреѣ построилъ я довольно изрядную крѣпостцу, которая весьма не понравилась горскимъ народамъ, и они въ Августѣ собрались, чтобы помѣшать работамъ. Были разбиты войсками нашими. Князь Мадатовъ съ небольшимъ отрядомъ пѣхоты и съ Татарскою конницею, набранною въ нашихъ ханствахъ, покорилъ возмутившуюся Табассаранскую область, проникнувъ во внутренность ея быстрыми и смѣлыми маршами, выгналъ измѣнника Уцмея Каракайдакскаго изъ его владѣній. Сысоевъ взялъ штурмомъ одно Чеченское селеніе, коего жители, и самыя даже женщины, защищались почти до послѣдняго съ ужаснымъ остервененіемъ. Подъ его командою войска въ концѣ Сентября проходили за Ханъ-Калу, гдѣ прорублена довольно широкая дорога. Подъ моими глазами въ началѣ Октября разорены Качальскія деревни гнус-

ныхъ мошенниковъ. 11-го Ноября пошелъ я съ войсками изъ Андрея въ Тарки, гдѣ Акушинцы хотѣли похитить семейство вѣрнаго шамхала. Далѣе пошелъ я въ горы путемъ весьма труднымъ. 19 Декабря войска наши встрѣтили непріятеля въ числѣ 15 т. въ твердой и укрѣпленной позиціи. Акушинцы, народъ гордый и могущественный въ Дагестанѣ, соединили противъ насъ покорствующіе ему слабые народы. Не знаю, какой внезапный ужасъ объялъ непріятеля, и онъ, самымъ слабымъ образомъ защищаясь, безъ всякихъ со стороны нашей усилій, отъ одного движенія на флангѣ, разсѣялся совершенно и спасся постыднымъ бѣгствомъ. Вслѣдъ за симъ взятъ былъ городъ Акуша, и область приведена въ подданство. Прежній адъютантъ твой *Раевской* былъ со мною въ прежнихъ дѣлахъ и въ сей послѣдней экспедиціи и все тебѣ разскажетъ обстоятельнѣйшимъ образомъ. Спроси его по вниманію твоему, которое всегда обращалъ ты на здѣшнюю страну.

Прощай. Почелъ бы первѣйшимъ изъ удовольствій, еслибы встрѣтилъ тебя въ Петербургѣ нынѣшнюю зиму, куда надѣюсь я пріѣхать. Меня Закревской увѣдомлялъ о намѣреніи твоемъ быть тамъ, но уже съ нѣкотораго времени ничего не говоритъ о томъ, и потому теряю я надежду.

Вѣрный Ермоловъ.

33.

6 Сентября 1820. Тифлисъ.

Любезнѣйшій графъ Михайло Семеновичъ.

Давно уже не писалъ я къ тебѣ, и сему то было причиною, что я ожидалъ видѣться съ тобою въ Петербургѣ, потомъ увѣдомленъ былъ, что ты ѣдешь въ Англію и точно не зналъ, когда оставилъ ты Петербургъ и гдѣ твое пребываніе.

Раевской, будучи у меня въ Тифлисѣ, получилъ письмо твое о скоромъ отъѣздѣ твоемъ въ Англію, и я пишу, полагаясь на обѣщаніе его доставить письмо.

Я здоровъ, живу нынѣшнее лѣто совершенно праздно и дѣйствую моими лейтенантами. Мадатовъ разбилъ Сурхай-Хана въ Казыкумыкѣ, и ты, знавъ здѣшніе народы, удивишься потерѣ ими понесенной. Войска наши окружили ихъ въ твердыхъ окопахъ, отрѣзали отступленіе, ударили въ штыки, слишкомъ 1200 человѣкъ было убитыхъ, 603 взято въ плѣнъ; далѣе занятъ Казыкумыкъ, досталось въ добычь *) весь лагерь, 11 знаменъ и 7 пушекъ, нѣкогда оставленныхъ Шахъ-Надиромъ.

Вельяминовъ употребленъ былъ на смиреніе взбунтовавшихъ Имеретинъ и Гурійцевъ, и все приведено

---

*) Такъ въ подлинникѣ. П. Б.

въ надлежащій порядокъ. Войска наши проходили мѣста ужасныя и доселѣ почитаемыя неприступными. Глупые народы думали сыскать въ лѣсахъ своихъ убѣжище, и храбрые солдаты наши, не разумѣющіе трудностей, не помышляли даже имѣть съ собою артиллерію, безъ которой здѣсь прежде неохотно хаживали. Ужасъ повсюду свыше всякаго описанія. Мустафа, ханъ Ширванской, убоясь наказанія за давнія и доселѣ продолжавшіяся измѣны, о коихъ достовѣрно узналъ я, схвативъ приближенныхъ ему людей, убѣжалъ съ своимъ семействомъ и приверженцами въ Персію, куда не задолго предъ тѣмъ проводилъ онъ же бѣжавшаго въ Персію Сурхай-Хана. И такъ менѣе нежели въ годъ въ рукахъ нашихъ Шекинское и Ширванское ханства и болѣе нежели миліонъ дохода. Не стоили оба ни одного выстрѣла!

Внутреннее устройство идетъ медленно или, лучше сказать, почти совсѣмъ нѣтъ успѣховъ; но въ послѣдствіи ожидать ихъ должно.

Открыта новая дорога чрезъ Кавказъ отъ Тифлиса до Дербента, мѣстами прекрасными, населенными и короче прежней болѣе нежели 300 верстъ, во всякое время года проходимая, и съ весною начинается работа. Находится чрезъ Кавказъ новая дорога на Линію и уже осмотрѣна посланными отъ меня людьми, а на сихъ дняхъ отправляется офицеръ для обозрѣнія. Мы избавимся безпрерывныхъ опустошеній Терека и снѣговыхъ обваловъ, которыхъ ни деньгами, ни искусствомъ отвратить невозможно.

На Сунжѣ производится построеніе укрѣпленій; въ Аксаевскомъ владѣніи въ нынѣшнемъ году построятся

два укрѣпленія, и теперь уже Чеченцы и безъ зимы еще въ самомъ стѣсненномъ положеніи. Дойдетъ дѣло и до всѣхъ!

Благодарю покорнѣйше за телескопъ, но онъ привезенъ ко мнѣ въ порошкѣ; даже не было подозрѣнія, что были стекла, ибо все до такой степени истреблено. Тѣмъ болѣе жаль мнѣ, что безъ сумнѣнія ты выбралъ хорошій. Впрочемъ онъ одного былъ размѣра съ той прекрасной трубкой, которую ты ко мнѣ прислалъ прежде.

Будь здоровъ, любезный братъ; жаль мнѣ, что отсутствіе твое на долгое время изъ Отечества лишитъ меня удовольствія тебя видѣть; а быть можетъ, что нынѣшнюю зиму я буду въ Петербургѣ.

Душевно преданный Ермоловъ.

34.

Любезный братъ Михаилъ Семеновичъ.

Едва было судьба насъ, величайшимъ разстояніемъ раздѣленныхъ, не соединила подъ одни знамена. Скорое окончаніе дѣлъ въ Италіи и успѣшное дѣйствіе Австрійцевъ могло одно отдалить насъ отъ Италіи. Ты удивишься, что я изъ Грузіи могъ попасть сюда, и мнѣ точно показалось, что я употребленъ буду, хотя впрочемъ ничего о томъ оффиціально сказано не было.

Прибывши сюда, съ восхищеніемъ услышалъ я, что въ случаѣ движенія ты непремѣнно прибудешь къ своему корпусу, и о томъ же увѣдомилъ меня изъ Петербурга Закревской. Наканунѣ, такъ сказать, свиданія съ тобою, я долженъ опять проститься и безъ сумнѣнія на долго. Сегодня я прошу позволенія отправиться. Ѣду въ Петербургъ, гдѣ не знаю какъ долго пробуду, и сколько возможно скоро поспѣшу въ Грузію, гдѣ множество у меня занятій, которыя ничего не выиграли моимъ отсутствіемъ. Не похвастаю тебѣ успѣхами въ сей странѣ, но каждое начало есть уже родъ сотворенія и утѣшаетъ трудящагося. Прощай. Богъ знаетъ когда теперь увидимся!

Душею преданный Ермоловъ.

28 Апрѣля 1821.
Лайбахъ.

35.

Любезный и рѣдкой братъ

графъ Михаилъ Семеновичъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ изъ Лайбаха случилось Н. М. Лонгинову писать къ тебѣ, и я просилъ его присоединить и мое убѣжденіе, чтобы ты сюда возвратился: ибо обстоятельства такого рода, что присутствіе твое, и даже скоро, потребовать могутъ. Теперь еще безпристрастнѣе мое мнѣніе, и ты принять его долженъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ.

Тоже говорилъ я нѣсколько тому назадъ времени, но могъ находить собственныя въ томъ выгоды; теперь чрезъ недѣлю выѣзжаю я обратно въ Грузію и конечно въ отношеніи къ тебѣ не собственные въ виду разсчеты.

Ты самъ знаешь, что̀ можетъ внушать мнѣ намѣреніе вызывать тебя въ Россію? Ей служба твоя полезная, отличная, возлагаетъ на меня сію обязанность, и еслибы даже не нужно было тебѣ мое мнѣніе, мнѣ непростительно было бы умолчать его.

Я здѣсь довольно уже давно, совершенно ничего не дѣлаю; но пріятно даже и отдохновеніе послѣ четырехъ съ половиною годовъ пребыванія въ Грузіи. Не буду я спорить, что можно прожить тамъ съ поль-

зою, но также никто оспорить не въ состоянiи, чтобы то не была ссылка *).

Странно тебѣ покажется, что у меня здѣсь дѣла одни гражданскiя, и я смѣю прикидываться, что будто ихъ разумѣю. Какъ судишь ты о тѣхъ, кои сему вѣрятъ?

Не забывай меня! Любить тебя и уважать есть долгъ для меня прiятнѣйшiй.

Вѣрный по смерть Ермоловъ.

9 Августа 1821.
С.-Петербургъ.

---

*) Кажется, что съ этого времени въ особенности А. П. Ермоловъ началъ почитать свое пребыванiе на Кавказѣ чѣмъ-то въ родѣ ссылки. Ему предстояло блестящее, въ родѣ Суворовскаго, командованiе нашею армiею, которая должна была спасать Италiю отъ карбонарiевъ, и вмѣсто того снова тяжелая возня съ Петербургскими канцелярiями, а за тѣмъ жизнь съ полудикими народами! П. Б.

36.

Возвратясь въ Россію, ты, любезный братъ, меня уже и не увѣдомилъ. Прекращенію прежней дружеской переписки должна быть какая-нибудь причина. Еслибы со стороны моей былъ къ тому поводъ, не вызывался бы я на объясненіе, ибо непріятно выслушивать упрекъ въ винѣ своей; но я прошу тебя сказать, чтò заставляетъ тебя перемѣнить прежнее твое расположеніе? Не могъ я сумнѣваться въ дружбѣ твоей и не хочу думать, чтобы могъ лишиться оной, съ своей стороны стараясь утвердить оную. Если кто завидуя хотѣлъ вредить ей, въ собственное оправданіе надобно изслѣдовать истину. Тебѣ, любезный братъ, принадлежало это сдѣлать; мнѣ нельзя было предузнавать, что ты перемѣнишься, когда я наименѣе того ожидать долженъ. Мнѣ нѣтъ нужды знать, кто могъ завидовать нашей дружбѣ и какими происками хотѣли охладить тебя; я ожидаю, что ты по крайней мѣрѣ скажешь, что, внушено будучи тебѣ на счетъ мой, могло отклонить отъ меня прежнія твои чувства рѣдкаго брата. Скажи, ибо я къ сему не могу быть равнодушнымъ!

Ничего не пишу о себѣ, ибо ты и знать о томъ, быть можетъ, уже не желаешь. Ожидаю съ нетерпѣніемъ отвѣта. Алексѣй Ермоловъ.

Екатериноградъ.
31 Августа 1822.

37.

Получ. 21 Дек. 1822. Ноябрь 1822. *Тифлисъ.*

Любезнѣйшій графъ Михаилъ Семеновичъ. Письмо твое Сентября отъ 27 получилъ только вчера, и сіе невольнымъ образомъ напоминаетъ о непріятности отдаленія, въ каковомъ я живу. Ты конечно уже получилъ мое письмо, гдѣ съ горестью выразился я на счетъ того, что, съ самаго возвращенія твоего изъ чужихъ краевъ, ты ни строки не написалъ мнѣ. Я могъ думать, что ты со стороны моей чѣмъ-нибудь недоволенъ и какъ не изыскалъ я никакой причины, то и относилъ сіе на счетъ сплетней людей, дружбѣ нашей завидующихъ. Письмомъ твоимъ ты меня обрадовалъ, и я, съ искреннимъ удовольствіемъ возобновляя переписку, не спрашиваю и объясненія, почему ты нѣкоторое время забылъ обо мнѣ.

Князь Романъ Багратіонъ заставилъ тебя писать о дѣлѣ его тестя. Повѣришь, любезный братъ, что не можетъ входить въ разсчетъ мой дѣлать безъ нужды неудовольствія, а паче обиды; господину же Иванову сдѣлать угодное—надобно измѣнить совѣсти.

Вотъ въ чемъ дѣло. Г. Ивановъ имѣлъ отъ Ширванскаго хана въ десятилѣтнемъ откупѣ рыбныя ловли. Объ измѣнѣ хана и пріуготовленіяхъ его къ побѣгу было мнѣ все извѣстно, и въ то самое время, когда приставъ при ханѣ предварялъ о томъ г. Иванова,

заключавшаго контрактъ еще на десятилѣтнее время, онъ не остановился; напротивъ, спѣшилъ сколько могъ окончаніемъ. Ханъ между тѣмъ бѣжалъ, и контрактъ мною, вопреки выгодъ казны, не былъ утвержденъ. Г. Ивановъ говоритъ, что ему стоило нѣсколькихъ, на подарки хану, издержекъ, чтобы склонить его на заключеніе контракта. Я хочу вѣрить сему; но, будучи предувѣдомленъ приставомъ, могъ онъ легко не впасть въ сіи убытки. Словомъ, г. Ивановъ хочетъ еще десять лѣтъ пользоваться тѣми выгодами, которыя предмѣстникъ мой, беззаконно и нарушивъ прежде тѣмъ же ханомъ заключенный контрактъ, отдалъ ему въ руки. Я былъ весьма снисходителенъ, что прежній контрактъ хана въ полной оставилъ силѣ до окончанія десятилѣтняго термина, хотя и могъ ожидать, что бо̀льшую за рыбныя ловли предложатъ откупную сумму. И теперь можетъ г. Ивановъ откупъ сей сохранить за собою, предложивъ при торгахъ бо̀льшую цѣну.

Я желалъ бы, помня благодѣянія покойнаго князя Петра Ивановича, быть полезнымъ его брату, но въ семъ случаѣ не могъ бы сдѣлать, не преступя правилъ чести, къ чему понудить меня ничто не можетъ.

Теперь видишь, любезнѣйшій другъ, что я основательныя имѣю причины не исполнять прихотей корыстолюбиваго Армянина!

Закревской писалъ мнѣ изъ Вѣны, что на возвратномъ пути будетъ у тебя въ Бѣлой Церкви. Я воображаю, какъ пріятно ему было видѣть тебя счастливо живущаго среди твоего семейства. Послѣ трудовъ твоихъ позволительно нѣкоторое отдохновеніе, особ-

ливо въ мирное время. Такимъ образомъ провелъ я прошедшій годъ; только, какъ одинокій, незнакомъ я съ счастіемъ семейственной жизни. Теперь опять въ занятіяхъ хлопотливой моей должности. Недавно возвратился съ Кавказской линіи, которой бóльшую весьма часть переношу къ горамъ, охватывая сю прелестную землю Кабардинскую. Къ сему понудили меня безпрерывные и наглые ихъ разбои и смертность войскъ въ прежнемъ ихъ расположеніи. Новая линія имѣетъ всѣ вообще удобности и лучше охраняетъ жителей Кавказской области.

Недавно въ первый разъ былъ я въ великолѣпной Кахетіи, видѣлъ *Чары*, гдѣ ты былъ дѣйствующимъ въ кровопролитномъ сраженіи войскъ нашихъ. Много съ того времени перемѣнились мѣста сіи. Не столько уже дерзки сдѣлались сіи народы, ибо и нынѣшній годъ за ослушаніе и вредное сообщество съ горцами были наказаны; селеніе *Катехи* истреблено, и окопы въ твердыхъ мѣстахъ горъ взяты штурмомъ. Теперь, благодаря постоянному попеченію Государя, даны мнѣ средства несравненно бóльшія тѣхъ, которыя зналъ ты, будучи здѣсь. Если когда, хотя изъ любопытства, бросишь ты взглядъ на здѣшнюю страну, тебѣ лучше другаго примѣтны могутъ быть перемѣны.

Прощай; если не полѣнишься, пиши по прежнему.

Душевно любящій Ермоловъ.

Поклонись отъ меня Александру Николаевичу Раевскому; я радъ, что поправляющееся его здоровье не требуетъ заграничнаго лѣченія, которое не могло кончиться короткимъ временемъ.

38.

9 Марта 1823. *Тифлисъ.*

Любезнѣйшій графъ Михайло Семеновичъ!

Получилъ три письма твои изъ Бѣлой Церкви, изъ Кучукъ-Ламбата съ квартирмейстерскимъ офицеромъ и, наконецъ, послѣднее весьма недавно съ эстафетою. Не успѣлъ отвѣчать тебѣ, ибо объѣзжалъ бывшія ханства, покойнымъ княземъ Павломъ Дмитріевичемъ принятыя въ подданство, нынѣ обращенныя въ провинціи Россійскія подъ управленіемъ нашихъ комендантовъ.

Кажется, не писалъ я тебѣ, что и ханъ Карабагской оставилъ насъ и бѣжалъ въ Персію. Ты представишь себѣ, что я не весьма огорченъ былъ сею разлукою. Давно скучали мнѣ сіи господа безпутнымъ своимъ управленіемъ, неблагодарностію правительству имъ благосклонному. Наконецъ, они распрощались со мною для счастья своихъ подданныхъ, для спокойствія здѣшней страны! Теперь повсюду власть наша могущественная, единая.

Не безъ труда и хлопотъ сіе сдѣлано, но всеконечно это немаловажная правительству услуга.

Теперь повсюду у насъ чрезвычайно тихо. Персіяне повздорили съ Турками, но ничего важнаго произойти не можетъ. Турки, раздираемые внутренними

мятежами, безсильны и противиться не въ состояніи. Не знаю, почему Персіяне ихъ боятся, но всякія готовы употребить мѣры къ прекращенію раздора.

Ты замѣчаешь, любезный братъ, что нѣкоторыя изъ писемъ твоихъ ко мнѣ не дошли. Весьма досадно, что одно сіе обстоятельство могло быть причиною, что ты начиналъ мнѣ показывать холодность и что, еслибы не вздумалъ я вызваться на объясненіе, то уже бы едва имѣлъ я удовольствіе пользоваться пріятнѣйшею твоею перепискою.

Не безполезно, для большей вѣрности, писать или при случаяхъ сумнѣнію неподверженныхъ, или чрезъ Арсенія Андреевича. Ты знаешь, какимъ обязаны мы уваженіемъ нашимъ почтамъ, и я сколько можно менѣе ихъ безпокою.

Ожидаю писемъ твоихъ изъ Петербурга.

Сдѣлай дружбу, любезнѣйшій братъ, пришли мнѣ модель моста, который употребляли Англичане въ кампаніяхъ ихъ въ Гишпаніи. Мнѣ сказывали, что мостъ состоитъ изъ сплетенныхъ особеннымъ образомъ веревокъ, которыя, проходя съ одного берега на другой, сверху покрываются досками между собою связанными. Увѣряютъ, что видѣли у тебя модель и что по такому мосту съ удобностью переходитъ артиллерія и всѣ тягости. Здѣсь подобные мосты принесутъ чрезвычайно великую пользу, особливо на рѣкахъ крутоберегихъ. Не откажи моей просьбѣ и, еслибы у самого тебя не было модели, постарайся достать оную, чѣмъ чрезвычайно обяжешь.

39.

Получ. 7 Сент. Тифлисъ, 31 Іюля 1823.

Любезнѣйшій графъ Михаилъ Семеновичъ.

Послѣднее письмо твое имѣю отъ 30 Апрѣля, въ то время какъ Закревскій уже предувѣдомилъ меня о твоемъ назначеніи, а ты не сказалъ мнѣ, что тебѣ о томъ было извѣстно.

Любя пользу Отечества, радъ я былъ, что ты получилъ мѣсто, въ которомъ большія можешь оказать ему заслуги. Какъ сравнить его съ предложеніемъ сдѣланнымъ тебѣ занять мѣсто Штейнгеля? Не приличествовало тебѣ быть тамъ, гдѣ могъ замѣнить тебя молодой человѣкъ графъ Бутурлинъ въ чинѣ полковника. Не знаю, лучше ли было накупаться на Семибашенной: ибо наглости сдѣланныя Строгонову безнаказанно могутъ дать охоту повторить оныя и со всякимъ другимъ. Весьма рѣшительнымъ почту человѣкомъ того, кто добровольно вызовется на сіе порученіе и радъ, что не на тебя пало оное!

Ты говоришь, что въ мирное время лучшее мѣсто мое. Я не оспариваю того, ибо могу я сдѣлать нѣчто полезнаго въ краю, гдѣ все ново и въ безпорядкѣ ужаснѣйшемъ; но кто узнаетъ объ этомъ, и можетъ чума или *Cholera morbus* похоронитъ меня безъизвѣ-

стнымъ? Едва и въ семь лѣтъ моего здѣсь пребыванія оставлю я что нибудь по себѣ, чего бы не могли измѣнить наслѣдники мои, и такимъ образомъ, что даже слѣдовъ не останется трудовъ моихъ; ибо между народами въ грубомъ и тупомъ невѣжествѣ не могъ я въ образованіи сдѣлать большихъ и рѣшительныхъ успѣховъ. Когда къ управленію графа Ланжерона присоединили область Бессарабскую, дали тебѣ способъ употребить твою дѣятельность. И у тебя есть земля, въ которой все создать надлежитъ; но въ Европѣ, среди народовъ просвѣщенныхъ, въ глазахъ множества иноземцевъ, не укроются труды твои, и успѣхи произведутъ плоды ощутительные, государству полезные. Равныхъ не доставитъ страна здѣшняя, или сколько десятковъ лѣтъ надлежитъ ожидать ихъ! Сколькіе изъ пріемниковъ моихъ того не достигнутъ и проведутъ время, можно сказать, въ черной работѣ, пріуготовляя для другихъ роскошное отдохновеніе. А скуку надобно ли почесть во что-нибудь? Она ужасная и отъемлетъ охоту заниматься.

Я скоро уже готовлюсь проститься съ здѣшнимъ краемъ и усталъ до такой степени, что конечно долгое время не примусь ни за какое дѣло. Вижу съ восхищеніемъ свободу, которой я предамся! Не вѣритъ сему большая часть моихъ знакомыхъ и, быть можетъ, ты самъ между прочими; но приближается время опыта.

Ты, живши въ Петербургѣ, свидѣтелемъ былъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ министерствѣ и, какъ описываешь, Гурьевъ долженъ имѣть особый талантъ, чтобы заставить ненавидѣть себя до такой степени. Отъ Канкрина, какъ человѣка умнаго, можно ожи-

дать большой пользы, и по разстройству финансовъ нашихъ какъ не желать того? Ты писалъ о министрѣ юстиціи, но сей удержался. Теперь по слабости здоровья ѣдетъ въ благословенный климатъ Крыма графъ Кочубей и едва ли возвратится. Его точно убиваетъ климатъ Петербургской, и жаль человѣка сего, пріятнѣйшаго изъ министровъ. Мѣсто его занимаетъ Кампенхаузенъ. Ты теперь будешь имѣть дѣло со всѣми изъ нихъ и конечно будешь счастливѣе меня, къ которому они не весьма благоволятъ. Но все-таки испытаешь немало досадъ! Покоенъ будешь по крайней мѣрѣ по части военной, ибо корпусъ твой отъ тебя далеко, а въ мирное время подобная команда небольшое удовольствіе. Я воображаю, какъ радъ будетъ достойнѣйшій Сабанѣевъ, что онъ съ тобою вмѣстѣ, и ты пребываніе его въ той странѣ сдѣлаешь пріятнымъ.

Дибичъ заправляетъ дѣлами важно, и онѣ идутъ необыкновенно скоро: бумаги не залеживаются. Онъ сдѣлался, какъ говорятъ, весьма могущественнымъ вельможею и легко можетъ пріучить къ себѣ Государя, особливо если князь Волконской продолжитъ свое отсутствіе. Дибичъ конечно не забудетъ своихъ единоземцевъ, и они появятся во всѣхъ видныхъ мѣстахъ, гдѣ дается довѣренность особенная.

Теперь скажу тебѣ о здѣшнихъ обстоятельствахъ. Нерѣшительное поведеніе наше съ Портою даетъ поводъ ко вреднымъ для насъ между глупыми здѣшними народами толкованіямъ. Закубанцы, въ большихъ собираясь силахъ, дѣлаютъ нападенія и разорили у насъ Круглолѣсское селеніе, увлекши въ

плѣнъ триста душъ обоего пола. Бѣжавшіе отъ насъ въ 1810 году Ногайцы, занявъ ближайшія по той сторонѣ Кубани мѣста, не только даютъ способы Закубанцамъ къ набѣгамъ, принимая и довольствуя ихъ у себя, но въ послѣднемъ предпріятіи были съ ними въ числѣ 500 человѣкъ конницы. Извѣстно также, что готовятся еще къ нападеніямъ. Я послалъ моего Вельяминова, дабы, собравъ нужныя объ обстоятельствахъ свѣдѣнія, избралъ удобный случай къ наказанію злодѣевъ.

Высокія въ Кубани воды не допустили сдѣлать движеніе довольно скрытымъ; но Вельяминовъ такую употребилъ скорость, что не успѣли Ногайцы спастись съ семействами и имуществомъ, и онъ захватилъ ихъ слишкомъ 1400 душъ обоего пола съ большимъ числомъ скота. Онъ былъ преслѣдуемъ; желаніе отбить плѣнныхъ заставило ихъ противъ привычки драться съ упорностью, но, потерпѣвши уронъ и ничего не сдѣлавши, разбѣжались. Осенью, если что̀ особенное не помѣшаетъ мнѣ, хочу посѣтить Закубанцевъ и дать нѣкоторый урокъ разбойникамъ. Впрочемъ въ нынѣшнемъ году есть у меня и въ другихъ мѣстахъ нѣкоторыя безпокойства, а войскъ такой некомплектъ, что однихъ рядовыхъ недостаетъ 17.000 человѣкъ.

Послѣ развѣдываній въ продолженіи многихъ лѣтъ, наконецъ, добился я до открытія новой черезъ Кавказъ дороги. Офицеры посыланные для обозрѣнія оной увѣряютъ, что будетъ несравненно лучше теперешней. Со стороны Грузіи ходилъ уже небольшой отрядъ войскъ и перешелъ главный хребетъ. Самыя большія трудности предстоятъ на сѣверной покатости горъ

вопреки ожиданію всѣхъ насъ. Дорога весьма немного далѣе будетъ, но взамѣнъ представляетъ бóльшія выгоды противъ теперешней, требуетъ однакоже больщихъ работъ на нѣсколько лѣтъ.

Теперь собственная просьба. Ты благосклонно принялъ въ Петербургѣ зятя моего *Павлова* и предложилъ ему служить подъ твоимъ начальствомъ. Обрати, почтеннѣйшій другъ, вѣжливость сію въ настоящее дѣло: ты окажешь благодѣяніе человѣку весьма порядочному и находящемуся въ самомъ несчастномъ положеніи. Одного тебя доселѣ просилъ я объ немъ, ибо правило мое не просить за родныхъ. Закревской дѣлалъ ему добро, но какъ долженъ былъ ѣхать, онъ остался безъ помощи кромѣ заботящагося о немъ Кикина. Если Павлову дашь ты мѣсто, то позволь мнѣ употребить одно условіе: для меня не имѣть къ нему ни малѣйшаго снисхожденія. Если не понравится онъ тебѣ или не будетъ умѣть служить, какъ ты желаешь, тотчасъ прогони его, нимало себя не стѣсняя.

40.

Получ. 28 Дек. 1824. Въ Кабардѣ. 12 Сентября 1824.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ Михаилъ Семеновичъ.

Пріѣзжавшій на Кавказскую линію камергеръ г. Скаржинскій даетъ мнѣ пріятный случай писать къ тебѣ. Давно не имѣлъ я сего удовольствія и, средствъ вѣрныхъ не имѣя доставить письмо, не хотѣлъ съ почтою писать пустое. Съ г. Скаржинскимъ, отзывающимся о расположеніи твоемъ къ нему съ особенною признательностію, многое говорилъ я о твоихъ трудахъ, о твоихъ занятіяхъ и замѣтилъ, что обоимъ намъ одинаковыя предстоятъ трудности къ успѣхамъ. Но я признаюсь, что во многихъ случаяхъ позавидовалъ тебѣ, и ты меня оправдаешь. Ты успѣлъ истребить многихъ плутовъ, замѣняя ихъ лучшими и способнѣйшими чиновниками. Я также удалилъ нѣкоторыхъ, но не такъ счастливо замѣщаю многихъ: ибо въ край тобою управляемый, представляющій кромѣ выгодъ служенія подъ твоимъ начальствомъ и жизнь довольно пріятную, чиновники идутъ съ охотою; сюда же рѣдко кого заманить возможно, либо пріѣзжаютъ на одинъ годъ взять трудный чинъ коллежскаго ассесора и, не принеся пользы службѣ, удаляются съ сею добычею. Меня, какъ тебѣ извѣстно, не весьма жалуютъ министры, и даже прибавленіе весьма огра-

ниченнаго числа чиновниковъ въ канцеляріи моей отказано. Судить можешь, чтò, при маломъ знаніи моемъ гражданской части, при совершеннѣйшемъ незнаніи части администраціи, могу я, безъ помощи способныхъ людей, сдѣлать полезнаго? И такъ живу здѣсь долго и бѣшусь, что даже начала самаго не сдѣлалъ порядочнаго. Много трудовъ оставили мнѣ предмѣстники мои, но и немало заботъ передамъ я моимъ наслѣдникамъ. Жалѣть надлежитъ, что въ край здѣшній не завлекла судьба способнѣйшаго начальника, не съ одиѣми, какъ я, наклонностями солдата. Не подумай, чтобы, какъ многіе, говорилъ сіе *par fausse modestie;* божусь, что не скрываю отъ тебя истинныхъ чувствъ моихъ. Гораздо рѣшительнѣе скажу тебѣ, что войска и все то чтò въ управленіи военномъ, теперь въ лучшемъ состояніи, нежели прежде было. Народы, которые не повиновались намъ, теперь лучше покорствуютъ, солдатъ въ бодромъ духѣ и болѣе уважаемъ. Сему безъ труда ты повѣришь, ибо я давно солдатомъ. По всѣмъ прочимъ частямъ немалая у насъ суматоха, и ее преизрядно умножаютъ мусульманскія провинціи, въ которыхъ при мнѣ уже ввелось наше управленіе.

Слышу отъ Скаржинскаго, что ты ведешь жизнь весьма подвижную. Знаю необыкновенную твою дѣятельность и что минуты не можешь ты быть безъ занятій. Желалъ бы я сюда подобнаго тебѣ начальника. Здѣсь все надобно видѣть собственными глазами, а отъ таковаго ничто бы не укрылось. Подобный тебѣ привлекъ бы множество полезныхъ сотрудниковъ. Ты имѣешь передъ многими сіе преимущество, и теперь слышу, что размѣщаешь повсюду

прежнихъ твоихъ сослуживцевъ. Долго невидная служба моя не дала мнѣ средствъ сдѣлать большаго знакомства; немало препятствовало тому и состояніе, котораго я не имѣю; и такъ весьма ограничено число людей, которые хорошо мнѣ извѣстны, и изъ таковыхъ кое-какъ удерживаю я здѣсь нѣкоторыхъ.

Какъ пріятно мнѣ было узнать о привязанности и уваженіи, которыя пріобрѣлъ ты въ краю тобою управляемомъ. Похвалы г. Скаржинскаго—повтореніе тѣхъ, которыя прежде слышалъ я во множествѣ; но онъ подробнѣе могъ мнѣ сказать о пользѣ твоихъ распоряженій, о сильной защитѣ выгодъ всѣхъ состояній. Не безъ удовольствія слышу, что у тебя *высокославный Виттъ* на своемъ мѣстѣ, хотя прежде не устрашалъ его могущественный его повелитель. Не могу забыть замѣчанія генерала Емануила, что мирное время дѣлаетъ его *un général colossal*. Можно симъ доказывать необходимость войны!

Я теперь въ Кабардѣ, пріѣхалъ взглянуть на новую линію и полюбоваться прелестными мѣстами занимаемыми ею. Сколькихъ избавились мы неудобствъ, которыя въ себѣ заключала прежняя линія; жаль только, что безпрерывныя безпокойства, развлекая войска, лишаютъ меня средствъ приступить къ прочнымъ построеніямъ и заведеніямъ. Тѣже самыя препятствія и въ другихъ мѣстахъ.

Теперь наказываются Закубанцы, разграбившіе въ прошедшемъ году *Круглолѣсское селеніе*, и уже заплачено имъ жестокимъ наказаніемъ. Безсильное Оттоманское правительство не можетъ удерживать

сихъ разбойниковъ, и паша, имѣющій пребываніе въ Анапѣ, менѣе похожъ на ихъ начальника, нежели на плѣнника ихъ. Одинъ г. *Скасси* могъ увѣрить министерство наше, что онъ между Закубанцами имѣетъ большія связи и сильное на нихъ вліяніе. Ему повѣрили, что онъ можетъ посылать туда своихъ агентовъ съ его билетами и восхитились выгодами, которыя обѣщалъ онъ отъ торга съ ними. Знающихъ край сей никого не спросили, а моимъ даже оффиціальнымъ не вѣрятъ донесеніямъ, что онъ *шарлатанъ* и что обѣщанія его ничто иное какъ безсовѣстное хвастовство. Трудно положеніе мое. Нельзя оставить безъ наказанія разбои и оскорбленія, наносимыя Закубанцами; но смотрятъ свыше съ непріятностію на дѣйствія противъ ихъ. Я даже не избѣгаю замѣчаній.

Подданные Порты недавно вспомоществовали возмутившейся Абхазіи, а я не долженъ наносить имъ вреда! Благодаря сосѣду моему Грейгу, на военныхъ судахъ ими присланныхъ, успѣлъ *ген.-маіоръ князь Горчаковъ* сдѣлать десантъ на берега Абхазіи, разсѣять сильныя толпы бунтующихъ и освободить, съ малою весьма потерею, двѣ роты наши, которыя болѣе мѣсяца находились въ блокадѣ, защищая молодаго владѣтеля Абхазіи, намъ приверженнаго. Съ горстью людей сдѣлалъ Горчаковъ сіе смѣлое предпріятіе, и войска наши сопровождающее счастіе и въ семъ случаѣ совершенно намъ благопріятствовало.

Такимъ образомъ перехожу я отъ однихъ безпокойствъ къ другимъ и отрываюсь отъ полезнѣйшихъ занятій. Многія начаты у меня необходимыя строенія, пролагаются военныя дороги, учреждается прочное

расположеніе полковъ, но все остановлено отъ недостатка рукъ; ибо вся здѣсь работа производится одними только солдатами. У меня всегда некомплектъ ужаснѣйшій!

На сихъ дняхъ собираюсь я въ горы осмотрѣть новую чрезъ Кавказъ дорогу. Не менѣе шести лѣтъ отыскивалъ я оную повсюду, посылалъ людей здѣшнихъ, посылалъ даже офицеровъ, немалой подвергая ихъ опасности, но только недавно досталъ свѣдѣнія о той, которую самъ обозрѣть намѣреваюсь. Ты всегда любопытствуешь о здѣшней странѣ, и потому не боюсь скучить тебѣ нѣкоторою подробностію. Она изъ *Тифлиса* пойдетъ мимо *Гори* въ 30 верстахъ, войдетъ въ Осетинскія горы, изъ коихъ вытекаетъ *Ліахва*. Далѣе направленіе на Рачинской округъ, Имеретіи принадлежащій, вверхъ по рѣкѣ Ріону, потомъ чрезъ хребетъ Кавказа спускается въ Алагирское ущелье по рѣкѣ Ардону, который впадаетъ въ Терекъ. Выходъ изъ горъ въ Кабарду въ разстояніи 50 верстъ отъ Владикавказа.

Снѣговыхъ обваловъ на дорогѣ нѣтъ. Рѣка Ардонъ почти не менѣе Терека; но въ горахъ имѣетъ берега постоянные и работъ разъ сдѣланныхъ разрушать не можетъ. Для учрежденія постовъ болѣе несравненно удобностей, и пастбища въ изобиліи. Изъ Рачинскаго округа дорога раздѣляется и проходитъ какъ въ Грузію, равно Имеретію. Выгоды весьма ощутительны, если только окажется удобною къ разработанію. Отысканіемъ дороги, составленіемъ проэктовъ къ проложенію оной и хозяйственными по сему предмету распоряженіями хочется мнѣ кончить скучное мое здѣсь служеніе, восемь уже лѣтъ продолжающееся.

Скаржинскій мнѣ сказывалъ, что ты въ послѣднее твое посѣщеніе Крыма купилъ небольшіе участки земли на полуденномъ берегу онаго, и будто говорилъ, что одинъ изъ таковыхъ намѣренъ мнѣ предоставить. Если точно это мысль твоя, то ты, утѣшивъ меня воспоминаніемъ, одолжишь, если дашь одинъ участокъ въ 10 или 12 десятинъ земли. Таковое помѣстье можно одолѣть моими собственными средствами. Всего лучше, если будетъ земля сія близко къ принадлежащей тебѣ; а что есть мое намѣреніе жить въ Крыму, свидѣтельствуюсь тѣмъ, что *Василій Степановичъ Поповъ*, еще при жизни своей, въ имѣніи его при источникѣ Салгира, приказалъ строить для меня домикъ по моему плану, и сынъ его сіе теперь исполняетъ. Но только не таково мѣстоположеніе какъ на полуденномъ берегу, гдѣ видамъ прелестнымъ здѣсь только подобные могутъ находиться. Сдѣлай меня своимъ сосѣдомъ!

Ты слышалъ уже о женитьбѣ *Мадатова*. Недавно весьма возвратился онъ изъ Петербурга, восхищенный благосклоннымъ у двора пріемомъ, доволенъ связями, доставляющими ему родство и связи обширныя. Сказывалъ мнѣ многія любопытныя вещи и что есть слухи, что тебя ожидаютъ въ Петербургѣ.

Давно, любезный Михаилъ Семеновичъ, мы не видались съ тобою, и жаль, что не могу обѣщать себѣ скоро сего душевнаго удовольствія. Внѣ службы, по состоянію моему, долженъ я буду вести жизнь скромную и потому довольно уединенную. Скорѣе всего въ Крыму могъ бы я встрѣтиться съ тобою, но теперешнее назначеніе твое не можетъ продол-

житься: ибо тебѣ, по справедливости, должны предстоять важнѣйшія упражненія, отъ коихъ удаляетъ тебя конечно одно мирное состояніе наше.

Прощай. Продолжи безцѣнную для меня твою дружбу и вѣрь, что чувствовать оную я умѣю.

Можетъ быть, не скоро дойдетъ къ тебѣ письмо сіе; но я не имѣю причины сумнѣваться, что по крайне мѣрѣ дойдетъ вѣрно.

Душевно почитающій Ермоловъ.

41.

Получ. 4 Авг. 1825. Тифлисъ, 12 Іюля 1825.

Искренно благодарю за письма, въ которыхъ вижу прежнее дружеское расположеніе. Любопытно описаніе занятій твоихъ и прекраснѣйшей страны тобою управляемой. Слышу отъ посѣщающихъ насъ о перемѣнахъ, которыя ты тамъ сдѣлалъ и радуюсь, что возобновляешь вниманіе, которое начинало охладѣвать при твоемъ предмѣстникѣ. Жалѣть надобно, что смутныя обстоятельства въ землѣ сосѣдней, уничтожая торговлю, слѣдовательно богатство края, лишаютъ тебя бо̀льшихъ средствъ.

Вижу изъ несносныхъ пустынеи раждающуюся Бессарабію, превращающуюся въ землю населенную, прекрасную, благоустроенную; ты справедливо пріобрѣтешь имя творца оной. Долженъ бы я завидовать сему: ибо здѣсь, какія бы ни сдѣлались улучшенія, могутъ они отнестись къ началамъ положеннымъ большимъ рядомъ моихъ предмѣстниковъ и даже къ самому времени, которое страна сія находится подъ владычествомъ Россіи. Явны будутъ труды твои; ибо собственно положеніе земли въ отношеніи къ сосѣдственнымъ, и Одесса, торговлею своею оживляющая полуденныя области Россіи, привлекаютъ множество свидѣтелей оныхъ. Но отъ Грузіи отгоняетъ всѣхъ ужасъ и разсѣеваемая на счетъ ея молва. Кажется, мы Русскіе противъ нея въ заговорѣ; ибо нѣтъ мерзостей, которыхъ бы о ней не разсказывали. Кто

посѣщаетъ ее? Или проѣзжающій изъ Индіи Англичанинъ, который конечно не найдетъ ничего достойнаго вниманія послѣ богатствъ Индіи, ея ужаснаго населенія, изобилія, важныхъ заведеній и обширныхъ предпріятій правительства, частныхъ огромныхъ имуществъ и капиталовъ все преодолѣвающихъ. Посѣщаютъ миссіонеры, отыскивающіе Жидовъ для окрещенія или заводящіе школы для обученія Азіатцевъ Европейскимъ языкамъ, дабы въ послѣдствіи изъяснить преимущества нашего закона предъ Мусульманскимъ. Пріѣдетъ ученый, посѣщающій Востокъ для изысканій сходства Персидскаго языка съ Датскимъ, дабы опредѣлить, который изъ двухъ народовъ первенствующій и давшій бытіе другому? Иверія въ древности не знаменита, и едва ли была она лучше того, что̀ теперь; а потому всякій спѣшитъ далѣе отыскивать сокровища Востока. И такъ, что̀ объ насъ вы узна̀ете или изъ календаря о существованіи нашемъ? Я замѣтилъ, что у насъ обращается вниманіе на начальника, которому поручаются провинціи въ управленіе, а на самыя провинціи нѣтъ онаго. Завтра будетъ здѣсь знаменитый человѣкъ начальникомъ, сильный связями, и зашумятъ похвалы о Грузіи; все будетъ въ ней хорошо, все перемѣнилось, слѣдовательно онъ сдѣлалъ сіе превращеніе и съ какою магической скоростью, ибо вчера еще охуждали несносную Грузію. Надобны звучныя имена для начальниковъ; имена подобныя моему оскорбляютъ слухъ, ибо не находятся въ спискѣ знатныхъ, изъ коихъ, естественно, призываются къ занятію верховныхъ мѣстъ.

Ты въ письмѣ своемъ упомянулъ о непріятеляхъ, которыхъ имѣешь, и что ихъ гораздо болѣе нежели у меня. Долженъ я, поистинѣ, чувствовать многія

преимущества твои, но въ семъ случаѣ я не хочу уступить тебѣ и конечно не покажусь дерзкимъ. Ты проѣхалъ Москву, эхо Петербурга; теперь ты въ семъ послѣднемъ. Какія достойнѣйшія могу избрать доказательства справедливости словъ моихъ? Произнеси имя мое и услышишь ли голосъ защищающій въ суммѣ порицателей? Положимъ, что непріятелей число у насъ равное; но возможно ли допустить равное число доброжелательствующихъ? На твоей сторонѣ преимущества происхожденія, имени ознаменованнаго важными заслугами предковъ, средствъ доставляющихъ связи и способы утверждать ихъ, и даже множество приверженцевъ. Мнѣ отказаны всѣ сіи выгоды.

Восхищаешь ты меня описаніемъ Крыма, пролагаемой новой дороги въ прелестнѣйшую часть онаго. Ты знаешь Грузію и согласишься, что мало мѣстъ подобныхъ красотою полуденному берегу Крыма. Все, что̀ близко къ морю, у насъ самое худое. Въ отдаленіи отъ моря *Кабарда* и *Черныя* такъ называемыя *Горы*, точно составляютъ чрезвычайно красивую сторону, соединяющую все что̀ пріятно съ величественною природою Кавказа. Ты вѣрно не въ томъ смыслѣ какъ я принимаешь предложеніе доставить мнѣ небольшую дачу на полуденномъ берегу. Я просто принимаю за величайшее одолженіе и съ такою деликатностію сдѣланное, которая можетъ быть одному тебѣ свойственною. Избери по своему вкусу; но если только что̀ прикажешь построить или завести садъ, то чтобы было по моимъ средствамъ, то-есть чтобы было самое умѣренное и даже нѣсколько скудное.

Слышу, что ты надолго ѣдешь въ Англію; увѣдомь. Посылаю письмо Мазаровича съ примѣчаніями его на *холеру*.

42.

Екатериноградъ, 19 Декабря 1825.

Можешь представить, сколько непріятно жить близко и не знать ничего и даже того, что̀ по обстоятельствамъ нужно знать скорѣе многихъ другихъ. Дабы отклонить разныя догадки, посылаю расторопнаго человѣка, чрезъ котораго все можешь написать съ довѣренностію. Онъ снабженъ паспортомъ, который приказано предъявить начальству.

Сдѣлай дружбу, любезнѣйшій братъ, поспѣши обо всемъ меня увѣдомить. Податель письма сего, подъ видомъ отпуска, посланъ собственно въ твое распоряженіе, котораго возвратишь по твоему благоусмотрѣнію. Объясни тѣ странные слухи, которые начинаютъ распространяться и о которыхъ даже подумать неловко. Ты знаешь, что, не имѣя ни съ кѣмъ переписки, я долго останусь въ совершенномъ невѣдѣніи, которое ты одинъ разрѣшить можешь, имѣя вѣрнѣйшія извѣстія.

По отправленіи тѣла покойнаго Государя и по выѣздѣ всей свиты, я полагаю, ты не далѣе провожать будешь, какъ до границы управляемыхъ тобою областей, гдѣ по обстоятельствамъ пребываніе твое

конечно необходимо; а потому послѣ можешь присылать ко мнѣ нарочныхъ до Ставрополя на имя *командующаго войсками на Линіи генералъ-маіора князя Горчакова*, который извѣщенъ куда мнѣ доставлять ихъ.

Спѣшу, и писать болѣе нечего.

Вѣрный по смерть Ермоловъ.

За цѣлый рядъ послѣдующихъ годовъ, писемъ мы не могли отыскать, и этого въ особенности жаль, потому что къ этому времени относится удаленіе А. П. Ермолова съ Кавказа. Не могъ же онъ не писать о томъ къ своему другу. До самаго назначенія князя Воронцова Кавказскимъ намѣстникомъ имѣемъ только одно нижеслѣдующее письмо. П. Б.

43.

Москва, 10 Генваря 1833.

Любезный графъ Михаилъ Семеновичъ.

Чувствуя непріятность положенія быть безполезнымъ пріятелямъ моимъ или прежнимъ сослуживцамъ, я обращаюсь къ тебѣ, старому другу, называвшему меня нѣкогда братомъ, и вотъ въ чемъ состоитъ просьба моя. Въ бытность мою въ Грузіи служилъ оберъ-квартирмейстеромъ въ корпусѣ полковникъ Коцебу *), о которомъ всякой скажетъ тебѣ, что онъ человѣкъ умный и офицеръ съ отличными способностями и свѣдѣніями. Находясь теперь въ главномъ штабѣ военныхъ поселеній, онъ, по новой реформѣ, лишается всѣхъ выгодъ и даже столовыхъ денегъ и, съ семействомъ довольно большимъ, однимъ жалованьемъ существовать не находитъ средствъ, особенно въ Петербургѣ.

Не можешь ли дать ему мѣсто при себѣ *по особеннымъ порученіямъ*, и въ такомъ случаѣ увѣдомь меня, какое можетъ онъ имѣть содержаніе? Скажи мнѣ откровенно, желаешь ли сіе сдѣлать или встрѣчаешь какія-либо препятствія? Въ положеніи полковника Коцебу ему невозможно допускать надежды неосновательной.

Я живу въ подмосковной и, по разсчетамъ моимъ, надѣюсь пробыть весьма долго. Прощай. Продолжи мнѣ прежнее, лестное для меня расположеніе.

Душевно преданный Ермоловъ.

---

*) Этъ былъ не Павелъ Евстафьевичъ. П. Б.

44.

(1845).

Благодарю за письмо твое, почтеннѣйшій графъ Михаилъ Семеновичъ. Оно весьма любопытно и для меня болѣе всѣхъ, какъ нѣкогда страны вашей сторожила. Напрасно, кажется, жалуешься на то, что начинаешь чувствовать усталость и думаешь, что лѣта тому причиною. Заставь молодаго человѣка въ короткое время объѣхать тѣ мѣста, которыя ты обозрѣлъ со вниманіемъ, гдѣ ты долженъ былъ работать головою, предусмотрѣть, разсчесть и распорядить, и я погляжу на того молодаго человѣка, будетъ ли онъ въ состояніи обойтиться безъ нѣкотораго отдохновенія. Ты же не располагаешь на продолжительное, ибо письмо твое отъ 26, а 31 ты уже выступаешь въ горы.

Желанія въ томъ успѣховъ и увѣренность въ томъ суть общія. Давно уже извѣстно, что назначеніе твое и появленіе обрадовало войска и возстановило ихъ духъ. Генераловъ и офицеровъ всегла много было молодцовъ, но духъ солдатъ давно уже никого не удивлялъ, а надобно было превозносить его, получая щедрыя награды. И такъ, любезнѣйшій графъ, можно впередъ поздравить, что ты кончишь славно твои предпріятія.

Никогда еще начальникъ не являлся въ той странѣ облеченный такою властью, столько могущественный, въ такой высокой у Государя довѣренности. Тебѣ никто изъ министровъ не осмѣлится дѣлать препятствій и еще менѣе вредить могутъ. Представленія твои всѣ будутъ уважаемы, и ты самъ имѣешь

власть поощрять служеніе подчиненныхъ лестными наградами. Словомъ, Императоръ имѣетъ въ тебѣ достойнаго намѣстника. Знаменитый и по справедливости незабвенный князь Циціановъ далеко не имѣлъ равныхъ способовъ. Надежда на тебя всѣхъ вообще, и всѣ безъ исключенія за тебя: ибо мы давно уже кричимъ, что ты не движешь войска по причинѣ недостатка провіанта; что лютая зима истребила средства подвоза, и что тебѣ предстоитъ преодолѣть и это новое препятствіе. Шамиль, согласенъ я съ тобою, избѣгать будетъ случая встрѣтиться съ грозными силами и будетъ себя беречь; но могутъ избавиться звѣрской его власти угнетаемыя имъ общества, и онъ, ослабѣвши, потеряетъ вліяніе на нихъ и власть и перестанетъ быть вреднымъ. Взятыя имъ орудія, конечно, достанутся войскамъ. Это важные результаты и каковыхъ едва ли болѣе ожидать можно. Тогда безъ сумнѣнія успокоится страна, и претерпѣнныя бѣдствія, потери и нищета заставятъ жителей желать спокойствія и тишины и наслаждаться ими. Послѣ надобно только поставленному надъ ними частному начальнику умѣть управлять ими. У тебя множество людей способныхъ и, конечно, не будетъ ни одного подобнаго Пулло. А этому, какъ я слышалъ, хотѣлось бы послужить у тебя. Вижу изъ письма твоего, что ты до него не охотникъ! Справедливо удивленіе, какъ Граббе могъ къ нему имѣть весьма большую довѣренность. Къ таковымъ ошибкамъ ведетъ самонадѣянность, что ничто укрыться не можетъ отъ прозорливости и всеобъемлющаго вниманія. Многихъ заблуждаетъ излишняя довѣренность къ самому себѣ. Граббе не хотѣлъ заниматься подробностями, почитая ихъ ниже себя.

Жаль весьма, что этотъ отличный офицеръ остается безъ занятія; сдѣланныя имъ погрѣшности могли бы служить ему наставленіемъ и я думаю, что онъ не упустилъ бы извлечь изъ нихъ для себя пользу. Благодарю за увѣдомленіе, что сдѣланныя мною на нѣкоторыя лица замѣчанія оказались не безъ основанія; иначе были бы они вредною имъ клеветою. Повѣришь легко, что я не могъ противъ нихъ имѣть злобы: всё это въ мое давно прошедшее время было весьма ничтожно! Я ожидалъ сильнаго ходатайства за *Ваньку Каина*, которому ты имѣлъ великодушіе не уступить. Не такъ сдѣлалъ *Головинъ*, прося возвращенія его какъ человѣка для Грузіи отлично способнаго. Я жалѣлъ, что умный человѣкъ способенъ къ столько рабственному угожденію великому фельдмаршалу, впрочемъ могущественному своему благодѣтелю! Не знаю, почему онъ особенно не благоволилъ къ *генералу Клугенау*. Если за то, что не безкорыстенъ, то въ его время были люди не меньшаго порицанія достойные, и вообще не было гонимыхъ за мошенничество, хотя самъ онъ на этотъ счетъ совершенно безъ упрека! Довольно одного *г. Фези*, чтобы не дѣлать чести покровителю!—Здѣсь носится слухъ, что въ томъ дѣлѣ, гдѣ раненъ какой-то молодой офицеръ *князь Мещерскій*, ты собственно лицемъ своимъ подвергался большой опасности. Жалѣю, если это правда, ибо безъ нужды этого быть не должно, а войска исполненныя духа (какъ ты говоришь) до того не допустятъ. Благодарю весьма за привѣтствіе, сдѣланное мнѣ увѣдомленіемъ, что еще есть память о пребываніи моемъ въ вашей странѣ. Конечно привѣтствіе, почтеннѣйшій графъ, ибо до тебя никто не смѣлъ говорить о томъ, и я ни мало не удивляюсь, разсуждая объ об-

стоятельствахъ прошедшаго времени и моемъ собственно положеніи. Послѣ войны отечественной, оконченной самымъ блистательнымъ оборотомъ дѣлъ, занятіемъ Парижа и смиреніемъ Франціи, причемъ ты былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ, покойный Императоръ, почти ежегодно являвшійся на конгрессахъ, гдѣ вліяніе его было могущественнѣйшее, не могъ не скрывать, что Кавказъ вмѣщалъ народы непокорствующіе его власти и дерзающіе оказывать ей противоборствіе, и потому всё, что̀ я дѣлалъ покрывалось полною безгласностію и можно сказать тайною. Между горцами не допускалось согласіе, и не было тѣни религіознаго фанатизма ихъ соединившаго; непокорные наказывались по одиночкѣ, слѣдовательно безъ большаго затрудненія; не было нужды въ чрезвычайныхъ усиліяхъ и въ подобныхъ предпріятіяхъ, каковы взятіе *Ахульго* и *Ичкеринскій* походъ, сохраняющіе незавидную знаменитость. Число войскъ, хотя умноженное въ мое время, было однакоже весьма ограничено и конечно уже не хуже теперешнихъ, и потому повторю, удобно было происшествія на Кавказѣ сохранить въ неизвѣстности, а самого меня покрыть мракомъ. Вмѣстѣ съ назначеніемъ моимъ уничтожено званіе главнокомандующаго, которое имѣлъ *Ртищевъ* и даже *маркизъ Паулуччи*.

Иностранные журналы не только не были язвительны, но даже молчали. Теперь совсѣмъ другое: они умышленно оскорбительны и наглы, и къ досадѣ имъ многіе вѣрятъ, хотя наполнены они неистовою ложью отъ первой строки до послѣдней. Заставить ихъ молчать надобны успѣхи или, если въ нихъ отказываетъ судьба, необходимы по крайней мѣрѣ не

столько значительныя какъ доселѣ потери. Болѣе нежели въ два раза умножившіяся войска, ежегодное усиленіе ихъ, потерянныя крѣпости даютъ поводъ къ язвительнымъ заключеніямъ. У меня во все время одинъ разъ, при занятіи Акушинской области, могло собраться семь тысячъ человѣкъ, присланныхъ тогда на укомплектованіе корпуса; послѣ того и до конца самое большое число войскъ не превосходило шести батальоновъ пѣхоты и до четырехъ сотъ козаковъ, иногда и того менѣе. Нынѣ съ такимъ числомъ не пошлешь ты авангарднаго твоего генерала.

Ты, не сумнѣваюсь я, вскорѣ это дѣлать будешь, и уже слишкомъ знакомо имя твое Русскому солдату, чтобы подъ повелѣніями твоими они не убѣждены были преодолѣть противящихся и торжествовать постоянно. Тебѣ суждено быть смирителемъ гордаго Кавказа. И конечно этого всѣ тебѣ желаютъ, и подвигъ по истинѣ тебя достоинъ.

Вотъ, почтеннѣйшій графъ, разность положенія твоего съ моимъ! Твоимъ подвигамъ есть польза наша дать извѣстность; они по мѣрѣ предоставленныхъ тебѣ средствъ должны быть значительны; слѣдовательно легко будетъ обуздать журналы, что̀ само по себѣ составитъ успѣхъ и дастъ успокоеніе. А еслибы случилось допустить и нѣкоторую прикрасу, это уже принято всѣми, и мы сдѣлаемъ весьма охотно, безъ упрека совѣсти, когда при самихъ потеряхъ допускаемъ хвастовство. Давно уже, по разнымъ описаніямъ нашихъ дѣйствій, войска стыдятся встрѣтиться съ числомъ горцевъ менѣе десяти тысячъ человѣкъ, и рѣдко дерзость ихъ наказываютъ меньшею потерею какъ въ половину.

Неизлишне привести это нѣсколько въ благопристойный размѣръ; ибо со времени удаленія моего или, лучше сказать, со времени начала побѣдъ, надобно удивляться, что не уничтожено все населеніе горъ.

Теперь ожидаю скораго о тебѣ и подвигахъ твоихъ извѣстія, судя по времени выступленія твоего, и только одного боюсь, что Шамиль будетъ имѣть благоразуміе уклониться встрѣчи съ нашими войсками. Впрочемъ я исполненъ прекраснѣйшихъ предчувствій. Желаю тебѣ здоровья. Всего прочаго у тебя много, и все зависитъ отъ тебя. Прощай

Преданный тебѣ Ермоловъ.

19 Іюня 1845.
Москва.

45.

Москва, 31 Августа 1845.

Получилъ письмо твое, почтеннѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ, изъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Поздравляю съ оконченнымъ походомъ, съ полученною наградою и, не менѣе, съ доставленными наградами подчиненнымъ, знаменующими щедрость Государя, его удовольствіе и совершеніе важнаго имъ предначертаннаго предпріятія. Желаніе его вполнѣ исполнено, и Дарго не существуетъ!

Чрезвычайно я былъ радъ, что описаніе твое дало мнѣ понятіе о происшествіяхъ, безтолково разглашаемыхъ болтливою Москвою.

На минуту пріѣхалъ я изъ деревни. Мнѣ говорятъ, что Кавказъ есть почти единственный предметъ разговора въ обществѣ и во всѣхъ состояніяхъ. Всякой необдуманно говоритъ свое, и потому можно себѣ представить, какое изъ сего происходитъ безобразіе.

Изъ письма твоего вижу, съ какими войска твои боролись затрудненіями, съ какою превозмогали ихъ твердостью, не ослабѣвая при поставляемыхъ самою природою препятствіяхъ. Кто могъ предусмотрѣть, что въ Іюнѣ мѣсяцѣ будетъ морозъ до 5 градусовъ, долженствующій нанести вредъ войскамъ и, истребя мно-

жество лошадей, уменьшить средства подвоза провіанта? Жаль чрезвычайно, что нельзя уже было составить запаса, который бы обезпечилъ дальнѣйшія дѣйствія; ибо я полагаю, что ты не ограничился бы безплоднымъ появленіемъ въ Андіи, но могъ застигнуть незадолго предъ тѣмъ удаленныя семейства, обремененныя имуществомъ. Безъ сумнѣнія, ты не допустилъ бы истребить народъ невоинственный, со времени Грузинскихъ царей наполняющій Тифлисскіе базары своими издѣліями, но могъ нанести большой ужасъ и произвести полезное впечатлѣніе, даруя имъ пощаду.

Ты говоришь, что нѣсколько уже лѣтъ войска собирались идти въ Андію, гдѣ Русскіе никогда не были. Не знаю кому первому пришла мысль туда проникнуть, но, конечно, не самому дальновиднѣйшему изъ нашихъ начальниковъ. Если только для того, чтобы сказать, что даже Андія свидѣтелемъ была славы нашего орудія, то являлось оно далѣе, не менѣе трудными путями. Была крѣпость въ Кунзахѣ, державшая въ покорности нѣкоторое населеніе. За приверженность къ намъ истреблено Шамилемъ, безъ различія пола и возраста, все населеніе вѣрнаго Унцукуля. Много мѣстъ, гдѣ не были войска Русскія, и я, убѣжденный, какъ и ты говоришь, что Русской груди и штыкамъ Русскимъ ничто противустоять не можетъ, думаю однакоже, что въ тѣхъ мѣстахъ и не будутъ.

Уже девятнадцатый годъ, какъ удаленъ я изъ вашего края, совершенно измѣнились обстоятельства, и все для меня до того ново, что я не только не позволяю

себѣ имѣть мнѣнія, но чувствую, что недостаточны и даже несвязны мои понятія; а только держась общихъ правилъ и нѣсколько опираясь на десятилѣтнюю опытность и изученіе характера противобурствующихъ вамъ народовъ, я что-нибудь понимаю.

Довольно съ давняго времени, неудачныя дѣйствія наши противъ Шамиля, въ собственное наше извиненіе, выставили его за человѣка необыкновеннаго, за генія, противъ котораго необходимы средства чрезвычайныя! Тако равно и Дарго, разбойничій притонъ его, впрочемъ ничтожная деревушка, каковыхъ много на каждомъ шагу въ землѣ гористой и которыхъ твердость состоитъ въ непроходимости лѣсистыхъ дорогъ, прославлена резиденціею, и породилась мысль непремѣнно овладѣть Дарго! Никогда самъ по себѣ не былъ бы ты въ подобномъ заблужденіи, и я убѣжденъ, что Дарго не былъ бы твоею цѣлью. Къ чему поведетъ истребленіе резиденціи? Шамилю наставленіе избирать мѣста менѣе угрожаемыя. Здѣсь жилъ Шамиль для ближайшаго наблюденія за дѣйствіями нашими на плоскости, гдѣ твердо должно быть владычество наше. Здѣсь и теперь онъ жить будетъ; а для того, что̀ не захочетъ вамъ отдать, найдетъ онъ мѣста недоступныя и безопасныя. Не лазить же въ каждую нору разбойника! Что̀ взято въ Дарго? Даже неподвижныхъ чугунныхъ пушекъ ни одной не отыскано. Прости, можетъ быть, нескладную мысль, простосердечно высказанную, нѣкогда старому по службѣ товарищу: я легко могу ошибаться и свѣдѣнія не всѣ имѣю точныя.

Вижу, что въ число огромныхъ наградъ генераламъ одинъ не попалъ Фонъ-Клугенау. Догадываюсь, что

онъ наказывается за понесенную потерю при возвращеніи на встрѣчу транспорту. Позволяю себѣ думать, что все возможное онъ не упустилъ сдѣлать, когда помощниками его были генералы Пассекъ и Викторовъ. Конечно не въ смѣлости былъ недостатокъ у Клюке. Припоминаю, что генералъ Головинъ находилъ его нераспорядительнымъ и не имѣющимъ соображенія. Хотѣлъ бы я видѣть, чтò произвелъ бы высокій талантъ Головина-полководца въ положеніи, въ которомъ находился Клюке. Колонна его, отовсюду сжатая, не имѣющая мѣста для цѣпей по бокамъ ея; поперекъ дороги завалы, которыхъ обходить невозможно. Не винить ли Клюке, что онъ не умѣлъ маневрировать? И такъ Клюке оставалась одна неустрашимость, а съ нею бывалъ онъ всегда знакомъ.

Не могу вѣрить здѣшнимъ слухамъ, что бывшіе съ нимъ батальоны 5-го корпуса разстроились, долго не пришли въ порядокъ и будто бы даже вышли изъ послушанія. Молвѣ сей противоставлю я похвалы, которыми ты превозносилъ войска 5-го корпуса, говоря, что ни въ чемъ не уступаютъ старымъ Кавказскимъ войскамъ; противоставлю множество свѣдѣній о томъ, что при слухѣ о назначеніи твоемъ было общее войскъ восхищеніе, и что до удивительной степени возвысился духъ войскъ, когда ты появился передъ ними и повелъ ихъ въ горы. Все это мы здѣсь хорошо знаемъ; а затѣмъ не могу я постигнуть настоящей причины неудачи Клюке. Развѣ несоразмѣрное число непріятеля, а это и тебѣ случилось испытать въ Ичкеринскомъ лѣсу!.. Ты будешь меня бранить; но я рѣшусь сказать, что Головинъ относительно Клюке сильное произвелъ на тебя впечатлѣніе.

Возвращусь въ Ичкеринской лѣсъ и скажу съ удовольствіемъ, что, при злодѣйской дорогѣ, при безпрерывной дракѣ и даже иногда схваткѣ, пройти не оставя ни одного раненаго нельзя иначе, какъ молодецки и конечно славно! Этого одного достаточно пріобрѣсти безпредѣльную приверженность и довѣренность войскъ. И примѣръ хорошъ для подчиненныхъ! Конечно, никто изъ нихъ не оставилъ раненаго.

Въ ужасномъ и продолжительномъ бою надобна была любовь солдата къ начальнику, чтобы не вышло похожаго на переходъ генерала Граббе. Происшествія подтвердили, что онъ ею не обладалъ. Этотъ славный офицеръ, при его отличныхъ способностяхъ, оставилъ по себѣ горестную память. Много значитъ громкое имя, и я поздравляю войска Кавказскія, что ты предводишь ими!

Какими молодцами явились у тебя генералы Фрейтагъ и Лабинцовъ! Я знаю неустрашимость послѣдняго, но въ семъ случаѣ заслуга перваго еще важнѣе. Честь предусмотрительности твоей, что приказалъ ему выдти навстрѣчу, и онъ хорошо догадался, что, не остановясь у Герзели-аула, подвинулся къ Мискиту. Никогда не завидовалъ я хвастунамъ, говорящимъ: «я это сдѣлалъ съ горстью людей!» Лучше употребить силы вдвое для вѣрнѣйшаго успѣха. Я слышалъ о твоемъ приказѣ, и конечно Фрейтагу онъ лестная награда.

Не столько чисты дѣйствія Аргутинскаго, который выходитъ въ герои собственнаго сочиненія реляціями. За дѣйствіями его нѣтъ повѣрки. Помню, что въ Москвѣ сообщилъ ты мнѣ намѣреніе послать его въ

Тилитлы; видѣлъ изъ донесеній твоихъ, что онъ выступилъ изъ Казыкумыка, движеніемъ своимъ принесъ великую пользу общей связи дѣлъ, удержалъ противъ себя непріятеля, который могъ усилить Шамиля. Аргутинскій по причинѣ возвышенія водъ не могъ перейти Койсу. Это весьма вѣроятно, но слишкомъ долго не переходилъ, а въ горахъ воды не бываютъ стоячими. Его должно было провождать желаніе отмстить Кибитъ-муллѣ, который нѣкогда заманилъ его въ Тилитлы, занялъ съ тылу выходъ изъ ущелья и порядочный задалъ ему урокъ быть осмотрительнѣе. Онъ надѣялся, что мошенникъ мулла безъ драки уступитъ Тилитлы.

Читалъ (я) реляцію, въ которой нанесъ онъ муллѣ и Гаджи-Мюрату большой уронъ: 200 человѣкъ осталось на мѣстѣ, 400 сбросилось со скалъ. Этотъ способъ истреблять непріятеля нахожу весьма удобнымъ и потому, что контроль нелегка и даже невозможна.

Я вотъ какъ понимаю дѣйствія героя. Онъ выжидалъ, что̀ будетъ предпринято съ твоей стороны. Во все время пребыванія твоего въ Андіи онъ ничего не предпринималъ, вѣроятно предполагая, что ты подвинешься впередъ; но когда узналъ онъ, что ты обратился на разореніе Дарго и, далѣе не возвращаясь въ Андію, послѣдовалъ въ Герзели-аулъ (чѣмъ очевидно оканчивалась экспедиція), уразумѣлъ онъ, что горцы, избавясь тебя, наносившаго имъ уронъ, не будутъ уже столько упорны въ сопротивленіи, и тогда атаковалъ ихъ. Пребываніе въ Дарго, продолжительный бой въ слѣдованіи къ плоскости, по справедливости молодецкій, не имѣли наружности блистательной, ко-

торая не рѣдко замѣняетъ достоинство самыхъ полныхъ успѣховъ. Онъ этимъ воспользовался, и его дѣйствію сами обстоятельства придали важность и его выставили какъ бы нѣкоторое вознагражденіе понесенной неудачи.

Я это слышу и вижу, какъ трудно заставить понимать вещи настоящимъ образомъ. До тебя конечно доходить будутъ разныя нелѣпости, и я, какъ ты самъ того желаешь, сообщу тебѣ нѣкоторыя послѣ.

Второй періодъ экспедиціи, по словамъ твоимъ, займется устроеніемъ передовой Чеченской линіи и вообще постовъ; дѣйствій наступательныхъ не будетъ. Ты увидишь, что Аргутинскій въ это время постарается занимать вниманіе собою. Чтó ему значитъ уничтожать тысячи, а особливо толкая со скалы? Будетъ много побѣдъ, и горе бѣднымъ горцамъ!

Вспоминаю покойнаго князя Мадатова, который разсказывалъ мнѣ однажды слѣдующее: «Какая тшъ каналья! Хотѣлъ меня надуть на Жидовскую штуку, а я пустилъ тшъ ему Армянскую, и каналья тшъ не выигралъ».

Аргутинской держится Армянской штуки. Головинъ, человѣкъ весьма умный и съ прекрасными познаніями, впрочемъ столько же военный человѣкъ, сколько я митрополитъ, создалъ блистательную его славу и ея сіяніемъ думалъ закрыть всякаго рода потери, неудачи и безпорядки, пустившіе глубокіе корни, конечно, въ незабвенное его управленіе. Чтобы не возвращаться къ этой знаменитости, скажу не шутя, что, для поправленія послѣ *Нейгардта* дѣлъ,

онъ ожидалъ, что возмутся за него. Не знаю человѣка, который бы, подобно ему, умѣлъ такъ извлекать собственную пользу. Онъ письмо твое, въ которомъ ты просилъ его совѣтовъ, показывалъ военному министру, и объ этомъ извѣстно далѣе. Не знаю какъ извѣстна записка его, гдѣ говоритъ онъ, что горная война *est une guerre d'embuscade*. Это въ Петербургѣ для многихъ новое, и было прочитываемо съ восхищеніемъ! Человѣкъ этотъ съ универсальными его способностями и отъ тебя умѣлъ воспользоваться похвалою. Ничего болѣе! Сію минуту говорятъ мнѣ, что есть приказъ о производствѣ Аргутинскаго въ генералъ-лейтенанты. Скажу въ послѣдній разъ: какой богатый запасъ полководцевъ!

Понимаю совершенно основательность твоихъ заключеній, что, не намѣреваясь ничего заложить прочнаго въ горахъ, невозможно было заставить общества прибѣгнуть подъ покровительство и защиту нашу. Даже можно было желать, чтобы этого не случилось: ибо они подверглись бы наказаніямъ Шамиля за изъявленіе покорности. Еслибы возможно было выселить на равнины прежнихъ жителей оныхъ, то конечно результатъ былъ бы удовлетворителенъ, и съ прибавленіемъ къ корпусу одной пѣхотной дивизіи и сдѣлавъ подвижными часть линейныхъ батальоновъ, легко можно было оградить ихъ отъ угрозъ и нападеній Шамиля. Тогда слѣдствія похода были бы чрезвычайно полезны и ощутительны.

Я ни мало не сумнѣваюсь, чтобы это не сдѣлалось въ непродолжительномъ времени въ твое командова-

ніе: у тебя сильны движущія средства, власть велика, довѣренность Государя безпредѣльна!

Теперь, отъ нечего дѣлать, хочу завести съ тобою споръ. Ты, какъ я замѣчаю, столько же не любишь, какъ и великой Суворовъ, слово *отступленіе;* ибо усиливаешься увѣрять, что, идучи отъ Дарго къ Герзели-аулу, ты былъ атакующимъ, и приводишь въ доказательство, что ты шелъ прямо на непріятельскую позицію. Тогда по всѣмъ направленіямъ были непріятельскія позиціи, ибо непріятель окружилъ тебя со всѣхъ сторонъ. Маршъ изъ Андіи до Дарго принадлежалъ безпрекословно къ движеніямъ наступательнымъ; но неужели князь Бебутовъ, отъ Кирки спускаясь въ Чиркею, дѣлаетъ движеніе наступательное? Согласись по крайней мѣрѣ, что это скорѣе назвать должно возвратнымъ путемъ, каковой былъ и твой отъ Дарго до плоскости. Какъ хочешь, не могу признавать за наступательное движеніе тобою совершенное. Что̀ ты уклоняешься чести безтрепетнаго и искуснаго отступленія, которое противъ горцевъ труднѣе всякаго другаго?—Хотѣлъ писать болѣе, но боюсь тебѣ наскучить.

Мнѣнія болтливой Москвы почитаются ни во что; но ты приказалъ сообщить ихъ, и я исполняю.

Говорятъ, что лучше было не ходить въ горы, нежели главнокомандующему поставить себя въ положеніе быть преслѣдуему и окруженному; что неудачное предпріятіе должно непремѣнно возвысить славу Шамиля и дать ему еще бо̀льшую власть; что если требовано неотлагательное разрушеніе деревушки Дар-

го, лучше было поручить то кому-нибудь изъ генераловъ, и еще оставался бы страхъ, что можетъ придти самъ главной начальникъ и поправить, буде бы что не хорошо было сдѣлано. Безразсудно говорятъ, будто бы теперь несравненно сильнѣе будутъ сопротивляться всякому изъ генераловъ, когда за потери ихъ, хотя впрочемъ значительныя, нанесено намъ не менѣе чувствительное пораженіе.

Разскащики выставляютъ потерю трехъ генераловъ, утверждая, что это безъ сильнаго пораженія быть не могло. Къ сему присоединяются будто изъ получаемыхъ писемъ заимствованныя свѣдѣнія, которыхъ нѣтъ безъ сумнѣнія. Противъ всякой очевидности говорятъ, что возстановленный тобою духъ войскъ долженъ упасть необходимо и что это конечно не легко поправить. Соглашаются однакоже, что не тебѣ можетъ предстоять это затрудненіе! C'est une concession que l'on fait généralement et sans d'ifficulté. И соглашаются, что дѣло еще не худо!

Многихъ встревожило, что главнокомандующаго пять адъютантовъ вдругъ могли быть подвержены опасности. Не извѣстно кто разгласилъ, что будто ты вынималъ саблю въ собственную защиту. Словомъ, множество нелѣпостей, одна другой глупѣйшихъ, но уже начинающихъ менѣе возбуждать вопросовъ и любопытства. Есть въ тоже время люди убѣдительно доказывающіе неправдоподобіе и безсмысліе разсказовъ и бредней.

Ты конечно смѣешься глупостямъ и презираешь ими. Твое значеніе, твоя извѣстность служатъ тебѣ огражденіемъ и недосягаемостію! Между тѣмъ слиш-

комъ ощутительно, что ты исполнителемъ былъ предначертанной цѣли. И я помню, что̀ ты мнѣ говорилъ о Дарго и въ какомъ случаѣ найдешь выгоднымъ атаковать его. Кажется, произошло иначе нежели мнѣ говорилъ, и для тебя хуже если, по недостатку довѣренности, скрылъ отъ меня, что взятіе Дарго требовалось настоятельно и безусловно. Не много труда было бы выслушать меня десять минутъ; а случается, что я не всегда говорю вздоръ!

Всѣ говорятъ, что ты будешь имѣть свиданіе въ Крыму съ Государемъ. Увидимъ въ будущемъ году слѣдствія.

46.

Москва. 24 Ноября 1845.

Многое безпрестанно слышу о тебѣ, почтеннѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ, ибо все наполнено молвою о тебѣ, но давно, вопреки обѣщанію, ни слова отъ тебя не имѣю.

Не хочу думать, чтобы ты досадовалъ за письмо мое. Ты требовалъ самъ свободнаго сообщенія моей мысли. Я это исполнилъ. Впрочемъ мнѣніе мое, по недостатку обстоятельныхъ свѣдѣній, можетъ быть неосновательно и не есть приговоръ, а потому не должно вызвать твоего негодованія.

Болѣе объ этомъ ни слова; а послѣ ты самъ увидишь, правъ ли ты? Мнѣ это будетъ наставленіемъ на будущее время!

Слышу здѣсь многое о свиданіи твоемъ съ Государемъ; съ какимъ высокимъ уваженіемъ къ тебѣ, съ какимъ особеннымъ благоволеніемъ изъявилъ онъ удовольствіе свое на счетъ военныхъ дѣйствій и дальнѣйшихъ распоряженій твоихъ. Цесаревичъ Наслѣдникъ изволилъ говорить мнѣ съ величайшею обо всемъ похвалою. Тоже самое и Константинъ Николаевичъ, съ особеннымъ восхищеніемъ упомянувъ, что Императоръ изволилъ обѣщать ему дать случай быть на Кавказѣ. Если князь Михаилъ Семеновичъ, сказалъ онъ мнѣ, продолжитъ нѣкоторое время командованіе въ томъ краю, конечно все приведено будетъ

въ желаемое устройство и порядокъ. Слышно, что дѣйствія всякаго рода предоставлены совершенному и непосредственному твоему произволу. Видно изъ всего, что свиданіе твое было не только полезно, но и необходимо, и конечно всѣ предпріятія твои увѣнчаются полными успѣхомъ.

Говорятъ также, что въ Февралѣ мѣсяцѣ будто ожидаютъ тебя въ Петербургъ. Вѣрю, что это можно будетъ тебѣ сдѣлать; ибо горцы совершено присмирѣли и со времени экспедиціи въ Андію ничего не предпринимаютъ. Думать надобно, что Шамилю не всегда легко направлять ихъ волю, и что они неохотно берутся за то, гдѣ нѣтъ въ виду добычи и одна вѣрная опасность.

Итакъ если вы и гнѣваетесь на меня, я не менѣе однакоже приступлю къ вамъ съ просьбою, и тѣмъ смѣлѣе, что это не о себѣ и ни о комъ изъ моихъ ближнихъ.

Прилагаю у сего просьбу болѣзненной старухи, жены послѣдняго царя Грузинскаго Георгія. Просьба, поданная ею Государю Императору, препровождена была генералу Нейдгардту на соображеніе. Разсмотри ее, почтеннѣйшій князь, и дай дѣлу конецъ согласный съ достоинствомъ имперіи и съ твоею знаменитостью. Доселѣ не выполнены данныя покойнымъ императоромъ Александромъ обѣщанія. Недавно весьма умноженъ старухѣ пенсіонъ, а до того получала она скудный и часто нуждалась чрезвычайно. Въ такомъ положеніи совѣстно было видѣть жену царя, послѣ котораго Грузія на вѣчныя времена присоединена къ Россіи. Не вижу причины лишать ее того, что̀ другимъ предоставлено безъ затрудненія. Даже царица Имеретинская пользовалась несравненно бо̀льшими

выгодами и содержаніемъ, но никогда цари Имеретіи не были равными царямъ Грузинскимъ.

Кончивши письмо мое, почтеннѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ, я долженъ сдѣлать къ нему добавленіе, и ты конечно простишь смѣлость, которую я себѣ позволилъ. Взгляни на приложенную бумагу: это просьба сына покойнаго генералъ-адъютанта барона Розена, нѣкогда начальствовавшаго въ Грузіи. Прикажи разсмотрѣть ее и доложить тебѣ. Дѣла наслѣдниковъ Розена чрезвычайно запутаны, при имѣніи весьма скудномъ, на которомъ лежитъ запрещеніе, по упущеніямъ Тифлисской квартирной коммиссіи, препятствующее сдѣлать оборотъ. Къ великодушію твоему отнесется, если сдѣлаешь добро семейству покойнаго, надъ которымъ въ послѣдніе года жизни разразились многія несчастія. Подобнымъ людямъ немного есть охотниковъ оказывать благодѣяніе. Сдѣлай это, и тебѣ слава принадлежать будетъ!

Моя благодарность ознаменуется тѣмъ, что впередъ просьбами моими не займу времени, которое обращаешь ты на пользу службы въ краю, гдѣ предмѣстники твои заботились пріуготовить тебѣ многотрудныя занятія.

Не правда ли, что со стороны моей много неустрашимости, чтобы, замѣчая негодованіе твое, рѣшаться повторять просьбы? Но и это должно обличать отличныя твои свойства.

Прощай, не сумнѣваюсь во вниманіи твоемъ относительно препровожденной записки.

Съ прежними чувствами до гроба Ермоловъ.

47.

Получ. 5 Генв. 1846. Москва, 24 Декабря 1845.

Я получилъ письмо твое, почтеннѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ, которое приказываешь разумѣть *повѣсткою* о томъ, что вскорѣ за нимъ будетъ письмо гораздо обстоятельнѣйшее. Многое знаю изъ газетъ о сдѣланныхъ тобою обозрѣніяхъ по разнымъ мѣстамъ обширнаго управленія. Знаю о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ, потому что приводятся они въ исполненіе; но со всѣмъ тѣмъ увѣдомленіе твое не одно возбудитъ во мнѣ любопытство: я увижу многое, чего не предприняли твои предмѣстники и чтò дало бы другой видъ дѣламъ нашимъ. Но чтò бы ни заключало письмо твое, оно не будетъ пріятнѣе мнѣ послѣдняго мною полученнаго, въ которомъ увѣряешь меня, что не сердишься на меня, ниже нимало негодуешь. Признаюсь, мнѣ больно бы было потерять расположеніе человѣка, которому болѣе тридцати лѣтъ принадлежали душевное мое уваженіе и привязанность. Благодарю тебя искренне за письмо и скажу, что тебѣ нелегко будетъ сдѣлать мнѣ болѣе удовольствія, которое я тебѣ выразить, право, не умѣю!

Знаю изъ собственныхъ нѣкогда занятій, далеко не сравнивающихся съ твоими, какими долженъ ты быть озабоченъ хлопотами; усматриваю, какіе предстоятъ тебѣ труды по внутреннему управленію края,

растроенному нелѣпыми постановленіями Гана, которому Закавказскія страны, конечно, не болѣе извѣстны были Верхняго Египта. Судя по чрезвычайной и неимовѣрной дѣятельности твоей, увѣренъ, что ты со всѣмъ управишься; но въ семъ случаѣ неизлишне сказать, что надобно быть осторожнымъ въ напряженіи силъ. Времени законы неотвратимы!

Съ нѣкоторою гордостью хвалю я себя, что доставленныя мною тебѣ записки обратили твое вниманіе и что съ твоимъ встрѣтилось мое мнѣніе. Положеніе семейства царей Грузинскихъ достойно обратить великодушіе и благотворительность Россійскаго Монарха. Обладаніе наше за Кавказомъ есть грознымъ явленіемъ на Востокѣ. Добровольная покорность царя Грузинскаго оградила Россію отъ упрека властолюбиваго и несправедливаго покоренія. Тебѣ предоставила судьба явить, сколько можетъ быть полезнымъ сдѣланное пріобрѣтеніе. Обезпеченный властью и полною довѣренностью Государя, ты одинъ въ состояніи это сдѣлать. На остатки семейства царя Грузинскаго брось нѣкоторый отблескъ могущества нашего на Кавказѣ. Это дѣло государственнаго сановника!

Ты наполнилъ сердце мое радостью, говоря мнѣ о баронѣ Розенѣ, такъ жалостно окончившемъ дни свои. Ты увидѣлъ, что я ничего не сказалъ о немъ несправедливаго и, конечно, нѣтъ чистосердечнѣй тебѣ хвалы, какъ всего его семейства, которому нѣсколько строкъ твоихъ были сладостнѣйшимъ утѣшеніемъ. Но скажу тебѣ безъ комплимента, что я удивленъ, когда ты успѣлъ видѣть мерзости гнуснаго доноса Гана? Больно, что подобныя дѣйствія могутъ губить

добрыхъ и усердныхъ слугъ Государя. Если бы не совершенно зналъ я покойнаго Розена, себя сберегая, я не стоялъ бы за него и, не менѣе сохраняя твою дружбу, я не ввелъ бы тебя въ заблужденіе. Будь увѣренъ, что и впредъ ничего не услышишь отъ меня не имѣющаго основаніемъ справедливость. Сколько нибудь открыть истину и возстановить омраченное клеветою имя Розена есть дѣло великодушнаго человѣка. Вотъ почему я ручался, что ты не будешь хладнокровнымъ, если представится случай быть въ чемъ нибудь полезнымъ хотя его семейству. Ты видѣлъ, что я зналъ Розена. Почему столько же вѣрно не могу я знать тебя?

Повторю еще, что я въ восхищеніи, что ты не сердишься на меня, и въ надеждѣ на то вотъ мои условія: не спѣши писать ко мнѣ, даже не пиши долго, не отнимай у себя минутъ отъ занятій несравненно полезнѣйшихъ, а паче отъ кратковременнаго твоего отдохновенія... Я всѣмъ буду доволенъ! Видишь, до какой степени ты покорилъ меня послѣднимъ письмомъ—*повѣсткою*.

Истреби всѣ прежнія мои письма ничтожныя, но сбереги это одно, гдѣ о тебѣ говорило мнѣ мое сердце. Прощай, не употреблю обыкновеніемъ дополняемыхъ фразовъ или привѣтствій.

Душевно преданный Ермоловъ.

48.

Москва, Февраль 1846.

Долго умедленное письмо твое, почтенный князь Михаилъ Семеновичъ, заставляло меня сумнѣваться о твоемъ здоровьѣ. Я слышу, какъ безпрерывны занятія твои и что нѣтъ свободнаго времени; но думалъ, что ты поручишь меня увѣдомить, что не находишь времени писать и чтобы я имѣлъ терпѣніе.

И я съ своей стороны не торопился отвѣчать, но это по причинѣ совершенно противоположной: во мнѣ бездѣйствіе и праздность такую возродили лѣнь, что за перо приняться не хочется. А къ тому же и чтó напишу я достойнаго любопытства?

Буду отвѣчать на всѣ предметы въ томъ порядкѣ, въ какомъ изложены они въ письмѣ твоемъ.

Великодушно и достойно тебя предстательство за царицу Грузинскую. Не одна справедливость, но и приличіе должны были остановить вниманіе на сіе дѣло. Я сообщилъ сыну ея, человѣку весьма многими уважаемому, о покровительствѣ твоемъ, и семейство это ты имѣешь тебѣ преданнымъ. Недавно еще весьма скудно было содержаніе старухи-царицы, и жаль было это видѣть. Въ тоже время другіе пользовались большими выгодами и уваженіемъ.

Радуюсь и за дѣло барона Розена, о которомъ скажу твоими собственными словами: «что оно въ полномъ ходу». Ты одинъ хочешь сдѣлать ему добро и то смѣешь, чувствуя свое могущество.

Вѣрно говоря о Головинѣ, я не умѣлъ внятно выразиться; ибо изъ письма твоего вижу, какъ будто мнѣ удивительнымъ кажется, что ты слѣдуешь его совѣтамъ или испрашиваешь его мнѣніе. Я радъ очень, что ты далъ мнѣ случай объясниться по сему предмету.

Помню очень, что я признавалъ его столько же военнымъ человѣкомъ, сколько я митрополитъ. Но это относилось единственно до военныхъ его дѣйствій въ Кавказѣ, гдѣ онъ не показалъ особенной распорядительности, ниже при покореніи Ахты, чтó въ тоже время принесло величайшую пользу и во многихъ отношеніяхъ и по справедливости заслуживаетъ уваженіе. Не думай, любезный князь, чтобы я могъ сумнѣваться въ способностяхъ Головина и въ томъ, что онъ можетъ дать полезныя свѣдѣнія. Я слышалъ его разсуждающаго, видѣлъ у него множество любопытныхъ бумагъ, читалъ нѣкоторыя, прекрасно имъ написанныя, и убѣжденъ, что онъ можетъ сообщить совершенно основательныя замѣчанія. Онъ былъ въ знаменитую эпоху законодательства Гана, вспомоществовалъ ему и послѣ разрушалъ его сотвореніе. Онъ рѣзко доказываетъ нелѣпость ихъ. Онъ свидѣтелемъ былъ многихъ на Кавказѣ происшествій и былъ въ положеніи прибѣгать къ разнообразности распоряженій. Онъ былъ, когда военный министръ, какъ благотворное свѣтило, обтекалъ Грузію съ обѣщаніями

благоденствія Грузіи. Жаль бы мнѣ было, если бы ты думалъ, что о Головинѣ позволяю я себѣ быть невыгоднаго мнѣнія. Я признаю въ немъ большимъ преимуществомъ то, что ему извѣстны цѣль и намѣренія правительства, которое, до твоего назначенія полномочнымъ правителемъ, руководило каждымъ дѣйствіемъ безсильныхъ твоихъ предмѣстниковъ. И такъ убѣдись, почтенный князь, что безъ наглаго самолюбія не могу я почитать себя болѣе свѣдущимъ въ теперешнихъ края обстоятельствахъ и, по мѣрѣ того, и предложить что-либо полезнаго странѣ, почти уже мнѣ незнакомой. Вотъ какъ я думаю.

Относительно до генер. Клюке я, признаюсь, думалъ, что много подѣйствовало внушеніе Головина; но когда увѣряешь ты въ противномъ, то могу ли я сумнѣваться? Кто можетъ знать лучше своихъ подчиненныхъ, какъ начальникъ, близко повѣряющій ихъ дѣйствія? Не скажу я ничего въ защиту его въ дѣлѣ 14 Іюня подъ Андіею, ибо это происходило подъ глазами твоими и, какъ ты говоришь, не умѣлъ онъ поддержать Кабардинцевъ. Въ 1844 году въ Бортунаѣ не положительны были приказанія Нейдгардта, и онъ дожидался со стороны его атаки, долженствовавшей быть сигналомъ для его дѣйствій. Мнѣ не разъ случилось слышать многія объ этомъ происшествіи подробности. Не осмѣлюсь я оправдывать Клюке въ сухарной его экспедиціи; но при близкомъ взглядѣ на оную можно замѣтить нѣчто въ облегченіе вины его и отдалить отъ него приговоръ на вѣчное бездѣйствіе, которое ему опредѣляется. Повторю, что защищать не смѣю, и не мое дѣло; но жалѣть могу офицера, котораго зналъ храбрымъ и исполненнымъ доброй воли.

При Бортунаѣ, какъ ты говоришь, могло зависѣть отъ Клюке кончить войну однимъ ударомъ. При начальникахъ подобныхъ Нейдгардту нерѣшительностію, съ нѣкоторыми изъ сотрудниковъ тогдашняго времени едва ли возможно что-либо совершить окончательно. О Клюке въ послѣдній разъ скажу, что бѣдное положеніе огромнаго его семейства заслуживаетъ сострадательнаго взгляда.

Аргутинскому ты приписываешь достоинства и способности, каковыя рѣдко находились въ самыхъ отличнѣйшихъ полководцахъ. Говоришь, что онъ никѣмъ незамѣнимъ въ краю, гдѣ онъ начальствуетъ, что къ нему общая довѣренность и нашихъ войскъ, и туземцевъ. Какъ смѣть что-либо сказать вопреки убѣжденію начальника извѣстнаго проницательностію, и особливо мнѣ ли позволительно имѣть мнѣніе, когда совсѣмъ я не знаю князя Аргутинскаго, а дѣла его знаю изъ отзывовъ другихъ? Но многіе согласятся съ простымъ разсужденіемъ моимъ, что небезполезенъ иногда взглядъ старшаго за дѣйствіями частныхъ начальниковъ, распоряжающихъ произвольно и съ тою же непринужденностію описывающихъ свои изумляющіе подвиги. Право, не примѣтишь, какъ они пролѣзутъ въ герои; а тамъ, чтò менѣе Грузіи дать въ команду прославленному? Аргутинской вмѣстѣ съ храбрымъ Шварцомъ, говоришь ты, занимали и оттянули всѣ общества средняго и южнаго Дагестана. Первый изъ нихъ могъ оттянуть; но общества, противъ которыхъ былъ послѣдній, никогда бы не противостали войскамъ твоимъ въ Андіи, а еще менѣе боролись съ ними въ Ичкеринскомъ лѣсу. Имъ слишкомъ довольно

охранять себя отъ его нападеній. Кого не устрашатъ отвсюду вторгающіяся тысячи?

Тѣмъ тономъ, которымъ говоришь о испрашиваемыхъ наградахъ и въ особенности о производствѣ въ генералъ-лейтенанты, ты какъ будто стараешься вразумить имѣющаго противное мнѣніе или искоренить заблужденіе, почитающее ихъ чрезмѣрными. Сдѣлай милость, не думай обо мнѣ какъ о человѣкѣ, который выискиваетъ случаи порицать и порочить. И что̀ мнѣ нужды до твоихъ героевъ? Ты боялся потерять Аргутинскаго, если бы онъ не былъ произведенъ? Ты сдѣлалъ прекрасно, что удержалъ вознаградя, а онъ не просто поступилъ, что погрозилъ уйти, чтобы достать награду.

Шварцъ произведенъ за то, что съ успѣхомъ и общею довѣренностію занималъ настоящее генералъ-лейтенантское мѣсто (твои собственныя слова). Столкновеніе по старшинству въ генералъ-маіорскихъ чинахъ представляло неудобство, котораго избѣжали производствомъ. Теперь можетъ происходить столкновеніе по старшинству въ новыхъ чинахъ, и надобно новое средство.

Ты думаешь, что Россія вся говорила, будто войска на Кавказѣ обезкуражены, и нѣтъ въ нихъ прежней неустрашимости; что обильными наградами ты хотѣлъ возродить въ нихъ довѣренность къ самимъ себѣ, но что, вопреки общаго мнѣнія, ты нашелъ въ войскахъ туже готовность, туже блистательную храбрость, каковою всегда отличались Кавказскіе полки.

Не знаю, какъ говорили въ Россіи; но въ Москвѣ и теперь проскальзываютъ сужденія, что весьма немногіе батальоны 5 пѣхотнаго корпуса могутъ почитаться смѣлыми и что остальные не дѣлаютъ чести оружію нашему. И такъ, любезный князь, не можно почесть аксіомою, что награды могутъ сдѣлать героями и даже такихъ, которые на то непохожи. Вѣрю, что, слившись съ другими въ новоформируемой дивизіи, они ими сдѣлаются и никому другимъ не уступятъ. Впрочемъ это будущее.

Теперь приступаю къ самому трудному предмету, который вызвалъ со стороны твоей сильныя мнѣнія. Это движеніе отъ Дарго къ Герзели-аулу. Ты настаиваешь, что оно наступательное, потому что непріятель былъ впереди и въ первый день слѣдованія отъ Дарго не нападалъ на аріергардъ. Какая причина мнѣ противорѣчить? Пусть движеніе будетъ послѣдованіемъ безпрерывныхъ атакъ. Впрочемъ мнѣ довольно понятно, что Шамиль находилъ выгоды пріостанавливать движеніе, дабы продлить пребываніе въ лѣсу, гдѣ только и могъ онъ противостать и съ большею съ его стороны удобностью по знанію мѣстъ, по пріуготовленнымъ средствамъ къ оборонѣ. Въ этомъ онъ успѣлъ. Число сражавшихся уменьшилось, возраставшее количество раненыхъ усиливало затрудненія, скудѣли средства продовольствія и вовсе истреблялись, и если бы не твоя непоколебимая твердость и всегда спокойная молодецкая наружность, войска конечно не явили бы того удивительнаго мужества, съ каковымъ довершили подвигъ свой. Многіе изъ имѣвшихъ честь участвовать въ экспедиціи говорили мнѣ, что довольно было видѣть тебя, чтобы совершенно исчезла мысль объ

опасности или трудности обстоятельствъ. Ты имѣешь все право гордиться, давши такой духъ войскамъ, съ которымъ легко было имъ презирать опасности и кончить экспедицію конечно съ честію. Понимаю, что тебѣ пріятно было польстить гордости солдатъ, сказавъ въ приказѣ, что они нигдѣ не отступали, а безпрестанно шли впередъ на непріятельскія позиціи (выраженія письма твоего). Почему и не сказать въ приказѣ? Это никому вреда не дѣлаетъ и не отнимаетъ свободы разсуждать по изволенію. Моя претензія въ томъ, чтобы ты не имѣлъ на меня негодованія, когда смѣю я свободно высказывать мое сужденіе. Я не выставляю его за самое основательное и не склоняю въ пользу его вниманія, но думаю, опираясь на извѣстную формулу Французскихъ королей: *car tel est notre bon plaisir*, что вольно мнѣ даже бредить, если такъ мнѣ угодно будетъ. И такъ, не говоря за себя, чье имя почти уже не воспоминается между живущими, но за позднѣйшія времена, скажу, что несправедливо утверждаешь ты, что войска Русскія не появлялись тамъ, гдѣ были они въ прошедшемъ 1845 году. Частію по самой той дорогѣ, по которой ты шелъ изъ Дарго, покойный генералъ баронъ Розенъ и генералъ Вельяминовъ проходили до Белгетоя, переправились черезъ Аксай и далѣе въ селенія Беной заставили выдать два орудія, взятыя у полковника Волжинскаго во время командованія Эмануэля. Теперь въ Москвѣ Бутурской пѣхотной полкъ, которой, помнится, былъ даже въ Дарго. Оно не имѣло нынѣшней знаменитости, ибо не было подозрѣваемо о Шамилѣ, и вѣрно его никто не зналъ. Владычествовалъ тогда Кази-Мулла.

Напрасно называешь ты *нареканіемъ*, когда говорили, что около главнокомандующаго убито или ранено четыре изъ его адъютантовъ. Этимъ въ общемъ мнѣніи (*тогда*) измѣрялась потеря войскъ и мѣра опасности, которой они подвергались; и не могло быть иначе: ибо, по краткости времени, не успѣли еще дойти разныя подробности, какъ послѣ. Я очень хорошо понимаю, что тебѣ неприлично было вдаваться въ безполезную опасность; но конечно ты пріобрѣлъ любовь къ себѣ войскъ и полную ихъ довѣренность, раздѣляя съ ними и труды, и опасности. Послѣ этого солдатъ и тѣмъ уже доволенъ будетъ, когда начальникъ не далеко отъ него будетъ.

Удивляюсь вмѣстѣ съ тобою, что Граббе, человѣкъ весьма умный и извѣстныхъ способностей, не внушилъ въ подчиненныхъ никакой къ себѣ довѣренности, не умѣлъ пріобрѣсти къ себѣ расположенія. И мнѣ здѣсь даже случилось это слышать; я воображаю, какія свѣдѣнія тебѣ доставлены. Впрочемъ думаю, что объ немъ немало говорятъ излишняго, и этому причиною ужасное его высокомѣріе. При расположеніи къ нему военнаго министра онъ, конечно, останется заброшеннымъ, хотя Императоръ оказываетъ ему по истинѣ неизрѣченное великодушіе: въ прошедшемъ году пожаловалъ ему маіоратство изъ уваженія къ огромному его семейству и тогда пожаловалъ, какъ никто, конечно, ему не напоминалъ объ немъ. Жаль, что онъ остается въ бездѣйствіи!

Ты говоришь, что никогда не простится ему покровительство г. Пулло и Засу. Непонятна довѣренность къ первому; но о послѣднемъ онъ откровенно докла-

дывалъ Государю и не скрылъ, что чрезмѣрно-быстрымъ производствомъ его вывели изъ приличествующей ему сферы.

Мнѣніе твое, что Граббе служить невозможно на Кавказѣ, я уважаю и потому вопреки не говорю ни слова, хотя нетрудно доказать, что генерала его достоинствъ невыгодно замѣнять генераломъ Гурко; а еще какіе впослѣдствіи быть могутъ, это частію также предвидѣть возможно!

Съ ужасомъ читаю я въ письмѣ твоемъ, что могъ быть потерянъ оставленный въ Андіи батальонъ, если бы не пришелъ во́ время лазутчикъ. Но Бельгардъ молодецъ и отступилъ славно, внушая къ себѣ уваженіе.

Не прекословлю также, что если бы Фрейтагъ не пришелъ на встрѣчу съ сильнымъ отрядомъ свѣжихъ войскъ, вы бы продрались. Но много ли бы васъ вышло, и что̀ бы спаслось съ вами? Объ этомъ предметѣ различны сужденія, и я не долженъ скрыть отъ тебя, что послѣ сего происшествія имя Фрейтага сдѣлалось извѣстно и тѣмъ, кто не подозрѣвалъ о его существованіи. Высокое уваженіе къ твоей особѣ и радость, что ты довершилъ предпріятіе, съ такимъ самотверженіемъ тобою начатое, склонило всѣхъ къ участію въ его подвигѣ, и онъ прославился! Ты возблагодарилъ его великодушно и самымъ лестнымъ образомъ. Кто подъ начальствомъ твоимъ не употребитъ возможныхъ усилій?

Чрезвычайно благодаренъ я тебѣ за присланный чертежъ прорубленнаго Гойтенскаго лѣса. Онъ со-

общаетъ мнѣ точное понятіе о предпринятомъ и конченномъ трудѣ, о сообщеніяхъ, каковыхъ не имѣли Римляне, покоряя враждебную Германію. Но почему не приказалъ доставить мнѣ карту Гихинскаго лѣса? Безъ сихъ просѣковъ не знаю, какъ бы усидѣли двѣ новыя на Сунжѣ станицы. И теперь возможенъ набѣгъ, но возвратный путь болѣе нежели сумнителенъ. Въ Петербургѣ способъ проложенія путей принятъ съ восторгомъ, какъ вѣрный приступъ къ покоренію горъ, и пріемлется совершенно новою системою. Съ ребяческимъ простодушіемъ видятъ въ устроеніи крѣпости *Воздвиженской* вдохновеніе свыше, не подпадающее человѣческому соображенію. Въ 1822 году цѣлое населеніе Кабарды сведено съ горъ и поселено на плоскости. У самаго подножья горъ устроена цѣпь крѣпостей, пресѣкающихъ всѣ арбеныя дороги. И этого никто не видитъ! Въ Кумыкскихъ владѣніяхъ, въ самомъ важномъ для насъ пунктѣ, построена крѣпость Внезапная. Все это дѣлано безъ мысли, безъ намѣреній, и только теперь проявляется новая вдохновенная система. Ты одинъ, почтенный князь Михаилъ Семеновичъ, побуждаемый чувствомъ справедливости, хотѣлъ приписать мнѣ проложеніе дорогъ и присвоилъ мнѣ мысль истребленія лѣсовъ. Этого никто другой признать не смѣлъ. Меня это нимало не удивляетъ; ибо долгое время послѣ изгнанія моего изъ Грузіи слыхалъ я, что, во все время командованія моего, я кромѣ безпорядковъ и запутанностей ничего не сдѣлалъ. Мнѣ чрезвычайно многое извѣстно на этотъ счетъ, и вотъ чрезъ одинъ мѣсяцъ будетъ 19 лѣтъ, какъ я покрываю это молчаніемъ. Чтò значитъ мнѣ и теперь быть скромнымъ и не оспоривать изобрѣтеніе другихъ? Этимъ всѣмъ воспользуется военный

министръ, которой говоритъ, что уже 15 лѣтъ дѣла до Грузіи относящіяся въ рукахъ его, и можетъ справедливо похвастать, что до назначенія тебя намѣстникомъ онъ славно ими управилъ! Эти великія дѣла долго будутъ чувствуемы.

Умедлилъ поздравить тебя съ происшествіемъ чрезвычайно важнымъ на правомъ флангѣ линіи: это покорность сильнѣйшаго племени Абазеховъ. Послѣ этого Закубанская сторона приметъ совершенно другой видъ, и это вдругъ ощутительно будетъ. По истинѣ пріятное событіе, обѣщающее величайшія выгоды въ послѣдствіи.

На все отвѣчалъ по содержанію письма; скажу по слухамъ. Говорятъ, что въ начальники главнаго штаба ты просилъ Коцебу *), потому будто, что замѣтилъ въ дѣлахъ корпуснаго штаба, что въ его время они отправлялись съ лучшимъ порядкомъ и исправностью. При мнѣ онъ былъ маленькимъ офицеромъ, весьма хорошимъ. Теперь онъ уже знатная особа, безъ которой едва ли уже возможно управлять военною частію на Кавказѣ! Кажется, и самому ему мысль эта не новая. Объ немъ большія похвалы; но въ тоже время замѣчаютъ, что искусство интриговать не въ числѣ слабѣйшихъ его способностей. Это знать не безполезно.

Видно уже изъ Приказовъ, что назначенъ къ тебѣ оберъ-квартермистромъ извѣстный *Вольфъ*. Этого, думаю, ты не просилъ; но конечно старались имѣть его при тебѣ. Одно, въ чемъ ошибиться невозможно, что

*) Позднѣе—графъ Павелъ Евстафьевичъ. П. Б.

онъ съ *Коцебу* великимъ будетъ пріятелемъ. Это геніи, предназначенные быть въ послѣдствіи повелителями на Кавказѣ, и скажутъ, что они изучились подъ наставленіями и руководствомъ Воронцова! Пожелаешь ли ты подобнымъ образомъ передать славу твою потомству, я не берусь угадывать.

Слышу, что гражданское управленіе истощаетъ даже твое ангельское терпѣніе и что занятія твои безпрерывны. Жалѣю о тебѣ; но утѣшаюсь, слыша, что мошенники и плуты боятся тебя какъ грознаго призрака. Довольно продолжительна была блаженная жизнь ихъ. Здѣсь появился уже авангардъ бѣгущихъ изъ Грузіи. Недавно проѣхалъ *Б.....;* но мнѣ онъ незнакомъ, и я не видалъ его. Этотъ, какъ я слышалъ, не весьма восхищенъ тобою. Говорятъ, что твой начальникъ штаба по гражданской части *Ладинской* находитъ также климатъ Грузіи нездоровымъ и, сберегая драгоцѣнное здоровье, ожидаетъ хорошей чрезъ горы дороги *). Я желаю ему всего, что̀ можетъ быть ему угоднымъ, и даже пріятнаго изъ Грузіи путешествія. При новомъ водворяемомъ тобою порядкѣ я не полагаю его необходимымъ. Не знаю, гдѣ пріобрѣлъ онъ знаніе гражданскихъ дѣлъ; но прежде не отличался онъ подобными способностями, развѣ по части провіантской, какъ онъ былъ употребляемъ до меня.

Оканчивая письмо мое, прошу представить мое совершеннѣйшее почтеніе ея сіятельству княгинѣ Елисаветѣ Ксаверьевнѣ и благодарность за ея велико-

---

*) Малороссъ Ладинской изображенъ (конечно слишкомъ рѣзкими красками) въ Запискахъ Н. Н. Муравьева (Русскій Архивъ 1888). П. Б.

душное и милостивое вниманіе къ моимъ воспитанникамъ. Это въ ихъ положеніи чуть-чуть не преимущество дворянства!

Прощай, желаю тебѣ здоровья. Труды твои на пользу Отечества благословитъ Богъ! Я покоенъ въ увѣренности, что за теперешнее письмо мое принадлежатъ мнѣ дружественныя твои чувства.

Душевнопреданный Ермоловъ.

49.

13 Апрѣля 1846. Москва.

Давно, почтеннѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ, не имѣю я отъ тебя извѣстій; но не подумай, чтобы, выражаясь такимъ образомъ, я смѣлъ позволить себѣ легчайшее негодованіе. Нѣтъ! Я знаю, какъ безпрерывно ты занятъ и какъ мало остается минутъ свободныхъ. Нетерпѣливо ищу случая видѣть проѣзжающихъ изъ странъ твоихъ; но съ нѣкотораго времени ихъ почти нѣтъ, а твои князь Козловской и Золотаревъ оба мнѣ незнакомы, и я не видалъ ихъ.

Послѣднее чтò я слышалъ, это было въ короткое время пребыванія здѣсь Государя, когда и его собственный разговоръ былъ о Грузіи, о пролагаеммыхъ тобою дорогахъ, которыя должны доставить выгоднѣйшія послѣдствія. Изволилъ говорить въ особенности о дорогѣ, предполагаемой изъ Кахетіи горами въ Казыкумыкское ханство. Многое другое относящееся до полезныхъ твоихъ распоряженій. Словомъ, онъ изъявлялъ весьма большое удовольствіе. Послѣ этого я только знаю изъ газеты о прорубкѣ Гихинскаго лѣса.

При прорубкѣ чрезъ Гойтинской ты приказалъ сообщить мнѣ чертежъ, изъясняющій преодолѣнный трудъ; я просилъ таковой же и послѣдняго. На это надобно только приказаніе твое. А чтобы вывести меня изъ невѣжества и поставить сколько-нибудь въ

возможность судить или, лучше сказать, разумѣть происшествія, я просилъ также карту Дагестана и Казыкумыкскаго ханства совокупно со всѣми обществами, но направленію къ Кахетіи лежащими. Тутъ войдутъ и *Тилитлы*, знаменованные дѣйствіями нѣкоторыхъ изъ нашихъ героевъ-исполиновъ.

Въ послѣднюю Польскую инсуррекцію, одержавъ безкровную побѣду надъ Люблинымъ, назвалъ въ реляціи оборону онаго генералъ графъ Крейцъ *второю Саррагоссою*. Посмотрю, чему уподобятъ твои лейтенанты паденіе грозной твердыни?

Ты конечно не сердишься на меня, что я такъ пишу. Я умѣлъ бы не писать такимъ образомъ, еслибы позволилъ себѣ мыслить, что это хотя мало непріятно тебѣ; но первая всегда мысль моя о благоразуміи твоемъ, которое очень хорошо понимаю; и оттого почему не писать мнѣ, какъ я думаю?

Ты имѣешь всѣ выгоды со стороны твоей. Письма твои заключаютъ всегда извѣстія самыя любопытныя, особенно для человѣка, долго жившаго въ краю; ты говоришь о перемѣнахъ, вводимыхъ тобою, улучшеніяхъ, можно сказать о сотвореніяхъ: ибо въ твоемъ краю долго еще будутъ онѣ требуемы обстоятельствами и могутъ имѣть мѣсто. Ты можешь увлекать вниманіе, сообщая твои намѣренія; въ этой области нѣтъ предѣловъ, и выслушивающій ихъ во власти твоей. Напротивъ того, что̀ могу я сказать тебѣ любопытнаго или, справедливѣе выражаясь, что̀ достойнаго вниманія, если ты разсужденія или замѣчанія мои не вызовешь своимъ вопросомъ?

Здѣсь Государь изволилъ разсказывать, что онъ приказалъ подвергнуть военному суду полковника Копьева, лишивъ его достоинства флигель-адъютанта. Жаль чрезвычайно, что могъ заслужить наказаніе офицеръ извѣстный блистательною храбростью, отличныхъ способностей и имѣвшій такую карьеру, которая обѣщевала ему самую лестную будущность. Разрушить ее такимъ постыднымъ образомъ непростительно! Немногимъ въ молодыхъ лѣтахъ даетъ судьба такую завидную дорогу по службѣ. Воображаю, сколько досадно должно быть это Императору; а сколько повредило это несчастному бывшему командиру Эриванскаго карабинерскаго полка, разжалованному князю Дадіану, это я знаю. Надѣялись испросить нѣкоторое облегченіе продолжающемуся уже девять лѣтъ его наказанію; но теперь и приступить къ тому не осмѣливаются, ибо въ памяти Государя возобновилось его преступленіе. Если будешь писать мнѣ, скажи, въ чемъ состоитъ вина несчастнаго?

Въ Апшеронскомъ пѣхотномъ полку служитъ молодой человѣкъ *Кучинъ*, воспитанникъ (сынъ) Кучина, весьма хорошаго мнѣ знакомаго, съ которымъ, 45 лѣтъ назадъ, служилъ я въ одной конно-артиллерійской ротѣ и жилъ вмѣстѣ, который въ свое время былъ замѣчательный офицеръ, безъ всякой протекціи получившій въ Аустерлицкомъ сраженіи Георгіевской крестъ вмѣстѣ съ 3 ружейными и 9 сабельными ранами. Молодой его воспитанникъ, унтеръ-офицеръ, учась въ гимназіи, пріобрѣлъ познанія достаточныя для производства въ армейскіе офицеры, поведенія отличнаго. Что̀ тебѣ значитъ произвести его за отличіе офицеромъ? Я обѣщалъ старику, отцу его, просить

тебя о немъ, и старикъ утѣшается надеждою, что ты удостоишь своею милостію юношу, безъ покровительства служащаго. Во многихъ полкахъ есть произведенные унтеръ-офицеры во множествѣ. По смерти генер. Пассека некому заботиться о немъ. Покойный имѣлъ его во вниманіи потому единственно, что я одобрялъ молодаго человѣка, и участь его меня занимала, а съ Пассекомъ я и знакомъ не былъ! Неужели менѣе я найду въ Воронцовѣ?

Вообще я остерегаюсь и сколько возможно менѣе обременяю тебя просьбами; но какъ, при многотрудныхъ занятіяхъ твоихъ, неестественно помнить о мелочахъ, то не разсудишь ли ты за благо приказать составить для памяти особую записку, въ которую вносилось бы все, о чемъ тебя прошу, и чтобы записку эту по временамъ тебѣ показывали.

На твоемъ мѣстѣ, не имѣя свободнаго времени писать самъ, я приказалъ бы составлять записку для увѣдомленія меня о происшествіяхъ, разумѣется, такихъ, которыя угодно было бы тебѣ сдѣлать извѣстными: и тебѣ было бы покойнѣе, и оставалось бы продиктовать одни предметы особенной важности или которые должны быть покрыты тайною. Меня многіе спрашиваютъ о тебѣ, всѣхъ занимаютъ твои дѣйствія, и какъ я не лгу, то мнѣ нелегко бываетъ отвѣчать, что я ничего не знаю, то есть, что ты ничего не пишешь.

Не думаешь ли ты хотя на короткое время побывать въ Петербургѣ? Конечно, при данномъ тебѣ полномочіи, ты въ этомъ не можешь имѣть никакой надобности; но будетъ бракосочетаніе Великой Княж-

ны Ольги Николаевны, и къ тому есть молва, что пріѣдетъ королева Англійская. Это молва перешедшая изъ С.-Петербурга, но не Московская нелѣпая, каковыя по большей части здѣсь бываютъ. Сію минуту былъ у меня пріѣзжій, утверждавшій, будто Государь назначилъ уже для нея комнаты въ Петергофѣ, и приказано ихъ отдѣлывать.

Вчера получены извѣстія о наградахъ въ Свѣтлое Воскресеніе, и между произведенными попалъ въ полные генералы твой князь Эристовъ (это мнѣ сказывали, но самъ я не читалъ). Неужели по твоему представленію, которое одно могло произвести подобное чудо? Или есть это собственнымъ произведеніемъ Петербурга? На что можетъ быть надобенъ человѣкъ, 25 лѣтъ назадъ бывшій сумасшедшимъ и котораго, изъ единаго сожалѣнія, представлялъ я въ бѣлой горячкѣ? Онъ можетъ возмечтать, что онъ необходимъ, и въ Грузіи найдутся люди, которые тому повѣрятъ. Какое обширное поле надеждъ каждаго подобнаго ему въ отличныхъ способностяхъ!

50.

15 Апрѣля 1846. Москва.

Податель письма — молодой человѣкъ *Беклешовъ*, внукъ славнаго строгою правдою Беклешова, нѣкогда много уважаемаго Великою Екатериною. Онъ также племянникъ статсъ-секретаря Молчанова, извѣстнаго своею службою при покойномъ императорѣ Александрѣ. Этотъ юноша не искалъ служить въ гвардіи и предпочелъ Кавказъ единственно потому, что онъ подъ твоими повелѣніями. Семейство не препятствовало ему въ похвальномъ его стремленіи, и меня просилъ хорошій мой пріятель поручить его высокому твоему покровительству. Прикажи принять его въ службу и опредѣлить туда, гдѣ можетъ онъ употребленъ быть въ дѣло и получить офицерскій чинъ. Молодой человѣкъ даетъ хорошія надежды и по тому уже мнѣ нравится, что исполненъ пламенной воли. Дать ему случай съ успѣхомъ проходить службу есть дѣло достойное тебя, какъ славнаго начальника.

51.

7 Маія 1846. Москва.

Письмо это представитъ тебѣ *Орловъ*, племянникъ графа Алексѣя Ѳедоровича, сынъ роднаго брата его, умершаго Михаила Ѳедоровича. Ты зналъ мать молодаго человѣка, дочь знаменитаго въ отечественную войну Раевскаго. Юноша будетъ служить съ усердіемъ, скроменъ, доброй нравственности, не позволяетъ себѣ затѣйливыхъ видовъ. Онъ прислушался къ разсужденію моему, что въ адъютанты къ тебѣ попасть не можно, что по обширному командованію твоему необходимы адъютанты опытные и къ дѣламъ навыкшіе. Онъ знаетъ, что онъ ни съ кѣмъ сравнивать себя не долженъ, ни съ тѣми даже, которые могутъ быть не болѣе его надобными, но предпочтительно удостоены вниманія начальника. Имѣй, почтеннѣйшій князь, благосклонное къ нему вниманіе и если благоугодно тебѣ будетъ, со временемъ возьми его къ себѣ отъ полку ординарцемъ. Никакихъ не знаю я военныхъ нашихъ постановленій новыхъ, имѣлъ время забыть и прежнія; но кажется мнѣ, что у насъ ординарецъ не то, что̀ былъ у Наполеона *officier d'ordonnance;* а потому я позволилъ Орлову ласкать эту надежду, хотя не совершенно предаваться ей *)!

---

*) Скончавшійся 17 Іюня 1886 года въ Москвѣ Николай Михайловичъ Орловъ, человѣкъ рѣдкой души, обширнаго образованія и возвышенныхъ понятій, оставилъ по себѣ незабвенную память въ людяхъ имѣвшихъ случай знать его. П. Б.

Въ Петербургѣ въ восхищеніи отъ твоихъ дѣйствій и распоряженій, и всѣ вообще свыкаются съ незнакомымъ прежде спокойствіемъ на счетъ будущности Кавказскаго края. О Кавказѣ разговоры давно уже весьма не рождали улыбки. Теперь совершенно противное, и отъ тебя зависитъ поддерживать это веселіе, препровождая посланцовъ, депутатовъ и аманатовъ разныхъ покоряющихся народовъ. Не знаю, сообщаетъ ли тебѣ *Евг. Александ. Головинъ* записки свои, которыя, какъ слышно, иногда подаетъ онъ военному министру, или которыя, скорѣе я думаю, отъ него требуютъ. Если точно требуютъ ихъ, то по преданности къ военному министру Головинъ допуститъ въ нихъ большія поправки. До меня могъ дойти глупый слухъ, а ты узнаешь основательно, и узнать надобно!

Не истощай чрезмѣрною дѣятельностію силъ твоихъ, для счастія Кавказа, для будущаго его жребія необходимыхъ, единыхъ спасительныхъ.

52.

13 Маія 1846. Москва.

Съ письмомъ этимъ предстанетъ предъ тебя, почтеннѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ, Генеральнаго Штаба капитанъ Дрейеръ, служившій старшимъ адъютантомъ въ штабѣ 6-го пѣхотнаго корпуса. Давно желалъ онъ служить на Кавказѣ и почитаетъ себя счастливымъ, что будетъ подъ твоими повелѣніями. Я давно знаю этого офицера, хорошія его способности, украшенныя познаніями, которымъ служатъ основаніемъ науки, въ Военной Академіи преподанныя. Имѣй на него милостивое вниманіе; онъ будетъ полезенъ и умѣетъ имъ быть, лишь бы представился къ тому случай. Не сдѣлай изъ него чертежнаго инструмента! Я долженъ былъ написать къ тебѣ объ немъ, ибо отличающая его скромность могла долго не сдѣлать его тебѣ извѣстнымъ.

На дняхъ Булгаковъ *) порадовалъ меня извѣстіемъ, что получилъ письмо твое отъ 1-го Маія изъ Владикавказа; ибо давно уже я ничего не зналъ о тебѣ. Можно сказать, что прекрасно проводили Шамиля, и тебѣ, какъ начальнику, пріятно видѣть, какъ исполняются твои распоряженія; ибо и въ отсутствіи твоемъ

---

*) Московскій почтдиректоръ и общій вѣстовщикъ. При полной сдавленности тогдашней печати, онъ соединялъ въ лицѣ своемъ нынѣшнія газеты. П. Б.

все такъ было сдѣлано, какъ бы подъ собственными твоими глазами. Это можетъ успокоивать тебя на будущее время и давать тебѣ свободу заниматься другими предметами, не меньшую важность имѣющими какъ и самыя дѣла военныя.

Желалъ бы знать, что̀ за мысль была Шамиля, чего я никакъ не понимаю? Было бы совершеннымъ безуміемъ думать, что онъ въ Кабардѣ можетъ имѣть успѣхи. Да, еслибы и могла она возмутиться, то ее задавить возможно, и жены, дѣти и имущество отъ насъ укрыться не могутъ. Слѣдовательно кромѣ шалуновъ никто другой не принялъ участія въ его дѣйствіяхъ. Происшествіе столько же неожиданное, какъ и безсмысленное и едва ли не болѣе вреда Шамилю наносящее!

Удивляюсь твоей дѣятельности: 14 числа ты выѣзжаешь изъ Тифлиса, достигаешь Шемахи и уже отъ 1 Маія письмо изъ Владикавказа; а другіе утверждаютъ, что ты былъ тамъ 24 Апрѣля. Пусть сдѣлаетъ это молодой человѣкъ! Дай Богъ тебѣ силъ. Тогда увидятъ и завидующіе тебѣ, что̀ изъ Кавказа сдѣлаться можетъ!

53.

Іюнь 1846. Москва.

Совсѣмъ неожиданнымъ образомъ прочитываю въ Высочайшихъ Приказахъ назначеніе двоюроднаго брата моего ген.-маіора Ермолова Грузино-Имеретинскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Знаю, что назначеніе не можетъ быть безъ собственнаго твоего выбора, слѣдовательно лица тебѣ извѣстнаго; но онъ не имѣетъ счастія быть таковымъ, особенно, или по крайней мѣрѣ коротко, и потому я долженъ сообщить тебѣ о немъ понятіе. Въ немъ всѣ лучшія свойства роднаго брата его покойнаго Петра Николаевича, служившаго при мнѣ и которому ты оказывалъ благосклонное вниманіе. Тоже прямодушіе и честность непоколебимыя, правилъ строгихъ для себя, въ поступкахъ и дѣйствіи безъ двуличія и ухищреній. Доброй воли и дѣятельности безпредѣльныхъ и пламенныхъ, собственно ему принадлежащихъ. Скажу въ заключеніе, что всюду, гдѣ онъ служилъ, имъ были довольны, и даже *генералъ Ротъ*, сохраняя доброе къ нему расположеніе, всегда хорошо отзывается о немъ. Ты можешь себѣ представить, что̀ ты изъ него сдѣлаешь, особенно въ той степени, какъ онъ восхищенъ счастіемъ служить подъ твоимъ начальствомъ. Теперь только начинаетъ онъ вѣрить, что усердіе его къ службѣ можетъ наконецъ быть ему полезнымъ.

Давно замѣчалъ я, что гораздо выгоднѣе было бы ему носить фамилію Трандафилова, нежели быть одной со мною. Но ты одинъ, въ могуществѣ твоемъ, произносишь не только безстрашно, но возобновляешь ее оффиціально.

Воля твоя, но въ Грузино-Имеретинскомъ губернаторствѣ есть часть мнѣ принадлежащая, и въ противномъ никто меня не увѣритъ. Сорокалѣтнее знакомство и дружба и нѣкогда одинаковое положеніе много говорятъ душѣ и чувствамъ человѣка, тебѣ подобнаго. Возражай послѣ этого, что нѣтъ во мнѣ хотя небольшой части губернаторства. Теперь со всею откровенностію долженъ тебѣ объяснить положеніе брата моего. Онъ никакого состоянія не имѣетъ; двухъ недѣль нѣтъ еще какъ онъ женился, не полагая, что служба отвлечетъ его въ край отдаленной, куда одно перемѣщеніе человѣку женатому должно стоить значительныхъ издержекъ, и ему во всей силѣ слова не съ чѣмъ тронуться отсюда. Всѣмъ, особенно въ нѣкоторыхъ чинахъ, даются деньги на подъемъ, а ѣдущимъ въ Грузію предпочтительно. Ты конечно не откажешь доставить ему это необходимое пособіе, не какъ изъявленіе вниманія къ лицу (чего, впрочемъ, можетъ онъ ожидать, смотря на многихъ другихъ), но какъ средство единственное доѣхать до своего мѣста. Сдѣлай это скорѣе и такъ, чтобы исходатайствованное пособіе было ему препровождено на имя его въ Москву. Тебѣ это ничего не значитъ сдѣлать, а меня будетъ ужасно мучить, если онъ замедлитъ пріѣздомъ и дастъ поводъ къ невыгодному замѣчанію, и сверхъ того нелегко ему будетъ и тебя отыскивать: ибо скорость, съ каковою переносишься, всѣхъ изумляетъ,

и я съ удивленіемъ соображаю число выѣзда твоего изъ Тифлиса, прибытіе въ Шемаху и появленіе во Владикавказѣ.

Вздыхаю о томъ, кто послѣ тебя возметъ тебя за образецъ для подражанія. Развѣ одно, что послѣ себя оставишь ему и занятій несравненно менѣе сложныхъ и предметы несравненно въ меньшемъ количествѣ, и болѣе начертанные пути для дѣйствій. Многихъ изъ твоихъ предмѣстниковъ было заботою разрушать то, чтò сдѣлано прежде ихъ, замѣняя не всегда лучшими постановленіями; ты положишь конецъ произволу и глубоко проложишь пути, изъ которыхъ не выдутъ твои наслѣдники. Это дѣло тебя достойное, и такъ должны быть наказаны интриги и происки. Ты навсегда врѣжешь имя твое въ гранитныя скалы Кавказа.

Послѣднее письмо твое изъ Темиръ-Ханъ-Шуры получилъ, но прежде уже зналъ отъ Булгакова о происшествіи въ Кабардѣ и бѣгствѣ Шамиля послѣ безплоднаго его покушенія. Хорошо ты сдѣлалъ, что сообщилъ ему о происшествіи для предупрежденія глупыхъ здѣшнихъ толковъ, которые впрочемъ гораздо менѣе нежели прежде отклонялись отъ здраваго смысла. Вскорѣ всѣ узнали истину, и довѣренность къ знаменитому начальнику всѣхъ совершенно успокоила. Изъ письма твоего вижу я однакоже, сколько ты не одобрилъ дѣйствія всѣхъ частныхъ начальниковъ въ отданномъ приказѣ, но усмотрѣно тобою, что могло быть что нибудь другое или бóльшая связь въ дѣйствіяхъ. Кабарда есть та земля, которую знаю я въ большей подробности. Однакоже утѣшило меня, что

лучшія фамиліи остались вѣрными, чувствуютъ выгоды ихъ положенія и только малое весьма число шалуновъ увлечены были Шамилемъ. Это въ послѣдствіи послужитъ вразумительнымъ наставленіемъ для другихъ и воздержитъ Шамиля отъ безразсудныхъ надеждъ на Кабардинцевъ, на которыхъ смотрятъ многіе другіе. Вд время думалъ онъ поколебать Закубанцевъ, когда многочисленнѣйшія племена ихъ пришли въ покорность и готовятся отправить депутатовъ! На нихъ онъ не долженъ уже разсчитывать, когда до сего времени они отвергали его внушенія и не слѣдовали его замысламъ. Кто знаетъ край и народы, долженъ ожидать слѣдствій, которыя вскорѣ обнаружатся. Немаловажна заслуга Карачаевцевъ, по мѣстности ихъ стоящихъ вниманія. Посмотримъ; а Шамилю, кажется, это не нравится!

Увѣренъ, почтеннѣйшій князь, что съ проложеніемъ дорогъ до хребта Андійскаго и когда небольшое число войскъ, не обнаруживая намѣреній долговременными сборами и пріуготовленіями, можетъ являться внезапно по разнымъ направленіямъ и безопасно, всегдашнее ожиданіе Шамиля нападеній и разоренія многихъ изъ его приверженцевъ заставитъ отклониться, искать пощады и покориться власти нашей. Безъ сумнѣнія многіе пожелаютъ водвориться на плоскости и теперешнюю нищету свою обмѣнить на изобиліе и приволье. Ты все это совершишь и скорѣе нежели многіе думаютъ.

Не сравниваю я съ Шамилемъ бѣглаго Грузинскаго царевича Александра. Онъ былъ ничтоженъ по глупости своей, но долго возмущалъ горцевъ, получая

изъ Персіи деньги, и даже дѣлалъ вторженія въ Кахетію. Страшась оружія нашего, сильныя общества горцевъ его оставили, и онъ съ малымъ числомъ окружавшихъ его, скрываясь нѣкоторое время между Анцунцами, долженъ былъ бѣжать въ Персію. Конечно болѣе несравненно средствъ у Шамиля, и онъ еще противиться можетъ; но Казыкумыкъ принадлежитъ намъ, Акуша и Зудахара въ совершенной покорности и во враждѣ съ нимъ, и я ожидаю, что онъ кончитъ путешествіемъ въ Мекку. Наслѣдниковъ же его будутъ выгонять сами горцы, конечно не почитающіе весьма сладостною звѣрскую власть его.

Мало назвать великодушіемъ вниманіе твое на *унтеръ-офицера Кучина*, и я по приказанію твоему утѣшилъ старика отца его, моего нѣкогда товарища по службѣ. За тебя усердны его молитвы!

Ты избѣгаешь благодарности моей; ибо, внимая просьбамъ моимъ, исполняешь ихъ и даже не увѣдомляешь о томъ. Послѣ узналъ я отъ сына покойнаго Розена, что снято запрещеніе съ имѣнія его, и ты не говоришь ни слова. Дошелъ до меня слухъ, что и по просьбѣ жены покойнаго послѣдняго Грузинскаго царя Георгія ты далъ самое великодушное мнѣніе и сдѣлалъ представленіе, но ты не говоришь ни слова. Угождая тебѣ, я не буду благодарить; но ты не отнимешь у меня права говорить тебѣ самому о томъ, что̀ ты сдѣлалъ. Могъ бы немало сказать и о дѣтяхъ моихъ, на которыхъ столько милостиво твое воззрѣніе, что я пересталъ ихъ уже называть сиротами.

54.

17 Іюля 1846. С.-Петербургъ [1]).

Ты удивишься, получивъ письмо мое изъ Петербурга, гдѣ я вижу себя не безъ удивленія. Впрочемъ я чрезвычайно былъ доволенъ, свидѣтелемъ бывши и радостныхъ и великолѣпныхъ празднествъ, какихъ я не видывалъ [2]). Здѣсь я нашелъ все наполненное разсказами, молвою о твоихъ дѣйствіяхъ. Я имѣлъ счастіе изъ устъ самого Государя слышать самую лестную похвалу твоимъ распоряженіямъ и его на тебя надежды. Это ты лучше меня знаешь.

Это письмо мое представитъ тебѣ артилерійскій офицеръ Давыдовъ, сынъ извѣстнаго тебѣ *Дениса, партизана-поэта.* Онъ пылаетъ желаніемъ служить подъ твоими знаменами, и конечно нельзя не одобрить подобную мысль въ молодомъ человѣкѣ. Удостой его твоего воззрѣнія, чѣмъ и меня одолжишь, какъ близкаго ему родственника.

---

[1]) Опускаемъ обычныя привѣтствія въ началѣ и концѣ и послѣдующія письма помѣщаемъ невполнѣ, удерживая однако все существенное. П. Б.

[2]) По случаю бракосочетанія Великой Княжны Ольги Николаевны съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ. П. Б.

55.

30 Іюля 1846, изъ деревни.

Письмо твое мнѣ доставилъ Дукай-кади во время пребыванія моего въ Петергофѣ. Всякой день видалъ я его и любовался поведеніемъ его чрезвычайно пристойнымъ и отлично скромнымъ. Онъ человѣкъ постигающій, что ему полезно быть преданнымъ правительству и лично тебѣ совершенно приверженнымъ. Государь Императоръ удостоивалъ его постояннаго благоволенія, и вся царская фамилія была къ нему очень милостива. Онъ былъ свидѣтелемъ величія двора, блистательнаго великолѣпія по случаю бракосочетанія Великой Княжны и необыкновеннаго стеченія людей разныхъ націй, что̀ примѣтнымъ образомъ его изумляло и конечно оставило въ немъ навсегда сильное впечатлѣніе. Все осматривалъ онъ съ большимъ замѣчаніемъ, и я ожидаю, что разсказовъ будетъ безъ конца. Гвардія въ лагерѣ въ Красномъ Селѣ; онъ смотрѣлъ съ почтеніемъ на войско, не имѣющее подобнаго себѣ по красотѣ. Едва вѣрилъ онъ глазамъ своимъ, смотря на блистательный видъ гвардейской кавалеріи.

Дукай-кади теперь у меня въ деревнѣ и проситъ къ тебѣ письма̀. Скажи ему нѣсколько ласковыхъ словъ, что посѣтилъ меня. Нужно возстановить меня

въ его понятіи, ибо я примѣтно терялъ въ глазахъ его, когда въ городѣ *) видѣлъ онъ скудный домъ мой и теперь видитъ ничтожную мою деревушку. Воображеніе пылкое Азіатца не могло быть удовлетворено скромною наружностію всего окружающаго меня и образомъ жизни уединеннаго человѣка. Чувствую по себѣ, что невыгодно будетъ для твоихъ наслѣдниковъ, если въ нихъ будетъ онъ отыскивать сходство съ тобою. Горе имъ, а едва ли возможно быть иначе. Приласкай его: онъ точно того достоинъ! Скажу въ простыхъ выраженіяхъ: ты прислалъ человѣка, который не ударилъ лицемъ въ грязь, и лишь слово о тебѣ, онъ неистощимъ въ повѣствованіяхъ, и обнаруживается душа, которую ты воспламеняешь.

Таковы должны быть окружающіе тебя!

---

*) Деревянный домъ въ Москвѣ въ концѣ Пречистенскаго бульвара, близъ Гагаринскаго переулка, нынѣ передѣланный и принадлежащій г-ну Шапошникову. Позднѣе Ермоловъ пріобрѣлъ домъ каменный, въ которомъ и скончался, на Пречистенкѣ, второй отъ Старой Конюшенной, близъ Пожарнаго Депо. П. Б.

56.

14 Августа 1846, изъ деревни.

Между подчиненными твоими служащій артилерійскимъ офицеромъ *Свѣшниковъ* имѣлъ несчастіе впасть въ преступленіе и теперь содержится въ крѣпости во ожиданіи приговора, который едва ли можетъ дать ему надежду заслужить его или, лучше сказать, смыть его своею кровью. Предъ глазами моими сестра несчастнаго, молодая дѣвушка, растерзанная случившимся съ нимъ происшествіемъ и конечно не менѣе его страждущая отъ боязни, чтобы извѣстіе о томъ, дойдя до престарѣлой матери, не причинило ей смерти, по чрезвычайной ея къ сыну привязанности.

Я незнакомъ горестному семейству, но, услышавъ о бѣдствіи брата, видя сокрушеніе молодой дѣвушки, готовой искупить его, буде бы возможно было, своею жизнію, я не остановился минуты писать тебѣ, воззвать къ великодушію твоему. Безпристрастно ходатайство мое, и его призываетъ бѣдственное положеніе цѣлой семьи. Ты одинъ въ состояніи сколько возможно помочь несчастному. Пусть будетъ онъ солдатъ, и еще найдетъ онъ услажденіе, если будетъ подъ повелѣніями знаменитаго начальника! Спасти, исправить, дать случай облегчить собственною жертвою сдѣланное преступленіе—есть дѣло тебя достойное. Займись этимъ, и Богъ благословитъ тебя спасти жертву безразсудной порывчивости и минутнаго отсутствія здравомыслія. Я осмѣлился увѣрить несчастную сестру, что ты сдѣлаешь все, что̀ можетъ допустить твое достоинство и совѣсть, и что просьбу мою не примешь съ равнодушіемъ.

57.

Пол. 26 Сент. 1826. 31 Августа 1846. Москва.

По описанію твоему вторженія Шамиля въ Кабарду я вижу, какъ происходило оно настоящимъ образомъ, тогда какъ слухи о томъ распространились превратнымъ и безтолковымъ образомъ. Впрочемъ оканчивалось общимъ заключеніемъ, что надлежало по крайней мѣрѣ нанести ему чувствительное пораженіе, котораго онъ умѣлъ избѣжать. Многіе замѣчали, что Нестеровъ ничего не сдѣлалъ, Фрейтагъ могъ сдѣлать болѣе, а Миллеръ не задержалъ на переправѣ въ обратномъ пути. Моего нѣтъ ни малѣйшаго сужденія: ибо совсѣмъ не знаю я Нестерова, знаю Фрейтага какъ отличнаго генерала, имѣющаго обширныя соображенія, о Миллерѣ слышалъ многія похвалы. Вѣрно, что безплодная попытка Шамиля никого не пріохотитъ къ подобнымъ предпріятіямъ, и конечно не выигралъ онъ въ мнѣніи горцевъ и не пріобрѣлъ большой довѣренности. Это еще лучше докажутъ послѣдствія. Я не обманулся, полагая что Большая Кабарда останется спокойною. Она сдѣлалась слишкомъ богатою, и вниманіе къ ней начальства издавна благотворно. Малая Кабарда слаба и противостать не имѣла способовъ. Я очень жалѣлъ, что *Бековичъ* не попался Шамилю: онъ научилъ бы его быть благороднѣйшихъ свойствъ. Какъ не похожъ онъ на молодца покойнаго его брата! Хорошо чрезвычай-

но ты сдѣлалъ, что наказалъ ефендія Шаратлука: этотъ плутъ обязанъ быть приверженнымъ!

Князю Голицыну были, какъ говоришь самъ, трудныя минуты до прибытія Фрейтага; но ты, какъ видно, доволенъ былъ имъ; а мнѣ сказывали, будто ты удалилъ его отъ командованія въ Кабардѣ. Нельзя не сказать спасибо Карачаевцамъ, что не пристали къ Шамилю: это уже признакъ большой довѣренности къ тебѣ и надежды на твои распоряженія; это умножитъ моральную нашу силу.

Мой пріятель фельдмаршалъ совсѣмъ и не вспоминаетъ о тебѣ, и конечно не отъ равнодушія, а отъ зависти, что ему никогда не было дано подобной власти. Во время пребыванія моего въ Петербургѣ безпрестанно слышалъ я разговоры о Кавказѣ, любопытство о томъ, что̀ тамъ происходитъ, удовольствіе при извѣстіяхъ пріятныхъ и любопытныхъ. О тебѣ разговоры съ изъявленіемъ особеннаго уваженія. Одинъ *мой пріятель* не произноситъ никогда имени твоего и, кажется, не почитаетъ возможнымъ сдѣлать чтонибудь лучше его. Развѣ самъ Всевышній ухитритъ кого-либо! Однакоже мнѣ случилось слышать, что онъ будто отзывался благодарнымъ, что ты оказывалъ вниманіе его сыну. Видишь ли, что я не ищу ссорить тебя съ *моимъ пріятелемъ*!

Запрещеніе снято точно съ имѣнія покойнаго барона Розена, котораго ты назвалъ почтеннымъ въ письмѣ твоемъ, чего, по справедливости, онъ достоинъ. Ганъ очернилъ его гнуснѣйшимъ образомъ въ мысляхъ Государя, и ничего не смѣютъ сказать въ оправданіе или въ похвалу дѣйствій покойнаго. Горько ви-

дѣть, что всякой бестія можетъ вредить усердному и доброму служивому! Когда-нибудь возобновить въ памяти его (réhabiliter) есть дѣло тебя достойное.

Въ разсужденіи дѣла Грузинской царицы Маріи, оно, не взирая на могущественное предстательство твое и доказательства основательности ея притензій и даже ихъ умѣренности, отказано, и ей объявлено. Ты вѣрно угадалъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ обидился тѣмъ, чтд ты долженъ былъ сказать о прежнихъ по этому дѣлу дѣйствіяхъ; мнѣ сказывали, что въ *Перовскомъ* не замѣчается большой къ тебѣ нѣжности, и что едва ли не потому только одному царица испытала отказъ. Какая великодушная справедливость! Видно однакоже, что съ твоею огромною властью, со всѣми пышными къ ней прибавленіями, ты не совсѣмъ отдѣлался отъ министровъ, и Перовской можетъ дѣлать тебѣ пакости.

Ты смѣешься надъ предсказаніями моими, что Шамиль, посланникъ Магомета, отправится на поклоненіе его гробу; но меня не оставляетъ эта мысль, и я вижу изъ письма твоего, что многіе изъ горцевъ, и даже нѣкоторыя значительныя лица, высказываютъ негодованіе свое на жестокое правленіе его и власть достигающую до степени невыносимой. Такое положеніе можетъ продолжаться отъ единаго безсилія стряхнуть тяготѣющее иго, а не отъ недостатка доброй воли то сдѣлать. Народы эти будутъ искать помощи въ оружіи нашемъ и потомъ защиты отъ мщенія Шамиля. Онъ, теряя покорствующихъ и лишаясь средствъ питать алчность приверженныхъ ему мюридовъ и содержать ихъ въ большомъ количествѣ, будетъ укрываться между малолюдными и безсильными племе-

нами и, чтобы не быть изгнану, долженъ будетъ удалиться добровольно. Держись съ постоянствомъ системы проложенія свободныхъ сообщеній и, безпрепятственно являясь на нихъ внезапу и угрожая женамъ, дѣтямъ и имуществу, ты непремѣнно восторжествуешь, и вѣрь, что нѣтъ упорства могущаго противостать постоянно грозящей гибели!

Я не столько безразсуденъ или, лучше сказать, не имѣю безумія сравниваться съ тобою, и по средствамъ, которыми я распоряжалъ, я предъ тобою какъ скудный чернорабочій предъ сильнымъ господиномъ; но и я находилъ многихъ страшившихся внезапнаго моего появленія. Суди же, что̀ ты можешь сдѣлать съ твоими грозными силами, со средствами огромными, и перестанешь смѣяться надъ предсказаніемъ.

Благодарю за увѣдомленіе съ нѣкоторою подробностію о мѣстахъ, гдѣ возводятся новыя укрѣпленія. Я хорошо помню рѣку Оссу, мѣсто гдѣ Ачхой и простирающуюся оттуда равнину къ Карабулакамъ и далѣе до Галашекъ. Вездѣ я тутъ бывалъ. Знаю въ Кумыкскихъ владѣніяхъ прекрасную рѣчку Ярыкъ-су, гдѣ ты строишь укрѣпленіе. Знаю лежащее на Сулакѣ хорошенькое селеніе Чиръ-Юртъ, которое я съ лѣваго берега изъ Боутугая зажигалъ калёными ядрами. Непріятель въ большихъ силахъ и укрѣпленный закрывалъ дорогу въ Міятку, а у меня было пять некомплектныхъ батальоновъ, но въ числѣ артилеріи было нѣсколько батарейныхъ орудій.

Воображаю, какъ не порадуются горцы водворенію на Сулакѣ Нижегородскаго драгунскаго полка, и мудре-

но будетъ, если вторгающіяся шайки хищниковъ на Терекъ будутъ уходить обратно.

Надобно будетъ, почтеннѣйшій князь, имѣть Мичикъ въ совершенной власти и истребить пристанище злодѣевъ въ Маюртупѣ. Тогда все теченіе Терека будетъ охранено: и Брагунское селеніе, и Старый Юртъ сдѣлаются честными, какими еще не бывали.

Князь Бебутовъ описывалъ мнѣ, какъ онъ сопровождалъ тебя по землѣ Акушинской и объяснялъ дѣло наше при Лавашѣ, и какъ ты терпѣливо выслушивалъ мелочныя подробности.

Не знаю, почему вздумалъ ты, что я не люблю Аргутинскаго. Я вижу въ немъ человѣка полезнаго, сторону въ которой онъ употребленъ лучше знающаго нежели всѣ другіе начальники, также какъ и народы, противъ которыхъ онъ дѣйствуетъ. Ни у кого нѣтъ людей, доставляющихъ вѣрнѣйшія свѣдѣнія. Знаю и многія другія свойства похвальныя, которыя ты въ немъ замѣтилъ. Но ты, конечно, согласишься, что выгодно распоряжаться по собственному произволу и тогда когда хочешь, а не дѣйствовать по указанію старшаго и не имѣть наблюдателей, могущихъ дѣлать замѣчанія. Аргутинской видѣлъ начальника тебя перваго, ибо никто прежде тебя не имѣлъ подобной дѣятельности и подвижности. Ты посѣтилъ каждаго изъ отдѣльныхъ начальниковъ и еще не разъ увидишь ихъ.

Я сужу объ Аргутинскомъ по прежнему времени и дѣламъ и многія изъ нихъ знаю не хуже тебя, какъ и то, что вѣрили его реляціямъ и, на нихъ основываясь, его превозносили; а не всегда трудно было бы сдѣлать

болѣе точное опредѣленіе и вывести результаты. Опять скажу о выгодахъ отдѣльнаго дѣйствія, весьма часто не входящаго въ общую связь операцій.

Не почитай меня, почтеннѣйшій князь, раздѣляющимъ со многими другими невѣжество о происшествіяхъ въ вашей странѣ. На меня смотрятъ какъ на старожила любимой мною страны, и многіе сообщаютъ мнѣ все любопытное и достойное вниманія. И такъ не думай, чтобы я не любилъ Аргутинскаго, особенно когда къ тому не только не имѣю я причины, но почти его и не знаю. Также не могу и до того быть безразсуднымъ, чтобы не почитать его весьма полезнымъ для службы въ краю, гдѣ предъ многими имѣетъ онъ чрезвычайно большія преимущества; но въ тоже время не боюсь впасть въ большую погрѣшность, не находя въ немъ тѣхъ свойствъ, которыя могли бы Тюрену и Виллярду служить украшеніемъ. Впрочемъ, ты это лучше опредѣлить можешь; ибо, направляя его дѣйствія, ты долженъ наблюдать за исполненіемъ, и отъ тебя трудно чему-либо укрыться. Нѣкогда Головинъ утверждалъ, что еслибы удалось еще Аргутинскому одержать побѣду такую, какъ при с. Кулулы, то горы конечно подпали бы безусловной покорности. Какія сладкія мечтанія! А были и вѣровавшіе имъ.

Теперь перейдемъ къ другому пункту письма твоего, къ производству князя Эристова. Ты возразилъ мнѣ самыми сильными аргументами, выставивши имена Бибикова и Шуберта, но изъ нихъ каждый въ своемъ родѣ оказывалъ заслуги и приносилъ пользу. Эристовъ почтенъ былъ за его храбрую и усердную службу и

награждаемъ. Я себя могу поставить примѣромъ въ оказанномъ уваженіи къ его заслугамъ; ибо, когда невозможно было сумнѣваться въ его сумасшествіи и когда на одеждѣ жены своей ловилъ онъ рукою чертей какъ мухъ, я сумасшествіе преобразилъ въ бѣлую горячку и не помѣшалъ производству его въ генералъ-лейтенанты. Онъ, стоя въ Кахетіи, пропадалъ по ночамъ съ квартиры въ одной рубашкѣ, и конечно нельзя было назвать того сентиментальными прогулками; но я сберегъ имя его. Ты говоришь: «конечно ты видѣлъ въ немъ подчиненнаго, которымъ ты имѣлъ случай быть недовольнымъ; но это дѣло прошедшее» и проч. На это отвѣчаю, что по службѣ всегда я имъ доволенъ былъ и, еслибы осмѣлился онъ преступить обязанности подчиненнаго, то мнѣ легко было показать ему на видъ пребываніе въ Россіи и въ жилищѣ подъ желтою краскою.

Мнѣ представился одинъ случай, въ которомъ почувствовалъ я высокое презрѣніе къ Эристову. Мнѣ было уже объявлено, чтобы я отправился въ Россію; на мѣсто мое былъ назначенъ великій Паскевичъ, и Дибичъ еще не уѣхалъ изъ Тифлиса. Дворянство Грузинское давало обѣдъ обоимъ вельможамъ. Депутація отъ дворянства послана была пригласить ихъ, и въ залѣ выставлена была картина съ изображеніемъ богини Правосудія, и подписано было число прибытія въ Грузію Дибича. Картина сочинена была Кургановымъ, болѣе извѣстнымъ подъ именемъ *Ваньки-Каина*, и выставлена по настоянію Эристова, который краснорѣчиво объяснялъ изображеніе оной. Подлаго дурака офицеры заставили снять и спрятать картину до прибытія къ обѣду обоихъ вельможъ. За обѣдомъ

Эристовъ всталъ изъ-за стола и, стоя за стуломъ ихъ, пилъ ихъ здоровье, и между самыми подлыми ласкательствами называлъ Паскевича отцомъ даннымъ Грузіи. Я одинъ изъ Русскихъ не былъ приглашенъ на пиръ, натурально, чтобы не былъ свидѣтелемъ ихъ гнусной низости *). Я никогда не показалъ негодованія моего Эристову, и было бы несправедливо отдать ему преимущество въ подобныхъ дѣйствіяхъ, когда могутъ ихъ оспоривать многіе другіе.

Ты говоришь, что «производство его должно быть пріятно для всей Грузіи и для всей арміи». Для сей послѣдней, сумнѣваюсь; для Грузіи непремѣнно, ибо возбудитъ надежды въ подобныхъ ему на производство послѣ 18-ти лѣтъ совершеннаго бездѣйствія. А, право, не надлежало раздражать моего *добраго пріятеля*, у котораго изъ подъ носу выхватилъ Эристовъ резиденцію наслѣдника Персіи. Онъ не умѣлъ простить ему невиннаго его поступка и не понялъ, что самого его привелъ туда за носъ Муравьевъ. Этому *другъ мой* досelѣ отмщеваетъ порядочно! Прошу, почтеннѣйшій князь, не сердиться, что производство Эристова я принялъ за опытъ вашего могущества, которому вѣрю я и безъ подобнаго доказательства.

По приказанію твоему г. Сафоновъ доставилъ мнѣ карту Кавказа въ 20 верстномъ размѣрѣ, какой у меня не было и которую потому не отдалъ я Богдановскому. Но чтобы имѣть мнѣ понятіе о дѣйствіяхъ, невозможно обойтись безъ карты 5-ти верстной, по крайней мѣрѣ, театра войны въ Дагестанѣ. Ты не любишь, чтобъ онѣ затемнены были красками, а для меня необходима топографическая карта.

*) Сравни разсказъ о томъ Н. Н. Муравьева въ его Запискахъ („Русскій Архивъ“ 1889, тетрадь 9-я). П. Б.

Я любовался доставленною мнѣ картою похода въ Андію и Дарго. Какъ хорошо выгравирована! Я пороптал немного, что въ мое время не было ни одного топографа, которые присланы были для Персидской войны, слѣдовательно предъ самымъ моимъ изгнаніемъ.

Получилъ я также описаніе похода. Не всякой, по крайней мѣрѣ, будетъ судить по своему: ибо есть подробности, объясняющія происшествія.

Ты драгоцѣнные даешь мнѣ подарки, ибо направляешь понятіе мое, которое могло бы погрѣшать, и довольно грубо. Разстилаю предъ собою карту; но нѣтъ у меня такой, по которой бы могъ слѣдовать за движеніями въ горы. Дожидаюсь, и я писалъ объ этомъ г. Сафонову, который, конечно, напоминать тебѣ будетъ.

Изъ словъ твоихъ вижу, что твой оберъ-квартирмейстеръ не взялся за свое дѣло и помогаетъ начальнику штаба. Примѣчаю страсть въ настоящемъ времени къ помощникамъ, и скоро будутъ свои у сихъ послѣднихъ. Видѣлъ въ Петербургѣ генералъ-маіора Гогеля, который весьма дѣятеленъ, какъ я слышалъ, и знаетъ дѣло. Недавно узналъ я, что ты самъ выпрашивалъ Коцебу, слѣдовательно ты хорошо его знаешь!

Повторю слова письма твоего: «Съ сего же мѣся-«ца я велю начать дѣлать для тебя записку для отсыл-«ки по крайней мѣрѣ два раза въ мѣсяцъ о всемъ «что здѣсь дѣлается».

Весьма пріятно видѣть, что патріарха Нерсеса ты разумѣешь, какъ онъ достоинъ. Воображаю, еслибы *другъ мой* не изгналъ его и не былъ бы онъ празд-

нымъ 15 лѣтъ, что̀ бы могъ онъ сдѣлать для пользы страны. Это человѣкъ высокихъ способностей.

Нельзя безъ особеннаго уваженія смотрѣть на многоразличныя предпріятія твои, во многихъ мѣстахъ приводимыя уже въ исполненіе. Постигаю пользу возобновленія водопроводовъ, дѣлавшихъ Эриванскую провинцію чрезвычайно плодородною и брошенныхъ послѣ барона Розена. Они были причиною, что нѣкогда населеніе въ Эривани не уступало въ многолюдствѣ центру Германіи. Я удивлялся тому въ 1817 г.

О положеніи разнаго состоянія мусульманъ я нѣчто слышалъ въ Петербургѣ, но неосновательно. Хорошо опредѣлить ихъ права и изгладить пагубное впечатлѣніе, произведенное въ нихъ Ганомъ. Жаль однакоже, если всякая негодная сволочь изъ бековъ и агаларовъ возведена будетъ въ достоинство дворянъ, которое и безъ того довольно уже упало. Есть конечно между ними фамиліи, отличающіяся давностью ихъ происхожденія, нѣкогда богатствомъ, предоставлявшимъ большія имъ преимущества и сильное вліяніе, фамиліи, которымъ трудно отказать дворянство; и таковымъ, въ прежнемъ при мнѣ положеніи, не возбранялось представлять въ герольдію права свои на удостоеніе дворянства. Я привыкъ знать, что всѣ постановленія моего времени принимались за безсмысленныя; но ихъ конечно не поправляли умствованія г-на Гана, которыя Головинъ почиталъ даромъ небесъ ниспосланнымъ для счастія Грузіи.

Я былъ въ Петербургѣ свидѣтелемъ благодарности, изъявленной депутаціей, присланною изъ Тифли-

са за этотъ даръ небесъ. Ты говоришь, и я вѣрю, что теперь составленное положеніе утвердитъ спокойствіе и вѣрность къ намъ мусульманъ, которые вообще приняли его съ большою благодарностью. Это твои собственныя слова.

Уразумѣваю неудобство отъ присоединенія Имеретіи къ Грузіи и потому намѣреніе твое составить особенную область. Какъ хорошо, что ты видишь все собственными глазами и конечно соорудишь себѣ памятникъ и въ признательности самаго правительства.

Не рѣшаюсь ничего сказать на счетъ учрежденія Эриванской или Армянской области, ибо не знаю причинъ къ тому побуждающихъ; но всеконечно онѣ тебѣ представились. Одно подпадаетъ понятію моему, что Эриванской и Нахичеванской провинцій мало весьма для составленія области, къ которой конечно отойдетъ и Шурагель до хребта горъ Безобдала; затѣмъ останется Грузинская губернія весьма незначительною. Впрочемъ, разсужденіе мое должно уступить твоимъ распоряженіямъ, на точнѣйшихъ соображеніяхъ основаннымъ.

Твоею давнею мыслію было учрежденіе прибрежной дороги отъ Сухумъ-Кале до Редутъ-Кале, нужной въ случаѣ предоставленія свободной за Кавказомъ торговли, которую ты настоятельно требуешь и которую, какъ кажется, не охотно допустить желаютъ. Впрочемъ, не думаю, чтобы тебѣ противостать умѣли. Пользу того ты гораздо лучше знаешь. Паромныя переправы чрезъ Кадоръ и Ингуръ не безъ затрудненій совершаться могутъ; но ты безъ сумнѣнія, имѣя все

подъ глазами, удостовѣрился въ возможности. Безопасность ихъ потребуетъ нѣкоторыхъ мѣръ, но ты все для того имѣешь.

Восхитился я описаніемъ дорогъ отъ Редутъ-Кале до Кутаиса, и далѣе до Сурама. Весьма удачно распорядились чиновники путей сообщенія, что наконецъ не было проѣзда, и около шести мѣсяцевъ дормезъ твой путешествовалъ до Тифлиса. Хороши и ихъ распоряженія, что Военно-Грузинская дорога оставалась безъ вниманія, и все оно обращено было на новую дорогу, проводимую чрезъ Гудашаурское ущелье, которое въ пять лѣтъ готова еще не будетъ. Я тебѣ вскорѣ пришлю маленькую записку о дорогѣ нѣсколько разъ осмотрѣнной чрезъ горы на Кавказскую линію въ мое время. Брось на записку взглядъ твой; буде не годится, ты раскуришь ею сигарку, и дѣло кончено, и я ни слова! Нѣкогда говорилъ я о ней Государю Императору; приказано было осмотрѣть ее, и это исполнено не было. Могла эта дорога представить удобства (и я знаю, что таковыхъ много), но затруднительно было сказать, что она хороша или лучше теперешней Военно-Грузинской: нельзя было похвалить ничего до меня касающагося, и *мой пріятель* могъ оскорбиться, что при немъ это изъ виду упущено было, или если бы было найдено полезнымъ, что онъ не хотѣлъ найти это таковымъ. Невольно обнаружилось бы его благосклонное и великодушное ко мнѣ расположеніе!

Весьма понимаю, какія важныя доставитъ выгоды шоссе, учреждаемая до с. Ахты. Я не только это видѣлъ, но даже цѣлое лѣто продолжались у меня ра-

боты дороги чрезъ гору Сальватъ, гдѣ отрядомъ командовалъ подполковникъ, теперешній генералъ-лейтенантъ, графъ Симоничъ; но работы при первомъ вскрытіи весны разрушены были водами, единственно потому, что мѣсто и направленіе избраны были совершенно неудобныя подполковникомъ Торри, офицеромъ, имѣвшимъ впрочемъ познанія и достоинства. Впослѣдствіи я не имѣлъ возможности продолжать этой дороги по обстоятельствамъ отвлекшимъ средства мои на другіе предметы. Гораздо послѣ все это приписано генералу Головину, и ему отнесена честь сего соображенія. Кому могъ я объяснить, что эта мысль принадлежала мнѣ, когда и теперь никто не хочетъ меня слушать? Ты одинъ смѣешь иногда произносить мое имя безбоязненно. Впрочемъ, любезнѣйшій князь, я давно уже сдѣлалъ замѣчаніе, что у насъ гораздо выгоднѣе быть забытымъ, нежели худо знаемымъ, и давно уже изъ самого опыта утверждаюсь я въ этой истинѣ.

Здѣсь слышалъ я, что проѣхалъ твой адъютантъ князь Дундуковъ, и нѣкоторыя слышалъ подробности о выигранномъ сраженіи княземъ Аргутинскимъ, которое должно произвести сильное вліяніе на горцевъ. Полезный данъ урокъ гнусному измѣннику, Елисуйскому султану, и я увѣренъ, что онъ себя подвергъ пораженію противъ воли осторожнаго Шамиля. Подобное пріятное извѣстіе могъ бы сообщить кто-нибудь изъ окружающихъ тебя; но всѣ молчатъ, и я заключаю, что ты не успѣлъ сдѣлать обѣщаннаго распоряженія, чтобы въ случаяхъ важныхъ доставляли мнѣ о нихъ свѣдѣніе.

Пріятно мнѣ знать, что ты обѣщаешь себѣ нѣкоторое время отдохнуть на полуденномъ берегу Крыма. Это лучшее доказательство, что дѣла управляемаго тобою края приняли совершенно другой видъ, что безъ всякаго неудобства можешь отлучиться. Предмѣстники твои конечно мысли подобной не допускали! При твоей, скажу опять, неимовѣрной дѣятельности, тебѣ не безполезно отдохновеніе. Думаю также, что вскорѣ найдешь возможность посѣтить и Петербургъ или, гдѣ ближе, имѣть свиданіе съ Государемъ.

Бѣдному Дадіану ты оказалъ пособіе сложеніемъ взысканія. Такъ ты его назвалъ, и по истинѣ бѣдной Дадіанъ! Уже девять лѣтъ нѣтъ облегченія въ его участи, и только позволено ему временно пріѣзжать въ Москву для свиданія съ престарѣлою матерью, которая почти уже не имѣетъ движенія. Горестно положеніе его!

58.

28 Ноября 1846, Москва.

Успѣхи, пріобрѣтенные княземъ Бебутовымъ, по справедливости блистательны. Слѣдствія ихъ должны вскорѣ быть ощутительны въ разсужденіи нравственнаго вліянія на горцевъ. Потери, понесенныя ими, не ободрятъ конечно ихъ; но духъ войскъ нашихъ чрезвычайно вызвысится тѣмъ, что давно уже весьма съ такимъ малымъ числомъ войскъ, и въ особенности артилеріи, никто не входилъ въ горы и, что̀ болѣе, противъ Шамиля, который возрастаетъ въ общемъ мнѣніи, и тебѣ одному предстоитъ уничтоженіе его могущества, за которымъ послѣдуетъ его паденіе. Всѣ убѣждены, что ты одинъ сдѣлать это можешь; а мнѣ кажется, что это и не весьма уже отдалено. Къ утвержденію меня въ сей надеждѣ споспѣшествуютъ послѣдняго времени происшествія. Я хочу сказать о сраженіи въ Іюлѣ мѣсяцѣ князя Аргутинскаго, также съ горстью войскъ дѣйствовавшаго противъ силъ гораздо превосходныхъ. Не говорю тебѣ, почтенный князь, привѣтствія; я замѣчаю, что войска со времени начальствованія твоего являются совсѣмъ другими, каковыми Кавказъ давно уже не видалъ ихъ. Такъ скорое перерожденіе ихъ являетъ довѣренность ихъ къ знаменитому ихъ начальнику, что̀ обнаружилось уже при самомъ твоемъ назначеніи.

Не знаю давно уже, что̀ у тебя дѣлается, но, съ любопытствомъ разспрашивая, увѣдомляюсь, что устроено прекрасное укрѣпленіе на Фортангѣ и что ты самъ при томъ находился. Я хорошо знаю мѣстоположеніе и могу судить, сколько большую принесетъ пользу укрѣпленіе. Слышу также о предполагаемыхъ прорубкахъ лѣса и многихъ другихъ начинаніяхъ; но не все, можетъ быть, передается мнѣ съ точностію.

Ты имѣлъ нѣкогда прекрасную мысль приказать доставлять мнѣ свѣдѣнія о распоряженіяхъ твоихъ, сообщилъ даже мнѣ о томъ; но видно ты отмѣнилъ намѣреніе, или оно кажется тебѣ не приличествующимъ. Не у мѣста было бы спрашивать о причинахъ, и мнѣ остается жалѣть, что извѣстія почерпаю я по большей части изъ молвы, весьма не рѣдко неосновательной и даже неправдоподобной для человѣка имѣющаго нѣкоторое понятіе о краѣ. Мнѣ случилось не одинъ разъ, даже въ самомъ Петербургѣ, оспаривать неосновательныя заключенія. А тамъ соединяются всѣ возможныя свѣдѣнія. Твои дѣла—убѣдительнѣйшее доказательство водворяющагося порядка; но, на все это не взирая и чего, конечно, ты не воображаешь, мнѣ случилось быть твоимъ адвокатомъ. Могущественные, конечно не слабые, возбуждаютъ зависть!

Вчера видѣлъ я проѣзжающаго въ Петербургъ князя Владимира Голицына, человѣка тебѣ совершенно преданнаго, и мнѣ отрадно было выслушать много о тебѣ чрезвычайно пріятное и любопытное.

59.

30 Ноября 1846. Изъ деревни.

Воображаю, что̀ дѣлается съ Чечнею послѣ прорубленныхъ дорогъ и по устроеніи укрѣпленія на Фортангѣ. Это должно очень не нравиться Шамилю, которому конечно упрекаютъ Чеченцы ихъ стѣсненіемъ. Но безъ этого огражденія не были бы покойны новыя по Сунжѣ станицы. Я не удивлюсь, если еще подвергнутся онѣ нападеніямъ; но таковыя не могутъ быть важными, ибо обратный путь будетъ опасенъ для нападающихъ. Воздвигнутое укрѣпленіе было основано до твоего еще прибытія, и я увѣренъ, что еслибы твое это было намѣреніе, оно иначе или въ другомъ видѣ было бы исполнено. Не взирая на выгодное его положеніе, думаю однакоже, что можно отыскивать и нѣкоторыя неудобства. Впрочемъ, разсужденіе мое можетъ быть неосновательнымъ и не имѣть мѣста по прошествіи двадцати лѣтъ. Тогда были другія обстоятельства; теперь таковы, что я ихъ не понимаю и менѣе всякаго другаго довѣряю собственному мнѣнію. Ты конечно иногда смѣешься моимъ мыслямъ, хотя слышу я, что имѣешь неустрашимость не все находить худымъ, что́ я дѣлалъ. Бывало это въ модѣ, а у иныхъ осталось еще привычкою. И тебя, любезный князь, не всегда щадитъ зависть, что́ я имѣлъ случай замѣчать. Ихъ дразнитъ предоставленная тебѣ власть, твое могущество. А я, не ошибаясь, предполагаю, что не менѣе дразнитъ, что принимаешься за многое, полагая прочное основаніе, которое останется памятникомъ.

Недавно въ высочайшемъ рескриптѣ о предоставленныхъ наградахъ орденами сказано, что это не присвоивается званію главнокомандующаго, но дается изъ особеннаго уваженія къ лицу. Это даетъ поводъ къ заключенію, что было разсужденіе о власти, и, какъ *думаютъ*, происходило оно отъ особы, которая была облечена въ это званіе, но награждала только за границею. Можетъ быть, и тутъ было дѣйствіе зависти. Если такъ, я люблю ясность рескрипта! Во время пребыванія моего въ Петербургѣ были въ газетахъ реляціи и донесенія. Я видѣлъ, съ какимъ любопытствомъ онѣ были прочитываемы. Изъ рукъ въ руки переходили листки, и легко можно было видѣть общее удовольствіе. Но фельдмаршалъ не измѣнялъ равнодушія. Онъ, удостоивая меня милостиваго вниманія, которое натурально составляло мое счастіе, и позволяя мнѣ наслаждаться разсказами его о многомъ, никогда не упоминалъ о Грузіи, и имя твое не произносилось! Вѣроятно это происходило отъ скромности, чтобы не догадывались, что многія изъ дѣйствій твоихъ основаны на его наставленіяхъ. Но скажу, не шутя: право, казалось мнѣ, что онъ не чуждъ чувства зависти. Впрочемъ, можетъ быть, и я говорю вздоръ; но во всякомъ случаѣ лучше мнѣ ошибаться, нежели человѣку знаменитому и прославленному. Мнѣ неизвѣстно, въ перепискѣ ли ты съ нимъ, но и этого не довольно: ибо, кромѣ *Нейнгардта*, который боялся его какъ чумы, другіе твои предмѣстники спрашивали нерѣдко его совѣтовъ, то-есть приказаній. Въ особенности *Головинъ*, какъ его собственное созданіе.

Припомни, съ котораго времени ты не писалъ ко мнѣ, что́ никогда не бывало прежде. Это заставляетъ

меня предполагать, что ты не доволенъ чѣмъ нибудь. Легко быть можетъ, что найдутся люди, которые съ удовольствіемъ смотрѣть будутъ на охлажденіе между нами и тому способствовать, но лучше предупреждать это откровеннымъ объясненіемъ; я объ этомъ прошу..

Скажу тебѣ, что не безъ досады отвѣчаю я на вопросы, получаю ли я отъ тебя письма; особенно когда слышу отъ *Киселева*, что ты ему пишешь, отъ *Меншикова*, что о многомъ подробно его извѣщаешь.

Бывало ли, чтобы ты не написалъ мнѣ о предметѣ столько важномъ, каково есть устроеніе крѣпости на Фортангѣ? Выслушиваю разныя разсужденія, будто предназначается экспедиція въ горы со многихъ пунктовъ и большими силами. Говорятъ, что одинъ Аргутинской будетъ дѣйствовать, что повсюду въ другихъ мѣстахъ будетъ продолжаться прорубка дорогъ. Ты ни слова не сказалъ мнѣ о дѣйствіяхъ Аргутинскаго, по истинѣ чрезвычайно удачныхъ и, судя по малому числу бывшихъ у него войскъ, такихъ, которыхъ мало было лучше въ прежнее время. Въ этомъ случаѣ невозможно отказать въ похвалѣ, что дѣйствовалъ молодцомъ.

Сердитъ ли ты на меня или нѣтъ, какъ бы то ни было, я все не отниму у себя удовольствія благодарить тебя за многое. Молодой Кучинъ произведенъ въ офицеры и со старшинствомъ почти года. Это благодѣяніе старика отца его, храбрѣйшаго нѣкогда офицера, сдѣлало моложе двадцатью годами, и тебѣ конечно ни отъ кого не достается болѣе, какъ отъ него. Была работа всѣмъ святымъ! Жена покойнаго *Михаила Орлова* благодарила меня за то, что̀ ты сдѣлалъ для ея сына. А я ничего не знаю! Весьма великодушно со стороны твоей не желать изъявленія благодарности, но молчаливость твоя отъ нея не избавитъ.

Въ линейныя козачьи войска, и кажется въ Моздокскій полкъ, опредѣлился служившій въ гвардіи оберъ-офицеромъ *Левицкій*. Довольно долго бывши за границею, излѣчивалъ онъ раны полученныя имъ во многихъ дуэляхъ, изъ которыхъ не было ни одной, которая бы не принесла ему много чести. Каждый шагъ его извѣстенъ былъ начальству въ Петербургѣ, и ему не было ни малѣйшаго упрека, и теперь, когда проѣзжалъ онъ Вѣну, Великой Князь Михаилъ Павловичъ приказалъ ему къ себѣ представиться, не взирая что онъ не имѣлъ съ собою мундира, принялъ его чрезвычайно милостиво, и всѣ подробности до него касающіяся знаетъ. Левицкій искалъ имѣть честь служить подъ твоими повелѣніями въ намѣреніи службою своею обратить благосклонное начальства воззрѣніе. Отъ близкаго родственника его, съ которымъ съ давняго времени мы пріятелями, слышалъ я, что онъ почиталъ себя въ необходимости заслуживать случившееся, и онъ не остановился оставить выгоды гвардейской карьеры, въ надеждѣ ничего не потерять, принадлежа храбрымъ войскамъ Кавказскаго корпуса.

Москва,
2 Декабря 1846.

Здѣсь испугались желанія твоего учредить свободный торгъ за Кавказомъ; испугались пребыванія въ Петербургѣ твоего директора канцеляріи: ибо всѣ убѣждены, что представленія твои, даже мысли, не встрѣчаютъ ни малѣйшаго противорѣчія. Я точно не имѣю понятія о томъ, что̀ ты представлялъ и точно ли все утверждено; ибо торговля составляетъ предметъ, въ которомъ я отличаюсь невѣжествомъ. Ко мнѣ, какъ старожилу твоей страны, обращаются съ вопросами, и я недавно отличился тѣмъ, что совершенно попалъ на твою мысль, упрекая нашему купечеству нерадѣніемъ объ усовершенствованіи издѣлій, какъ относительно прочности, такъ и наружнаго вида. Поставилъ на видъ неумѣренность барыша и невсегда добросовѣстность. Со мною спорилъ извѣстный тебѣ баронъ Мейендорфъ, надѣющійся, что, основавъ въ Тифлисѣ магазинъ, купцы успѣютъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ, и вещи будутъ желаемой доброты.

Я посылаю тебѣ его на сей предметъ записку, которую, можетъ быть, не предполагаетъ онъ, что я тебѣ препровожу. Онъ мнѣ показывалъ письмо твое къ нему, которое сообщилъ онъ знатнѣйшимъ изъ купечества, и они въ восторгѣ отъ тебя и надѣются на могущественное твое покровительство, безъ котораго знаютъ они, что не будутъ имѣть успѣха. Я, при-

знаюсь, увѣрялъ ихъ, что если предпріятіе ихъ удостоено твоего одобренія, то обѣщаніе вспомоществовать имъ можетъ служить надежнѣйшимъ обезпеченіемъ.

Твой князь Семенъ Михайловичъ посѣтилъ меня, и я, прежде сего видѣвши его нѣсколько минутъ въ Вознесенскѣ и столь же въ Бородинѣ, могу сказать, что теперь только съ нимъ познакомился. Я благодаренъ ему за многія любопытныя извѣстія, и онъ самымъ пріятнымъ обращеніемъ заставилъ жалѣть, что чрезъ Москву пронесся онъ какъ метеоръ. Не ловко говорить отцу похвалы о сынѣ, но я немногихъ принимаю съ такимъ удовольствіемъ, и посѣщеніе его будетъ мнѣ памятнымъ.

Вскорѣ за нимъ князь Кочубей доставилъ мнѣ лично посланныя тобою бумаги. Ты не разъ далъ мнѣ замѣтить, сколько необходима тайна относительно предметовъ заключающихся въ нихъ, и я совершенно убѣжденъ въ томъ. Могу тебя увѣрить, что не только не похвастаю, что я что-либо знаю изъ твоихъ предположеній, но даже по самой необходимости долженъ молчать, ибо ничего кромѣ какъ изъ газетъ не знаю. Такъ на дняхъ прочиталъ о раздѣленіи Закавказскаго края на губерніи.

Будь покоенъ, любезнѣйшій князь, на мой счетъ: я очень цѣню довѣренность твою ко мнѣ и потому умѣю достойно помѣстить ее. Впрочемъ, бумага, о которой заботишься, позволь откровенно сказать, не заключаетъ въ себѣ на счетъ будущихъ предпріятій ничего точнаго, положительнаго; ибо все почти относится до разсмотрѣнія болѣе обстоятельнаго. И такъ согласись,

что мудрено проговориться. Большая часть бумаги состоитъ изъ описанія совершившихся уже происшествій, ибо упомянуто о построеніи укрѣпленія на Фортангѣ и Алдинскихъ хуторахъ, разореніе которыхъ представлено въ газетахъ едва не началомъ уже совершеннаго низложенія Кавказа. Впрочемъ, не подумай, чтобы я не видѣлъ многихъ важныхъ перемѣнъ и такихъ, которыя для самаго недальновиднаго человѣка покажутся весьма ощутительными.

Я того мнѣнія, что Шамиля власть должна упадать, ибо нѣтъ правдоподобія распространить ея успѣхами, а ничтожныя хищничества ея не утвердятъ. Предназначенное тобою расположеніе войскъ въ прочныхъ штабахъ соображено отличнымъ образомъ, и я доволенъ собою, встрѣтившись съ тобою мыслію сдѣлать сообщеніе съ Казыкумыкомъ чрезъ владѣнія Акушинцовъ.

Замѣть, что Акуша была посѣщена мною и 24 года была вѣрною; при мнѣ занятъ былъ и Казыкумыкъ. И такъ не смѣшивай меня съ тѣми изъ начальниковъ, которые влѣзли далѣе въ Дагестанъ. Никогда не мыслилъ я объ Аваріи: мнѣ довольно было тогдашнихъ тамъ раздоровъ, и можно было смирять ихъ безъ присутствія среди нихъ войскъ, но отнимая средства дѣлать набѣги и увлекать благопріятствующіе намъ народы. Таковыми легко было со временемъ сдѣлать Акушинцовъ и ихъ положить имъ преградою. Чрезъ Койсу надобна вѣрная переправа; въ Гергебилѣ или другомъ мѣстѣ, принадлежитъ твоей прозорливости. Во всякомъ случаѣ она произведетъ сильное моральное дѣйствіе и подыметъ духъ покорствую-

щихъ намъ. Жалѣлъ я, что Задухаринцы были разорены Шамилемъ и что онъ успѣлъ выполнить сдѣланныя имъ угрозы. Но безъ сего не было бы мѣста блистательному дѣлу князя Бебутова, которое безъ сумнѣнія произвело большое дѣйствіе на умы горцевъ. Мнѣ не разъ случилось оспаривать мнѣніе, что князь Аргутинской могъ содѣйствовать князю Бебутову. Я утверждаю, что еслибы Шамиль видѣлъ возможность того, то не только онъ ничего бы не предпринялъ, но даже не перешелъ бы Койсу, и, думаю, я не ошибаюсь. Шамиль конечно заботится о своей безопасности и обо всемъ извѣщаемъ обстоятельно. Еслибы только тронулся князь Аргутинской, онъ былъ бы увѣдомленъ.

Еслибы удалось открыть каменной уголь въ Казыкумыкѣ, это было бы лучше золотыхъ пріисковъ! Князь Кочубей сказывалъ мнѣ, что онъ найденъ и превосходный, въ Имеретіи, и это во многихъ отношеніяхъ дастъ неисчислимыя выгоды. Нельзя безъ особеннаго уваженія слышать, какъ по всѣмъ частямъ управленія ты, любезнѣйшій князь, подвигаешь край впередъ. Тебѣ предлежитъ начертать планъ для дѣйствій твоимъ наслѣдникамъ, кои доселѣ разрушали труды бывшихъ ихъ предмѣстниковъ. Такъ истреблено изъ памяти то, что̀ удавалось мнѣ сдѣлать, а въ десять съ половиною лѣтъ времени не можетъ быть, чтобы постоянно дѣлалъ я однѣ глупости. А когда вижу я столько памятниковъ воздвигнутыхъ генералу Головину, позволительно удивляться, что остался я въ памяти однихъ горцевъ, которымъ долженъ я быть благодарнымъ, ибо отзывы ихъ не въ порицаніе мнѣ.

Восхваляя духъ войскъ нашихъ, ты какъ будто укоряешь меня въ противномъ тому мнѣніи. Я никогда не сумнѣвался въ томъ и если допускалъ нѣкоторыя оттѣнки въ храбрости, то собственно по словамъ свидѣтелей, которыхъ случалось мнѣ слышать разсужденія. Напримѣръ, никто не сравнивалъ полки 5-го корпуса съ прежними войсками, и немногіе изъ нихъ называемы храбрыми. Можетъ быть, это неосновательно; конечно не я, совершенно ихъ не знающій, смѣлъ опредѣлять ихъ достоинство. Давно переставши быть военнымъ человѣкомъ, я не позволяю себѣ сужденій и признаюсь, что сдѣлался довольно ко всему равнодушнымъ. Я даже вѣрю повѣствованіямъ господина Данилевскаго. Сильнѣе этого не могу представить доказательства.

Убѣдись, сдѣлай одолженіе, что, зная труды войскъ, ихъ безпрерывныя занятія, познакомившись со многими изъ молодцовъ твоихъ подчиненныхъ, наслышавшись о дѣлахъ, какое чувство кромѣ уваженія можно имѣть къ нимъ? И такъ впредъ ни слова о храбрости войскъ, развѣ что другимъ могутъ они служить примѣромъ.

Ты говоришь, что когда бываешь съ войсками и когда живешь въ лагерѣ, это почитаешь отдохновеніемъ въ сравненіи съ жизнію въ Тифлисѣ. Знаю, какъ обремененъ ты дѣлами, сколько ежедневно часовъ проводишь за бумагами. Далеко не столько бывало у меня дѣлъ; ибо не было почти нововведеній, продолжался прежде установленный ходъ, а и я отдыхалъ лагерною жизнію. Тебѣ довольно одного преобразователя, знаменитаго Гана, чтобы, разрушая со-

зданіе его, имѣть несравненно болѣе занятій. Я хорошо это понимаю! Было время, что удивлялись его премудрости. Были у него сильные покровители, сильные защитники, и я видѣлъ депутацію изъ Грузіи, благодарившую за преобразованіе управленія, какъ даръ ниспосланный Небомъ. Къ сожалѣнію это было въ достопамятныя времена Головина.

Благодарю за обѣщаніе доставить мнѣ гражданской отчетъ. Конечно весьма любопытно видѣть эту важнѣйшую часть твоего огромнаго управленія, ибо военныя дѣла далеко уже не имѣютъ прежняго вида, и Шамиля не должно быть долговременнымъ владычество. Это дѣлается примѣтнымъ, и я думаю, что въ лучшемъ состояніи дѣла должно было признавать его за предметъ второстепенный. Впрочемъ, нѣкоторымъ изъ предмѣстниковъ твоихъ не безвыгодно было выставлять его за нѣкоторый родъ генія: ибо, преодолѣвая его, они себя ставили натурально выше и знакомили съ собою, тогда какъ о существованіи ихъ едва подозрѣваемо было. У насъ есть знаменитости министерскія, штабныя и въ арміи неизвѣстныя. Есть также и необходимость оправдываться въ получаемыхъ наградахъ. (Avancements et récompenses monstres). За все спасибо генію-Шамилю!

Благодарю и буду ждать обѣщанную карту десятиверстнаго масштаба. Не имѣя никакой, я не понимаю говорящихъ о Кавказѣ и если не краснѣю, то по привычкѣ къ подобному заключенію на мой счетъ. Ты одинъ имѣешь великодушіе признавать, что я имѣю нѣкоторое понятіе о твоемъ краѣ, и это говорю я не въ видѣ привѣтствія.

Генваря 1847.
Москва.

62.

.....Ты пишешь мнѣ о *Копьевѣ*, какъ будто бы я находилъ излишне строгимъ его наказаніе оттданіемъ подъ судъ. Я не могъ имѣть этого въ головѣ, ибо совершенно не зналъ обстоятельствъ его дѣла до полученія письма твоего; а слухи, которые доходили до меня, отнюдь его не оправдывали. Не сердись, что повторю собственныя выраженія въ письмѣ твоемъ: «о прежней его службѣ, которую ты называешь блистательною, я ничего не знаю». Тебѣ извѣстно, что скоро 20 лѣтъ, какъ я въ отставкѣ, слѣдовательно свидѣтелемъ его службы я быть не могъ, и въ цѣлой арміи почти нѣтъ уже мнѣ знакомыхъ, или были они не въ большихъ чинахъ. О немъ же говорилъ мнѣ человѣкъ строгій по службѣ и не дающій похвалы не заслуживающему ея, человѣкъ, котораго службу и способности я хорошо знаю; это—бывшій командиръ 5-го пѣхотнаго корпуса Муравьевъ. Въ послѣднюю Польскую инсуррекцію онъ имѣлъ въ командѣ три гренадерскихъ полка бывшаго Литовскаго корпуса, составленные изъ Поляковъ. Къ нимъ, по неблагонадежности ихъ, прикомандированы были 24 офицера изъ гвардейскихъ полковъ, изъ числа коихъ убито и ранено 16 человѣкъ, и полки дрались отлично. Муравьевъ сказывалъ мнѣ, что Копьевъ былъ замѣчателенъ своимъ усердіемъ и храбростію. Слова: *блистательной службы* принадлежатъ ему; а Копьева въ первый разъ

въ жизни увидѣлъ я нѣсколько лѣтъ послѣ того. Можешь судить, есть ли причина къ особенному участію со стороны моей; но я жалѣлъ, что могъ впасть въ преступленіе офицеръ отлично храбрый и имѣвшій столько лестное званіе флигель-адъютанта и такую видную въ службѣ карьеру.

Вотъ что̀ заставило меня любопытствовать о немъ; но судить о наказаніи не мое дѣло, и особенно человѣка, котораго я едва знаю, и то только въ лицо.

И такъ объ этомъ болѣе ни слова!

Несчастнаго Дадіана я узналъ послѣ наказанія и съ сожалѣніемъ помню, что уже скоро десять лѣтъ и не прекращается постигшее его несчастіе!

63.

Во ожиданіи возвращенія молодаго твоего князя, я приготовилъ письмо къ тебѣ.

Князь представитъ тебѣ бумагу, которую ты сообщилъ мнѣ. Весьма понимаю ея важность и необходимость содержать въ тайнѣ намѣренія твои. Я въ точности исполнилъ порученіе твое и не только никому не показалъ ея, но даже никто не подозрѣваетъ о существованіи ея. Искренно благодарю за довѣренность и цѣну ея въ полной мѣрѣ чувствую.

Признаюсь, что съ нѣкоторымъ самодовольствіемъ замѣтилъ я, что въ ней возобновляется мысль моя, почти уже 25 лѣтъ назадъ высказанная и на Кавказѣ извѣстная.

Смотря съ *Каранайскаго* спуска на изуродованную природу горъ, я сказалъ нѣкогда. «Въ эту гнусную дыру я солдатъ нашихъ не поведу». Я могъ забыть это, но помнятъ другіе, и генералу Гуркѣ пересказывалъ то генералъ Клугенау.

Когда ты не находишь необходимости влѣзать въ горы и ограничиваешься Аварскою Койсу, то мысль моя перестаетъ быть безумною, какъ признавалось все то, что́ я дѣлалъ, признавалось не однимъ великимъ нашимъ фельдмаршаломъ! Сужденій его и ты не из-

бѣжишь, любезный князь; ибо власти, въ которую ты облеченъ, не свариваетъ желудокъ разстроенный и обремененный славою. Онъ не понимаетъ, какъ могли разрушиться твердыя основанія, положенныя имъ для благоденствія края, которымъ ты управляешь; а ты находишь не только что исправлять, но даже сотворяешь вновь. Это не прощается!

Возвращусь къ прежнему. Я занялъ Акушинскую область; въ послѣдствіи занятъ былъ Казыкумыкъ, и тѣмъ я ограничился на время. Необходимымъ этого слѣдствіемъ должно было быть сообщеніе между ними, и конечно это была мысль моя, которую нетрудно было привести въ исполненіе, ибо тогда не было соединенія народовъ, воспламененныхъ религіознымъ фанатизмомъ. Акуша оставалась непоколебимою до 1843 года. Мнѣ надобно было усадить на плоскости Кабардинцевъ и отнять убѣжище въ горахъ. Это заняло 1822 и 1823 годы. Могли бы твои предмѣстники поблагодарить меня за то, ибо при ихъ распорядительности не легко было бы имъ ладить съ Военно-Грузинскою дорогою. Теперь *Кабарда* совершенно въ рукахъ, и прошедшій годъ убѣждаетъ въ томъ. Баронъ Розенъ при его взглядѣ и познаніи края заставляетъ меня думать, что занятіе *Кунзаха* было временное и, можетъ быть, надобное пока существовала тамъ ханская фамилія. Послѣ ея лучше бы оставить *Аварію* и избѣжать случившихся въ послѣдствіи безславныхъ происшествій.

Намѣреніе твое занять *Гергебиль* и другой какой пунктъ будетъ всегдашнею грозою *Аваріи*, поставить въ необходимость помышлять о собственной защитѣ и

дастъ причину уклониться отъ содѣйствія Шамилю, которое наноситъ чувствительныя имъ потери.

Неимовѣрная подвижность твоя познакомила тебя съ мѣстностію, и ты въ два года усмотрѣлъ то, что̀ во многіе года не видѣли другіе.

Конечно Кавказъ приметъ совсѣмъ другой видъ.

Ты лучше меня знаешь, что̀ происходитъ въ Петербургѣ, конечно и то, что есть завидущіе тебѣ и, можетъ быть, не восхищающіеся твоими успѣхами; но Государь чрезвычайно доволенъ твоими распоряженіями и дѣйствіями и говоритъ о тебѣ съ особеннымъ уваженіемъ и признательностію. За что мнѣ сердиться, когда это производитъ другимъ колики? Между ними есть и мнѣ всегда благопріятствовавшіе прежде и теперь готовые рѣзать, хотя никому, и давно уже, не могу я быть вреднымъ.

Слухи продолжаются, что *князя Васильчикова* замѣститъ *князь Чернышовъ*. Говорятъ, что онъ желалъ бы сохранить Военное Министерство вмѣстѣ, но что будто бы встрѣчается въ этомъ затрудненіе. Если это такъ, то ты лишишься въ лицѣ министра не лучшаго изъ друзей твоихъ. Ты конечно это знаешь и дѣйствуешь сообразно тому.

Марта 1847.
Москва

Нельзя отказать горцамъ въ нѣкоторомъ уваженіи за твердость и постоянство, съ каковыми переносятъ они нищету и всякаго рода лишенія, имѣя справедливый ропотъ на звѣрскую власть Шамиля. Недолго однакоже можетъ продолжиться столько бѣдственное состояніе. Могущество его и къ нему довѣріе должны быть питаемы успѣхами орудія его; но конечно уже не предприметъ онъ ничего подобнаго прошлогоднему, чтó его послѣдователямъ должно было казаться не имѣвшимъ выгоднаго окончанія: ибо не только не пріобрѣтено никакой добычи, напротивъ, надобно было спасаться сумнительнымъ бѣгствомъ, на что они неохотно пускаются. Есть у меня неизъяснимое чувство, что вскорѣ дѣла примутъ совершенно другой видъ. Не знаю, изъ какого источника, но доходятъ слухи, будто предназначена тобою большая экспедиція противъ Тилитлы, которою командуетъ князь Аргутинской. Я не умѣю согласить этого съ тѣми затрудненіями, которыя встрѣчаются въ высокихъ мѣстахъ Казыкумыка для содержанія войскъ въ зимнее время и даже въ Маіѣ мѣсяцѣ. Можетъ быть въ Тилитлы или окрестностяхъ сего аула найдется возможность расположить выгодно войска и тѣмъ обезпечить спокойствіе и безопасность Казыкумыка, чтó мнѣ совершенно не-

извѣстно; тогда занятіе Тилитлы представляется совсѣмъ съ другой точки. Въ этомъ удостовѣрюсь я въ послѣдствіи, изъ самыхъ происшествій. Мое полное убѣжденіе состоитъ въ томъ, что ты ничего не захочешь занять, чтó не представитъ существенной пользы или болѣе твердаго расположенія.

Увѣренъ будучи, какъ выше я сказалъ, что вскорѣ дѣла примутъ совершенно другой видъ, я не разумѣю однакоже, чтобы покореніе горъ произошло немедленно; но оно случится непремѣнно. А на нѣкоторое время, какъ сильное обузданіе, почитаю достаточнымъ сдѣлать свободное сообщеніе владѣній Мехтулинскихъ съ Зудахарою и отъ Зудахары хорошую дорогу въ Казыкумыкъ, которая въ теперешнемъ ея состояніи довольно уже удобна. *Гергебиль* можно не такъ глупо укрѣпить какъ доселѣ было и, въ немъ имѣвши достаточные запасы, можно и скоро и удобно перебрасывать войска съ одной стороны горъ на противоположную, отнюдь не обременяя затруднительными тягостями. Внезапное появленіе войскъ и быстрое соединеніе ихъ въ массы не допуститъ горцевъ къ предпріятіямъ требующимъ времени для сборовъ, и уже конечно ничего не случится внезапнаго. Въ видахъ быстраго перемѣщенія войскъ чрезвычайно важныя услуги окажетъ пролагаемая чрезъ *Сальватъ* дорога. Я восхищался описаніемъ ея въ газетѣ. Желаю, чтобы понимали ея достоинство!

Благодарю за доставленный съ *Олсуфьевымъ* отчетъ за 1845 годъ, который знакомитъ со всѣми внутренними распоряженіями.

Буду ожидать свѣдѣній на важнѣйшіе изъ предметовъ, которые поручишь *Сафонову* сообщить мнѣ. Это въ послѣдствіи можно будетъ наименовать *Уложеніемъ*. Видѣлъ проѣзжавшаго князя Барятинскаго восхищеннаго, что подъ твоимъ начальствомъ имѣетъ отличнѣйшій и изъ храбрѣйшихъ полковъ. Подобные молодые люди, и съ такою пламенною волею, могутъ дѣлать чудеса, и какой примѣръ для другихъ!

12 Маія 1847.
Москва.

65.

Получ. 1-го Іюля 1847 г.

Не безъ вниманія выслушиваю я замѣчанія твои, что ты для отдохновенія имѣешь нужду въ продолжительнѣйшемъ снѣ нежели прежде. Я четырью годами тебя старѣе и хотя не только трудовъ не имѣю, но въ совершенномъ живу покоѣ, чувствую однакоже упадокъ силъ и необходимость во вниманіи для возстановленія ихъ. Тебѣ, любезнѣйшій князь, не разъ поставлялъ я на видъ, что ты чрезмѣрную допускаешь дѣятельность, спѣша все осмотрѣть собственными глазами. Конечно всегда лучше глазъ хозяина; но есть предметы, до которыхъ можетъ дойти очередь въ послѣдствіи, и ты въ два года времени, въ обширномъ краѣ твоемъ, не оставилъ угла тобою не посѣщеннаго. Этому конечно всякой удивится, особливо не разумѣя, что это могло быть иначе. Весьма мудро сказалъ нѣкто изъ писателей, что *умѣть стариться есть наука трудная.* При всѣхъ твоихъ достоинствахъ ты этого не имѣешь! Тебѣ надобно такъ разсчитывать, чтобы Кавказъ могъ бы еще долго быть подъ твоимъ управленіемъ. Тогда оставишь вѣчные памятники и глубоко врѣжешь пути для твоихъ наслѣдниковъ. Иначе не должно! Я говорю изъ опыта. Не имѣвши далеко твоихъ средствъ, ни той власти, въ каковую ты облеченъ, и тогда какъ Кавказъ, послѣ великихъ современныхъ событій, мало обращалъ на себя вниманія и почасту никакого удостоиваемъ не былъ, я при ма-

лыхъ способахъ не могъ сдѣлать чрезвычайнаго; но и то малое что́ я сдѣлалъ мои наслѣдники или затмили, или себѣ приписали, наброся на меня порицаніе. Съ Воронцовымъ не должно это случиться, и я хочу вѣрить, что быть не можетъ; но безъ сумнѣнія наслѣдники предложатъ перемѣны подъ видомъ необходимаго улучшенія и, наконецъ, выставятъ за собственное сотвореніе. Этого нельзя будетъ сдѣлать, когда начертанъ будетъ планъ для ихъ дѣйствій, обуздывающій всесокрушающій духъ нововведеній. Неужели членъ Государственнаго Совѣта *Ганъ* долженъ заключить породу шарлатановъ?

Согласишься, думаю, съ основательностію замѣчанія моего. На Воронцовѣ могутъ возлежать обязанности и въ отношеніи къ знатному имени своему, для котораго ты долженъ работать. Ты не имѣешь, подобно намъ, выгоды принадлежать къ происхожденію плебеянскому. Для насъ достаточна посредственная иллюстрація. За то съ вами иначе совсѣмъ и осторожнѣе поступаютъ, какъ превосходящими тотъ классъ, который называется corvéable, taillable (et je crois même un peu tuable), то есть мы.

Видѣлъ изъ публикуемыхъ извѣстій, что въ продолженіе прошедшей осени и всей зимы горцы ничего не предпринимали и что со стороны нашей всѣ небольшія дѣйствія, по внезапности ихъ горцами непредугаданныя, имѣли весьма удачное окончаніе и наносили имъ потери. Это положеніе ихъ должно было дѣлать тягостнымъ, въ особенности при удручающей ихъ бѣдности.

66.

14 Августа 1847. Москва.

Слухи уже были о холерѣ въ вашемъ краю и между войсками, и не трудно было понять, какія затрудненія пріуготовляла тебѣ проклятая эта болѣзнь.

Изъ письма твоего увидѣлъ я съ досадою, что она встрѣтила тебя уже при переправѣ чрезъ Сулакъ и сопровождала до Гергебиля, который безъ этого обстоятельства, конечно, бы не удержался. Но какъ она въ одномъ мѣстѣ не бываетъ очень долго, то въ минуту, въ которую пишу, увѣренъ я, что возобновились военныя дѣйствія, и Гергебиль уже въ рукахъ твоихъ, если только входитъ это въ твои предположенія. Впрочемъ, ты вѣрно того же мнѣнія, что его взять надобно, дабы не могли думать горцы, что могутъ противостать намъ.

Повторю собственныя слова твои, что первое дѣло сберечь войска и что впереди у тебя много времени. Увѣренъ, что пребываніе твое въ этой части Дагестана совершенно ее устроитъ, и навсегда рѣшено будетъ, чѣмъ ограничиться должны наши пріобрѣтенія. Это чрезвычайно важно и будетъ служить уставомъ для частныхъ начальниковъ, смиряя произвольныя ихъ дѣйствія.

Чрезвычайно пріятно и, могу сказать, лестно мнѣ было выслушать отъ тебя одобреніе разсужденія моего

касательно черты, которую не должны мы переступать въ этой части Дагестана и того расширенія, которое можетъ быть намъ полезнымъ. Многіе думаютъ неосновательно, что все надобно занимать и повсюду строить крѣпости. Весьма нерѣдко можно довольствоваться тѣмъ, чтобы убѣждены были, что отъ насъ зависитъ взять, когда того мы пожелаемъ и въ чемъ воспрепятствовать намъ невозможно.

Въ этомъ смыслѣ писалъ я тебѣ о пользѣ имѣть двѣ вѣрныя переправы укрѣпленныя и угрожать Аваріи, отнюдь ея не занимая. Радъ, что это согласно съ твоими видами.

Казыкумыкъ и Акуша будутъ назади и уразумѣютъ, что ихъ спокойствіе отъ насъ зависѣть будетъ, не снискивая его рабственнымъ угожденіемъ Шамилю. Кунзахъ былъ полезенъ, когда существовала въ Аваріи древняя фамилія хановъ, между горцами уважаемая, но по истребленіи оной Кунзахъ былъ намъ въ тягость по трудности сообщеній, что̀ въ 1843 году доказано потерею многихъ укрѣпленныхъ мѣстъ.

Въ Маіѣ мѣсяцѣ былъ здѣсь *генер. Головинъ* и спорилъ о необходимости занятія Аваріи, но я въ такихъ случаяхъ всегда помню извѣстную смѣшную пословицу: «всякой баронъ имѣетъ свою фантазію». Мы пріятельски поспорили, и ни одинъ изъ бароновъ не отсталъ отъ своего мнѣнія.

Не сумнѣваюсь, что онъ сообщилъ тебѣ сочиненіе его о происшествіяхъ на Кавказѣ во время его командованія и о военныхъ его дѣйствіяхъ. *О Граббе* говоритъ онъ съ озлобленіемъ и въ выраженіяхъ не по-

зволительныхъ, представляя его не разумѣющимъ своего дѣла. Все приписываетъ себѣ, и то, что́ непосредственно принадлежало ему.

Сочиненіе напечатано безъ цензуры, и онъ не скрылъ отъ меня, что у Государя находится экземпляхъ. Конечно не новый способъ писать самому о себѣ, но по крайней мѣрѣ не въ такой степени хвастливости. Впрочемъ, это многимъ нынѣ удавалось. Если дойдетъ до свѣдѣнія Граббе, безъ возраженія не обойдется, и онъ умѣетъ написать не хуже Головина.

Мнѣ даря сочиненіе, онъ просилъ не дѣлать его многимъ извѣстнымъ, а я слышу, что немало экземпляровъ распущено. Быть непремѣнно полемикѣ!

Недавно вышло сочиненіе *Устрялова*, гдѣ коснулось войны съ Персіянами, и обо мнѣ сказано, что я просилъ о смѣнѣ меня, признаваясь въ неспособности командовать противъ Персіянъ.

Въ тоже время *полковникъ Реутъ* (нынѣ генералъ-лейтенантъ), защищавшій Шушу, названъ неустрашимымъ. Это въ нынѣшнее время называется Исторіею! *О Реутѣ* лучше всѣхъ долженъ знать *ген. лейт. Клугенау*, служившій въ его полку маіоромъ, котораго тогда прислалъ онъ ко мнѣ съ просьбою, что, по крайности, въ которой онъ находится, онъ держаться не въ состояніи и чтобы далъ я повелѣніе сдать крѣпость. Клугенау ѣхалъ чрезъ лагерь Аббасъ-мирзы, и ему извѣстно было о испрашиваемомъ позволеніи. Бумаги въ отвѣтъ Реуту мною посланныя не могли заключать большой ему похвалы и конечно ничего угоднаго Аббасъ-мирзѣ, который ожидалъ возвращенія Клугенау,

отправленнаго съ его соизволенія. Вмѣсто Клугенау, я послалъ Тифлисской полиціи офицера *Ахиджанова*, котораго нашли убитаго въ преслѣдованіи подлаго труса Аббасъ-мирзы послѣ Елисаветпольскаго сраженія. О состояніи Шуши зналъ я всѣ подробности изъ записокъ самого Реута чрезъ посланнаго мною Армянина, вѣрнаго человѣка, который проносилъ мои предписанія на Польскомъ языкѣ, ибо въ арміи Персидской тогда Поляковъ не было. Бумаги писалъ мнѣ чиновникъ изъ Поляковъ, служившій въ экспедиціи губернатора *генер.-маіора Ховена*, теперь живущаго у меня. Вотъ историческая неустрашимость полковника Реута! Готовъ былъ сказать тебѣ еще одну мерзость, но оставляю до другаго времени; впрочемъ, о другомъ значительномъ лицѣ. Возвратимся къ Кавказу.

Теперь все предстоитъ собственнымъ глазамъ твоимъ. Какіе разсказы были о Гунибѣ, который воспаленное воображеніе молодежи превращало въ *Koenigstein*. Много, по истинѣ, поэзіи; но зачѣмъ онъ надобенъ, и какая польза въ Руджѣ? Въ эту категорію я не ввожу Тилитлы, но конечно не въ теперешнее время можетъ быть въ нихъ необходимость.

Но когда Казыкумыкъ присутствіемъ большаго числа войскъ пріученъ будетъ къ прочнѣйшему повиновенію, тогда, буде нужно, и Тилитлы достанутся несравненно съ меньшими трудностями. Пріобрѣтеніе можетъ доставить величайшія выгоды впослѣдствіи, но не иначе какъ по изысканіи удобнаго пути изъ Кахетіи. Тогда сократится линія до Сѣвернаго Дагестана, и то же количество войскъ, на меньшемъ пространствѣ разсѣянное, могущее безпрепятственно приспѣвать, куда потребно, будетъ вселять большее къ себѣ уваженіе.

Все это дастъ намъ открытіе каменнаго угля. Мнѣ досадно, что не постигаютъ важности этого открытія, котораго выгоды нельзя подвергнуть исчисленію. Конечно, не тотчасъ будетъ это ощутительно, но я вижу время, когда собственно по одному открытію угля можно будетъ уменьшить количество войскъ. Тебѣ, обращающему вниманіе на всѣ обстоятельства, предлежитъ создать систему, которая вывела бы насъ изъ большой погрѣшности размножать укрѣпленія. Немногія изъ сихъ имѣютъ моральное дѣйствіе на окрестныя земли, большая же часть развлекаетъ войска, ничего имъ не предоставляя, кромѣ безопаснаго пребыванія. И тутъ еще есть условія. Многое могъ бы я сказать, имѣя нѣкоторое о краѣ понятіе, но боюсь наскучить тебѣ, и ты не имѣешь времени читать мечтанія празднолюбца, имѣющаго досугъ. Оставь наслѣдникамъ твоимъ начертаніе, которое служило бы имъ руководствомъ. Надобно же имѣть планъ, съ которымъ бы всѣ начальники соображались. Доселѣ дѣйствіе ихъ были разрушающія однѣ другихъ, и мы остаемся всегда при началахъ. Ты все имѣешь, и власть, и у тебя самый, вѣрный помощникъ—Государь. Этого не про всѣхъ другихъ сказать возможно!

Въ концѣ Сентября намѣреваюсь я ѣхать на годъ за границу. Не болѣзнь гонитъ меня, но жизнь скучная, единообразная и лѣнь, совершенно покорившая меня. Словомъ, жизнь преглупая! Объѣду сколько будетъ возможно. Не буду представленъ ни къ одному двору, не сдѣлаю никакихъ знакомствъ, кромѣ хозяина гостиницы, въ которой буду жить. Буду пользоваться общественными удовольствіями. Гдѣ понравится, поживу долѣе; гдѣ не покажется хорошо, ѣду да-

лѣе. Одно изъ желаній быть зиму въ Италіи, и болѣе ничего не знаю. Со мною ѣдетъ одинъ изъ хорошихъ моихъ знакомыхъ, весьма много жившій за границею*). Невозможно человѣку въ семдесятъ лѣтъ не имѣть съ собою кого-нибудь изъ близкихъ.

Не думаю, чтобы встрѣтилъ я затрудненіе въ увольненіи, въ чемъ не отказываютъ никому, и ожидаю на письмо о томъ отвѣта.

Съ нѣкотораго время доходитъ до меня молва, впрочемъ ни на чѣмъ не основанная, что будто ты намѣреваешься сократить время пребыванія твоего на Кавказѣ. Это молва не порожденная болтливою Москвою, но перешедшая сюда изъ Петербурга, гдѣ конечно не мало завидующихъ блистательному твоему положенію, твоему могуществу, въ особенности же при расположеніи къ тебѣ Государя. Молвѣ этой я не даю вѣры и прошу тебя не думать, что сообщаю о ней съ намѣреніемъ вызвать тебя на отвѣтъ, который бы могъ объяснить ее. Прошу ни слова мнѣ не говорить о томъ.

Позволяющіе себѣ разсужденіе объ этомъ естественно встрѣчаются съ затрудненіемъ замѣнить тебя и ищутъ достойнаго среди отличаемыхъ уваженіемъ Государя, а потому и падаетъ выборъ на графа Киселева. Но это все таже молва, и нѣтъ ничего въ основаніе ей. Конечно поводомъ къ такому назначенію служатъ особенныя къ нему милости Императора, который, можетъ быть, о томъ и не помышляетъ. Онъ и въ Петербургѣ почитаемъ весьма надобнымъ.

---

*) Григорій Васильевичъ Лихачевъ. П. Б.

67.

29 Сентабря 1847.
изъ деревни.

Въ Москвѣ былъ слухъ, что проскакалъ фельдъегерь съ извѣстіемъ о взятіи *Салты*; но какъ они ни къ кому не являются, то никто и не знаетъ достовѣрно.

Послѣ Салты, разумѣется, не замедлитъ паденіе Гергебиля, и я нетерпѣливо хочу видѣть, чтò сдѣлаетъ Шамиль? Доселѣ во многихъ случаяхъ осторожный и умный, неужели будетъ онъ имѣть глупость защищать его и подвергнетъ горцевъ неизбѣжной гибели? Самъ онъ конечно позаботится спастись бѣгствомъ, если еще не посягнула на него холера, отъ которой съ свойственнымъ тебѣ благоразуміемъ сохранилъ ты войска. Турчидагъ, какъ ты самъ говоришь, не въ одномъ этомъ случаѣ оказалъ тебѣ услугу. Собственными глазами видѣлъ ты край, гдѣ происходятъ дѣйствія; опредѣлишь ихъ на будущее время и положишь цѣль, до которой достигнувъ, не преступать безъ крайнихъ и, такъ сказать, повелѣвающихъ обстоятельствъ. Это весьма важно, и для того собственный взглядъ былъ необходимъ. Я увѣренъ, что изъ князя Аргутинскаго ты извлекъ большую пользу, ибо лучше его никто не знаетъ этой мѣстности и относящихся до края обстоятельствъ, чему, кромѣ способностей его, способствовалъ долговременный опытъ. (Il est là sur son terrain, et certes on le lui disputerait difficilement). Ты видишь,

что я ему отдаю не только должную справедливость, но даже знаю сколько трудно замѣнить его. Я былъ противъ него за пышныя его реляціи, не заключавшія всегда строгой истины, но и въ этомъ случаѣ съ нимъ примирился, видя, что не одинъ онъ исключительно обладаетъ искусствомъ сочинять ихъ и конечно не отнимаетъ первенства у другихъ.

Я получилъ отпускъ на годъ за границу и въ половинѣ Октября выѣду отсюда. Намѣреваюсь быть зиму въ Италіи и посѣщу мѣста, гдѣ былъ въ прошедшемъ столѣтіи*).

Многое объѣзжу, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и стряхну съ себя лѣнь самодержавно царствующую надо мною, или, лучше сказать, покорившую меня совершенно, безусловно.

У насъ былъ Государь, но только двое сутокъ, ко всѣмъ чрезвычайно милостивъ, веселъ, доволенъ, и отправился далѣе.

Великій Князь Михаилъ Павловичъ жилъ около трехъ недѣль, осматривалъ стоящія въ лагерѣ войска и оставилъ всѣхъ вообще съ пріятнѣйшими о немъ воспоминаніями. Спрашивалъ меня, часто ли имѣю отъ тебя извѣстія. Я не смѣлъ солгать и отвѣчалъ, что весьма рѣдко и что совершенно не знаю ничего; вѣроятно столько же, какъ и онъ, ибо ничего не сообщилъ мнѣ.

---

*) Въ 1795 году 18-тилѣтній Ермоловъ, уже получившій изъ рукъ Суворова Георгіевскій крестъ за взятіе Праги, прикомандированъ былъ (по вліянію князя Зубова, который покровительствовалъ его отцу) къ главной квартирѣ Австрійскаго главнокомандующаго. Тогда Австрія воевала съ Французами, чтὸ дало Ермолову возможность побывать въ Италіи. П. Б.

68.

Москва, 20 Октября 1847.

Наконецъ, явилась нетерпѣливо ожиданная реляція въ нашихъ газетахъ, переходящая изъ рукъ въ руки. Салты въ устахъ каждаго, и новое назначеніе молодаго твоего князя, и высочайшій на имя твое рескриптъ доказываютъ каждому, сколько уважены Государемъ Императоромъ дѣйствія твои и распоряженія и какъ велики надежды его, что приближается время, когда непокорный Кавказъ перестанетъ быть враждебнымъ. Ни отъ кого изъ прежнихъ начальниковъ этого не ожидалъ. Многіе весьма убѣждены, что кромѣ тебя никто другой не сдѣлаетъ. Я съ своей стороны не престаю думать, что, наконецъ, будетъ начертанъ планъ, по которому должны дѣйствовать твои наслѣдники; основано будетъ внутреннее управленіе края, предметъ важнѣйшій; прекратится произволъ начальниковъ, и всѣ усилія каждаго устремлены будутъ къ одной цѣли. Словомъ, все будетъ твоимъ твореніемъ, и Кавказъ достойнымъ тебѣ памятникомъ.

О тебѣ не умолкаетъ молва. Говорятъ, что ты имѣлъ свиданіе съ Государемъ въ теперешнемъ его путешествіи; другіе утверждаютъ, что ты зимою ѣдешь въ Петербургъ.—На дняхъ я отправляюсь за границу. Не повѣрю извѣстіямъ иностраннымъ. У ихъ печатнаго станка сидитъ зависть могуществу нашему и злоба, что не могутъ вредить намъ.

69.

8 Декабря 1847.

Прокричавши слишкомъ рано, что ѣду за границу, самъ виноватъ я, что отъ тебя, почтеннѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ, и ни отъ кого вообще не имѣю писемъ.

Ты желаешь сдѣлать мнѣ удовольствіе, говоря, что взглядъ мой на Дагестанъ, гдѣ происходятъ военныя дѣйствія и на способъ охранить покорствующія намъ провинціи отъ волненія, а иногда отъ необходимости принимать участіе въ предпріятіяхъ Шамиля, во всемъ сходенъ съ твоими замѣчаніями.

Теперь такъ знакома тебѣ мѣстность Дагестана, съ такимъ разсмотрѣна вниманіемъ, что никто не осмѣлится представить обстоятельство ничтожное за важное, и при всемъ этомъ не престаю я утверждать, что устроеніе укрѣпленія на Карадагскомъ мосту, содержаніе въ немъ подвижныхъ двухъ баталіоновъ, при нѣсколькихъ орудіяхъ и горсти козаковъ для извѣщеній, дастъ неизчисленныя выгоды, и по близкому разстоянію отъ Ходжалъ-Моски и Зудахары могутъ удобно быть подкрѣпляемы для важнѣйшихъ предпріятій. Тогда Гергебиль оставитъ Шамиль, или онъ отрѣзанъ.

Всегда свободный входъ въ ханство Аварское и постоянно угрожающая опасность истребленія заста-

вять помышлять о покорности и искать помилованія. Итакъ, не входя въ ханство, можно дѣйствовать нравственно и, скажу болѣе, обуздывая предпріимчивость Шамиля, ослаблять къ нему довѣрчивость приверженцевъ. Отброшенный отъ обществъ зажиточнѣйшихъ и среди небогатыхъ, не имѣя удобности содержать около себя множество мюридовъ, онъ не сохранитъ прежняго могущественнаго вліянія. Прекратится власть на правомъ берегу Аварскаго Койсу, и *Кибитъ-Магома* не будетъ столько страшнымъ.

Не знаю, любезный князь, имѣешь ли ты въ виду Карадагской мостъ, но мыслить не хочу, чтобы въ послѣдствіи, если не въ 1848 году, когда-нибудь ты объ немъ не подумалъ и такъ, какъ онъ того стоитъ.

Припомни, чтó я сказалъ тебѣ на счетъ *Тилитлы*, и еще повторяю, что если со стороны Кахетіи будетъ найденъ къ нимъ доступъ (нельзя опредѣлить съ точностію времени), то пріобрѣтеніе сего мѣста представитъ весьма большія выгоды. Ты самъ ободрилъ меня къ подобнымъ разсужденіямъ, говоря, что я знаю мѣстность лучше многихъ изъ моихъ наслѣдниковъ. Воображаю, чтó должно будетъ сказать о тебѣ; ибо конечно подобной дѣятельности другой никто имѣть не въ состояніи. Ты на все обращаешь собственный взоръ.

Москва не престаетъ говорить глупости, будто, по причинѣ зрѣнія, ты хочешь оставить Грузію. Напротивъ нѣкоторые изъ принадлежащихъ тебѣ утверждаютъ, что совершенный вздоръ и что зрѣніе твое вполнѣ возстановлено

Жаль мнѣ, что не видалъ проѣхавшаго недавно твоего сына, который только что перемѣнилъ ло-

шадей и видѣлъ весьма немногихъ. Я желалъ бы знать достовѣрнѣе о твоемъ здоровьи.

У тебя послѣдовали значительныя перемѣны. Не думаю, чтобы можно жалѣть объ удаленіи *Ладинскаго*, который зналъ хорошо дѣла, но только одни плутовскія. Я хорошо знаю эту знаменитость, весьма способную быть шпіономъ. Въ *Бебутовѣ* ты можешь имѣть человѣка вѣрнаго и дѣльнаго; онъ разумѣетъ дѣло и весьма дѣятеленъ. За симъ, соединенный Дагестанъ, подъ властію одного начальника, можетъ быть управляемъ съ меньшимъ затрудненіемъ, и не будетъ мѣста интригамъ. Это вскорѣ будетъ ощутительно.

Слышу, что наряжена большая экспедиція для проложенія дорогъ по разнымъ направленіямъ и для разоренія непокорныхъ ауловъ въ Чечнѣ; но, конечно, не знаю обстоятельно.

Виноватъ въ недостаткѣ терпѣнія; но рѣшаюсь сдѣлать упрекъ тебѣ, почтеннѣйшій князь, за карту Дагестана, въ которую должны входить Тилитлы и все оттуда пространство до Елису и Кахетіи. Около двухъ лѣтъ назадъ ты мнѣ ее обѣщалъ и вѣрно кому-нибудь приказалъ; но о томъ по множеству важныхъ дѣлъ забыто. У меня ничего нѣтъ, кромѣ карты, доставленной мнѣ нѣкогда оберъ-квартирмейстеромъ Мендомъ, которому я совершенно незнакомъ и только весьма недавно въ первый разъ видѣлъ въ жизни. Сдѣлайте меня меньшимъ невѣждою, подарите мнѣ карту. По крайней мѣрѣ будутъ для меня понятны разсужденія другихъ.

Благодарю за благосклонное намѣреніе писать ко мнѣ за границу; но я не знаю точно, гдѣ и когда я

буду. Кажется, въ Февралѣ буду въ Римѣ, въ Маіѣ не менѣе двухъ мѣсяцевъ буду въ Парижѣ. Впрочемъ, и это невѣрно, и ни одному изъ банкировъ не будетъ извѣстно.

И такъ едва ли не цѣлый годъ я ничего не буду знать о тебѣ, и слишкомъ много у тебя занятій, чтобы найти время писать ко мнѣ. Мнѣ, самому скромному изъ путешественниковъ, который ни у кого представляться, ни съ кѣмъ знакомиться не будетъ, не найдется ничего сказать о себѣ занимательнаго, по какой причинѣ я предупредилъ всѣхъ, что рѣшительно писать не стану.

70.

(Генварь 1848).

Готовившись выѣхать за границу въ Сентябрѣ, промедлилъ до Генваря и едва не отправился въ самое гнусное время, въ морозы жестокіе, на колесахъ. Но вдругъ сдѣлался благоразуменъ и отложилъ до Маія *).

Не знаю, куда ѣду, гдѣ и когда буду?

Мнѣ о чемъ писать къ тебѣ, а тебѣ гдѣ меня отыскивать? Развѣ въ Парижѣ, общемъ пристанищѣ? Ты не воображай меня иначе какъ самымъ скромнымъ туристомъ. Кромѣ Папы ни къ одному не представляюсь двору, не знакомлюсь ни съ одною знаменитостію и не ищу вписаться ни въ какіе журналы. Увидишь въ Московскихъ Вѣдомостяхъ о выѣздѣ въ Брестъ Литовскій, минуя первую знаменитость, князя Варшавскаго.

---

*) Собиравшійся сопутствовать Ермолову Г. В. Лихачевъ, попечитель Тверской гимназіи, въ это время имѣлъ непріятности по этой должности, и произошло замедленіе въ полученіи имъ заграничнаго паспорта. Наступившія за тѣмъ революціи въ Западной Европѣ побудили Ермолова остаться дома. П. Б.

71.

5-е Генваря 1848. Москва.

Взятіе Салты входитъ въ соображеніе, которое немногимъ можетъ быть легко понятнымъ; мнѣ, имѣющему нѣкоторое понятіе о мѣстности, выгоды пріобрѣтенія представляются подъ разными видами. Вопервыхъ, хорошо преодолѣніе самонадѣяннаго сопротивленія, дабы вразумить, что можетъ быть гибельнымъ безполезное усиліе. Напрасныя потери людей, которыхъ не замѣнятъ рекрутскіе наборы, ослабятъ довѣренность къ Шамилю и потрясутъ повиновеніе, для возстановленія котораго, если-бы и рѣшился онъ на жестокія мѣры и казнь, онѣ никогда не будутъ такъ дорого стоить, какъ оборона Салты. Вовторыхъ, сообщу я о собственномъ взглядѣ на обстоятельства. Всѣ селенія, лежавшія между Аварскимъ и Казыкумыкскимъ Койсу, я не иначе разумѣю, какъ житницы для сохраненія хлѣба, собираемаго на богатыхъ посѣвахъ ихъ окружающихъ и особенно въ окрестностяхъ Салты, чѣмъ существуетъ большая часть населенія Аваріи. Теперь безъ сумнѣнія не только прекратятся работы на этихъ поляхъ, но и самыя селенія уничтожатся кромѣ тѣхъ, которыя укрѣплены и могутъ противиться немногочисленному отряду войскъ. Ихъ надобно будетъ постращать въ послѣдствіи, чего они не выдержатъ, не удаливши женъ и дѣтей. Въ этомъ случаѣ достаточно будетъ дѣйствія нѣсколькихъ ору-

дій. Голодомъ можно будетъ замѣнить штыки. Это назвать можно новымъ способомъ исправлять нравственность. Такъ нѣкогда и я дѣйствовалъ, но только *солью*, которой не было тогда въ другомъ мѣстѣ кромѣ озеръ, принадлежащихъ шамхалу. Вотъ какъ я смотрю на истребленіе Салты. Хорошо понимаю выгоды единства власти въ Дагестанѣ: исчезнутъ интриги, зависть, а можетъ быть даже и неблагонамѣренность, и дѣло Кутишинское, приносящее много чести князю Бебутову, имѣло бы при содѣйствіи болѣе рѣшительные успѣхи. Теперь въ особенности будутъ ощутительны при намѣреніи твоемъ, какъ вижу изъ письма, овладѣть Гергебилемъ. Скажу старую пословицу: *всякій баронъ имѣетъ свою фантазію.* Такъ я въ отношеніи къ Карадагскому мосту совершенный баронъ; но я не только не противорѣчу твоимъ видамъ, но знаю, что лучше взглядъ собственный и что̀ возможно противъ убѣжденія? Не почти однакоже настойчивость мою за упорство, съ какимъ увѣряетъ *Головинъ* о необходимости занять Аварію, которой потеря навлекла неудачи 1843 года.

Здѣсь былъ но довольно уже давно, съ тобою разставшійся *Щербининъ*, душою преданный тебѣ, и порадовалъ меня, что никогда не слыхивалъ о намѣреніи твоемъ оставить Грузію, смѣялся даже здѣшней молвѣ, будто *Киселевъ* предназначается замѣстить тебя по болѣзни твоей. Но и насчетъ здоровья совершенно успокоилъ меня пріѣхавшій на дняхъ изъ Тифлиса подполковникъ *Александровъ*. Скажи, какъ ты этого очаровалъ вполнѣ? Онъ объ тебѣ только говоритъ и говоритъ съ восторгомъ. Я его давно знаю какъ умнаго и весьма способнаго человѣка, но при-

знаюсь, съ досадою видѣлъ его возвратившагося въ томъ же чинѣ и зная тебя, внимательнаго къ способностямъ подчиненныхъ, огорчилъ его замѣчаніемъ, что конечно не умѣлъ быть тебѣ угоднымъ? Онъ отвѣчалъ, что, напротивъ, награжденъ деньгами и надѣется имѣть честь служить подъ твоимъ начальствомъ. Я замолчалъ; но по моему деньги—не награда для человѣка, который службою ищетъ пробить себѣ дорогу, дабы полезнымъ быть семейству своему безъ всякаго состоянія. Но это твое дѣло, *высокаго начальника*: такъ онъ тебя называетъ.

Наконецъ *Ладинской* (его звали Мазепою) теперь отдыхаетъ отъ трудовъ въ объятіяхъ Позена. Но и безъ того сладка жизнь съ пенсіономъ изъ 10 т. рублей. Не рѣдко платятъ щедро за шпіонство; но конечно великодушенъ тотъ, кто награждаетъ шпіона противъ самаго себя. Этому соблазну, я увѣренъ, не послѣдуютъ. А подлинно странно, что *Котляревской*, человѣкъ превосходный, могъ ошибаться въ немъ и даже уважать его. Мнѣ кажется, онъ не останется въ бездѣйствіи, и сильнѣйшій, нежели падшій Позенъ, покровитель употребитъ его способности давно извѣстныя. Какого ты важнаго плута сбылъ съ рукъ! Чрезвычайно радъ, что ты взялъ *Бебутова*. Я знаю его благодарнымъ и столько же благороднымъ. Онъ это доказалъ покойному Розену, въ которомъ не могъ имѣть ни малѣйшей надобности. Его я знаю!!!

Нейдгарта самого первая мысль была оставить Кунзахъ, прежде нежели Шамиль собралъ большія силы. Ему не представилось, что для сообщенія съ нимъ устроенные слабые посты не будутъ имѣть сред-

ствъ противостать. Головинъ, человѣкъ весьма умный, не допускаетъ нравственнаго вліянія безъ содѣйствія штыковъ; а я думаю, что отнятыя поля между двухъ Койсу скорѣе произведутъ его.

Въ половинѣ года Гергебиль будетъ въ рукахъ твоихъ, но съ нимъ вмѣстѣ весьма нехорошій путь далѣе, и Шамиль непремѣнно укрѣпитъ тщательно Карадагской мостъ, какъ самый щекотливый пунктъ. Видишь ли опять барона? Шамиль, какъ говорятъ, долженъ быть уменъ, но едва ли не повредился, смѣнивъ опытныхъ наибовъ и къ удивленію моему Кибитъ-Магому, который нашимъ начальникамъ не разъ давалъ хорошія наставленія. Онъ вскорѣ почувствуетъ свою ошибку и потрясетъ довѣрчивость къ нему другихъ, чтò поправить очень трудно. Это весьма благопріятный для насъ признакъ.

На новый годъ ты, любезнѣйшій князь, сдѣлалъ мнѣ дорогой подарокъ и конечно не воображаешь, сколько онъ мнѣ пріятенъ. Карта Кавказа знакомитъ меня съ Дагестаномъ, о которомъ нерѣдко, полагаю я, говорилъ на угадъ, слѣдовательно нерѣдко и вздоръ. Доселѣ былъ у меня клочекъ карты, дѣланный покойнаго Пассека рукою. Его обозрѣніе, и ничего болѣе! Снабженный картами *Головинъ* казался мнѣ оракуломъ. Виноватъ ты, если теперь выйдетъ это иначе. Я представляю себѣ, чтò должна быть 5-ти верстная карта. Мнѣ показалась бы она лучшею исторической картиною.

72.

Слышу, что большія у тебя пріуготовленія, и собирается огромная экспедиція. Нетрудно думать, что горцы не вынесутъ многихъ повтореній и если противостоятъ они оружію нашему, покоритъ ихъ крайность. Я, какъ прежде писалъ тебѣ, въ нынѣшнемъ году ожидаю важныхъ послѣдствій и просилъ тебя замѣтить слова мои. Я говорилъ относительно Кавказа, а необычайныя происшествія являются съ другой стороны.

Получая всѣ журналы въ ихъ цѣлости, не такъ какъ мы ихъ получаемъ, и при обширной твоей корреспонденціи, ты достовѣрнѣйшія имѣешь свѣдѣнія и конечно о событіяхъ въ сосѣдственной Пруссіи. О Берлинѣ слышны ужасы и, послѣ горячей рѣзни, король согласился на всѣ требованія. Не хороши извѣстія объ Австріи, но, кажется преувеличены. Благоразумнѣйшая принята система—не вмѣшиваться во внутреннія распоряженія Франціи; но конечно несравненно менѣе опасна она своимъ оружіемъ, какъ соблазнительнымъ примѣромъ, что̀ она весьма хорошо разумѣетъ. Скоро и въ Англіи перестанутъ быть страшными свинцовыя палки констаблей; но ее можетъ успокоить усиленное производство мануфактуръ, когда во Франціи, по неблагонадежности правленія, въ неподвижности капиталы, дѣятельность мануфактуръ уменьшается и по

необходимости рабочій классъ обратится къ военнымъ дѣйствіямъ. Можно жалѣть, если не въ полной мѣрѣ испытаетъ бѣдствія вѣтреная и ничѣмъ не довольная нація. Я ничего не понимаю и не вижу, но едвали возможно сохранить мирное состояніе Европы. По счастью, въ Германіи возникаетъ духъ народности, и видитъ Франція, что она не будетъ искать ея покровительства, котораго еще свѣжи воспоминанія; но за то всячески льститъ она ей и раздражаетъ противъ монархическихъ правительствъ; а ихъ не такъ уже много, чтобы не замѣтить, куда направляются злодѣйскіе ея замыслы.

Въ Петербургѣ все дѣлалось съ примѣтнымъ спокойствіемъ и безъ особенной поспѣшности: пріуготовляются къ движенію войска, собираются безсрочные. Дѣятельность по военной части являетъ военнаго министра въ полномъ блистаніи. Скрипъ перьевъ и фельдъегерскихъ повозокъ въ одинаковой степени, а что̀ пишутъ и что̀ развозятъ, увидимъ въ послѣдствіи.

Не скоро проститъ тебѣ военный министръ, что ты отнялъ лучшую часть головы его, *Позена*, въ теперешнемъ случаѣ для него необходимаго. Предвижу большую путаницу. Фельдмаршалъ, говорятъ, очень желалъ бы войны, думая конечно, что будетъ имѣть дѣло съ Персіянами или *Гяки-пашею*, котораго армію разбилъ и его самого взялъ въ плѣнъ *подполковникъ Верзилинъ* съ однимъ козачьимъ полкомъ. Нельзя вскорѣ ожидать войны; но конечно никто не поручится, чтобы не случилась.

Говорятъ, что бо̀льшая часть войскъ будетъ въ Царствѣ Польскомъ и что Императоръ самъ будетъ

командовать. Пойдетъ гвардія и гранодерскій корпусъ. Предполагалось, если бы Австрія требовала помощи, назначить особенную армію подъ начальствомъ графа Палена. Это знаменитость прежнихъ временъ, почти уже баснословныхъ. Мало уже между дѣйствующими именъ знакомыхъ арміи. Мало осталось даже въ числѣ живущихъ! Такъ и повсюду: все новое, все юное!

Я намѣревался ѣхать въ Маіѣ мѣсяцѣ, но теперь отложилъ совершенно. Въ Неаполѣ назначалъ я прожить зиму; но, будучи въ Германіи, узналъ бы я о возмущеніи въ Сициліи, и оставалось на зиму ѣхать въ Парижъ, какъ лучшее для веселостей время. Туда попалъ бы я за двѣ недѣли до революціи. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, если и возможно избѣжать опасности, то конечно уже не встрѣтиться съ удовольствіями, а я для того только и ѣхалъ, чтобы разсѣять скуку двадцатилѣтней праздности. Долженъ вѣрить, что меня покровительствуетъ особенное счастіе. Часто благодарю судьбу, что достигъ лѣтъ, дающихъ право на покой, сохранилъ способности для прочтенія журналовъ, если впрочемъ доходить они будутъ. Доселѣ и наши отечественные довольно чистосердечны.

Въ Берлинѣ не такъ велико было кровопролитіе; но во время отправленія депеши собирался народъ въ улицахъ толпами, и ожидали схватки значительной. Въ Вѣнѣ уже конституція, и вѣроятно у главныхъ изъ заговорщиковъ заблаговременно пріуготовлены были конституціи, ибо въ короткое время и не собирая депутатовъ объявлено четыре для разныхъ частей Имперіи. Царствующій дуракъ не помышлялъ о бѣгствѣ и не скрывался, и его не думали выгнать. Это сдѣлано гораздо благоразумнѣе Французовъ.

Не смѣетъ собранная сволочь, называющая себя членами временнаго правительства республики, явно дѣйствовать въ духѣ терроризма; но рѣчи ихъ, журналы, оффиціальные акты ясно обнаруживаютъ совершенную къ тому наклонность, и Французы благомыслящіе убѣждены, что терроризмъ неотвратимъ, и разсужденія ихъ о томъ объявляются въ журналахъ. Много еще пролито будетъ крови этой вѣтреной и гнусной канальи! Неприкосновенности собственности никто не вѣритъ; дѣлаются угрозы капиталистамъ, и называется измѣною, что они не употребляютъ или употребляютъ менѣе прежняго денегъ на мануфактурныя издѣлія. Боязнь празднаго класса рабочихъ заставитъ республику дѣлать неистовства, и допущенное грабительство будетъ мѣрою самохраненія правительствующихъ мошенниковъ. Будущность готовитъ ужасныя бѣдствія, и горе странамъ, гдѣ ослабѣваетъ уваженіе власти и въ народѣ довѣріе къ ней исчезая, даетъ мѣсто негодованіямъ и справедливому ропоту!

18 Марта 1848. Москва.

P. S. По разговорѣ съ пріѣзжимъ изъ Петербурга, Государь занятъ безпрерывно. Сборъ войскъ, направленіе ихъ, самое ихъ счисленіе и всѣ къ тому подробности начертываются его рукою.

По Военному Министерству непонятная путаница, которую какъ будто не хотятъ замѣчать. Но у министра таже тщательность въ туалетѣ и всякій день партія виста! У фельдмаршала съ министромъ была сильная схватка по предмету безсрочныхъ Царства Польскаго. Первый говорилъ, что они безъ аммуниціи и нѣтъ ничего готоваго для нихъ, что Государь обманываемъ несправедливыми донесеніями. Великій полководецъ начинаетъ побѣдою!

73.

12 Апрѣля 1848. Москва.

Чрезвычайно доволенъ, что письмо твое опровергло размножившіеся здѣсь слухи, что здоровье и усталость заставляютъ тебя оставить Грузію. Ничему не вѣрилъ я, ибо необыкновенная дѣятельность не свидѣтельствуетъ усталости и не можетъ имѣть мѣста при разстроенномъ здоровьи. Но позволяю себѣ нѣкоторое удивленіе, что такъ поздно началъ ты примѣчать необходимость бóльшаго отдохновенія. Конечно это не по лѣтамъ, будучи четырью годами меня моложе и при счастливомъ твоемъ сложеніи, живости и подвижности. Также какъ и меня съѣла бы тебя праздность и бездѣйствіе! Большая разность лѣтъ ничего не значитъ въ молодомъ возрастѣ; но въ мои лѣта довольно четырехъ лѣтъ, чтобы опредѣлить способность или негодность, и я по истинѣ скажу (конечно не хвастая), что совершенно ни на что не надобенъ, благодаря великодушному попеченію о двадцатилѣтнемъ моемъ успокоеніи.

Медленнѣе доходятъ до тебя извѣстія о происшествіяхъ въ Европѣ, но несравненно точнѣйшія при обширной твоей перепискѣ и сверхъ того по множеству получаемыхъ журналовъ, изъ которыхъ читаю я немногіе и то съ разнообразными вырѣзками и выкройками. Намъ предоставляется дополнять собственнымъ вымысломъ!

Есть частныя извѣстія, что въ Парижѣ была еще порядочная, но не продолжительная рѣзанина, чего можно желать мерзавцамъ отъ всего сердца. Какія гнусныя дѣйствія мошенниковъ временнаго правительства во Франціи! Видя, что не могутъ распространить на Германію прежняго вліянія, они отравляютъ ее развратнымъ примѣромъ своимъ, притворно соболѣзнуя, что она страждетъ подъ игомъ власти, упрекая долговременнымъ заблужденіемъ, что Франція полагала Германію себѣ враждебною. Они увѣряютъ, что одинаковы должны быть ихъ намѣренія, равно святы усилія возстановить падшіе народы и просто говорятъ, что надобно вырвать Польшу и поставить ее оплотомъ Европы противъ Азіи. Въ томъ же смыслѣ дѣйствуетъ Германская діета, изъ какихъ-то сорванцовъ самовластно составившаяся, и сзываетъ представителей отъ всѣхъ Германскихъ государствъ; а какъ ими управляютъ такіе же сорванцы, то діета должна скоро воспріять свое дѣйствіе. Не отправится ли туда Совѣта нашего членъ *г. Ганъ*, ибо того же Гейдельбергскаго университета одна бестія играетъ тамъ важную ролю. Глупая представилась мнѣ мысль, что преобразованіе Грузіи *г. Гана* было пріуготовленіемъ ко всеобщему Европейскому порядку. Конечно слишкомъ онъ уменъ, чтобы предположить отторгнуть Закавказскія области подобно Польшѣ; но, на случай войны за послѣднюю, хорошо произвести неудобства и затрудненія для Россіи, понуждающія ее раздѣлить усилія и средства.

Право, невозможно съ увѣренностію утверждать противное! Конечно, не мою сообщу тебѣ мысль, но слышу дерзающихъ подозрѣвать, что не все дѣлается безъ

намѣренія, хотя впрочемъ облекаемое благовидною наружностію. Я не этого мнѣнія и скорѣе готовъ предположить недальновидность и равнодушіе къ рождающемуся негодованію. Но это не мое дѣло, и рѣшаюсь лучше скучать тебѣ безпутствомъ Европы.

Каковъ король Прусской, заставившій войска рѣзаться подъ окнами его дворца, въ которомъ самъ прятался пьяный? И когда заставили его удалить войска за городъ, то онъ думалъ смягчить разъяренную чернь, разсказывая ей, что жена его очень плачетъ, не смѣя уже называть ее королевою.

Не умѣлъ сѣсть на коня и быть при войскахъ; брата своего наслѣдника привелъ въ ненависть въ народѣ, и тотъ долженъ лишиться отечества, бывши въ немъ любимымъ. Самъ пріобрѣлъ достойное наименованіе подлеца и труса! Каково это сердцу доброй нашей Императрицы, которая, говорятъ, ужасно огорчена!

А что̀ сдѣлалось съ Австріею и что̀ еще будетъ? Она истощаетъ безполезныя усилія и Ломбардіи не возвратитъ. *Радецкаго* армію поставляли за образецъ, и она не умѣетъ даже продать дорого побѣды. Когда было покойно, войскъ было болѣе; а когда при общемъ возстаніи народа необходимы средства, ихъ было недостаточно. Теперь ведутъ туда многочисленныя подкрѣпленія, но уже поздно, и потеря Ломбардіи, ободривъ Италіянцевъ, ускоритъ раздѣленіе Австріи на части. Въ Венгріи народъ вдался въ неистовства; магнаты, удовлетворяя ихъ грознымъ требованіямъ, предоставили имъ въ собственность большую часть своихъ имуществъ и никакого вліянія не имѣютъ, напротивъ устрашены разностію вѣроисповѣданія. Сла-

вянскіе народы также предлагаютъ тяжкія условія, но, не уничтожая зависимости, требуютъ однакоже соединенія Эсклавоніи, Илиріи и Далмаціи, и вѣроятно есть сокровенная мысль самостоятельности при первомъ удобномъ случаѣ, когда болѣе прочный порядокъ можетъ обѣщать имъ или союзы, или покровительство.

Въ Богеміи есть давніе зародыши неудовольствій. Какая ужасная перспектива!

Галиціи Австрія поблажаетъ въ своей слабости и въ ней готовитъ злаго намъ непріятеля. Какъ ни старъ и въ упадкѣ *Меттернихъ,* но въ немъ потеря для Австріи ужасная.

Не вижу войны ни очень скоро, ни упорной. У всякаго есть свое дѣло, и сверхъ того дѣла относительно одинъ другаго, особливо по предмету соединенія Германіи. И кому же изъ владѣтелей такъ къ сердцу возстановленіе Польши?

Сообщу тебѣ слухи не здѣшней фабрики. Въ случаѣ войны, по количеству войскъ, будетъ не одна армія, и на тебя есть виды. Это не принадлежитъ къ пустой молвѣ!

Сохрани письмо мое, въ которомъ я просилъ тебя обратить вниманіе на замѣчаніе мое насчетъ нынѣшняго 1848 года. Взгляни на него и что̀ хочешь думай. Я почти пророкъ!

Желаю и не сумнѣваюсь въ полномъ успѣхѣ предпринимаемой тобою экспедиціи.

Шамиль разыгрываетъ фарсы своею *абдикаціею,* но онѣ выказываютъ не лучшее положеніе его дѣлъ и уже конечно небольшія надежды.

Собраніемъ наибовъ доказываетъ онъ ожиданіе рѣшительной борьбы, и не такъ онъ глупъ, чтобы не видѣлъ, что нѣтъ у него средствъ на повтореніе таковыхъ. Не отправился бы онъ за инструкціей Пророка въ Мекку!

Дѣйствія послѣднія въ Чечнѣ и пролагаемыя дороги, достаточныя убѣдить, что уже не такъ легко укрываться по близости къ плоскости, къ которой неудобный доступъ допускалъ возможность ею пользоваться, не подвергаясь внезапнымъ нападеніямъ, заставятъ Чеченцевъ испрашивать позволенія переселиться на прежнія мѣста и сидѣть покорными. Это будетъ большой шагъ къ тому, чтобы менѣе часты и менѣе упорны были схватки.

Не беру я на себя проникать твои намѣренія; можетъ быть не входитъ въ нихъ пріобрѣтеніе Карадагскаго моста, и ты находишь приличнѣйшимъ овладѣть Гергебилемъ; удивляюсь, если горцы будутъ имѣть глупость испытать напрасныя потери для безполезной защиты и его не оставятъ. Упорная защита его и неотвратимая потеря произведутъ непремѣнно ужасное нравственное вліяніе, гораздо сильнѣйшее нежели добровольное оставленіе его, которому могъ бы Шамиль дать лаговидное истолкованіе.

74.

Я рѣшительно отмѣнилъ намѣреніе ѣхать за границу, и трудно найти мѣсто въ Европѣ, гдѣ бы не могли встрѣтиться непріятности. Повторю слова твои: «Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится!».

Повторяются слухи, что въ Парижѣ порядочная была рѣзанина. Говорятъ тоже и объ Вѣнѣ; но этого ожидать менѣе возможно, и отъ императора не осталось уже ничего требовать. Повсюду нравится народу именованіе *peuple souverain*. Изъ числа свѣжихъ самыхъ слуховъ слѣдующіе: *эрцъ-герцогъ Іоганнъ* избирается императоромъ Германскимъ. По смерти эрцъ-герцога Карла умнѣйшій и наиболѣе любимый въ народѣ. Пребываніе его въ Вѣнѣ воздержало отъ многихъ безпорядковъ.

Король Прусской впалъ въ презрѣніе даже въ Германіи. Недавно прислалъ къ Государю одного изъ генераловъ. Посланный къ нему генералъ-адъютантъ Бергъ не могъ его видѣть и возвратился.

Въ Англіи также страшатся очень безпорядковъ рабочаго народа; но принимаются дѣятельныя мѣры, и многіе весьма увѣрены, что худыхъ слѣдствій не будетъ, по непривычкѣ народа имѣть дѣло съ войсками, какъ бы ни малы были средства послѣднихъ. Въ Ирландіи ожидаютъ непремѣнной схватки и не въ

пользу ея, ибо большая часть не расположена къ безпокойствамъ. Правительство однакоже находитъ себя въ необходимости имѣть величайшую осторожность и принимать мѣры, требующія издержекъ, къ которымъ оно не обыкло и которыя объясняютъ являющіяся новыя понятія въ народѣ о правахъ, ему принадлежащихъ, отклоняемыхъ въ пользу другихъ сословій. Народъ не восхищенъ этою свободою и чувствуетъ, что можетъ быть что-нибудь лучшее.

Умное и прозорливое правительство многое предотвратитъ или по крайней мѣрѣ много ослабитъ потрясеніе, въ чемъ болѣе всего поможетъ ему Франція; ибо ужасы, которыхъ она не избѣжитъ, вскорѣ распространятъ страхъ повсюду и не будутъ обольщающимъ примѣромъ. Республика во Франціи не устоитъ, и этого много уже будетъ для общаго въ Европѣ спокойствія; а будутъ конституціи лучше Англійской, которыми могутъ довольствоваться царствующіе, добросовѣстно употребляя власть.

Въ Царствѣ Польскомъ совершенно все тихо: простой народъ весьма далекъ желанія безпокойствъ, и буйные Поляки не найдутъ сочувствій.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

По окончаніи письма моего прочелъ Манифестъ (здѣсь еще не извѣстный) объ опасности, угрожающей Россіи общимъ противъ ея стремленіемъ непріязненныхъ народовъ. Государь, взывая къ народу, говоритъ о необходимости защищать предѣлы отъ вторженія враговъ. Можно разумѣть изъ него, что мы остаемся одни, и всѣ противъ насъ!

Въ Берлинѣ продолжалась рѣзня не одинъ день. Войска за короля сильно дрались. Народъ превозмогъ, король въ его рукахъ. Толпы требуютъ, чтобы король являлся на балконѣ, и мимо его проносятъ на пикахъ отрѣзанныя головы разбитой его гвардіи.

Вотъ происшествія, которыя будутъ имѣть на насъ пагубное впечатлѣніе. Боятся нашего могущества, и противъ него всякія будутъ злоупотребленія и злодѣйства.

Европа загоралась постепенно, и пожаръ теперь у самыхъ жилищъ нашихъ. Меттернихъ бѣжалъ, ничего не предвидя. Можетъ быть, наши министры прозорливѣе!

Предстоитъ широкое поле людямъ, въ настоящее время пріуготовленнымъ и развернувшимся талантамъ. Желалъ бы взглянуть на постную фигуру первѣйшаго изъ полководцевъ нашихъ, на котораго возложитъ надежды отечество. Но есть у насъ Чернышовъ, и пусть кто другой овладѣетъ Касселемъ!

75.

Князь Семенъ Михайловичъ сдѣлалъ мнѣ честь, посѣтилъ меня, возвращаясь изъ Петербурга. По чувству благодарности я долженъ былъ принять обязательное предложеніе его доставить тебѣ письмо мое и потому пишу.

Такъ велики занятія твои, что я не только не позволяю себѣ негодовать на продолжительное молчаніе твое и ему не удивляюсь, но даже думаю иногда, что я напугалъ тебя длинными моими письмами и что нерѣдко не достаетъ тебѣ времени ихъ прочитывать, и я сократилъ ихъ. Недавніе въ Европѣ перевороты увлекли меня, и въ описаніи ихъ невольно я распространился; но чрезвычайно радъ, что ихъ перескажетъ тебѣ молодой твой князь, который знаетъ ихъ достовѣрнѣе и основательнѣе многихъ другихъ, и тѣмъ избавляюсь я отъ болтовни, можетъ быть, для тебя очень скучной. Онъ того мнѣнія, что войны не будетъ ни весьма скорой, ни весьма важной, и потому извольте, ваше сіятельство, заниматься устройствомъ и основаніемъ будущности (avenir) Кавказскаго края, что̀ едва ли не полезнѣе отечеству командованія арміею, особенно когда не предвидится войны тяжелой. Жалѣю, что ничего рѣшительно не знаю о предпріятіяхъ и дѣй-

ствіяхъ твоихъ; слухамъ же не всегда вѣрю. Былъ случай получить о томъ понятіе отъ генерала Фрейтага, проѣхавшаго здѣсь, но я былъ въ деревнѣ и его не видалъ. Теперь я здѣсь на короткое время по причинѣ пріѣзда графа Закревскаго, который сказывалъ, что получилъ отъ тебя письмо *).

Здѣсь были нелѣпые слухи, будто по окончаніи нынѣшней экспедиціи ты желаешь имѣть отпускъ на годъ и быть на водахъ за границею. Можетъ быть, послѣднее было бы не безъ пользы; но продолженіе года допустить невозможно.

Повторю отъ сердца, что очень былъ радъ видѣть твоего сына, который и подъ фракомъ не умѣлъ скрывать наклонностей военныхъ.

11 Іюня 1848. Москва.

---

*) Передъ тѣмъ назначенаго въ Москву генералъ-губернаторомъ. П. Б.

Послѣднее письмо твое, почтеннѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ, было изъ Воздвиженскаго отъ 29-го Іюля; долго послѣ никого не видалъ я съ Кавказа и потому не весьма давно узналъ, что ты отправился въ Крымъ позже, нежели предполагалъ. Жаль было бы, еслибы менѣе времени отдохнулъ тамъ, какъ намѣревался, особливо же послѣ трехъ съ половиною лѣтъ отсутствія изъ великолѣпныхъ твоихъ Крымскихъ владѣній, чтò едва ли случалось прежде. Наконецъ, ты былъ, и это должно вразумить каждаго, что дѣла на Кавказѣ въ другомъ, нежели прежде, положеніи. Я ожидаю вскорѣ весьма важныхъ перемѣнъ, и надобно быть горцамъ слѣпыми, чтобы не видѣть, какъ великими жертвами поддерживаютъ они власть Шамиля.

Удивленъ я былъ, увидѣвши назначеніе на мѣсто, которое ты готовилъ графу Симоничу, и неужели хотѣлъ онъ отказаться отъ него? Не удержалъ ли его фельдмаршалъ, котораго желаніе войны Европейской легко можетъ исполниться. Этотъ счастливецъ и тутъ встрѣтится со всею пестротою Нѣмецкихъ породъ, составляющихъ мечтательную Германскую имперію, которые болѣе 30 лѣтъ не видали выстрѣла, и ими предводительствовать будутъ профессора, бѣжавшіе изъ опустѣлыхъ университетовъ, на главѣ которыхъ будетъ викарій Іоганнъ (въ военномъ ремеслѣ конечно епископъ). Я воображаю, какая будетъ связь въ дѣлахъ

и единодушіе! Что̀ значитъ подобная война нашему воеводѣ Паскевичу, когда въ самомъ раю давалъ онъ баталіи? Кто другой со временъ христіанства дрался у источниковъ Тигра и Евфрата?

Видѣлъ я здѣсь генерала Лабинцова не болѣе получаса, ибо на другой день уѣхалъ я въ деревню; но довольно было времени замѣтить, что онъ съ сожалѣніемъ оставилъ Кавказъ, гдѣ служилъ такъ счастливо, пріобрѣлъ милостивое вниманіе Государя, пользовался твоимъ благорасположеніемъ. Онъ конечно понимаетъ, что онъ *Lamorissière*; но у насъ нѣтъ баррикадъ, и не такъ легко попасть въ военные министры. Примѣтно грустить. Но какъ человѣкъ, такъ давно въ дружбѣ со счастіемъ и имъ балуемый, онъ имѣетъ свои претензіи и нѣкоторыя хорошо высказываетъ. Но сплетни не мое дѣло, и ты конечно не пожелаешь ихъ знать. Онъ былъ весьма тебѣ преданный человѣкъ и боевой хорошій инструментъ.

Ничего не знаю, какія твои предположенія, какая цѣль пребыванія въ горахъ войскъ, а въ скромности моей не имѣешь причины сумнѣваться.

Если еще не въ видахъ твоихъ оставить Кавказъ, не мѣшало бы заглянуть въ Петербургъ; могутъ встрѣтиться первостепенныя обстоятельства и увлекать вниманіе.

22 Сентября 1848.
Изъ деревни.

77.

Получ. 5 Ноября 1848.

Соображаясь со слухами, ты долженъ былъ 15-го числа возвратиться въ Тифлисъ. И такъ, вопреки предположенія пробыть въ Крыму нѣсколько недѣль и отдохнуть, ты былъ довольно короткое время, о чемъ очень жалѣю. Къ тѣмъ же обращаясь слухамъ, скажу, что невозможно было избрать удобнѣйшаго времени для необходимаго отдохновенія, ибо въ твоемъ Кавказѣ все идетъ самымъ успѣшнымъ образомъ, и Шамиль, дерзнувшій нарушить повсемѣстный покой, какъ носится молва, понесъ наказаніе, каковому никогда не подвергался. Скоро неудачи охладятъ его предпріимчивость, ослабѣетъ довѣренность къ нему, примѣтно уже не прежняя, и конечно проявится непослушаніе. Теперь, при свободномъ сообщеніи Казыкумыка съ Темиръ-Ханъ-Шурою, при возможности перемѣщенія войскъ съ одной покатости горъ на другую, Шамиль не можетъ обѣщать себѣ ни малѣйше выгоднаго предпріятія, и я весьма могу ошибаться, но позволяю себѣ думать, что нѣкоторое время можно не возобновлять наступательныхъ дѣйствій. Довольно убѣжденія, что они зависятъ совершенно отъ произвола начальника войскъ, при всѣхъ способахъ, имѣющихся подъ руками и нетребующихъ продолжительныхъ сборовъ, которые обнаруживали всегда намѣренія. Къ тому же потеря обширныхъ и богатыхъ посѣвовъ въ окрестности Салты и другихъ истреблен-

ныхъ селеній есть неизбѣжный голодъ, постоянный нашъ авангардъ. Всякій баронъ имѣетъ свою фантазію; у меня мѣсто ея, можетъ быть, замѣняетъ мысль нездравая; но еслибы въ рукахъ нашихъ былъ Карадагской мостъ, я многое сказалъ бы другое. Не обвиняй мое упрямство и даже не говори мнѣ ни слова на этотъ предметъ: молчаніе со стороны твоей будетъ доказательствомъ, что я не угадалъ твоихъ намѣреній, и довольно.

Ты писалъ ко мнѣ, что едва ли останешься въ Грузіи болѣе четырехъ лѣтъ. Позволь брату Сергѣю Николаевичу имѣть честь служить подъ твоимъ начальствомъ до твоего удаленія. Это будетъ наилучшимъ атестатомъ для служенія его въ послѣдствіи.

25 Октября 1848. Москва.

78.

Письмо твое отъ 18 Октября получилъ съ величайшимъ удовольствіемъ и конечно немало удивился, что едва успѣлъ пріѣхать, уже скачешь въ Эривань, что̀ свидѣтельствуетъ о твоемъ здоровьи, хотя весьма непродолжительно было отдохновеніе въ Крыму.

Приказъ по войскамъ, тобою присланный, пришелъ въ одно время съ реляціею, напечатанною въ газетахъ. Князь Аргутинской и войска подъ начальствомъ его дѣйствуютъ славно! Какими потерями платитъ Шамиль за безразсудную предпріимчивость; но жители Самурскаго округа конечно мошенники; ибо, безъ сношеній съ ними предварительно, невозможно позволить себѣ подобнаго движенія. Еще сильны обольщенія Шамиля, и не нашлось приверженнаго намъ человѣка, который бы извѣстилъ о согласіи жителей.

Давно знаемъ о смерти шаха, и не эта ли причина вызываетъ тебя въ Эривань? Немного хорошаго въ томъ, что дядюшка новаго шаха живетъ у тебя. Совершенно безсильная Персія ничего не значитъ, но подъ видомъ приличія будетъ желать возвращенія бѣжавшаго, и будетъ поводъ къ охлажденію съ ея стороны.

1 Ноября 1848. Москва.

P. S. Тебѣ уже извѣстно, что Вѣна послѣ сильнаго сопротивленія сдалась. Гнуснѣйшее поведеніе

Венгерцевъ обращаетъ все вниманіе Австріи, и они испытаютъ жестокое наказаніе, по справедливости заслуженное.

Видно повсюду, что нѣсколько мошенниковъ волнуютъ цѣлые народы; но подлѣе Венгерцевъ доселѣ еще не являлось.

Въ Австріи являются люди съ характеромъ, котораго прежде не обнаруживали, и Славянскіе народы, забывая прежнія утѣсненія, возстановляютъ ея могущество безъ пособія Нѣмецкой Франкфортской сволочи, которой рабски повинуется одинъ пьяный король Прусской.

Берлину не можетъ нравиться урокъ, данный Вѣнѣ, и конечно дойдетъ до развязки. У короля примѣтно было желаніе къ тому, но душа слабая отказывалась, и онъ готовъ перенесть всякое уничиженіе. Оскорбленная армія не вся сохранила прежній духъ, и уже бываютъ случаи, высказывающіе одобреніе нынѣшнихъ всеразрушающихъ правилъ. Дано время мошенникамъ разсѣять свои обольщенія. Много будетъ невиданнаго. Богъ сохраняетъ нашего Государя, и премудры дѣйствія Его! Конечно много завидующихъ спокойствію Россіи.

79.

Генералъ Коцебу посѣтилъ меня въ проѣздъ свой, и я съ любопытствомъ выслушивалъ о важныхъ усовершенствованіяхъ, которыя дѣлаютъ Кавказъ страною мнѣ почти уже незнакомою. Немногіе изъ предмѣстниковъ твоихъ могутъ оправдываться кратковременнымъ ихъ пребываніемъ въ томъ, что они сдѣлали мало, и этихъ называю я счастливцами.

Каково же намъ двумъ съ барономъ Розеномъ! Хотѣлъ я прихватить Головина, но по мнѣнію властей онъ принадлежитъ къ эпохѣ улучшеній, особенно послѣ изданнаго имъ самимъ описанія *de ses faits et gestes*. Это дѣлаетъ онъ всегда при перемѣнѣ должностей. Какъ человѣкъ умный, онъ имѣетъ апостоловъ, проповѣдующихъ его славу. Теперь возстаютъ они на Суворова и распускаютъ клеветы словесно и письменно.

Намѣреніе твое быть въ Іюлѣ въ Петербургѣ, по письму твоему, подтверждается слухами оттуда. Ты будешь единственный изъ всѣхъ начальниковъ страны, въ которой не осталось мѣста, которое бы не было подъ глазами твоими и укрылось отъ вниманія. Государю много ты сообщишь новаго; ибо видитъ онъ Кавказъ, какъ ему представляетъ его военный министръ, совсѣмъ его незнающій; пребываніе же Государя въ Грузіи было чрезвычайно непродолжительно. Можетъ быть, говорилъ онъ о ней съ Головинымъ;

со мною же ни слова, какъ съ совершенною невѣждою, къ которому относятся всѣ безпорядки. Теперь въ ясномъ видѣ предстанетъ ему Кавказъ; военныя дѣйствія идутъ по желанію; ты предложишь многое для лучшаго устройства по гражданской части и начертаешь планъ высочайшею волею освященный (нѣкогда называлъ я его уставомъ), по которому должны будутъ дѣйствовать твои наслѣдники. Тебѣ принадлежать будетъ слава созданія закона, по которому возрастать будетъ благоденствіе Кавказа, указаніе его будущности, основаніе прочнаго обладанія важными пріобрѣтеніями Россіи и, облегчивъ такимъ образомъ способы управленія краемъ твоимъ преемникамъ, ты кончишь четырехлѣтіе и можешь торжествуя отдыхать отъ многотрудныхъ занятій твоихъ. Изъ письма твоего видѣлъ я, что четвертый годъ ты почиталъ уже утомительнымъ.

Не удивляетъ меня желаніе отдохновенія, и я ожидаю, что измѣняющееся положеніе Шамиля не будетъ уже въ прежней степени требовать распоряженій и вниманія главнаго начальника и прежней блистательной наружности имѣть не будетъ. Устройство края будетъ водворяться медленно, и жаль, если бы то могло наполнять все время знаменитаго начальника. Удаленіе твое конечно будетъ предметомъ общаго сожалѣнія, ибо не будутъ столько видны дѣйствія, столько щедры награды, и сумнительно, чтобы другому начальнику предоставлена была столь огромная власть и право награждать по произволу. Послѣ тебя быть главнымъ начальникомъ конечно во многихъ отношеніяхъ весьма невыгодно, и все приметъ другой видъ; но ловкій человѣкъ можетъ еще имѣть возмож-

ность снискать привязанность подчиненныхъ, ибо останется Шамиль, обильный источникъ происшествій и средство прославленія многихъ дѣйствующихъ лицъ.

Но долженъ сказать тебѣ, любезный князь, что желанію твоему оставить Кавказъ никто не хочетъ вѣрить. Впрочемъ, быть можетъ, потому что всѣ легко угадываютъ, что тебя всячески удерживать будутъ и, чтобы успѣть въ томъ, на все готовы будутъ. Много способствовать будутъ обстоятельства Европы, менѣе прежняго грозныя, и арміи наши могутъ долго оставаться безъ дѣйствія. Это послѣднее обстоятельство можетъ продлить твое тамъ пребываніе. Иначе не отдѣлаться бы отъ командованія арміи, ибо по количеству готовыхъ къ дѣйствію войскъ изъ нихъ мало составить двѣ арміи.

Ты въ нѣсколькихъ словахъ очертилъ мнѣ движеніе Шамиля на Ахты. Признаюсь, Бюрно не показалъ большой рѣшительности, если не совсѣмъ струсилъ; но и генералъ Шварцъ немного сдѣлалъ чудесъ. Всѣхъ молодцоватѣе поступилъ Шамиль; ибо нельзя осмѣлиться спуститься на Самуръ, не будучи увѣреннымъ, что будутъ согласны старшины округа и народъ принять его. Безъ предварительныхъ сношеній и, можетъ быть, съ давняго времени этого не смѣлъ бы онъ предпринять. Странно, что не зналъ князь Аргутинской, у котораго много приверженныхъ ему людей и лазутчиковъ, каковыхъ никто другой не имѣетъ. Онъ не имѣлъ извѣстія о движеніи Шамиля.

Ты самъ возбудилъ разсужденіе; я самъ не сказалъ бы ни слова и вмѣстѣ съ другими, не имѣющими понятія, восхищался блистательнымъ описаніемъ проис-

шествія. Защита Ахты по истинѣ славная и награждена достойно! Вѣроятно Шамиль не скоро рѣшится на подобное предпріятіе. Объ этомъ наши будутъ жалѣть болѣе, нежели онъ самъ о неудачѣ.

Воображаю, съ какимъ чувствомъ увидѣлъ ты мѣста̀, гдѣ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ получилъ Георгіевскій крестъ и настоящее твое назначеніе (vocation) не сдѣлалъ затруднительнымъ для начальства. Никому не показался ты камергеромъ!

Любопытство знать, какія дѣйствія предначерта̀ешь на будущее лѣто, ты удовлетворилъ самымъ обязательнымъ образомъ, и я не буду стыдиться невѣжества при дѣлаемыхъ вопросахъ. Ты не разрѣшаешь наступательныхъ дѣйствій, да скоро уже и некуда будетъ. Не оспариваю мнѣнія твоего о Карадагскомъ мостѣ: на мѣстѣ ты лучше объ этомъ судить можешь. Не буду говорить о Тилитлы, которые не такъ скоро надобны будутъ. Извини, не могу не говорить вздору. Понимаю, какія каменный уголь и торфъ доставятъ выгоды войскамъ, занимающимъ Казыкумыкъ и окрестности. Это скоро почувствуютъ горцы.

13 Декабря 1848. Москва.

Здѣсь видаюсь я съ княземъ Палавандовымъ, бывшимъ гражданскимъ губернаторомъ Тифлиса, который любопытнымъ чрезвычайно образомъ говоритъ мнѣ о Грузіи, до того измѣнившейся, что я не узналъ бы ея. Чудеса разсказываетъ онъ мнѣ о Тифлисѣ, съ которымъ, по словамъ его, весьма немногіе изъ главнѣйшихъ городовъ Россіи сравниться могутъ. Подумалъ бы я, что есть въ повѣствованіи немного излишняго; но дѣти мои, и въ особенности Викторъ, находятъ его умѣреннымъ.

Не знаю, всѣ ли твои предмѣстники, управлявшіе краемъ, будутъ справедливы; но что̀ до меня касается, я очень хорошо вижу, что только при тебѣ могло правительство получить точное понятіе о краѣ. Все уже приведено въ извѣстность; опредѣлены средства земли; доходы ею приносимые перестаютъ, какъ доселѣ, быть гадательными и приходятъ въ правильную числительность; внутреннее устройство приближаетъ страну къ Европейскому порядку. Это не изгладится никогда и будетъ вѣчнымъ памятникомъ твоего начальствованія. Помню, что нѣкогда, въ письмѣ къ тебѣ, я ставилъ себя въ сравненіе какъ дешеваго чернорабочаго противъ знатнаго господина. Это принадлежало ко времени и тогдашнимъ скуднымъ средствамъ во всѣхъ отношеніяхъ; слѣдовательно есть нѣ-

которое извиненіе. Но что̀ сдѣлалъ великій фельдмаршалъ, которому ни въ чемъ не было отказа? Умолчу о баронѣ Розенѣ, истинно полезномъ человѣкѣ. За нимъ слѣдуетъ Головинъ, убѣжденный, что послѣ него немногое уже дѣлать осталось, какъ то имѣетъ онъ привычку всегда показывать въ своихъ отчетахъ или, лучше сказать, повѣствованіяхъ. Онъ не примѣчаетъ, что его подчиненностію добровольною военному министру онъ сему послѣднему далъ поводъ говорить: *Съ тѣхъ поръ, какъ Грузія въ рукахъ моихъ, она совсѣмъ въ другомъ видѣ.*

Головинъ въ жалкомъ положеніи: третьяго дня умеръ у него старшій сынъ, молодой человѣкъ, всѣми весьма похваляемый и достойный. Адъютантомъ Цесаревича Наслѣдника онъ подавалъ большія надежды въ будущности.

6 Генваря 1849. Москва.

81.

Напрасно замѣчаешь нѣкоторое замедленіе въ отвѣтѣ на письмо мое и ссылаешься на недостатокъ досуга. Это всякій хорошо знаетъ, и лучше многихъ я, особенно когда, имѣя въ виду поѣздку въ Петербургъ, надобно дать наставленія каждому изъ частныхъ начальниковъ и на всѣ могущіе произойти случаи. Но у тебя много молодцовъ-генераловъ, и конечно военныя дѣйствія произведутся съ величайшимъ успѣхомъ. За князя Аргутинскаго ручаются и прежнія его дѣла, и совершенное знаніе края; противъ военныхъ его способностей никто не говоритъ ни слова, и за эту страну ты можешь быть покоенъ. На правомъ у тебя флангѣ Линіи также начальникъ, который ничего не упуститъ. Ты особенно хвалишь командующаго на центрѣ князя Эристова, котораго, по лѣтамъ его, я знать не могу. Произведеннаго въ генералъ-маіоры князя Григорія Орбеліана я зналъ еще портупей-прапорщикомъ и офицеромъ, даже называлъ его *Гришею*; онъ былъ въ Грузинскомъ гранодерскомъ полку, когда имъ командовалъ братъ мой Ермоловъ. Мало весьма зналъ я начальника теперешней Джаро-Бѣлоканской линіи, генералъ-маіора Чиляева и потому не могъ видѣть въ немъ особенныхъ военныхъ способностей, которыхъ онъ не имѣлъ случая выказать. Впрочемъ и мѣсто это не почитаю важнымъ, развѣ когда войска назначаются къ совокупному дѣйствію съ другими, на что

дается всегда особенное наставленіе. Я не позволяю себѣ судить, но говорятъ, что и г. Шварцъ въ послѣдній разъ могъ бы сдѣлать лучше.

И такъ для военныхъ дѣйствій у тебя все въ наилучшемъ положеніи и устройствѣ. Для гражданскаго управленія есть у тебя князь Бебутовъ, котораго способности давно мнѣ извѣстны, и ты, избравши его на важное мѣсто, лучшее далъ въ томъ свидѣтельство.

Ты говоришь о защитѣ Ахты, и я кромѣ почерпаемыхъ изъ реляціи свѣдѣній, по простымъ, безъ всякой поэзіи, разсказамъ, любовался молодецкимъ сопротивленіемъ храбраго гарнизона. По истинѣ, онъ достоинъ полученной награды, и великодушіе Государя явилось въ полномъ блескѣ. Сраженіе при Мискинджe не выставляется со стороны жестокости схватки, и говорятъ, что непріятель не имѣлъ большой потери, избавившись ея поспѣшнымъ бѣгствомъ. Во всякомъ случаѣ примѣчается хитрость Шамиля, который и на штурмъ Ахты и на высоты Мискинджe употребилъ жителей Самурскаго округа, мало подвергая своихъ приверженцевъ, кромѣ начальниковъ. Я радъ, что Шамиль наказываетъ нашихъ измѣнниковъ, ибо безъ согласія ихъ не смѣлъ бы онъ проникнуть такъ далеко въ Самурской округъ, гдѣ въ продолженіи девяти лѣтъ не было нарушаемо спокойствіе, и жители очевидно богатѣли. Онъ далъ имъ хорошій урокъ въ вѣрноподданствѣ, лучше нежели могли то сдѣлать наши начальники, и теперь конечно можно болѣе на нихъ расчитывать.

Воображаю восхищеніе генерала Головина, который конечно относитъ къ прозорливости своей основаніе крѣ-

пости Ахты, утверждающей владычество наше въ горахъ. Но еще болѣе придавалъ онъ важности покоренію Рутула: ибо, по возвращеніи его въ Тифлисъ, былъ праздникъ и на транспарантѣ имя Рутула. При занятіи Ахты сказано было, что тамъ мало даже слыхали о Русскихъ; а отъ одного изъ служившихъ при немъ слышалъ я, что въ одномъ семействѣ найдена салвогвардія или охранный листъ за подписаніемъ капитана Ермолова. Это былъ я, давшій его, въ 1796 году, по приказанію генерала Булгакова который служилъ на Линіи во время князя Циціанова. Генералу Головину не помѣшало это выдать Ахты за открытую вновь державу. Много бы можно было составить комментарій на сочиненія его, въ которыхъ онъ оскорбительно описываетъ дѣйствія другихъ, какъ то сдѣлалъ онъ съ генераломъ Граббе. Я удивился молчанію послѣдняго, но не повѣрю, чтобы не появилось въ послѣдствіи что нибудь въ опроверженіе. Хорошо подобно тебѣ быть богатымъ знаменитостію и не имѣть нужды присвоивать труды другихъ или, что̀ еще хуже, представлять ихъ въ безобразномъ видѣ. Такъ мнѣ досталось отъ великаго фельдмаршала; барону Розену въ свою очередь. Одинъ Головинъ вышелъ съ величайшими похвалами и наградами.

Предположивши выѣхать рано весною въ Карабахъ, Талышъ, побывать у князя Аргутинскаго, въ Чечнѣ, на правомъ флангѣ Линіи и въ Ейскѣ, ты пріуготовляешь себѣ большой трудъ и огромныя занятія, которыя могутъ умедлить отъѣздъ твой въ Петербургъ; а принимаемое тобою направленіе лишаетъ меня надежды видѣть тебя въ Москвѣ, и возвратный путь конечно не черезъ нее будетъ.

14 Февраля 1849. Москва.

Слышалъ я, что Ванька-Каинъ удостоинъ твоего вниманія. Я не повторю что всегда прежде говорилъ о немъ, но сообщу, что̀ по возвращеніи изъ Грузіи разсказывалъ графъ Дибичъ въ Петербургѣ. Это взято изъ записокъ умершаго Данилевскаго: «Кургановъ разсорилъ Ермолова съ Паскевичемъ, которымъ овладѣлъ онъ совершенно, увѣривъ его, что Ермоловъ ищетъ его отравить. (Паскевичъ говорилъ): приходилъ ко мнѣ Кургановъ съ разстроеннымъ видомъ и сказалъ мнѣ по секрету, что Ермоловъ меня отравилъ. Я его выгналъ».

Кажется, этого довольно, чтобы свидѣтельствовать о достоинствѣ субъекта *).

---

*) Это мѣсто въ подлинникѣ оборвано, и потому прочтено не вполнѣ. П. Б.

(Получено 23 Марта 1849).

Читалъ я въ Приказахъ рѣшеніе участи подсудимаго офицера Свѣшникова и, слышавши о преступленіи его, удивлялся великодушной конфирмаціи Государя Императора. Разумѣю весьма, что ему угодно было утвердить твой приговоръ и что несчастный обязанъ сильному твоему покровительству снисходительнымъ наказаніемъ, дающимъ ему способъ изгладить службою вину свою. Сохраненіе дворянскаго достоинства есть истинное милосердіе! Ты не забылъ просьбы моей, и лучше благодарности моей молитвы за тебя всего семейства.

Теперь приступлю къ просьбѣ. Въ полку у князя Барятинскаго служитъ полковникъ Левицкой, о службѣ котораго слышу я хорошіе отзывы. На счетъ способностей и образованія онъ извѣстенъ. Давно слышу я, что къ нему весьма не благоволитъ его начальникъ и что Левицкой охотно желалъ бы отдалиться отъ князя Барятинскаго, опасаясь непріятныхъ для него послѣдствій. Не отъ него знаю я объ этомъ, ибо не только незнакомъ съ нимъ, но даже никогда его не видывалъ; но мнѣ извѣстно все, что̀ съ нимъ случается по пріязненной связи моей съ однимъ изъ его родственниковъ. Умолчи, что я объ этомъ довелъ до твоего свѣдѣнія; но ты большую сдѣлаешь милость Левицкому, если дашь ему другое назначеніе по твоему благоусмотрѣнію; а онъ можетъ быть полезнымъ для службы офицеромъ. Подумай объ немъ, любезный князь Михаилъ Семеновичъ.

83.

Давно весьма не писалъ я тебѣ, и было бы не у мѣста занимать тебя перепискою въ то время, какъ ты принималъ высокаго посѣтителя. Я увѣренъ былъ, что ты порадуешься подобному свидѣтелю твоихъ трудовъ и успѣховъ, и только могло быть одно лучше, если бы онъ видѣлъ край въ положеніи, въ которомъ поступилъ онъ въ твое управленіе. Ниже сего увидишь, что объ этомъ можно и не жалѣть.

Здѣсь онъ пробылъ ровно двое сутокъ; множество предметовъ и особенно что̀ подчинено его начальству, кадетскіе корпуса и прочее, было имъ осматриваемо; слѣдовательно немного оставалось у него свободнаго времени для разговоровъ; но однакоже въ первый день предъ представленіемъ онъ призвалъ меня въ кабинетъ одного и съ веселымъ чрезвычайно видомъ говорилъ мнѣ о Кавказѣ. Мнѣ оставалось жалѣть, что коротокъ былъ разсказъ его, и некогда было сообщить подробности, конечно весьма любопытныя. Скажу въ кратцѣ, что̀ я слышалъ. «Войска нашелъ я въ прекрасномъ состояніи, содержаны отлично, видъ воинственный, одежда превосходная. Ходятъ быстро, какъ ни одни войска и, не взирая на то, что въ походахъ весьма часто, строятъ крѣпости, дороги, мосты и для себя собственно всякія строенія; они очень хорошо выучены. Конечно не такъ, какъ войска въ Россіи,

но отъ нихъ этого требовать невозможно, и очень достаточно то что̀ они знаютъ. Словомъ, войска исполненныя духа и превосходныя.»—«Я не видалъ большихъ частей въ полномъ ихъ составѣ, но видѣлъ довольно много разныхъ частей и тѣмъ удобнѣе могъ судить, что вообще войска обучены удовлетворительнымъ образомъ». При семъ я имѣлъ случай дать замѣтить, что при количествѣ войскъ довольно значительномъ невозможно избѣжать необходимости раздробленія.

Онъ съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ облегчены сообщенія, какой широты просѣки, какія удобныя дороги. Признаетъ чрезвычайно полезнымъ устроеніе Ачхойскаго укрѣпленія и особенно у мѣста поставленную на Мартанѣ башню. Что съ того времени не было происшествій при переходѣ чрезъ Ханъ-Кале. Ему понравились прекрасныя равнины Чечни и неравнодушно разсказалъ мнѣ, что не въ давнемъ времени выселившіеся изъ горъ жители прежнія Чечни находились въ сопровождавшемъ его конвоѣ.

Ничего не скажу лишняго, сообщивъ тебѣ, что Наслѣдникъ былъ въ восхищеніи отъ всего, что̀ видѣлъ и превозносилъ похвалою.

Его слова: «За Кавказомъ вся страна приняла совершенно другой видъ, нежели какъ онъ слыхалъ прежде; въ провинціяхъ повсюду тихо и спокойно, и послѣдніе три года представляютъ важные и удовлетворительные результаты». Натурально все отнесено къ высокимъ достоинствамъ и чрезвычайной и неутомимой дѣятельности начальника.

Это мнѣ сказано въ кабинетѣ; но въ тотъ же самый день за большимъ обѣдомъ, Наслѣдникъ изволилъ говорить о Кавказѣ и обо всемъ что̀ видѣлъ гораздо пространнѣе и о многихъ другихъ предметахъ съ удовольствіемъ, которое выражалось на лицѣ его и будетъ конечно пріятнѣйшимъ для него воспоминаніемъ.

15 Ноября 1850. Москва.

P. S. Сію минуту сказали мнѣ, что по представленію твоему Государь Наслѣдникъ получилъ Георгіевской крестъ и что о томъ есть уже въ газетахъ, но я ихъ не видалъ.

Въ минуту самую проѣзда здѣсь фельдъ-егеря узналъ я, почтенный князь Михаилъ Семеновичъ, что княгинѣ пожалованъ орденъ Св. Екатерины. Награда лестная, свидѣтельствующая высокое уваженіе Государя Императора къ великимъ твоимъ заслугамъ. Мнѣ пріятно при семъ случаѣ вспомнить, что князь Паскевичъ былъ уже 14 лѣтъ фельдмаршаломъ, и тогда только жена его получила этотъ орденъ. Я увѣренъ, что *Стопобѣдный* сочтетъ это лучше меня.

Прошу представить мое искреннее поздравленіе ея сіятельству княгинѣ Елисаветѣ Ксаверьевнѣ. По давней съ тобою дружбѣ она пойметъ мое чувство!

Могу поздравить тебя и со множествомъ наградъ твоимъ подчиненнымъ, чтò не могло иначе произойти послѣ восхищенія Государя Наслѣдника отъ всего того, чтò онъ видѣлъ въ краю тебѣ подвластномъ. Видно было собственное наслажденіе его о томъ разсказывать. Съ восторгомъ говорилъ онъ о войскахъ, которымъ не находилъ онъ равныхъ. На счетъ обученія фронтовой службы, весьма одобряя его, находилъ совершенно достаточнымъ.

Скажу въ заключеніе, что посѣщеніе его должно быть для тебя самымъ пріятнѣйшимъ событіемъ.

Самъ ты не станешь говорить о трудахъ своихъ; многіе умолкли бы отъ зависти, и самые добросовѣстные не могли бы передать точнаго о нихъ понятія. Ты имѣлъ свидѣтеля безпристрастнаго и котораго собственная выгода была все разсмотрѣть со вниманіемъ и въ настоящемъ видѣ. Это особенное счастіе!

13 Декабря 1850. Москва.

85.

Здѣсь была вся царская фамилія, исключая Константина Николаевича, коего супруга въ недавнемъ времени разрѣшилась отъ бремени. Государь изволилъ смотрѣть войска 6-го пѣхотнаго корпуса въ полномъ его комплектѣ; были маневры, которымъ хотя не благопріятствовала погода, но все исполнялось хорошо. Государь былъ доволенъ и очень милостивъ. Здѣсь всегда встрѣчаемъ онъ съ восторомъ, и вокругъ его, какъ волны моря, толпы народа! Я всегда съ удовольствіемъ вижу на лицахъ иностранцевъ выраженіе удивленія.

Въ нынѣшнемъ состояніи прочихъ народовъ это не дѣлается, и не даромъ страна наша носитъ именованіе *Святой Руси*.

Здѣсь въ подробности слышалъ я о дѣйствіяхъ князя Аргутинскаго. Удовольствіе Императора изъявлено высокою его наградою. Государь Наслѣдникъ изволилъ мнѣ говорить о дѣйствіи съ величайшею похвалою. Словомъ, принято за блистательный успѣхъ. Думаю, не менѣе одобренія и со стороны фельдмаршала, которой, совершивши много знаменитыхъ войнъ. не съ равнымъ уваженіемъ смотритъ на ошибки на Кавказѣ, но отзывается объ нихъ съ благосклонностію; никогда иначе! Большая часть, не имѣя о странѣ точныхъ понятій, заключаетъ, что близокъ часъ паде-

нія Шамиля и что немилость его за неудачу къ Гаджи-Мураду охладитъ къ нему его приверженцевъ. Ожиданія большихъ слѣдствій!

Доселѣ наградъ особенныхъ не было кромѣ графу Клейнмихелю; но многихъ ожидаютъ, и вѣроятно до отъѣзда Императора онѣ пожалованы будутъ. Вчера былъ день Св. Александра Невскаго, и былъ выходъ во дворцѣ, истинно въ великолѣпныхъ чертогахъ царскихъ. Говорятъ, что Государь изволитъ отъѣзжать 3-го числа, но вѣрно неизвѣстно. Въ Кіевѣ будетъ осматривать крѣпостныя работы, въ Луцкѣ 4-й пѣхотный корпусъ. Князь Варшавской былъ здѣсь во все время и уѣхалъ послѣ 30-го числа. Главныя лица купечества представлялись къ нему съ хлѣбомъ и солью. Вообще онъ былъ очень любезенъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты былъ здѣсь въ это время; я воображаю, какимъ бы особеннымъ вниманіемъ и почестію отличилъ Государь начальника обширной страны, о которой Цесаревичъ Наслѣдникъ всегда говоритъ съ величайшею похвалою, и всѣхъ вообще любопытство занято происшествіями въ ней.

Теперь ты пользуешься необходимымъ для тебя отдыхомъ, хотя непродолжительнымъ; но радостное для тебя событіе женитьбы князя Семена Михайловича, исполня тебя удовольствій, возвратитъ тебя къ многотруднымъ занятіямъ съ новыми силами. Я одного жалѣю, что мѣсто пребыванія молодаго князя въ отдаленіи отъ тебя. Прелестная твоя невѣстка была бы большимъ тебѣ утѣшеніемъ. Я красавицу мать ея зналъ молодою еще дѣвочкою.

2 Сентября 1851. Москва.

86.

Получилъ письмо твое отъ 7-го Ноября изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, въ которомъ любопытнымъ весьма для меня образомъ описываешь переѣздъ твой по Закубанской сторонѣ, потомъ чрезъ Чечню и въ Дагестанъ. Лучше всего доказываетъ спокойное состояніе Чечни то, что тебя сопровождала княгиня Елисавета Ксаверьевна: при малѣйшей опасности ты не допустилъ бы ея.

Воображаю, какъ грустно было разставаться съ вами молодымъ вашимъ. Геройскій подвигъ предпринимаетъ прелестная твоя невѣстка, бывшая украшеніемъ лучшаго общества, жить въ Воздвиженскомъ укрѣпленіи, въ мѣстѣ многихъ другихъ скучнѣйшемъ. Жаль, что полкъ твоего имени не по ту сторону Кавказа, собственно для тебя; но знаю, что командующій имъ молодой полковникъ радъ очень имѣть дѣло съ непріятелемъ. Слышу отъ всѣхъ, что онъ офицеръ отлично смѣлый, каковымъ долженъ быть сынъ твой.

Удивляюсь твоей подвижности, ибо въ непродолжительное время ты третій уже разъ посѣщаешь Дагестанъ и Прикаспійскій край. Послѣ тебя начальнику надобно быть тебѣ подобному, или не принимайся за дѣло! Азіятцы проницательны и разборчивы.

Много здѣсь было слуховъ о Гаджи-Мурадѣ, и молва поставила уже его въ рядахъ войскъ нашихъ. Теперь вижу настоящимъ образомъ, по свѣдѣніямъ тобою сообщеннымъ. Не вѣрю примиренію его съ Шамилемъ, и сей послѣдній не будетъ имѣть къ нему прежней довѣренности. Не легко прекращаются вражды, разъ возгорѣвшіяся между обитателями буйнаго Кавказа. Не удивлюсь, если Гаджи-Мурадъ будетъ искать надежнѣйшаго убѣжища и покровительства Русскихъ. Лѣто будущее многое обнаружитъ.

Князь Аргутинской хотя поправляется отъ болѣзни, но она такихъ свойствъ, что возобновляться можетъ, и если бы даже сего не случилось, примѣтно отнимаетъ прежнюю энергію. Жаль генерала предпріимчиваго и которому край и народы извѣстны были въ подробности. Тебѣ, какъ начальнику, придется чаще уже обращать вниманіе на происшествія въ этой сторонѣ.

1 Декабря 1851. Москва.

Булгаковъ, по порученію твоему, давалъ мнѣ читать письмо твое о Гаджи-Мурадѣ. Воображаю, сколько это досадно и можетъ быть вредно Шамилю. Одинъ изъ лучшихъ его наибовъ, человѣкъ предпріимчивой, имѣющій приверженцевъ, заставитъ его быть осторожнымъ, и онъ конечно удержитъ залогомъ жену его и семейство. Власть, съ которою управляетъ Шамиль, долговременная борьба, хотя весьма невыгодная, доказываютъ, что онъ человѣкъ необыкновенно умный. На мѣстѣ его другой будетъ предпріимчивѣе, побудитъ горцевъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, обѣщавая большія выгоды въ случаѣ успѣха. Двѣ или три неудачи съ чувствительнымъ урономъ не только потрясутъ, но могутъ даже разрушить власть имама. Потерянная къ нему довѣренность можетъ уничтожить и самое его существованіе. Для этого надобно быть Даніель-Бекомъ. Онъ сядетъ на Русскій штыкъ, и съ нимъ исчезнетъ безобразное имамство! Этого я ожидаю, и можетъ случиться въ непродолжительномъ весьма времени. Ты конечно смѣешься надо мною, что я не скорѣе ожидаю этого дѣйствія прямо отъ оружія нашего. Я не буду противорѣчить тебѣ; но конечно весьма много способствуетъ тому жестокая власть Шамиля, давно замѣстившая *сѣкирою* фанатизмъ религіозный.

Перейду къ другому предмету, къ слухамъ. Вскорѣ ожидается юбилей военнаго министра; къ нему при-

соединится твой юбилей, и говорятъ, что пріуготовляются два фельдмаршальскіе жезла. Это согласно съ общимъ ожиданіемъ и если изрѣдка слышится разсужденіе, оно тебя не касается. Тебѣ подносится какъ принадлежащее!

Сюда вскорѣ ожидается генералъ Реадъ, котораго, не знаю на какомъ основаніи, выдаютъ подъ названіемъ твоего помощника. Не думаю, чтобы ты имѣлъ въ таковомъ нужду, и ты можешь дѣлать ихъ изъ подчиненныхъ, во множествѣ отлично способныхъ и конечно болѣе знакомыхъ со страною и обстоятельствами. Впрочемъ, можетъ быть, это было собственное твое желаніе; а если нѣтъ, то конечно князь Паскевичъ участвовалъ въ его назначеніи.

Не видывалъ я *Слѣпцова*; но какъ жалѣлъ о потерѣ храбраго! Горько пасть молодцу отъ пули подлаго Чеченца! Не одну можемъ мы считать подобную утрату. Ты лучше многихъ знаешь это, служа на Кавказѣ во время славнаго Циціанова, котораго дѣла, по мѣрѣ ничтожныхъ средствъ, кажутся неимовѣрными. Имя, данное станицѣ, есть награда, за которую надобно пасть на колѣна предъ Императоромъ. Это сотворитъ не одного Слѣпцова въ послѣдствіи.

10 Генваря 1852. Москва.

Начинаю извиненіемъ и даже прося прощенія, что осмѣлился удержать полковника Натта съ намѣреніемъ успѣть написать къ тебѣ, въ чемъ препятствовали безтолковые праздники. Съ трудомъ согласился онъ на это и не иначе, какъ увѣрясь, что я принимаю это на себя. Такимъ образомъ успокоенный, я принялся за письмо, а полковникъ тогда же заболѣлъ, и я письмо принужденъ былъ отправить съ почтою назадъ нѣсколько дней, не знавши, какъ скоро можетъ онъ пуститься въ путь.

Я познакомился съ твоимъ *Степаномъ Васильевичемъ* *), никогда его прежде не видавши. Благодаря тебѣ, онъ сдѣлалъ мнѣ честь, посѣтилъ меня.

Вчера видѣлъ въ театрѣ Персидскаго посланника, который, какъ говорятъ, человѣкъ очень умный, но желающій выказывать себя важнымъ болѣе, нежели онъ есть. Но здѣсь, въ столицѣ, онъ принужденъ соблюдать этикетъ. Его намѣреваются забавлять и увеселять приличнымъ образомъ, не думая однакоже, чтобы онъ представлялъ могущественнѣйшаго изъ государей. Я зналъ Фетъ-Али-Шаха, по справедливости человѣка примѣчательнаго; а послѣ него, не исключая и преемника его Аббасъ-Мирзу, всѣ ничтожество сальное!

---

*) Сафоновымъ.

Воображаю удивленіе твое дѣйствіямъ Наполеона-президента. Молодецки обманулъ всѣхъ, и гордый Альбіонъ, кажется, не безъ уваженія на него смотритъ. Если не сразитъ его пуля демагога, можетъ случиться надобность, со временемъ, прибѣгнуть къ найму ополченій на твердой землѣ. Съ нимъ нельзя поступать, какъ съ королями Греческимъ и Неаполитанскимъ, для которыхъ достаточно было мошеннической политики Палмерстона, дѣйствовавшаго, какъ министръ отвѣтственный, безъ сумнѣнія въ видахъ правительства.

Пока еще, до настоящей войны, онъ открылъ непріязненныя дѣйствія противъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ дамъ. Говорятъ, что есть уже оставившія наслажденія Парижа, послѣ предварительнаго имъ внушенія чрезъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ. Говорятъ даже, что Французскій посланникъ при нашемъ дворѣ имѣетъ приказаніе объ этомъ предметѣ объясниться съ графомъ Нессельроде. Впрочемъ это болтовня Московская; а ты знаешь, что у меня другихъ никакихъ источниковъ нѣтъ.

Слышалъ я также, что будто Даніель-Бекъ Елисунскій послѣдовалъ примѣру Гаджи-Мурада; но я не повѣрилъ этому, разсуждая, что конечно ты приказалъ бы меня увѣдомить.

13 Генваря 1852. Москва.

89.

Вѣрный исполнитель порученій, *Булгаковъ* читалъ мнѣ письмо твое, въ которомъ обѣщано было письмо мнѣ, явившееся въ скоромъ послѣ того времени. Прежде того пронеслась и продолжается молва о побѣдѣ князя Барятинскаго, и праздная Москва толкуетъ по своему о происшествіяхъ, вообще принявши радостно извѣстіе. Князь Барятинской, по истинѣ храбрый и предпріимчивый офицеръ, на посту имъ занимаемомъ не упуститъ случая воспользоваться обстоятельствами, и ты имѣешь въ немъ неусыпнаго лейтенанта. Хорошаго также ты избралъ ему помощника. Не помышляя говорить комплимента отцу, скажу, что давно уже знаю я сына твоего офицеромъ блистательно смѣлымъ; отъ всѣхъ это слышу; не менѣе многихъ вѣрю моему Клавдію, который нерѣдко бывалъ свидѣтелемъ и разумѣетъ, что̀ такое храбрость, чѣмъ и самъ пріобрѣлъ его расположеніе къ себѣ. Всегда съ большимъ удовольствіемъ я его выслушиваю.

Говоря о службѣ твоего сына, всегда вспомню обстоятельство, сдѣлавшее на меня очень досадное впечатлѣніе. У князя Кутузова былъ зять князь Кудашевъ, офицеръ исполненный военныхъ способностей. Получаемыя имъ награды и тѣ даже, которыя бывали ниже оказанныхъ имъ заслугъ, нерѣдко относились къ сильному покровительству. Это самое можетъ происхо-

дить съ твоимъ сыномъ, и мнѣ досадно за молодаго Воронцова, которому, какъ молодцу, многое должно принадлежать по строгой справедливости.

Можно поздравить тебя, любезный князь, съ цѣлымъ рядомъ блистательныхъ успѣховъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Ты можешь сказать подобно великому Суворову: «У меня и Розенбергъ бьетъ». Ты угадаешь, что я говорю о *Сусловѣ*. Знаменитость его останется незабвенною!

Воображаю, въ какомъ положеніи Шамиль, и у него конечно не было веселой Масляницы!

Давно слышу о желаемомъ тобою увольненіи въ отпускъ; разумѣю, какъ велики твои права на то и сколько можетъ быть полезнымъ для тебя отдохновеніе, особенно послѣ болѣзни твоей, въ Крыму; вчера же утверждали достовѣрно, что фельдъ-егерь провезъ тебѣ увольненіе на шесть мѣсяцевъ и вмѣстѣ Георгіевской крестъ князю Семену Михаиловичу. Скажи ему въ письмѣ своемъ, что я отъ души поздравляю его съ этою лестною наградою. Не могъ отыскать ленточки, чтобы послать ему по обычаю старыхъ кавалеровъ: едва ли не старшаго изъ кавалеровъ, ибо между служащими одинъ князь И. Леонт. Шаховской, въ одно время со мною получившій за взятіе Праги Суворовымъ.

У васъ начинается уже весна, сближается удобное время для экспедицій въ горы и для горцевъ для вторженія. Потеря двухъ отличныхъ молодцовъ со стороны Линіи, болѣзнь князя Аргутинскаго, пока замѣстишь ты ихъ другими, все заставляетъ меня думать, что не тотчасъ ты воспользуешься отпускомъ, кото-

рому не хотѣлъ я вѣрить. Старшему по тебѣ генералу Реаду полезно было бы, подъ глазами твоими, сдѣлать одну экспедицію и присмотрѣться къ твоему образу дѣйствій, что̀ и самымъ опытнымъ бывало наставленіемъ. Онъ съ большею къ себѣ довѣренностію приступить могъ бы къ исполненію твоихъ порученій на время отсутствія изъ края.

Благодаря Михаилу Павловичу Щербинину, съ любопытствомъ просматриваю образцовый календарь Кавказской.

11 Февраля 1852. Москва.

Весьма зналъ я, что тебѣ, почтенный князь Михаилъ Семеновичъ, не нужна благодарность моя; но многія изъ писемъ моихъ не могъ я начать иначе, какъ изъявленіемъ ея. Сыновья мои, подъ высокимъ начальствомъ твоимъ, равномѣрно какъ и всѣ другіе, пользовались справедливостію твоею въ опредѣленіи наградъ и особенною милостію въ употребленіи ихъ при войскахъ, которымъ предназначались дѣйствія, что̀ и ускорило ходъ ихъ по службѣ противъ обыкновеннаго порядка движенія. Это принадлежало исключительно волѣ главнаго начальника, и они также, какъ и я самъ, хорошо знаемъ, что для нихъ другаго Воронцова начальника не будетъ. Всѣхъ сыновей моихъ болѣе счастливый Клавдій, которому предстоитъ честь быть твоимъ адъютантомъ. Прощаю ему нетерпѣніе, съ которымъ ловитъ онъ высочайшіе приказы, перечитываетъ послѣднее письмо твое ко мнѣ, когда не было еще извѣстно тебѣ, что *князь Витгенштейнъ* сдѣланъ флигель-адъютантомъ, и радуется производству *Манюкина* въ генералъ-маіоры. Тоже бы и я дѣлалъ на его мѣстѣ. Увѣренъ я, что онъ всѣ употребитъ усилія заслуживать неожиданное имъ счастіе; отъ товарищей его давно слышу, что онъ офицеръ отлично смѣлый, но боюсь неловкости постояннаго жителя Темиръ-Ханъ-Шуры, столицы незнаменитой. Онъ среди многочисленной свиты твоей, молодыхъ людей лучшихъ фамилій, тщательно воспитанныхъ, долженъ показаться дикимъ горцемъ. Понимая это, онъ

желаетъ быть употребляемъ при войскахъ. Окажи эту милость, почтенный князь Михаилъ Семеновичъ, и конечно нѣтъ приличнѣйшаго мѣста для армейскаго офицера, которому судьба во многихъ преимуществахъ отказала, поставивши въ необходимость всего достигать трудами. Теперь сноснѣе будутъ они идущему по широкому пути.

Мой сынъ, адъютантомъ знаменитаго военачальника! Давно весьма не балуемому счастіемъ мнѣ это не вѣрится. Боюсь наскучить благодарностію. Будь милостивъ къ Клавдію. Прощай, тебѣ всѣ искреннія мои желанія!

17 Февраля 1852. Москва.

P. S. Прочти со вниманіемъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, какъ и теперь, вижу проѣзжающаго здѣсь офицера твоихъ войскъ—*Покотилова*, вѣчнаго прапорщика драгунскаго наслѣднаго принца Виртембергскаго полка. Онъ страдаетъ за дуэль, и она внесена въ формуляръ его. На него навязалось наглое и дерзкое животное, и онъ менѣе другихъ терпѣливъ былъ къ его оскорбленіямъ. Справедливая пуля помогла недостатку искусства и отъ животнаго избавила товарищей. Спроси князя В. О. Бебутова, знающаго хорошо происшествіе. Конечно поступилъ онъ вопреки Священнаго Писанія, которое научаетъ: если ударятъ въ одну щеку, подставить другую. (Этого не случилось, и Покотиловъ былъ оскорбленъ одними словами). Я признаюсь, что въ молодыхъ лѣтахъ я сдѣлалъ бы тоже, и безъ всякаго сумнѣнія также бы поступилъ князь-намѣстникъ! Скажу въ заключеніе, что пріятно мнѣ думать, что наказанія не должны быть безконечными. Будь милостивъ, сколько зависитъ отъ тебя.

91.

Получилъ письмо твое и приказы по войскамъ. Радостно каждому видѣть успѣхи оружія нашего; мнѣ, нѣсколько знакомому со страною, несравненно болѣе пріятно, слѣдя за дѣйствіями, смотрѣть, какъ согласно и стройно провождаютъ они къ достиженію цѣли главнаго распорядителя. Въ этомъ смыслѣ и дѣла за Кубанью не менѣе заслуживаютъ вниманія. Зная неудобства и мѣстности, и пространствъ, нельзя не разумѣть, какихъ требуетъ соображеній собственно распредѣленіе войскъ, доставляющее возможность сосредоточить значительныя силы повсюду, гдѣ присутствіе ихъ необходимо. Съ досадою вѣрю, что это ускользаетъ отъ вниманія многихъ военныхъ людей; а быть можетъ и не понимаютъ они всей важности предмета. Удивляетъ меня упорство горцевъ при неудачахъ ихъ и переносимыхъ ими бѣдствіяхъ. Пора, кажется, убѣдиться, сколько борьба съ нами для нихъ невыгодна и что кончить ее не иначе возможно, какъ покорностію. Не думаю, чтобы хитрость Шамиля долго могла удерживать ихъ въ заблужденіи, и дѣло повидимому приближается къ развязкѣ.

Теперь скажу о собственныхъ дѣлахъ. Назначая къ себѣ адъютантомъ Клавдія моего, ты дѣлаешь ему величайшую милость. Онъ хорошо разумѣетъ обязанность ее заслуживать и что честь носить это званіе

может быть цѣлью самаго достойнаго офицера. Я разумѣю, что этимъ ты хотѣлъ сдѣлать мнѣ одолженіе и прошу вѣрить, что я не иначе принимаю, какъ за самое чувствительное. Не имѣя слѣпой любви къ сыну, ни самъ онъ глупой дерзости сравнивать себя съ окружающими тебя молодыми людьми знатной породы, родителей знаменитыхъ, онъ, какъ армейскій офицеръ, будетъ умѣть усердною службою не уступить нѣкоторымъ изъ менѣе высокаго разряда, особливо если его, согласно прежней просьбѣ моей, ты употребишь при дѣйствующихъ войскахъ. Пребываніе въ пышномъ Тифлисѣ неудобно для неловкой фигуры дикаря, который въ продолженіе семи лѣтъ видѣлъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ великолѣпную столицу. Омаръ-Бекъ, къ которому ты особенно былъ милостивъ и чѣмъ не престаетъ онъ похваляться, совсѣмъ непохожъ на своего брата. Онъ порядокъ жизни своей согласуетъ съ уставами общества, желаетъ принадлежать ему и сдѣлалъ хорошее начало, три дни тому назадъ помолвленъ будучи съ молодою и весьма милою дѣвушкою, дочерью здѣшняго губернскаго предводителя Черткова, у котораго весьма хорошее родство, и онъ дочери назначаетъ изрядное состояніе. Я чрезвычайно этимъ обрадованъ, и Северъ ничего лучшаго желать не могъ.

Прости мнѣ нѣкоторыя подробности; я сообщаю ихъ благодѣтелю дѣтей моихъ. Въ первыхъ офицерскихъ чинахъ безъ всякаго покровительства начали они службу подъ высокимъ начальствомъ твоимъ, и ей положено основаніе великодушнымъ о нихъ твоимъ попеченіемъ.

Знаешь ли, любезный князь Михаилъ Семеновичъ, что человѣкъ, престающій имѣть желанія, много теряетъ пріятностей жизни. Мнѣ кажется, что мое послѣднее желаніе было, чтобы одинъ изъ сыновей моихъ былъ твоимъ адъютантомъ. Многіе думали, что нѣтъ между нами прежней дружбы и не мнѣ упрекали, давно уже умершему политически, что ни одинъ изъ дѣтей моихъ того не достоинъ. Теперь милость твоя Клавдію другихъ его братьевъ поправляетъ въ мнѣніи.

Прощай. Да всѣ желанія твои увѣнчаются полнымъ успѣхомъ!

5 Марта 1852.
Москва.

Не прекращаются Московскіе слухи, что ты отправляешься на шесть мѣсяцевъ въ отпускъ и что князь Горчаковъ Варшавскій, на время отсутствія твоего, займетъ твое мѣсто. Многихъ вижу пріѣзжающихъ изъ Петербурга; они тоже подтверждали, но съ меньшимъ гораздо удостовѣреніемъ, и о князѣ Горчаковѣ слухи были весьма короткое время. Одинъ изъ близкихъ ему людей сказывалъ, что ему даже легчайшаго намека о томъ сдѣлано не было, а на временное начальствованіе онъ никакъ не согласится. Это очень вѣроятно. Онъ призванъ былъ по дѣламъ службы и, по возвращеніи его въ Варшаву, фельдмаршалъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Причина появленія ихъ въ столицѣ должна быть очень важная.

92.

Предъ глазами у меня высочайшій приказъ 6-го Марта. Въ число адъютантовъ твоихъ поступаетъ одинъ новый. Теперь, любезный князь, ты оставляешь мнѣ одну заботу: выдумывать, что̀ мнѣ остается желать! Разумѣется, моимъ дѣтямъ; ибо самъ я давно уже кончилъ политическое существованіе, и людей моихъ лѣтъ воскрешать безполезно и, смѣю думать, едва ли благоразумно.

Ты вѣрно замѣтилъ въ одномъ изъ иностранныхъ журналовъ, будто императоръ Австрійскій будетъ приглашаемъ на торжество Тысячелѣтія Россіи. Объ этомъ ничего не слышно изъ Петербурга, но возобновляются слухи о праздновaніи юбилея военнаго министра. Сказываютъ, что доклады дѣлаетъ его товарищъ, но что всегда присутствуетъ при томъ онъ самъ, а при немъ находится всегда лѣкарь. Весьма мало забочусь я о его юбилеѣ, но твой отпраздную весьма радостно и конечно не съ тѣмъ только однимъ поздравлю. Въ этомъ, кажется, нѣтъ разногласія во всѣхъ доходящихъ до меня слухахъ.

10-го Марта 1852.
Москва.

Ты самъ говоришь о расположеніи твоего князя Семена Михайловича къ Клавдію; я хорошо зналъ это, но боялся выставить Клавдія хвастуномъ. Весьма понимая существующую между ними разницу, онъ видѣлъ, что сынъ твой, также какъ всякій другой офицеръ, подвергается опасности; онъ позволилъ себѣ сблизиться съ нимъ и съ благодарностію вспоминаетъ его обращеніе съ нимъ. Подъ Чохомъ едва ли проходилъ день, чтобы князь не призывалъ его къ себѣ, всегда обращаясь съ нимъ самымъ обязательнымъ образомъ.

Поздравляю тебя, почтенный князь, съ полученіемъ титула, который дается избраннымъ весьма немногимъ, какъ свидѣтельство до позднѣйшаго потомства особенной признательности Государя и отечества.

Теперь остается добавить украшеніе эполетамъ, и конечно вскорѣ. Болѣе всѣхъ будетъ заботиться о томъ военный министръ и не дастъ упрекнуть себя медленностію: ибо вчера есть извѣстіе, что онъ получилъ ударъ, хотя слабый, но, какъ говорятъ, третій.

Онъ можетъ напомнить намъ славную проповѣдь на смерть Тюреня: «Како паде сей сильный Израиля».

Говорятъ, что онъ ѣдетъ за границу. Не думаю, чтобы починка иноземная много лучше была домашней.

Въ преклонныхъ лѣтахъ моихъ утѣшительно видѣть сына женатымъ; но когда возвращаюсь къ воспоминаніямъ молодости, ничего не сравниваю съ состояніемъ свободнымъ.

Скажи князю Семену Михайловичу, что за расположеніе его къ Клавдію, не менѣе его самаго, я ему признателенъ. Это повтореніе того что̀ ты со мною дѣлаешь.

10-го Апрѣля 1852.
Москва.

94.

Мало, думаю я, людей, которые бы отказывались отъ знакомства съ человѣкомъ особенной извѣстности, и ты, почтенный князь, простишь мнѣ, если отъ меня самого знаютъ о давнемъ между нами знакомствѣ; а это причиною, что многіе обращаются ко мнѣ съ просьбами, которыми я конечно тебѣ наскучилъ.

Недавно просилъ я тебя за подсудимаго офицера, сына генералъ-лейтенанта Ховена, не чудака тебѣ извѣстнаго, но хорошаго военнаго человѣка, который изъ кавалерійскихъ дивизіонныхъ начальниковъ долженъ былъ по обстоятельствамъ искать тихаго убѣжища въ сенаторахъ; просилъ сына его, сдѣлавшаго повѣсничество, наткнуть на кинжалъ или шашку горца, т.-е. дать ему случай заслужить вину свою. Но теперь прибѣгаю съ просьбою совершенно въ противоположномъ смыслѣ и къ исполненію гораздо легчайшею. Впрочемъ, если ты захочешь, то нѣтъ трудныхъ.

Письмо мое представитъ тебѣ Кабардинскаго егерскаго полка маіоръ Дуровъ, довольно давно служащій на Кавказѣ, офицеръ храбрый и умный. Ты удивишься, что при быстромъ производствѣ и наградахъ онъ такъ мало декорированъ; но этому единственная причина— тяжелая рана, понудившая его лечиться за границею, что потребовало довольно продолжительнаго времени. Сдѣлай благодѣяніе, доставь ему возможность служить

здѣсь въ Москвѣ въ Провіантской или Коммиссаріатской Коммиссіи. Отнюдь не помышляетъ онъ имѣть выгодное мѣсто; но ему нужно дослужить два года до пенсіона; а человѣку съ умѣреннымъ состояніемъ имъ пренебрегать не должно.

Здѣсь онъ женатъ на знакомой мнѣ дѣвушкѣ, весьма достойной, которой не хочется жить въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ или другомъ подобномъ мѣстѣ, а еще менѣе желаетъ, чтобы мужъ ходилъ въ походъ, что̀ весьма понятно. Не погуби меня и не откажи моей просьбы. Тебѣ стоитъ сказать два слова, и тебѣ сдѣлаютъ угодное. Все равно, если опредѣлятъ его членомъ военно-судной коммиссіи при Ордонансъ-Гаузѣ, лишь бы могъ онъ не терять времени до пенсіона. Иначе я не буду смѣть встрѣтиться съ женой его, а мнѣ старику и менѣе бойкая женщина опаснѣе Шамиля, котораго вы уничтожаете; а я что̀ могу дѣлать?

Слышалъ я, что ты вскорѣ будешь на Кавказской линіи, и къ тому времени я приноровилъ письмо мое.

Долженъ сдѣлать тебѣ признаніе, что я обнадежилъ маіора Дурова, что просьбу мою ты не оставишь безъ вниманія. Впрочемъ, другимъ подобнаго ручательства я не даю. Прощай, всего желаю тебѣ какъ бы себѣ самому.

20 Іюля 1852. Москва.

95.

Благодарю за письмо, въ которомъ сообщаешь объ экспедиціи противъ Даніель-Бека со стороны прежнихъ его владѣній. Привыкъ я видѣть, что предпріятія оканчиваются всегда согласно съ желаніемъ; но на сей разъ есть обстоятельство новое и весьма замѣчательное. Переселеніе 1.500 семействъ безъ выстрѣла есть дѣло необыкновенное, и конечно ничто столько не обнаруживаетъ дѣйствія нравственной силы. Тутъ не были въ употребленіи огромныя военныя средства. Новые переселенцы, безъ затрудненія доступные, теперь по необходимости, можетъ быть, сдѣлаются менѣе мошенники. Весьма ощутительны успѣхи оружія нашего, быстро идущее внутреннее благоустройство края или, можно сказать, новое данное ему бытіе, и я воображаю, какимъ чувствомъ исполняется душа твоя, какъ виновника всему, и можно ли удивляться, что есть завидующіе твоему положенію? Не понимаю я Даніель-Бека, какъ не ослабѣваетъ онъ въ предпріятіяхъ, всегда наказываемый пораженіемъ, ни разу не ободренный удачею. Характеръ замѣчательный! Жаль, что предмѣстники твои не умѣли извлечь изъ него пользы.

Здѣсь минуту видѣлъ я генерала Головина, который съ восхищеніемъ разсказывалъ мнѣ, что ты хвалишь Боржомскія воды, обязанныя ему своею извѣст-

ностію. Говорилъ мнѣ также о послѣдней экспедиціи по извѣщенію отъ тебя.

Позволь мнѣ сказать слово о генералъ-маіорѣ Лещенко, бригадномъ командирѣ линейныхъ баталіоновъ за Кубанью. Онъ въ мое время былъ старшимъ адъютантомъ въ корпусномъ штабѣ, послѣ дежурнымъ штабъ-офицеромъ при Вельяминовѣ на Линіи; былъ офицеръ отлично-расторопный, усердно исполнявшій разныя порученія и изъ числа тѣхъ, которымъ знакомы письменныя дѣла. 40 лѣтъ на Кавказѣ; но по наградамъ его вижу, что онъ позади всѣхъ, что̀ и заставляетъ меня думать, что онъ подпалъ невыгодному замѣчанію. Если я обманываюсь въ догадкахъ, то, по усмотрѣнію твоему, почтенный князь, услади ему его служеніе. Быть не можетъ, чтобы онъ былъ всѣхъ хуже на Кавказѣ; а назначенія его невидныя не онъ избираетъ. Я хлопочу за сослуживца, а таковыхъ повсюду остается у меня весьма немного.

Сегодня, какъ слышно, назначено празднованіе юбилея военнаго министра, и приверженцы его дѣлаютъ большія приготовленія. Собираются деньги по подпискѣ. Посмѣетъ ли кто не желать участвовать въ высокомъ торжествѣ? Вѣроятно ожидаетъ его громкая награда. Конечно ты обо всемъ узнаешь лучше меня; но и я написалъ бы, еслибы ты не былъ въ разъѣздахъ.

25-го Августа 1852.
Москва.

О пребыванiи и свиданiи твоемъ въ Севастополѣ зналъ я многое; зналъ, какъ все вниманiе обращено было на тебя; съ какимъ удовольствiемъ замѣчены огромные успѣхи, обнаруженные отчетомъ семилѣтняго твоего управленiя, которые останутся памятниками въ краю, получившемъ новое бытiе. Наконецъ, и самое производство многихъ генераловъ — лучшее свидѣтельство признательности.

Наслышавшись отъ всѣхъ, что твой князь Семенъ Михайловичъ въ душѣ военный чоловѣкъ, я былъ удивленъ отпускомъ его за границу и долженъ былъ угадывать, что онъ не могъ желать сего для удовольствiй. Ты объяснилъ мнѣ причину, и я воображаю, сколько горестно княгинѣ и тебѣ его отсутствiе; но оно необходимо, чтобы въ совершенномъ здоровьи возвратить вамъ прелестную вашу невѣстку.

Давно уже знающему край примѣтно, что горцы очень слабѣютъ, и дѣйствiя ихъ не обнаруживаютъ прежней предпрiимчивости и смѣлости. Просѣки, способствуя скорому войскъ соединенiю, облегчаютъ наши атаки и защиту переселяющихся изъ горъ жителей, которые найдутъ выгоду возвратиться на прежнiя жилища въ прекрасныхъ мѣстахъ. Сколько лѣтъ переносятъ они ужасную нищету и бѣдствiя; но кажется уже близкимъ конецъ ихъ страданiй, и тебѣ, почтен-

ный князь, можетъ принадлежать честь довершить то, чего не успѣлъ сдѣлать ни одинъ изъ предмѣстниковъ, ниже самъ фельдмаршалъ, котораго взятіе Эривани есть подвигъ ничтожный въ сравненіи со взятіемъ Куруровъ отъ шаха Персидскаго, который дрожалъ за каждую копѣйку. Горцы не умѣли понять славы его, а Закубанцамъ и говорить о немъ невозможно.

Въ это время, какъ я пишу тебѣ, князь Барятинской, вѣроятно, оканчиваетъ очистку Мичика, который нерѣдко служилъ убѣжищемъ Чеченцамъ. Бывало входили мы въ него съ высотъ Качалыковскихъ, но занять его постояннымъ образомъ не было средствъ.

Вижу изъ письма твоего удовольствіе, когда ты ѣхалъ изъ Сухумъ-Кале въ Редутъ-Кале въ экипажѣ, по прекрасной дорогѣ. Много занимала тебя мысль эта, наконецъ покорены затрудненія; и были бы прежде, ибо отъ тебя зависѣло поручить устройство дороги мимо офицеровъ путей сообщенія. Помню я неудобства дороги изъ Иметіи въ Карталинію и одну проклятую глинистую гору, которую въ мое еще время предположено обойти; но ты обладаешь магическою силою, и у тебя исполняются всѣ предначертанія. Многое сдѣлано въ твое управленіе страною, чтó наслѣдникомъ твоимъ казаться будетъ неразгадною задачею. Ты врѣжешь въ скалы Кавказа эпоху царствованія Императора и имя могущественнаго его намѣстника.

Февраль 1853. Москва.

Князь Бебутовъ уже уѣхалъ, а мнѣ хочется сообщить тебѣ распространяющуюся здѣсь молву; за точность ея однакоже не ручаясь.

Арміею противъ Турокъ будетъ начальствовать не князь Меншиковъ, а будто вызванъ для того князь Горчаковъ изъ Варшавы. Онъ уже въ Петербургѣ и скоро выѣзжаетъ.

О назначеніи князя Меншикова ничего неизвѣстно; но занятія его по флоту продолжиться не могутъ.

Многіе полагàютъ, что сношенія съ Константинополемъ завязаться могутъ и, какъ никто не желаетъ войны, легко найдутся желающіе предложить свои услуги.

Иностранные журналы превозносятъ великодушіе Государя и на него разсчитываютъ. Имъ нѣтъ нужды употреблять лесть: есть примѣры и многіе, и весьма свѣжіе. Неужели бы безъ него такъ сблизилась Пруссія съ Австріею? Чтò можетъ быть бóльшимъ доказательствомъ великодушія и безкорыстія, какъ и надежнѣйшимъ залогомъ спокойствія Европы?

Ожиданія общія, что все уладится.

Князь Бебутовъ, пробывши здѣсь два или три дня болѣе нежели предполагалъ, сообщилъ мнѣ много любопытныхъ свѣдѣній или поправилъ мои прежнія не во всемъ основательныя о странѣ часто воспоминаемой мною. Нерѣдко разсказы его казались мнѣ о чемъ-то мнѣ незнакомомъ: такъ перемѣнился Кавказъ, принявшій видъ устройства и порядка, что́ говорили мнѣ весьма многіе, но не съ такою основательностію и знаніемъ обстоятельствъ. Не стану говорить о созданномъ тобою Европейскомъ Тифлисѣ, когда уже глухой и мрачный Владикавказъ сдѣлался красивымъ городомъ, охватившемъ оба берега Терека.

Пріятно мнѣ было свиданіе съ княземъ Бебутовымъ и встрѣтить въ немъ чувства ко мнѣ долгое время служившаго вмѣстѣ и по должности близкаго мнѣ человѣка. Мало весьма могъ я сдѣлать ему пользы; но ты важными по службѣ порученіями, занимаемою имъ значительною должностью обнаружилъ его способности, сдѣлалъ его извѣстнымъ Государю и Наслѣднику и для службы полезнымъ и надобнымъ. Онъ все это живо чувствуетъ, и изъ множества облагодѣтельствованныхъ тобою, конечно, нѣтъ болѣе признательнаго и приверженнаго. Словомъ, онъ принадлежитъ тебѣ душою.

Мнѣ пришла мысль вознаградить его за это, и ты вѣрно одобришь ее. Выслушай предисловіе.

Давно просилъ я князя Бебутова, чтобы прислалъ мнѣ свой портретъ. Онъ привезъ съ собою изъ Тифлиса такъ гнусно нарисованный, что я отказался имѣть его въ домѣ и требовалъ, чтобы доставилъ онъ мнѣ другой, по крайней мѣрѣ имѣющій человѣческую фигуру. Въ бытность его въ Варшавѣ писалъ его портретъ хорошій художникъ; но какъ въ короткое время невозможно было его кончить, то братъ князя Бебутова, чрезъ мѣсяцъ по возвращеніи его въ Петербургъ, прислалъ его ко мнѣ изъ Варшавы, по его приказанію. Портретъ этотъ я тебѣ посылаю. Знаю совершенно, что для него это будетъ одною изъ самыхъ лестныхъ наградъ, если ты его примешь.

Онъ везетъ его съ собою, ни мало о томъ не подозрѣвая, и ящикъ адресованъ на имя Михаила Павловича Щербинина. И письмо это, по отъѣздѣ князя Бебутова отсюда, посылаю съ экстра-почтою. Я воображаю, какой это для него сюрпризъ и думаю, что за выдумку онъ благодаренъ мнѣ будетъ.

Въ коллекціи портретовъ обязанныхъ во множествѣ тобою лицъ ему принадлежитъ высокое мѣсто.

Давно не писавши тебѣ, не помню, просилъ ли я за статскаго совѣтника, служащаго въ Крыму, Озерецковскаго. Давно весьма знаю я этого благороднаго и отлично-честнаго человѣка. Болѣе 25 лѣтъ назадъ поручалъ мнѣ его знаменитый временъ Екатерины профессоръ, отецъ его, нѣкогда мой учитель. Тебѣ дав-

но извѣстно мое ничтожество, и на что̀ могъ быть я ему годнымъ?

Напиши объ немъ оффиціально новому министру финансовъ. Не вижу, почему не быть ему дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ? Взгляни на это дѣло со вниманіемъ.

Михаилъ Павловичъ Щербининъ представитъ тебѣ записку, присланную мнѣ при письмѣ Зубаловымъ, которую я препроводилъ къ нему. О дѣлѣ его я никакого не имѣю понятія; могу только сказать, что въ мое время Зубаловъ былъ весьма полезный человѣкъ, отлично-расторопный и усердный коммиссіонеръ, не разъ выводившій меня изъ большихъ затрудненій и не рѣдко подвергаясь немалымъ утратамъ. Пріобрѣтая выгоды, онъ не былъ замѣчаемъ алчнымъ. Въ пользу его я прошу твоего правосудія.

Слухи повсемѣстные о войнѣ; но мнѣ не вѣрится, чтобы дошло до схватки.

Много лишнихъ войскъ не найдется у тебя. Князю Бебутову я смѣялся, что на границѣ Карса будетъ онъ стоять одинъ съ мечемъ и пожелалъ ему, чтобы на этотъ случай имѣлъ онъ мечъ Алія длиною въ 50 локтей. Это не будетъ лишнимъ.

1 Іюня 1853. Москва.

99.

Иностранные журналы, политическая путаница голову мою до того сбили съ толку, что и самые дипломаты, кажется мнѣ, не съ большимъ дѣйствуютъ умомъ. Долго можно было полагать, что войны не будетъ; теперь есть и такіе, которые за то не ручаются.

Порту преодолѣть не трудно; но будутъ ли другіе равнодушными свидѣтелями, этого и самъ мудрый Нессельроде не знаетъ. Появленіе войскъ нашихъ въ княжествахъ возбудитъ живущихъ за Дунаемъ христіанъ, и компликація, умноживъ затрудненія, наброситъ на насъ подозрѣнія несправедливыя.

Порта стоитъ на колѣнахъ, божится, что войны не желаетъ и даже боится; но все-таки не хочетъ, чтобы ее били въ морду. Будутъ и тебѣ занятія, на которыя ты не разсчитывалъ; а Шамиль воспользуется молвою о разрывѣ и утвердитъ власть свою, примѣтно уже слабѣвшую. Слышалъ я, что помышляютъ усилить войска твои дивизіею. Невѣроятно, чтобы извѣстные трусы Анатольцы (исключая Лазовъ) искали давать баталіи; но на грабежъ и набѣги найдутся охотники, и войска на границѣ необходимы.

Іюля 6-го дня 1853. Москва.

Воображаю, сколько новыхъ заботъ по случаю нерѣшеннаго Восточнаго вопроса, который какъ впрочемъ ни кажется запутывающимся, многіе полагаютъ, что войны не будетъ. Судя по иностраннымъ журналамъ, никто войны не желаетъ; а въ Петербургѣ все покрывается непроницаемою тайною, и вѣрное одно то, что положительнаго ничего никто не знаетъ. Но какъ всегда есть люди, желающіе казаться дальновидными и проницательными, то одни вымыслы перемѣняются другими, и происходитъ престранная путаница. Многому даютъ поводъ огромныя пріуготовленія къ войнѣ, формированіе войскъ и прочее. У тебя всегда множество иностранныхъ журналовъ, слѣдовательно извѣстны всѣ дѣйствія другихъ державъ. Между демократами необыкновенная дѣятельность, и конечно многое подготовлено въ разныхъ мѣстахъ. На нихъ устремлено повсюду особое вниманіе; мелочи попадаются въ руки, важныя обстоятельства ускользаютъ. Давняя практика научила быть скрытными и хитрыми. Возбуждать и направлять мятежи и возстанія приведено въ правила подобно наукѣ, и желѣзныя дороги во многихъ случаяхъ немало способствуютъ.

Приближается время, въ которое обстоятельства настоящаго времени перестанутъ быть загадкою. Кто знаетъ, можетъ быть и твои обозрѣнія границъ будутъ полезнымъ образцомъ. Впрочемъ, какъ ты го-

воришь, у тебя не огромныя будутъ ополченія противъ Турокъ. Конечно достаточныя атаковать и разбить ихъ; но они поймутъ невыгоду серьозной схватки, а границу охранить отъ вторженія едва ли возможно. Найдутся и домашніе мошенники! Воображаю Шамиля ожиданія и какъ вдругъ могутъ разрушиться всѣ нелѣпые замыслы! Какъ, думаю, сумасбродничаютъ Закубанцы, и уже имъ мечтаются Англійскіе паруса!

Проѣзжавшій князь Дундуковъ посѣтилъ меня, за что̀ я чрезвычайно ему благодаренъ; порадовалъ меня очень, сказавши, сколько ты милостивъ къ моему Клавдію; но ты, почтеннѣйшій князь, говоря съ негодованіемъ о переводѣ его въ гвардію чиномъ менѣе, не утѣшилъ меня, сказавши: «не знаю, когда это можно будетъ поправить». Трудно мнѣ повѣрить, чтобы такъ приказалъ представить его, тогда какъ не было подобнаго примѣра между окружающими тебя, и нѣтъ причины исключительно на Клавдія обращать невыгодное всѣхъ заключеніе. Это вѣроятно произошло отъ прилива крови къ головѣ Вольфа, что̀ впрочемъ никогда не вредитъ собственнымъ выгодамъ этихъ господъ.

Вчера смѣялся я случившемуся при мнѣ разговору, будто твой князь Семенъ Михайловичъ, котораго всѣ знаютъ отлично-смѣлымъ офицеромъ и всегда готовымъ охотно на трудное предпріятіе, желаетъ имѣть болѣе покойное назначеніе. Не умѣю этому вѣрить.

10 Августа 1853. Москва.

101.

Поздравляю тебя съ цѣлымъ рядомъ успѣховъ, дѣлающихъ честь вопервыхъ тебѣ, какъ главному распорядителю, частнымъ начальникамъ, исполнившимъ свыше того, что́ отъ нихъ требовать было возможно, и отличнымъ войскамъ Кавказскимъ. Признательность Царя свидѣтельствуютъ великолѣпный тебѣ рескриптъ, которому великіе міра позавидовать могутъ, и весьма щедрыя другимъ награды.

Тебѣ, какъ прежнему нѣкогда товарищу, сообщаю я, какъ понимаю происшествія; разумѣется, говоря о войнѣ внѣ предѣловъ нашихъ. Я очень былъ доволенъ рѣшительностію князя Бебутова, когда оттолкнулъ онъ нагло ворвавшихся въ наши границы Турокъ при малыхъ тогда его средствахъ. Я многихъ лучше оцѣнилъ важность случая. Ничтожно дѣло при Ацхурѣ, но разумѣю его зародышемъ важнѣйшихъ. Я восхищался побѣдою князя Андроникова, съ которою конечно сравниться не могутъ первыя дѣйствія князя Бебутова, особенно взявши въ разсужденіе, что у него войска Кавказскія были не въ большемъ количествѣ, а прочія новыя, неизвѣстныя. Послѣдняя князя Бебутова побѣда къ сторонѣ Карса есть блистательная и комплектная; достоинство ея, думаю, можно справедливо опредѣлить слѣдующимъ образомъ: отъ дѣла при Асландузѣ *незабвеннаго Котляревскаго* до нынѣшняго

послѣдняго всѣ въ промежуткѣ сего времени военныя дѣйствія изгладятся изъ памяти людей, какъ ничтожныя мелочи. Важны были сдѣланныя пріобрѣтенія, отодвинувшія предѣлы наши; но славы для оружія нашего не было равной. Великому полководцу нашему можно нѣсколько похвастать Елисаветпольскимъ сраженіемъ, особливо когда главнѣйшіе дѣятели уже не существуютъ—Вельяминовъ и князь Мадатовъ. Но какую артилерію имѣлъ непріятель, и сколько взято у него пушекъ?

Вторительно поздравляю тебя и отъ всей души съ блистательными событіями.

Разные непріятные были слухи на счетъ твоего здоровья, и скорый проѣздъ здѣсь твоего князя умножилъ опасеніе; но съ нѣкотораго времени прекратилась молва, и всѣ успокоились.

Не полагаю, чтобы Шамилю было радостно.

10 Декабря 1853. Москва.

БУМАГИ

РАЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

Списокъ съ отношенія графа М. С. Воронцова къ князю Александру Николаевичу Голицыну, 29-го Генваря 1826 г. № 686.

Отношеніе вашего сіятельства съ изъясненіемъ высочайшей воли на счетъ купленнаго въ Крыму покойнымъ Государемъ Императоромъ имѣнія Оріанды я имѣлъ честь получить. Мнѣ давно слѣдовало донести Его Императорскому Величеству о сей покупкѣ; но такъ какъ всѣ распоряженія по оной происходили на словахъ, и я дѣйствовалъ по однимъ изустнымъ повелѣніямъ покойнаго Государя, въ присутствіи г. начальника штаба мнѣ даннымъ: то мы и согласились съ генераломъ Дибичемъ, чтобы онъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, доложилъ о всемъ что̀ касательно сего предмета было повелѣно и сдѣлано, и о послѣдующемъ меня извѣстилъ. Вслѣдствіе того я ожидалъ увѣдомленія отъ генерала Дибича, но онаго еще не получилъ.

Нынѣ, исполняя высочайшую волю, объявленную мнѣ вашимъ сіятельствомъ, имѣю честь при семъ препроводить къ вамъ записку, въ коей излагаются всѣ обстоятельства покупки какъ самой Оріанды, такъ и смежныхъ съ нею садовъ.

Записка объ имѣніи, купленномъ покойнымъ Государемъ Императоромъ Александромъ I-мъ на Южномъ берегу Крыма въ Оріандѣ у графа Кушелева.

Покойному Государю угодно было въ Таганрогѣ, въ началѣ Октября мѣсяца 1825-го года, повелѣть мнѣ войти въ сношеніе съ графомъ Кушелевымъ-Безбородкою о продажи Его Величеству имѣнія на Южномъ берегу Крыма въ Оріандѣ.

Къ самому прибытію Государя Императора въ концѣ того же мѣсяца въ Крымъ, полученъ былъ отъ графа Кушелева отвѣтъ, въ которомъ онъ изъявлялъ полную готовность сдѣлать угодное Его Величеству и просилъ безденежно принять отъ него Оріанду; въ случаѣ же если всеподданнѣйшее пожертвованіе его не будетъ удостоено принятіемъ, то назначить какую благоугодно цѣну владѣнію его или предпочтительно замѣнить сію уступку другимъ, въ тѣхъ же мѣстахъ, имѣніемъ. Государь Императоръ по представленію моему рѣшиться изволилъ объявить свое высочайшее благоволеніе графу Кушелеву и повелѣлъ выслать въ мое распоряженіе 50,000 рублей для покупокъ на Южномъ берегу въ пользу графа Кушелева другихъ участковъ, по собственному его назначенію.

Графъ Кушелевъ въ отвѣтѣ своемъ также представлялъ на волю Государя оставить въ Оріандѣ или

отпустить винодѣльца, изъ Германіи имъ выписаннаго, и нѣсколько душъ крестьянъ, переведенныхъ изъ Малороссіи. Проѣзжая чрезъ Оріанду, Его Величество милостиво принялъ просьбу винодѣльца и повелѣлъ мнѣ оставить его на прежнемъ положеніи, съ нѣкоторою прибавкою содержанія ему слѣдующаго по условію съ графомъ Кушелевымъ; въ разсужденіи же крестьянъ приказалъ мнѣ узнать собственное ихъ желаніе и по оному распорядиться. Въ послѣдствіи я лично каждаго распрашивалъ, и они всѣ объявили мнѣ, что желаютъ возвратиться въ Малороссію, и потому всѣ уже теперь отправлены туда.

Покойному Государю Императору угодно было сверхъ того изъявить согласіе на представленіе мое о назначеніи бывшаго профессора Химіи въ Парижѣ Дессера управляющимъ въ Оріандѣ. Г. Дессеръ съ семействомъ своимъ лично былъ извѣстенъ Его Величеству весьма лестнымъ образомъ: ибо, какъ по нравственности своей, такъ и по большимъ познаніямъ, онъ пользуется общимъ уваженіемъ въ Крыму, гдѣ уже много лѣтъ занимается садоводствомъ. Г. Дессеръ договоренъ на сіе мѣсто съ жалованьемъ по 5.000 рублей въ годъ и конечно былъ бы въ Оріандѣ весьма полезенъ.

Въ туже бытность покойнаго Государя въ Крыму генералъ Дибичъ просилъ г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Башмакова купить для него близъ Оріанды нѣсколько участковъ земли, принадлежащихъ Татарамъ, и назначилъ для того до 25 т. рублей. Узнавъ о семъ порученіи и слышавъ, что оное было весьма угодно Его Величеству, я взялся самъ исполнить оное. Въ послѣдствіи времени Таврическій гражданскій гу-

бернаторъ Нарышкинъ и полковникъ Ревельоти извѣстили меня, что участки назначенные мною для генерала Дибича сторгованы ими на 20 т., и я передалъ извѣщеніе ихъ его превосходительству, присовокупивъ мою покорную просьбу не уступать участковъ, въ случаѣ продажи, никому кромѣ казны: ибо они съ Оріандою смежны, и весьма прилично бы было составлять изъ нихъ одно имѣніе.

Между тѣмъ, будучи въ Таганрогѣ, получилъ я отъ г. министра финансовъ отношеніе отъ 26-го Ноября, въ которомъ пишетъ онъ ко мнѣ, что по высочайшей волѣ, сообщенной ему г. начальникомъ штаба, онъ приказалъ Таврической Казенной Экспедиціи выдать мнѣ для покупки имѣнія въ Крыму 75 т. рублей; а генералъ Дибичъ объявилъ мнѣ, что изъ сей суммы 25 т. назначены были покойнымъ Государемъ ему въ подарокъ, для покупки сторгованныхъ по его порученію возлѣ Оріанды участковъ. Вслѣдствіе всего вышеписаннаго я тогда же сдѣлалъ распоряженія.

1. Объ отчисленіи 50 т. для употребленія по волѣ покойнаго Государя Императора и довѣрію мнѣ сдѣланному графомъ Кушелевымъ, но покупку сему послѣднему имѣнія на томъ же Южномъ берегу Крыма близъ деревни Мухалатки.

2. 20.000 поручилъ принять Таврическому губернатору для заплаты Татарамъ, продающимъ разные участки, смежные съ Оріандою, для генерала Дибича. Хотя я на сіе и не имѣлъ повелѣнія, но въ ожиданіи оффиціальнаго извѣщенія обѣщаннаго мнѣ генераломъ Дибичемъ не рѣшился остановить покупку назначенныхъ участковъ.

Отъ воли нынѣ царствующаго Государя зависитъ опредѣлить, на чье имя совершить актъ для сей послѣдней покупки.

3. Изъ остальныхъ 5.000 рублей приказалъ я отпустить полугодовое содержаніе какъ винодѣльцу въ Оріандѣ, которому таковая выдача была необходима, такъ и г. Десеру, который вслѣдствіе высочайшей воли уже ѣздилъ въ Оріанду, для обозрѣнія всего владѣнія и нужнымъ по оному соображеній, оставивъ собственное свое хозяйство въ Симферополѣ, гдѣ содержитъ онъ себя и многочисленное семейство свое садоводствомъ.

Вотъ все, что́ по сему предмету сдѣлано. Въ дополненіе къ запискѣ моей имѣю честь приложить копіи:

1. Съ письма ко мнѣ графа Кушелева, изъявляющаго согласіе на безденежную уступку Оріанды.

2. Съ моего письма, въ коемъ объявлено ему высочайшее благоволеніе и предложена цѣна на имѣніе.

3. Съ отвѣта графа Кушелева на мое письмо.

4. Съ контракта заключеннаго съ вышесказаннымъ, Нѣмецкимъ винодѣльцомъ и бочаромъ.

5. Копія съ отношенія ко мнѣ министра финансовъ.

Въ дополненіе къ симъ актамъ должны быть присовокуплены купчая крѣпость графа Кушелева-Безбородки и предварительныя сдѣлки заключенныя съ Татарами губернаторомъ Нарышкинымъ и полковникомъ

Ревельоти. Сіи послѣдніе требуются мною изъ Крыма и по полученіи будутъ доставлены къ вашему сіятельству.

Чтὸ касается до плановъ предположеннаго Государемъ въ Оріандѣ строенія, то въ Бакчисараѣ Его Величество изволилъ отдать архитектору Эльсону собственноручную записку о размѣщеніи построекъ, съ повелѣніемъ составить о ней планъ. Г. Эльсонъ исполнилъ высочайшую волю и сдѣлалъ какъ планъ, такъ и фасадъ, которые при семъ посылаю вмѣстѣ съ копіею самой записки Государя Императора. Почитаю должнымъ присовокупить, что о фасадѣ г. Эльсонъ высочайшаго повелѣнія не получалъ, а сдѣлалъ оный отъ себя. Покойный Государь изволилъ говорить, что на сей счетъ распорядится послѣ, и я полагаю, что Его Величеству можетъ быть угодно бы было имѣть фасадъ совсѣмъ въ другомъ вкусѣ.

Изложивъ такимъ образомъ, вслѣдствіе высочайшей воли, все, чтὸ по сему было сдѣлано и предполагаемо, буду ожидать дальнѣйшихъ повелѣній на счетъ Оріанды. Теперь же безъ оныхъ не смѣю входить ни въ какія распоряженія для поддержанія заведеній въ Оріандѣ, какъ я бы то сдѣлалъ при жизни покойнаго Государя.

Письма разныхъ лицъ къ князю М. С. Воронцову.

А. Князя П. В. Козловскаго.

1.

Генуя, сего 15 (27) Апрѣля 1817 г.

Милостивый государь графъ Михайло Семеновичъ.

Капитанъ Торре, Ницкой уроженецъ, раненый въ Швейцаріи при генералисимусѣ князѣ Суворовѣ, желалъ бы войти въ Россійскую службу. Такъ какъ я не имѣю по сему предмету никакихъ предписаній и почти всегда остаюсь по частнымъ дѣламъ таковаго рода безъ отвѣта, то и почитаю полезнѣйшимъ для просителя средствомъ къ достиженію своей цѣли прибѣгнуть къ великомощному ходатайству вашего сіятельства, почему и снабдилъ его симъ письмомъ, прося васъ, милостивый государь, если сіе возможно, взять подъ свое крыло таковое прошеніе свидѣтеля великихъ дѣлъ нашего героя, по коего стопамъ вы идете съ лучшимъ сердцемъ и съ болѣе человѣколюбивыми правилами.

Мнѣ не хотѣлось упустить сего случая напомнить вамъ о моемъ существованіи, которое нераздѣльно съ чувствами глубокаго почтенія и совершенной преданности, съ коими имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга князь Петръ Козловскій.

P. S. Тургеневъ прислалъ ко мнѣ письмо, при которомъ долженъ находиться какой-то ящикъ, назначенный въ Венецію и далѣе. Письмо вручено мнѣ Французскимъ посломъ, а ящика нѣтъ, о чемъ сдѣлайте милость его увѣдомте, дабы взяты были нужныя мѣры къ изысканію онаго. Ut in litteris.

2.

Monsieur le comte.

Cette lettre vous parviendra par m-elle Mary Berry qui a eu la bonté de vouloir en avoir une de ma part pour votre excellence. Je lui sais gré de vouloir vous connaître de plus près, car j'aime trop mon pays pour ne pas toujours penser que le même sol nous a vu naître. M-elle Berry est une personne éminemment distinguée par ses lumières, par son goût pour des lettres et par la justesse de ses idées sur beaucoup de choses, excepté celles sur lesquelles nous sommes d'un avis différent: car j'ai la prétention, monsieur le comte, de raisonner toujours bien et d'agir toujours mal, au moins pour mes propres intérêts.

Я съ нетерпѣніемъ ожидаю Исторіи Карамзина; но, почтеннѣйшій графъ, скажите, не стыдно ли въ 1818 году выдавать Россійскую Исторію и остановиться на какой эпохѣ? На XVII-мъ вѣкѣ, т.-е., такъ сказать, тамъ, гдѣ начинается та часть Русской Исторіи, которая можетъ просвѣтить гражданина въ истолкованіи состава нравовъ народа Русскаго и дать государственному человѣку познаніе, какимъ образомъ сія имперія изъ оборонительной сдѣлалась наступа-

тельною властію. Московскій и Нейштатскій трактаты перемѣнили совершенно политическое положеніе Россіи. Первая ревизія и указъ, по которому всякій дворянинъ Русскій долженъ заслуживать дворянство, дали новый образъ нашимъ нравамъ. Чему же научитъ чтеніе Исторіи, которая ничего о семъ не говоритъ, и, хотя для любителей древностей всякое событіе древнихъ временъ привлекательно, можетъ ли кто-нибудь изъ Французовъ или Англичанъ, кромѣ вышеупомянутыхъ читателей, порадоваться о изданіи новой книги, нетерпѣливо ожидаемой, въ которой историкъ бросилъ перо при восшествіи на престолъ Франциска I-го или Генриха VIII-го?

Agréez, monsieur le comte, l'hommage du respectueux dévouement que je vous porte dans mon coeur pour la vie. Le prince Kosloffsky.

Оба письма адресованы въ Мобёжъ. П. Б.

Б. Художника Мартоса.

Ваше сіятельство.

Николай Михайловичъ Лонгиновъ доставилъ мнѣ выписку изъ вашего письма, писаннаго къ нему 30-го Октября прошлаго года касательно статуи герцога Ришелье для Одессы. Въ ономъ ваше сіятельство изволите писать, что на сдѣланіе ея собрано суммы до сорока тысячъ рублей, за которую могу сдѣлать порядочную статую, не полагая въ то число піедесталъ изъ камня, которой удобнѣе сдѣлать у васъ, потому что находятся камни по близости Одессы; но что обо всемъ этомъ будетъ говорить со мною генералъ Потье, который пріѣдетъ въ Петербургъ.

Дожидавши долго генерала Потье, которой не пріѣхалъ еще по сіе время, я взялъ смѣлость писать къ вашему сіятельству о предметѣ близкомъ къ моему сердцу, коимъ занимаюсь мысленно, а не на практикѣ; а еще не началъ его производить, потому что не получилъ отъ вашего сіятельства полнаго разрѣшенія, безъ котораго не могу приступить къ дѣлу.

Я представляю на ваше утвержденіе величину статуи, которой вышину полагаю болѣе сажени или семи футовъ; сія величина есть колосальная. Она будетъ отлита изъ бронзы, не изъ составныхъ частей, какъ то дѣлаютъ во Франціи и въ другихъ мѣстахъ, но вся цѣльная, вылитая въ одинъ разъ и отдѣланная во всѣхъ частяхъ въ возможномъ совершенствѣ.

По сдѣланіи эскиза моей идеи, доставлю съ онаго рисунокъ вашему сіятельству вмѣстѣ съ рисункомъ піедестала.

Будучи одушевленъ исканіемъ болѣе чести нежели пользы, я соглашаюсь сдѣлать статую для Одессы за предлагаемую вашимъ сіятельствомъ сумму сорокъ тысячъ рублей, выключая піедестала, который можно сдѣлать изъ находящагося въ Полтавской губерніи гранита, изъ котораго сдѣланъ монументъ въ Полтавѣ. Обращики онаго я видѣлъ; онъ даетъ превосходный глянецъ, находится большими кусками и въ отработкѣ держитъ кромку острѣе нашего гранита. Вѣроятно есть тамъ люди, умѣющіе его работать. Отдѣлка піедестала изъ сего камня будетъ выгодна еще и потому, что провозъ его до Одессы не можетъ стоить дорого.

Пламенное мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы сдѣланную модель въ алебастрѣ выставить въ экспозицію для публики въ открытіе Академіи Художествъ въ будущемъ Сентябрѣ мѣсяцѣ, до котораго остается семь мѣсяцевъ. Времени немного; надобно употребить особенное усиліе, чтобы поспѣть къ оному. Одно зависящее отъ вашего сіятельства разрѣшеніе будущею почтою нѣсколькими строчками, и я тотчасъ приступлю къ дѣлу.

При производствѣ мною разныхъ работъ, какъ казенныхъ, такъ и партикулярныхъ, дѣлались условія. Не благоугодно ли будетъ и вашему сіятельству сдѣлать со мною таковое же? Условленная общая сумма всегда раздѣлялась на три статьи: при началѣ работы на покупку для модели и на дѣланіе формъ

разныхъ матеріаловъ и работникамъ, *столько-то*. По окончаніи модели и формъ, для отлитія изъ бронзы на покупку всего къ тому нужнаго *столько-то*. По совершенномъ окончаніи работы остальныя *столько-то*.

За статую для Одессы, которую обязуюсь сдѣлать чрезъ полтора года, располагаю сумму сорокъ тысячъ рублей слѣдующимъ образомъ: при началѣ работы получить мнѣ 15 тысячъ рублей; по окончаніи модели и формъ для отливки изъ бронзы получить 20 тыс. рубл.; по совершенномъ окончаніи бронзовой статуи получить остальныя 5 тыс. рублей. По точному сему расчисленію я производилъ Московскій монументъ Минина и князя Пожарскаго, также статую Императрицы Екатерины II-й для залы Благороднаго Собранія въ Москвѣ, и всѣмъ партикулярнымъ людямъ. Въ семъ видѣ ваше сіятельство можете приказать сдѣлать у васъ условіе со мною и для статуи въ Одессу, но такъ, чтобы мнѣ имѣть дѣло только съ особою вашею, а не другимъ какимъ лицемъ; ибо другаго никого не хочу вѣдать по сему дѣлу. Написать условіе въ два экземпляра одинакіе: одинъ для вашего сіятельства, которой я подпишу, а другой для меня за вашимъ подписаніемъ. Такимъ образомъ, получа отъ вашего сіятельства по сему дѣлу утвержденіе и денегъ 15 т. рублей, при началѣ работы мнѣ необходимыя, я, не теряя ни мало времени, при помощи Божіей, начну со всевозможнымъ рвеніемъ производить работу, и ежели успѣхъ доставитъ мнѣ всеобщую похвалу, то я съ благодарностію относить его буду вашему сіятельству.

Вашего сіятельства, милостивѣйшаго государя, покорнѣйшій слуга Иванъ Мартосъ.

9-го Генваря 1824 года.

В. Записка графа П. А. Толстаго

князю М. С. Воронцову.

Königsbeirg, vendredi au soir, à 8 heures.

Je suis arrivé ici, mon cher ami, et je vous prie de grâce à venir à ma rencontre à Heilsberg, qui est à la moitié du chemin; car je veux me concerter avec vous sur la conduite que je dois tenir d'après celle que tient la Prusse. C'est le comble des horreurs et qui vont précipiter toute l'Europe. Tout à vous

Tolstoy.

Dépêchez-vous, car je vous attendrai à Heilsberg.

Письма князя М. С. Воронцова къ графу П. А. Толстому.

1.

Грауденцъ, 2 (14) Ноября 1806.

Ваше сіятельство вѣрно удивитесь, что я такъ долго ѣхалъ сюда; но если вамъ достанется ѣхать по этой дорогѣ, то удивленіе ваше уменьшится. Отъ Петербурга до границы я ѣхалъ цѣлые 6 сутокъ, хотя только одинъ разъ на 4 часа остановился близъ Нарвы, гдѣ встрѣтилъ графа Мусина-Пушкина. Въ Петербургѣ уже давно знаютъ, что при королѣ находится изъ нашихъ г. Криденеръ, который и доставлялъ отселѣ всѣ

извѣстія любопытныя; и такъ сія часть коммиссіи моей у меня съ плечъ свалилась. Криденеръ, кажется, человѣкъ весьма хорошій и, будучи весьма знакомъ со всѣми здѣшними, имѣетъ всѣ способы узнавать все, что̀ дѣлается, по крайней мѣрѣ столько, сколько можно: ибо король самъ мало знаетъ, что̀ въ 20-ти верстахъ отъ него. Шпіоновъ у нихъ совсѣмъ нѣтъ, а когда что̀ и узнаютъ, то не умѣютъ рѣшиться, что̀ по тому дѣлать надлежитъ. Все здѣсь весьма худо, и я весьма боюсь, что будетъ еще хуже. Въ Польшѣ инсурренція началась; при семъ прилагаю копію съ манифеста Домбровскаго. Близъ Варшавы въ иныхъ мѣстахъ отказались уже повиноваться Прусскому начальству, запретили отпускъ рекрутовъ и ломаютъ вездѣ орлы на казенныхъ строеніяхъ. Между тѣмъ Французы въ Позенѣ уже въ силахъ, а маршалъ Ланъ пришелъ вчера въ Бромбергъ, отселѣ 8 миль. Сіе послѣднее заставляетъ насъ завтра отправиться въ Остероде, что̀ отселѣ 15 миль. Бонапарте самъ еще въ Потсдамѣ. Онъ съ начала думалъ, что Бениксонъ уже недалеко отъ Берлина и потому-то хвастался, что онъ его разобьетъ на походѣ. Узнавъ теперь, что онъ еще не дошелъ до Вислы, онъ перемѣнилъ свои намѣренія и, кажется, нѣсколько времени хочетъ пробыть въ Позенѣ. Но я все боюсь, что какъ онъ узнаетъ настоящее положеніе Бениксона и что скоро къ нему примкнетъ Буксгевденъ, то что онъ вдругъ подастся впередъ и не допуститъ имъ соединиться, особенно если король будетъ держаться теперешняго своего намѣренія, которое есть: завести главную квартиру въ Остероде и пригласить Бениксона туда же, то есть удалить его еще больше отъ Буксгевдена и тѣмъ дать новые способы Французамъ помѣшать соединенію на-

шихъ силъ. Я писалъ о семъ г. Будбергу, говоря, что не имѣю права давать совѣты и такъ какъ бы съ моей стороны смѣшно было объявлять мнѣнія военныя при Калькрейтѣ и другихъ генералахъ, я никому ни слова говорить не буду, но что если король самъ со мной заговоритъ, то я возьму смѣлость представить ему, что такъ какъ одна надежда теперь есть та, чтобы имѣть армію могущую противостоять Французамъ, мнѣ кажется, что надо стараться армію Бениксона, Буксгевдена и Прусскую здѣшнюю (15,000 ч.) какъ можно скорѣе соединить и, если Бениксонъ и Пруссаки будутъ въ Остероде, то Буксгевдену долго съ ними не соединиться, а Французы найдутся между ними.

Богъ знаетъ, чѣмъ это все кончится. Я завтра напишу къ Бениксону, извѣщая его только о томъ, что̀ здѣсь знаютъ. Бенкендорфъ къ нему поѣхалъ и еще не возвратился.

На Бресно Французовъ пошло мало, и послалъ онъ туда Баварцевъ и всю эту сволочь; главныя же его его силы идутъ на Позенъ. Пріѣзжайте, Бога ради, поскорѣе съ фельдмаршаломъ и не оставляйте насъ здѣсь подъ игомъ запутанныхъ идей короля Прусскаго. Здѣсь Калькрейтъ командуетъ всѣми Прусскими войсками, коихъ всего 15,000. Гарденбергъ въ Кенигсбергѣ. Рюхель раненъ не опасно и поѣхалъ въ свои деревни. Брауншвейгскому, говорятъ, не пережить; всѣ его здѣсь винятъ, но всего стыднѣе была сдача Кистрина; даже Австрійцы ничего подобнаго не сдѣлали.

Извините, ваше сіятельство, что я такъ мараю бумагу. Графъ Ожаровской дожидается только моего письма, и лошади у него давно готовы. Пріѣзжайте поскорѣе; я васъ увѣряю, что по всему надо думать, что

Бонапарте весьма скоро будетъ на Вислѣ самъ, и они въ Бромбергѣ уже нашли много судовъ. Пруссаки было собрались сжечь, но поздно. Тиранъ здѣсь и ѣдетъ къ вамъ на встрѣчу. Вотъ отъ Бенкендорфа оставленное здѣсь письмо.

Вашъ покорнѣйшій слуга
г. Мих. Воронцовъ.

2.

Съ большимъ трудомъ я отыскалъ г. Бениксона и уговорилъ его написать о его намѣреніи и положеніи къ фельдмаршалу *). Я самъ бы къ вамъ теперь пріѣхалъ, но лошадь совсѣмъ стала. Завтра поутру я къ вамъ отправлюсь; если же мы здѣсь атакованы будемъ, что̀ весьма вѣроятно, то я, посмотрѣвъ немного какъ идетъ дѣло, пріѣду къ вамъ съ извѣстіемъ.

Вашъ покорный слуга
гр. Мих. Воронцовъ.

Сдѣлайте милость, ваше сіятельство, пришлите ко мнѣ въ ночь казака, которой бы меня завтра къ вамъ привелъ; здѣсь проводниковъ найти нельзя.

Пултускъ,
13-го Декабря 1806.

---

*) Графу Каменскому. П. Б.

Г. Графа Ѳ. В. Растопчина.

Милостивый государь мой

графъ Михайлъ Семеновичъ!

Увидя изъ письма вашего къ А. Я. Булгакову, что посѣщеніе мое пріятно будетъ вамъ, жду теперь съ нетерпѣніемъ той минуты, въ которую оставлю здѣшній городъ и отправлюсь въ Москву чрезъ Андреевское. Двѣ причины родили во мнѣ желаніе васъ видѣть: личное къ вашему сіятельству уваженіе, сопряженное съ 23-хъ лѣтнею приверженностію къ батюшкѣ вашему и притомъ объясненіе на счетъ Москвы, гдѣ я совсѣмъ былъ не то, чтò угодно было выпустить князю Кутузову, которой, вмѣсто того чтобы обмануть меня, обманулъ отечество и Государя, предавъ злодѣю столицу. Все сіе мною доведено будетъ до свѣдѣнія каждаго; но я за удовольствіе сочту вамъ начально все пересказать.

Я въ превеликомъ страхѣ на счетъ хода непріятельскаго и дрожу, чтобы онъ, обманувъ полумертваго фельдмаршала нашего, не очутился въ Калугѣ, откуда ему удобно будетъ неразоренными мѣстами дойти до Волыни, избѣжавъ встрѣчи съ Чичаговымъ. А намъ гнаться нельзя, потому что мы забыли и скоро ходить, и нападать на непріятеля. Три новости насъ обезсилили: *Позиція*, *превосходныя силы* и *обходъ фланговъ*. Подъ

Смоленскъ Бонапартъ пришелъ съ 150 т., въ Москву со 100 т., гдѣ потерялъ въ шесть недѣль плѣнными 26 т. и по крайней мѣрѣ 10 т. убитыми. Теперь опять очутился въ 120 т.; а у Кутузова 109 т. въ ружьѣ, кромѣ 25 т. ополченія Московскаго и Смоленскаго. Но бѣда, что армія, гдѣ долженъ быть одинъ духъ и одна душа, обратилась въ дворцовую переднюю, гдѣ всѣ копаются, мараются и выхваляютъ себя. Еслибы всякій думалъ объ отечествѣ, то бы злодѣй рода человѣческаго давно былъ бы истребленъ единою Россіею.

Надѣюсь увидать васъ безъ костылей, въ видѣ воина, готоваго идти еще на смерть, коею вы презираете, какъ я Наполеономъ.

Съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь пребыть вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга

графъ Ф. Ростопчинъ.

18-го Октября 1812.
Владимиръ.

Д. Адмирала П. В. Чичагова.

Получ. 8 Іюня. Londres, ce 3 mai 1815.

Il est assez fâcheux que m-r Emélianenko ait perdu la petite note que je vous ai remise; car c'était la seule indication sûre qu'il pouvait avoir pour les dates des pièces, au défaut de quoi vous avez été obligé de vous contenter d'une espèce d'approximation aux dates requises, ce qui a fait que la pièce la plus essentielle ne s'y trouve pas malheureusement. J'entends la lettre de Koutouzoff que j'ai reçue le 13 novembre v. s, dans la tête-du-pont de Borissoff. Elle a été lue par Tchaplitz, par moi, par Sabaneieff et plusieurs autres; mais, d'après l'expérience qui vient d'être faite, je désespère de jamais la retrouver. Ainsi n'en parlons plus. Croyez moi que ma reconnaissance pour vous n'en est pas moins vive pour cela.

Je suis charmé que vous ayez trouvé une occasion de vous lier intimement avec le général Yermoloff. C'est une liaison bien assortie et doit être solide et durable. Ce qu'il y a là-dedans pour ma part me flatte beaucoup, car quoique je l'ai prévue, j'en ai entendu dire grand bien en général. J'ai eu connaissance même d'un mémoire relatif au passage de la Bérézina qui doit avoir été écrit par lui, qui est plein de loyauté et de sentimens qui distinguent m-r Yermoloff de tant d'autres; mais on m'a dit en même

tems qu'on a tout fait pour le supprimer et pour empêcher qu'il ne se répande, et on y a réussi. Ne pourriez-vous pas me le procurer?

Nous attendons toujours vos lettres pour le cher papa avec autant d'impatience que d'avidité, et je crois que bientôt il faudra ajouter d'inquiétudes à ces deux sentiments si le concours des circonstances ne nous favorise assez pour amener une prompte fin à cette nouvelle lutte. D'après ce que nous en savons ici, la partie ne paraît pas être égale, ce qui doit faire espérer que Dieu sera pour le gros bataillon. On dit que les désertions sont très fortes dans les rangs des Français et que les troupes des alliés sont animés du meilleur esprit, ce qui serait fort heureux.

Vous devez être aussi persuadé, mon cher comte, des voeux bien ardents et bien sincères que l'on fait ici pour votre gloire et votre conservation, et que nous sommes persuadés des faits d'armes aussi honorables que glorieux qui suivront toujours vos drapeaux.

M-r Polétika, en revenant d'Espagne, a passé par ici et s'est chargé de vous remettre ou de vous faire tenir cette lettre. J'espère qu'il y réussira, car je désire beaucoup vous exprimer le plus tôt combien j'ai été sensible à la peine que vous vous êtes donnée pour moi dans cette ennuyeuse et ingrate affaire et de vous assurer en même du bien sincère attachement que je vous ai voué pour la vie.

P. Tchischagoff.

Е. Сперанскаго.

1.

Къ А. О. Имбергу.

С.-Петербургъ, 27 Іюля 1828.

Графъ Воронцовъ въ письмѣ къ К. Я. Булгакову предлагаетъ вамъ, любезный Алексѣй Осиповичъ, другое мѣсто, а именно предсѣдателя Бессарабскаго временнаго комитета. Жалованье тысячу рублей серебромъ.

Комитетъ сей, хотя и называется временнымъ, но по всей вѣроятности продолжится долго. Между тѣмъ онъ обѣщаетъ пріискать для васъ другое лучшее мѣсто, какое только можетъ по Бессарабскому управленію открыться. Слову его повѣрить можно. Хотя предложеніе кажется и выгодно̀, но мы, по общему совѣту, принять его за васъ безъ отзыва вашего не смѣли. Предположеніе кн. Николая Григорьевича*) помѣстить васъ съ выгодою въ губерніяхъ Малороссійскихъ когда сбудется, неизвѣстно. Хотя ни мало не сомнѣваюсь я въ добротѣ его къ вамъ расположеній, такъ какъ и вообще совершенно увѣренъ въ благодѣтельныхъ его чувствахъ и въ полной мѣрѣ одобряю и привязанность къ нему вашу; но что же дѣлать, когда нѣтъ въ виду въ Малороссіи мѣста? Подумайте и сколь можно скорѣе меня извѣстите: ибо графу Воронцову нужно сдѣлать отвѣтъ. Онъ остановилъ для васъ предлагаемое мѣсто. Съ первою обратною почтою буду ожидать вашего отвѣта. Прощайте, душевно васъ обнимаю. Анюту и дѣтей цѣлую.

М. Сперанскій.

---

*) Репнина. П. Б.

Къ князю Воронцову.

2.

Съ благодарностію возвращаю вашему сіятельству прекрасный вашъ перипль. Арріаново обозрѣніе важно по древности; ваше поучительно по обширнымъ его видамъ въ будущемъ. Тутъ цѣлый міръ надеждъ и новаго для Россіи обладанія; а обладаетъ краемъ тотъ, кто стоитъ твердою ногою на приморскихъ берегахъ его. Эта истина неоспорима такъ, какъ неоспоримо и то, что Севастополь и Одесса ближе къ Сухумъ-Кале, нежели Тифлисъ.

Примите еще разъ истинную мою благодарность.

6 Іюня 1837. Сперанскій.

3.

Милостивый государь
графъ Михаилъ Семеновичъ!

Отвѣчая въ Апрѣлѣ на письмо вашего сіятельства, въ Январѣ полученное, я долженъ прежде всего изъяснить столь странную медленность. Переговоры съ А. И. Яковлевымъ объ учрежденіи въ Одессѣ торговли желѣзомъ начались на той же недѣлѣ, какъ получилъ я письмо ваше. Сперва послѣдовалъ отказъ, и въ семъ смыслѣ сдѣланъ былъ отъ него отвѣтъ г-ну коммерціи совѣтнику Логинову на его къ нему отношеніе. Потомъ казалось мнѣ, что онъ смягчился и далъ мнѣ слово поручить сіе дѣло подробному разсмотрѣнію и соображенію главной Пермской его конторы. Надежды мои возобновились; ибо я зналъ, что самъ онъ, не занимаясь подробностями, во всемъ полагается на своего управляющаго. Послѣ долговремен-

наго ожиданія, на сихъ только дняхъ полученъ оттуда отвѣтъ, что заводить для столь отдаленнаго края особую торговлю, при возрастающей ежегодно продажѣ на Нижегородской ярмаркѣ и при поставкахъ также возрастающихъ для Петербурга, нѣтъ для заводовъ ни разсчета, ни удобствъ.

Сіе было послѣднее его слово. По искреннему участію, даже могу сказать, по пристрастію моему къ полуденному краю и къ прекрасной вашей Одессѣ, прискорбно мнѣ было слышать сей приговоръ; но перемѣнить его нельзя, и я смѣю думать, что никто послѣ меня перемѣнить его не успѣетъ.

Примите увѣреніе въ искреннемъ и совершенномъ почитаніи, съ коимъ честь имѣю быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга М. Сперанскій.

Въ Петербургѣ.
25 Апрѣля 1838.

P. S. Съ 15 Іюня я располагаюсь пуститься въ южный край; проведу нѣсколько дней въ деревнѣ (Полтавской г.), откуда прямымъ путемъ черезъ Екатеринославль въ Крымъ. Прискорбно мнѣ думать, что васъ тамъ уже не застану: ибо по слухамъ вы будете въ концѣ лѣта здѣсь, чтобы потомъ отправиться въ Англію. Кстати объ Англіи. Государь Наслѣдникъ будетъ тамъ не прежде Сентября и проведетъ тамъ мѣсяца два, а можетъ быть и болѣе.

Ж. Черногорскаго владыки митрополита Петра Петровича Негоша.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Народъ Черногорскій съ 1711-го года, по единовѣрію и по единоплемянности, получая отъ высочайшаго Всероссійскаго двора побудительныя грамоты, руководствованъ былъ предками и предмѣстниками моими, бывшими безпрерывно изъ моей фамиліи митрополитами и мною, къ услугамъ Всероссійскаго престола, даже и въ то время, когда бывшій врагъ человѣчества, распространивши свое владѣніе до границы нашей, вторгнулся было въ столицу Россійскаго государства, въ которое мы сносили страшныя отъ Французовъ угроженія, что Черногорія впередъ не будетъ называться Черногоріею, но кровію нашею обагренною горою.

Такое угроженіе хотя и предвозвѣщало намъ смерть, но не поколебало вѣрности и усердія нашего къ Россіи. Предки наши выше помянутаго 1711-го года дали слово на вѣрность Всероссійскому двору, и мы оно свято сохраняли, уповая Россіею быть покровительствованни и отъ Россіи счастье получить.

Я, изъ усердія моего къ Россійской имперіи, ободряемъ будучи высочайшимъ рескриптомъ (съ котораго осмѣливаюсь при семъ копію приложить) всту-

пилъ съ Черногорцами 1813-го года въ Бокезскую провинцію и, очистивъ оную отъ Французовъ, до крайности себя разорилъ издержками для содержанія войска, черезъ 9-ть мѣсяцевъ учиненными, и наконецъ съ народомъ, пастырству моему ввѣреннымъ, на произволъ судьбы оставленъ; народомъ, который, не имѣя счастія быть принятъ подъ Россійскимъ покровительствомъ, ни въ подданствѣ Россійскомъ, принужденъ съ голоду бѣжать, по чужимъ землямъ, не имѣя своей.

Предки ваши, сіятельнѣйшій графъ, ходатайствовали у высочайшаго двора и были благодѣтелями сего народа. Я имѣлъ счастіе въ моемъ малолѣтствѣ, находясь въ 1765 году при покойникѣ дядѣ моемъ митрополитѣ Василіѣ Петровичѣ, пользоваться высокоблагосклонностію блаженно - почившихъ предковъ вашихъ графовъ Михаила Ларіоновича и Романа Ларіоновича Воронцовыхъ.

По сему, милостивѣйшій государь, какъ и по всегдашней приверженности моей къ Россіи, пріемлю смѣлость всеусерднѣйше просить сіятельнѣйшую особу вашу не отказать высокаго покровительства своего поселившимся въ Терезъ-Польскомъ уѣздѣ и прочимъ соотечественникамъ моимъ, въ губерніи вашей находящимся, и воззрѣть свойственными правдолюбія очами на столь долговременную и усердную службу сего народа, въ которой оные соотечественники мои и предки ихъ соучаствовали, дабы они вашимъ благопризрѣніемъ и ходатайствомъ облагодѣтельствовани были, и не воздыхали въ державѣ, которой служили, между колонистами, не оказавшими никакой службы Россійской имперіи.

За такое благопризрѣніе не только я, при старости лѣтъ моихъ, но и цѣлый народъ сей обязаны будемъ вашему сіятельству вѣчною благодарностію.

Я знаю, что они простые, безграмотные и непросвѣщенные люди, каковыми иногда и прочіе народы были, но усердіемъ и услугами къ Россіи отличны отъ всѣхъ Славянскихъ и Греческихъ народовъ; и неудивительно, что сей народъ таковъ, ибо онъ непрестанно долженъ съ оружіемъ въ рукахъ для защиты своей вольности стоять и, не имѣя достатку ни способовъ на заведеніе училищъ, принужденъ въ мракѣ невѣжества пребывать.

Извините, милостивѣйшій государь, дерзновеніе семидесяти-трехлѣтняго старика, имѣющаго честь съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и съ такою же преданностію называться вашего сіятельства, милостивѣйшаго государя, всепокорнѣйшимъ слугою и всеусерднѣйшимъ богомольцемъ митрополитъ Черногорскій

Петръ Петровичъ Негошъ.

Въ Черногорѣ, Цетинѣ мѣсяца Іупія 26-го дня 1824 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Рескриптъ Александра Павловича Черногорскому владыкѣ.

Преосвященный Черногорскій митрополитъ Петръ Петровичъ Негошъ. Съ удовольствіемъ усмотрѣли мы изъ донесеній статскаго совѣтника Санковскаго о правилахъ, какими вы руководствуетесь на пользу едино-

вѣрнаго и любезнаго намъ народа Черногорскаго, поощряя его примѣромъ вашимъ ко всегдашней преданности къ намъ и нашимъ подданнымъ. Пріятно для насъ, что вы убѣждены въ той истинѣ, что на искреннѣйшей приверженности, на тѣснѣйшихъ связяхъ съ Россіею должны быть основаны безопасность, независимость и спокойствіе народа, ввѣреннаго вашему управленію. Подвизайтесь въ сихъ правилахъ, проповѣдайте сію истину и будьте увѣрены, что для насъ всегда пріятнѣйшимъ будетъ попеченіемъ оправдать во всѣхъ случаяхъ оказываемое Черногорцами къ Россіи усердіе и споспѣшествовать ихъ благоденствію, вамъ же лично подавать опыты нашего къ вамъ благоволенія. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Александръ

К. Адамъ Чарторискій.

С.-Петербургъ
Апрѣля 23 дня 1806.

Отвѣтъ князя Воронцова Черногорскому митрополиту.

Ваше высокопреосвященство, милостивый государь!

Письмо вашего высокопреосвященства отъ 26-го Іюня имѣлъ я честь получить только на сихъ дняхъ. Въ отвѣтъ на оное спѣшу извѣстить васъ, что я всегда былъ исполненъ особеннымъ уваженіемъ къ храброму народу, подъ управленіемъ вашимъ находящемуся, что я всегда въ немъ видѣлъ ближайшихъ соплеменниковъ намъ Россіянамъ, и что я всегда помнилъ многіе опыты преданности ихъ Россіи. Сохраняя сіи мысли до нынѣ и соединяя ихъ съ чувствованіями совершеннаго почтенія къ личнымъ достоин-

ствамъ вашимъ, милостивый государь, я поставлю себѣ одною изъ пріятнѣйшихъ обязанностей оказывать особенное вниманіе Черногорцамъ, переселившимся въ Новороссійскій край и ходатайствовать за нихъ предъ начальникомъ колоній Южной Россіи, которому они непосредственно подчинены.

Очень радуюсь, что имѣлъ случай хотя заочно познакомиться съ вашимъ высокопреосвященствомъ. Поручаю себя вниманію и молитвамъ вашимъ и съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, и пр.

Замѣтки И. В. Сабанѣева.

Иванъ Васильевичъ Сабанѣевъ, близкій пріятель князя М. С. Воронцова и старшій сподвижникъ его въ великихъ походахъ 1812—1815 годовъ, доставилъ ему эти замѣтки при нижеслѣдующемъ письмѣ. Замѣтки вызваны наступившимъ новымъ царствованіемъ. П. Б.

Тирасполь, 7 Февраля 1826 г.

Любезнѣйшій другъ. Посылаю тебѣ мои бредни. Самъ чувствую, что они весьма слабо написаны и заключаютъ въ себѣ весьма мало подробностей; но подробности сіи по нѣкоторымъ предметамъ, какъ напримѣръ, касательно учрежденія военныхъ училищъ, о маневрахъ разсыпнаго строя, краткіе артикулы, которые были мнѣ запрещены подъ предлогомъ тѣмъ, что нельзя сокращать законы, найдешь между прочими бреднями моими въ рукописи подъ названіемъ Урна, находящейся теперь у Казначеева. Какъ бы подробно ни написано, но таковые предметы требуютъ изустныхъ поясненій и преній; а притомъ я опять имѣлъ припадокъ моей болѣзни, чтó меня весьма безпокоитъ. Если совѣты доктора твоего не помогутъ, хотѣлось бы съѣздить въ Карлсбадъ; но я былъ отпущенъ прошлаго года, какъ же опять проситься? Нужно тысячъ 20 на проѣздъ, чтó также не бездѣлица въ моемъ состояніи; но это затрудненіе изъ послѣднихъ. Главнѣйшее въ томъ, что или не пустятъ, или велятъ считаться по арміи: тогда чѣмъ жить и гдѣ жить, ибо я кромѣ Одесской моей хижины другаго пристанища не выслужилъ? Такія мысли при моемъ здоровьѣ вредны; но какъ же и не думать? Признаюсь, что таковое положеніе крайне меня безпокоитъ. Не могу вспомнить равнодушно о необходимости оставить службу. Не имѣю права надѣяться, ни духу просить Государя объ увольненіи временномъ съ оставленіемъ командиромъ корпуса, еще менѣе просить о пособіи. Таковыхъ исключеній изъ общихъ правилъ едва ли нашелъ бы я въ покойномъ Го-

сударѣ, но попытался бы его просить лично. Теперь, что̀ дѣлать, дай совѣтъ. У меня подозрѣваютъ камни въ печенкѣ. Съ такими припадками худой я слуга, а съ такими мыслями болѣзнь болѣе и болѣе усиливается.

Я ничего не сказалъ о большомъ количествѣ генераловъ, потому что надѣюсь уменьшенія арміи, слѣдовательно уменьшатъ и генераловъ; въ противномъ случаѣ признаюсь, что большую половину выгнать можно. Изъ 9-ти, у меня въ корпусѣ служащихъ, оставить можно Иванова, Черемисинова, Рындина, Полетику, коихъ ты самъ знаешь; прочіе же по чести никуда не годны, ни въ мирное, ни въ военное время. Одинъ пьетъ запоемъ; какого ожидать повиновенія къ такому начальнику? Въ прежнюю службу были такіе же люди, не все были Суворовы и Румянцовы; но я очень помню, съ какимъ уваженіемъ встрѣчалась сія мелкота съ генералами, какъ рѣдко мы ихъ видали и потому думали, что генералъ долженъ быть человѣкъ необыкновенный. Теперь никто такъ не думаетъ. Какая же можетъ быть довѣренность къ такимъ полководцамъ, когда всякій думаетъ, что онъ самъ его не хуже? Слѣдовательно имѣть такихъ генераловъ болѣе вреда, нежели пользы. Я бы думалъ таковыхъ отставить съ пенсіонами, впередъ производить съ большею осмотрительностію, изъ двухъ бригадъ сдѣлать одну, теперешнюю бригаду называть полубригадою. Полубригадные командиры могутъ быть полковники или бригадиры. Впрочемъ эта идея болѣзненная, требуетъ разсмотрѣнія; но генераловъ безполезныхъ много, и сіе точно вредно.

Прости, мой безцѣнный другъ; цѣлую ручки графини. Хозяйка моя вамъ кланяется. Вѣчно твой Сабанѣевъ.

1.

Мысль о солдатѣ.

Солдатское ремесло было бы самое трудное, даже и въ то время, еслибы каждый изъ насъ болѣе всего заботился облегчить его участь. Давно удивлялся я геройскому ихъ терпѣнію, давно чувствую въ полной мѣрѣ ихъ добродѣтели. Наконецъ, случай далъ мнѣ поводъ вникнуть во всѣ подробности солдатской жизни.

Марта 12-го 1810 года, будучи въ лагерѣ за Дунаемъ, по пробитіи вечерней зари, вышелъ я изъ лагеря и сѣлъ подлѣ дороги надъ озеромъ, изъ коего войскà пользовались водою. Вскорѣ послѣ того увидѣлъ я четырехъ казаковъ. „Куда идете?" спросилъ я ихъ.—Въ лагерь, отвѣчали они мнѣ. Спустя нѣсколько минутъ показались два егеря съ манерками. „Куда, ребята?"—За водою.—„Отчего же такъ поздно?"—Виноваты; поужинали, пить захотѣлось.

Великій Боже! помыслилъ я самъ съ собою. Отчего виноватъ тотъ, кому послѣ ужина пить захочется? Казакъ и егерь, оба Русскіе, служатъ одному и тому же Государю. Отчего же казакъ свободенъ, а солдатъ не имѣетъ права пользоваться такою свободою? Ужель, не отягчая участи бѣднаго солдата, нельзя соблюсти порядка службы? Ужель позволительная свобода можетъ быть поводомъ къ безпорядкамъ и неустройству? Я думаю, напротивъ того, что единственное и надежнѣйшее средство сберечь армію во всѣхъ отношеніяхъ состоитъ въ томъ, чтобы улучшить состояніе солдата.

Первая заповѣдь каждаго изъ военачальниковъ должна быть: *Береги людей болѣе всего*. Вторая: *Не ослабляй закона, похлѣбствуя преступленію. Шалуну судья начальникъ*: онъ воленъ простить его или наказать, какъ отецъ наказываетъ сына въ

надеждѣ исправленія. *Преступнику судья законъ.* Здѣсь власть начальника ограничивается онымъ.

Теперь спросятъ меня, чтó же бы думалъ я сдѣлать въ пользу солдата? Многое. Во-первыхъ, желалъ бы я, чтобы солдатъ, поступая на службу, сколько можно менѣе чувствовалъ перемѣну своего состоянія; во-вторыхъ, одежда, пища, образъ лѣченія, словомъ все чтò относится къ физическому существованію его было бы сколько можно близкое къ употребляемому имъ въ первобытномъ его состояніи, и, наконецъ, не терялъ бы онъ надежды возвратиться когда-либо на родину свою.

Въ доказательство, сколько все сіе имѣетъ вліянія на физическое и нравственное состояніе солдата, возмемъ въ примѣръ казаковъ, которые служатъ въ тѣхъ же климатахъ. Настоящая ихъ служба на аванпостахъ не рѣдко самая труднѣйшая; не смотря на то, больныхъ всегда почти въ десять разъ менѣе, умираетъ въ той же препорціи, а побѣговъ совсѣмъ нѣтъ.

Причина меньшаго числа больныхъ и умершихъ, полагаю, есть та, что казакъ на службѣ одѣтъ такимъ же образомъ, какъ и на Дону, лѣчится въ обыкновенныхъ болѣзненныхъ припадкахъ по своему, не замученъ мнимымъ порядкомъ службы и гораздо свободнѣе регулярнаго солдата.

Побѣговъ нѣтъ отъ того, что казакъ, отслужа войну или очередь свою, возвращается въ нѣдра семейства пользоваться правами отца, мужа и владѣльца. Солдатъ, напротивъ того, поступая на службу, прощается навѣки со всѣмъ, чтó есть для него драгоцѣннѣйшаго въ жизни. Куда бѣжать казаку? Гдѣ можетъ быть ему лучше какъ на Дону? Нигдѣ. Солдату вездѣ лучше. Вотъ истинная и первоначальная причина побѣговъ въ регулярныхъ войскахъ.

Теперь буду говорить подробнѣе о тѣхъ предметахъ, которые предполагалъ бы я перемѣнить или ввести вновь въ арміи нашей въ пользу почтеннаго сословія защитниковъ отечества.

Власть начальника въ наказаніи нижнихъ чиновъ. Солдатъ отвѣчаетъ только за себя; между тѣмъ отъ фельдмаршала до ефрейтора всѣ именуются начальниками, изъ коихъ каждый имѣетъ неоспоримое право его бить, какъ будто бы не было инаго способа удержать войска въ должномъ повиновеніи. Возможно ли положиться на моральность каждаго изъ начальниковъ, сей длинный рядъ составляющихъ? Никакъ. Слѣдовательно польза службы, да и самая справедливость, требуетъ, чтобы власть нѣкоторыхъ чиновниковъ въ тѣлесномъ безъ суда нижнихъ чиновъ наказаніи имѣла свои предѣлы; а потому считаю необходимымъ власть баталіоннаго и ротнаго командировъ въ семъ отношеніи ограничить закономъ; а субалтернъ и унтеръ-офицерамъ употребленіе палокъ вовсе запретить, исключая однакожъ тѣ случаи, когда субалтернъ или унтеръ-офицеръ находиться будетъ въ отдѣльной командѣ.

До сихъ поръ мѣра власти въ наказаніи ограничивается двумя крайними предѣлами: *палки* и *смерть*. Послѣдняя не во власти начальника только въ отношеніи ко времени, то есть: кто въ одинъ разъ убьетъ, тотъ убійца; а кто въ два года заколотитъ, тотъ не въ отвѣтѣ. Нѣтъ также опредѣлительнаго наказанія по мѣрѣ преступленія: все зависитъ отъ произвола. Напримѣръ, буяну, пьяницѣ, лѣнтяю дадутъ сто палокъ, а исправному барабанщику, который по ошибкѣ не въ ногу ударитъ, пятьсотъ.

Укомплектованіе арміи. Въ прежнія времена, когда наборъ рекрутъ производился только съ однихъ Великороссійскихъ губерній и Малороссіи, тогда пѣхота, драгуны и флотъ комплектовались Русскими, а вся легкая кавалерія Малороссіянами. Въ послѣдствіи, когда обстоятельства измѣнили сей порядокъ, и повинность рекрутская пала на всѣ губерніи безъ исключенія, съ тѣхъ поръ въ составъ полковъ начали входить едва ли не всѣ народы, обитающіе въ Россіи. Я не буду входить въ объясненія выгодъ прошедшаго постановленія и неудобствъ настоящаго; они ясны для каждаго. А потому, если какія-либо причины не дѣлаютъ препятствія въ укомплектованіи каждаго полка всегда рекрутами одной и той же губерніи, тогда предполагалъ бы я

Великороссійскими и Бѣлорусскими комплектовать пѣхоту *), назнача нѣкоторые уѣзды, гдѣ жители промышляютъ дичью и звѣриными кожами для укомплектованія егерскихъ полковъ. Малороссіянами и рекрутами Херсонской, Екатеринославской, Кіевской и Польскихъ губерній комплектовать кавалерію; уѣзды же Миргородскій, Елисаветградскій, Ольвіопольскій и Александрійскій назначить исключительно для гусарскихъ полковъ. Если, наконецъ, количество рекрутъ съ какой-либо губерніи, за укомплектованіемъ одного или двухъ полковъ, для третьяго было бы недостаточно, тогда недостатокъ добавлять изъ ближайшей сосѣдственной губерніи.

При распредѣленіи рекрутъ имѣть въ виду, чтобы набираемые съ пограничныхъ губерній никогда не назначались на укомплектованіе дивизій, тамъ же расположенныхъ. Въ послѣдній 1815 года наборъ, изъ числа 400 человѣкъ съ Волынской губерніи въ г. Луцкѣ принятыхъ, съ 7-го Декабря 1815 г. по 3-е Генваря 1816 г. бѣжало 33 человѣка, прежде нежели поступили они въ полки. Причина сего, полагаю я, есть слѣдующая: многіе помѣщики имѣютъ часть владѣній своихъ въ нашихъ границахъ и часть въ Австрійскихъ или Царствѣ Польскомъ. Отдаваемые здѣсь рекруты переходятъ границу и укрываются въ имѣніяхъ, принадлежащихъ симъ помѣщикамъ, не смотря ни на конвенцію, ни на добрую, можетъ быть, волю помѣщиковъ, имѣнія коихъ большею частію управляются не самими владѣльцами, но ихъ повѣренными.

Отпуски. Временное для солдата отдохновеніе не сдѣлаетъ ни малѣйшаго разстройства въ порядкѣ службы, но напротивъ того принесетъ большую пользу, особенно если правомъ симъ будутъ пользоваться преимущественно тѣ, кои усердною службою и добрымъ поведеніемъ успѣли обратить на себя вниманіе начальства. Тогда добрый солдатъ ободрится и обяжется благо-

*) Черемисы, Чуваши, Мордва, Кареляки, Татары и проч., обитающіе въ губерніяхъ Казанской, Пермской, Олонецкой, Вологодской, Вятской и прочихъ, и управляемые нашими законами, какъ уже привыкшіе къ обрядамъ и обычаямъ Русскимъ, могутъ входить въ составъ полковъ, комплектуемыхъ рекрутами тѣхъ губерній.

дарностію, а шалунъ почувствуетъ цѣну добраго расположенія начальника и конечно скорѣе исправится симъ средствомъ, нежели палками.

Казармы и улучшенная порція. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ жители по бѣдности своей постояльцевъ прокормить не въ состояніи, тамъ гораздо приличнѣе располагать войска въ казармахъ нежели по квартирамъ *), производя улучшенную порцію, которая, по мнѣнію моему, состоять должна въ прибавкѣ къ обыкновенному солдатскому пайку такого количества крупы, чтобы можно было три раза въ недѣлю имѣть крутую кашу и сверхъ того въ недѣлю же полтора фунта свѣжей говядины или солонины и три чарки водки.

Казармы гораздо лучше имѣть ротныя, нежели полковыя какъ для выгоды войскъ, такъ и для облегченія обывателей.

Войска, на квартирахъ расположенныя, получаютъ одну только винную порцію, исключая однакоже того времени, въ которое полки или баталіоны собираются для ученья въ одно мѣсто: тогда производится имъ тоже самое продовольствіе, какъ и въ казармахъ.

Какъ на квартирахъ, такъ и въ казармахъ, во всѣ посты, по закону нашему установленные, производить одну только винную порцію, исключая Страстной недѣли, въ которую всякая порція прекращается.

Въ казармахъ или на квартирахъ при всякой ротѣ имѣть баню, въ которой рота должна перемыться непремѣнно два раза въ мѣсяцъ.

---

*) Во всякомъ другомъ случаѣ посредственныя квартиры нельзя промѣнять на лучшія казармы, что можно доказать многими примѣрами, самимъ мною на опытѣ изведанными. Съ другой стороны, расположеніе войскъ по квартирамъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи имѣетъ также большія неудобства: во-первыхъ, нечистота въ домахъ превосходитъ всякое вѣроятіе; во-вторыхъ, жители доведены до такой бѣдности, что крадутъ у солдатъ хлѣбъ. Какой же ожидать тамъ выгоды?

Въ зимнее время отпускать для бани двойную препорцію дровъ на оттопку.

Одежда. Перевязи и портупеи черныя для всей арміи такой доброты, какія получены во Франціи для 7-го корпуса. Вмѣсто короткаго кафтана Нѣмецкаго покроя кафтанъ Русскій, таковой точно формы, каковы были въ Олонецкомъ и другихъ ополченіяхъ.

Панталоны такого же цвѣта, какъ и кафтаны. Сапоги сверхъ панталоновъ, кои будутъ уже близъ края.

Облегченіе въ походѣ и нѣкоторыя другія выгоды въ военное время. Въ военное время прибавить по одной парѣ сапогъ въ годъ.

Ранцы во время похода принаровить такимъ образомъ, чтобы каждый солдатъ могъ снять и надѣть свой ранецъ безъ помощи другаго.

Если не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ гранодерамъ запустить бороды.

Способъ лѣченія. Я не знаю, отчего мы всѣ, особенно господа медики, забыли правило неподражаемаго Суворова, который говорилъ: Нѣмецкія лѣкарства тухлыя, сплошь безсильны и вредны солдатскому здоровью. У насъ есть корешки, травушки, муравушки и проч.

При особомъ правилѣ изданъ былъ каталогъ травъ, которыя должны были собираться ротными цирульниками для употребленія въ неважныхъ болѣзненныхъ припадкахъ.

2.

Предметы служащіе къ облегченію войскъ и пользѣ государственной.

1-е. Уменьшеніе срока службы не числомъ лѣтъ служебнаго терамина, но опредѣленіемъ оныхъ соотвѣтственно силамъ человѣческимъ; напримѣръ: принимаемые въ службу отъ 16-ти до 20-ти лѣтъ могутъ служить 25 лѣтъ; тѣ же, кои поступаютъ на службу старѣе 21-го года, служатъ только до 46-ти лѣтъ; ибо весьма рѣдко, чтобы солдатъ старѣе 46 лѣтъ могъ быть способенъ къ дальнѣйшему продолженію службы; естьли же бы сіе и случилось, то для таковыхъ можно постановить нѣкоторыя преимущества.

2-е. Воспрещеніе издержекъ, дѣлаемыхъ на счетъ такъ называемой благоразумной экономіи, которая ничто иное есть, какъ завѣса, закрывающая глаза инспекторовъ и препятствующая имъ проникнуть злоупотребленія частныхъ начальниковъ, до коихъ доведены они были существенною необходимостію, соразмѣрною требованіямъ самихъ инспекторовъ.

Всякая перемѣна въ одеждѣ или вещахъ, каковую Государю Императору ввести благоугодно будетъ, должна заготовляться коммисиріатомъ. Такимъ образомъ уничтожатся не только многія злоупотребленія, но и полки сдѣлаются подвижнѣе. Нынѣ полковыя штабъ-квартиры суть ничто иное, какъ сборище разнаго рода фабрикъ, а полковой командиръ долженъ соединять въ лицѣ своемъ столь многоразличныя способности, что едвали есть въ цѣлой арміи Россійской одинъ совершенный полковникъ.

3-е. Снабженіе офицеровъ одеждою, т.-е. мундиромъ, шинелью и рейтузами гвардейскаго сукна съ казенныхъ фабрикъ, безденежно, опредѣляя онымъ сроки.

4-е. Бѣлые панталоны и замшевую бѣлую аммуницію отмѣнить; сіе весьма много облегчитъ солдата и избавитъ его отъ напрасныхъ издержекъ.

5-е. Затяжка, нынѣшняя пригонка ранцовъ и принужденный учебный шагъ суть источники многоразличныхъ неисцѣлимыхъ болѣзней. Учебный шагъ причиною того, что старой, заслуженной, израненной солдатъ, коего ноги исходили многія тысячи верстъ, почитается неспособнымъ и уважается менѣе молокососа-рекрута, которой дѣлается его учителемъ, ефрейторомъ и наконецъ унтеръ-офицеромъ. Отъ сего самаго теряется уваженіе солдатъ къ подобнымъ унтеръ-офицерамъ. *Начало упадка дисциплины.*

6 е. Султаны, особенно противу вѣтра, валятъ съ ногъ и утомляютъ безполезно, особенно въ походѣ; уничтоженіе ихъ весьма много облегчитъ. Но если должны они остаться, то по крайней мѣрѣ загнуть ихъ назадъ въ видѣ каски.

7-е. Учредить особый институтъ для воспитанія юношей предназначаемыхъ въ аудиторы. Сія важная часть управленія арміи въ совершенномъ упадкѣ.

Вотъ что единственно относится къ войскамъ; послѣдующее касается вообще до общественнаго благосостоянія.

1-е. Составить систему воспитанія соотвѣтствующую роду правленія.

2-е. Право имѣть крѣпостныхъ людей пріобрѣтаться должно не выслугою до нѣкоторыхъ степеней, но важными заслугами и извѣстною нравственностію. Право сіе, равно какъ и дворянство, утверждается высочайшею грамотою.

3-е. Дѣти свободнаго состоянія людей, но принадлежащія къ бѣднымъ семействамъ, должны воспитываться на счетъ казны.

4-е. Значительныя суммы безполезно употребляются на перевозку медикаментовъ изъ Петербургскаго аптечнаго магазина къ арміи, въ особенности многихъ растеній, коихъ здѣсь въ

полуденной части Россіи весьма много и лучшаго качества, между тѣмъ какъ изъ Петербурга привозятся они превратившимися въ пыль; да и протчіе иностранные медикаменты, полагаю я, можно выписывать для войскъ въ Полуденной Россіи расположенныхъ гораздо съ бо́льшею для казны выгодою чрезъ Одесскій и Таганрогскій порты.

3.

Воспитаніе юношества.

При воспитаніи юношей упущено изъ виду нѣсколько важныхъ предметовъ, изъ коихъ главнѣйшія суть.

а) Нравственное образованіе.

Вниманіе всѣхъ обращено токмо на успѣхи въ наукахъ [1]; но къ чему служитъ ученость безъ характера и нравственности? Ко злу. Примѣры мужества, великодушія, любви къ отечеству, преданности государю и прочихъ добродѣтелей, извлекаемые изъ отечественной и всемірной исторіи и представляемые воспитанникамъ въ краткихъ, но ясныхъ и сильныхъ выраженіяхъ, способны, по мнѣнію моему, образовать сердца юношей и поселить въ нихъ соревнованіе подражать знаменитымъ подвигамъ современниковъ и предковъ нашихъ. Извлеченія сіи должны быть читаны независимо отъ класса исторіи.

б) Укрѣпленіе физическихъ силъ.

Сидячая школьная жизнь въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, особенно въ такія лѣта, когда тѣло наше растетъ, весьма вредна для юношей. Она дѣлаетъ ихъ слабыми, неспособными къ понесенію трудовъ военныхъ, и при томъ располагаетъ къ различнымъ болѣзненнымъ припадкамъ. Всѣ тѣлесныя упражненія, напротивъ того, укрѣпляютъ мускулы, придаютъ силы и ловкости. Таковы суть въ особенности: натягиваніе лука и метаніе стрѣлъ, плаваніе и верховая ѣзда.

---

[1]) Да и то не вездѣ.

в) Приспособленіе теоріи къ практикѣ.

По окончаніи теоретическаго курса военныхъ познаній, въ предположенныхъ мною къ учрежденію военныхъ училищахъ, о коихъ мнѣніе мое имѣлъ счастіе представить лично въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру I-му въ 1818 году, воспитанники должны заниматься практическими артилерійскими и фортификаціонными работами, хотя бы они и не предназначались ни для котораго изъ сихъ корпусовъ. Въ сіе же время должны они проходить военную исторію всѣхъ кампаній нашихъ, начиная съ Италіанской. При семъ случаѣ наставникъ обязанъ объяснять и входить въ подробности всѣхъ общихъ и частныхъ стратегическихъ и тактическихъ движеній, замѣчать ошибки, объяснять послѣдствія оныхъ, представлять планы всѣхъ случившихся въ сію эпоху баталій, авангардныхъ и аріергардныхъ дѣлъ и протчихъ военныхъ дѣйствій.

4.

Маневры разсыпнаго строя.

Опыты 12-ти кампаній, особенно Итальянской, Швейцарской и двухъ Финляндскихъ, съ коими знакомъ я не по книгѣ и былъ не зрителемъ, но дѣйствующимъ лицомъ, ясно доказываютъ, что употребляемые нынѣ въ арміи нашей такъ называемые маневры разсыпнаго строя въ дѣйствіи противу непріятеля вовсе не употребительны.

Большое количество сигналовъ, съ раздѣленіемъ оныхъ на предварительные и исполнительные, ни къ чему болѣе не служитъ, кромѣ затрудненія въ изученіи оныхъ и неизбѣжнаго замѣшательства во время самого дѣйствія.

Изъ 19-ти сраженій, въ коихъ я былъ со стрѣлками въ чинѣ штабъ-офицера, не было ни одного случая, гдѣ бы встрѣтилъ я необходимость въ употребленіи инаго сигнала, кромѣ сбора.

Нѣтъ орудія способнѣйшаго для сигналовъ, какъ барабанъ. Валторны и трубы оказались неудобными. Гдѣ солдатъ съ ранцемъ проберется, тамъ и барабанщикъ не отстанетъ.

Подробное мнѣніе мое о семъ предметѣ было уже представлено вышнему начальству.

5.

Необходимость военнаго устава объясняющаго обязанности каждаго.

По недостатку сего необходимаго для устройства войскъ закона, всякой начальникъ выдумываетъ свою систему управленія. Не буду входить въ подробности происходящихъ отъ таковаго разнообразнаго и своевольнаго управленія безпорядковъ; скажу только то, чтó мнѣ изъ опыта извѣстно.

Нерѣдко случалось мнѣ встрѣчать явную противуположность между приказаній моихъ и другихъ частныхъ начальниковъ. Какъ старшій, имѣлъ я право за сіе взыскивать; но взысканія мои могли распространяться только на тѣ приказы, кои противурѣчили моимъ; но могъ ли я взыскивать за то, что не угадывали образа мыслей моихъ? А притомъ, не могъ ли я и самъ ошибаться?

Въ продолженіе десятилѣтняго командованія моего корпусомъ перемѣнилось девять дивизіонныхъ командировъ (не считая бригадныхъ и полковыхъ), изъ коихъ каждой приносилъ съ собою свою систему командованія. Одни полагали жестокость единственнымъ побудительнымъ средствомъ къ успѣшному образованію солдатъ; другіе, напротивъ, желая вовсе уничтожить тѣлесное наказаніе, уничтожали дисциплину. Одни думали единственно о наружномъ блескѣ, съ какими бы то пожертвованіями ни достигали своей цѣли; другіе, не одобряя сей по истинѣ вредной системы, ни о чемъ не думали до времени приближенія смотровъ. Тогда только принимались за все, и сіи позднія усилія бывали не менѣе вредны.

Учатъ солдатъ такъ называемой словесности, т.-е. кого какъ величать должно, кто чѣмъ командуетъ, какъ зовутъ корпуснаго, дивизіоннаго, бригаднаго и прочихъ? Но едвали кто внушалъ солдату обязанности его. Нравственное образованіе совершенно забыто. Съ нѣкотораго времени велѣлъ я учить солда-

тамъ краткую присягу [2]). Въ теченіи трехъ лѣтъ не могъ достигнуть, чтобы нижніе чины ее знали, отъ того единственно, что на смотрахъ, для коихъ все готовится, о томъ не спрашиваютъ.

Все вниманіе начальниковъ обращено на единообразіе, наружной блескъ, и все относится единственно къ солдату. Никто не занимается офицерами и унтеръ-офицерами. Къ смотру все изготовлено, но все только для смотру, ничего для истинной пользы. Кто повѣритъ, чтобы въ одной бригадѣ представлено было на смотръ болѣе 500 неспособныхъ, потому только, что нѣкоторые изъ сихъ мнимо-неспособныхъ поступили на службу изъ бродягъ, или потому, что по долговременной службѣ и ранамъ не имѣютъ той гибкости членовъ, каковой требуется, или наконецъ не имѣютъ тѣхъ тѣлесныхъ качествъ, кои составляютъ красоту вытяжнова солдата. Всякой хочетъ сбыть старыхъ изъ раненныхъ и заслуженныхъ солдатъ [3]).

Для любопытства прилагаю у сего краткую вѣдомость о числѣ бѣжавшихъ, умершихъ и оказавшихся неспособными нижнихъ чиновъ по 6-му корпусу съ 1820 по 1826 годъ, съ присовокупленіемъ къ оному штабъ и оберъ-офицеровъ, выбывшихъ въ теченіи вышесказанныхъ шести лѣтъ въ отставку и гарнизоны [4]).

---

[2]) На вопросъ, въ чемъ состоитъ присяга? Солдатъ отвѣчаетъ: „Служить вѣрою и правдою Государю нашему и Россіи, родной землѣ моей, не щадить за нихъ живота моего и повиноваться начальникамъ, надо мною постановленнымъ“.

[3]) Штабъ и оберъ-офицеровъ вышедшихъ въ отставку, гарнизоны

и инвалиды	476
Нижнихъ чиновъ бѣжало	2757
Умерло въ полковыхъ лазаретахъ и госпиталяхъ	3960
По неспособности выписано въ гарнизоны и инвалиды	4934
Итого нижнихъ чиновъ	11,651

[4]) Медали 1812 года сдѣлались такъ рѣдки, что не болѣе двухъ и трехъ въ ротѣ. На офицерахъ еще рѣже. Они всѣ или въ отставныхъ или при гражданскихъ должностяхъ; весьма мало изъ нихъ дослужились штабъ-офицерскихъ чиновъ.

Такъ называемая позволительная экономія сдѣлалась не только позволительною, но даже необходимою. Въ пѣхотѣ составляется она остатками экономическаго провіанта и вольнонаемными работами. Провіантъ остается отъ недопуска онаго жителямъ, или добровольной ихъ уступки. Не всѣ полки имѣютъ сіи способы пріобрѣтать экономію, не вездѣ и не во всякое время съ равною удобностію. Въ такомъ случаѣ отчисляются въ экономію артельныя деньги, составляемыя, какъ извѣстно, вычетомъ изъ жалованья, между тѣмъ экономическая сумма не теряетъ названія позволительной. Не думаю, чтобы можно было признать ее таковою.

Не излишнимъ считаю помѣстить здѣсь одинъ изъ приказовъ моихъ [5]), который въ короткихъ словахъ заключаетъ въ себѣ

---

[5]) Сентября отъ 21 числа 1820 года за № 89-мъ слѣдующаго содержанія. „При нынѣшнемъ осмотрѣ ввѣреннаго мнѣ корпуса, къ сожалѣнію замѣтилъ „я во всѣхъ почти полкахъ совершенное забвеніе важнѣйшихъ обязан„ностей нашихъ отъ перваго до послѣдняго".

„Приказы мои, съ 1816 году до сего времени, заключаютъ въ себѣ все „то, что̀ желалъ бы я внушить гг. полковымъ командирамъ на счетъ обязан„ностей и занятій ихъ; но съ перемѣною всѣхъ почти полковъ, ввѣренный „мнѣ корпусъ составляющихъ, уничтожились совершенно всѣ заботы мои „по сему предмету; а потому хотя и предписалъ я начальнику корпуснаго „штаба моего соединить всѣ приказы мои, относящіеся до сохраненія здо„ровья нижнихъ чиновъ, успокоенія больныхъ, сбереженія собственности „ихъ, обхожденія съ ними и образованія ихъ, и разослать оные въ полки; „не менѣе того однакожъ считаю не излишнимъ представить здѣсь въ общемъ „кругу все то, что̀ въ вышеупомянутыхъ приказахъ заключается.

„Призываю гг. дивизіонныхъ и бригадныхъ командировъ быть охотными „въ семъ случаѣ мнѣ помощниками и бдительнымъ образомъ наблюдать за „точнымъ исполненіемъ всего, что̀ здѣсь предписано".

„Главнѣйшая и священнѣйшая обязанность каждаго изъ начальниковъ „въ отношеніи къ подчиненнымъ состоитъ въ сбереженіи здоровыхъ, успо„коеніи больныхъ и строгомъ наблюденіи чинопочитанія. *Первое*: сбереженіе „здоровыхъ, зависитъ отъ стеченія многихъ обстоятельствъ, и потому нельзя „опредѣлить постоянныхъ для сего правилъ. Начальникъ благоразумной и „чувствующій въ полной мѣрѣ важность довѣренности, правительствомъ на „него возложенной, не употребитъ ея во зло и не затруднится въ способахъ. „*Второе* требуетъ неусыпнаго надзора и той же доброй воли. *Третье* „зависитъ отъ собственнаго каждаго изъ начальниковъ съ подчиненными ему „поведенія. Грубое обхожденіе съ офицерами обидно и несносно для благо„родно-мыслящихъ офицеровъ; товарищество обезсиливаетъ необходимую

все то, что̀ во многихъ отданныхъ мною объяснено съ большею подробностію. Но приказы мои не имѣютъ силы закона.

Безпорядки судной части превосходятъ всякое вѣроятіе, и сіе по мнѣнію моему происходитъ:

1-е. Отъ ветхости законовъ.

2-е. Отъ невѣжества и дурной нравственности аудиторовъ.

Чтобы удостовѣриться въ послѣднемъ, стоитъ только взглянуть на составляемыя выписки судныхъ дѣлъ. Я не помню ни одного такого яснаго дѣла, которое бы не продолжалось болѣе года, отъ того единственно, что впутываютъ въ дѣла обстоятельства совершенно постороннія, ни къ оправданію, ни къ уликѣ подсудимаго, ни къ объясненію обстоятельствъ не служащія. Не помню дѣла, гдѣ бы подсудимой былъ когда-либо оправданъ. Отъ презуса до послѣдняго писца всѣ убѣждены въ томъ, что отданный подъ судъ долженъ быть непремѣнно виновенъ.

6.

О бродягахъ опредѣляемыхъ на службу.

Благороднѣйшее сословіе защитниковъ отечества не должно бы по мнѣнію моему унижаться помѣщеніемъ въ немъ людей позорныхъ.

„важность взысканій и бываетъ поводомъ разрушенія дисциплины. Жестокость съ нижними чинами есть мѣра власти законами возбраняемая, и она „есть или злоупотребленіе власти, или ослабленіе законовъ“.

„Солдатская собственность есть залогъ вручаемый правительствомъ полковому командиру; кто же изъ нихъ захочетъ быть недостойнымъ сей „довѣренности?“

„Образованіе нижнихъ чиновъ не должно и не можетъ быть поводомъ „къ разрушенію драгоцѣннаго для отечества ихъ здоровья. Сперва сберечь „и потомъ выучить: вотъ правило не измѣняемое ни въ какомъ случаѣ. „Девять убить, десятаго выучить—принадлежитъ временамъ инаго вѣка“.

„Образованіе солдата состоитъ въ искусствѣ дѣйствовать оружіемъ, ему „даннымъ, знаніи сигналовъ, въ бою употребляемыхъ и правилахъ рекрутской школы. Все остальное есть дѣло офицера. До сихъ поръ всѣ гг. полковые командиры занимались единственно ученіемъ солдатъ, забывая „ученье офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, съ коихъ всегда начинать должно. „Какихъ успѣховъ ожидать въ такой школѣ, гдѣ учители учатся вмѣстѣ съ „учениками? Вотъ правила, какими руководствоваться должны гг. частные „начальники, начиная отъ дивизіоннаго командира до ротнаго въ управленіи „ввѣренныхъ имъ частей“.

Правительство, сдѣлавъ постановленіе опредѣлять бродягъ въ военную службу, конечно не предполагало, чтобы между сими бродягами были люди наказанные кнутомъ, что̀ однакожъ нерѣдко случается [6]). Какой службы ожидать отъ такихъ солдатъ? Никакой, кромѣ разврата и дурныхъ примѣровъ, внушаемыхъ разсказами злодѣйскихъ подвиговъ.

Разбойникъ, назвавшій себя непомнящимъ родства, опредѣляется на службу, гдѣ остается до тѣхъ поръ, покуда его одѣнутъ.

По симъ причинамъ полагаю я гораздо бы полезнѣе было всѣхъ непомнящихъ родства, безпаспортныхъ и другаго рода бродягъ, не опредѣляя въ военную службу, посылать въ Сибирь на поселеніе, или въ крѣпостныя работы, гдѣ они, не дѣлая вреда, могутъ быть употреблены съ пользою.

7.

Объ офицерахъ разжалованныхъ въ рядовые.

Большая часть офицеровъ подвергшихся суду пишутся въ рядовые съ выслугою или безъ выслуги, между тѣмъ какъ многіе изъ нихъ за подобныя преступленія въ нижнемъ чинѣ исключались бы изъ солдатскаго званія. Какая польза отъ таковыхъ солдатъ, равно какъ и тѣхъ, кои, будучи офицерами, исключены изъ службы за неприличное поведеніе и потомъ добровольно поступили на службу?

По мнѣнію моему, тѣ только офицеры подвергшіеся суду должны быть разжалованы въ солдаты, кои по роду преступленія ихъ могутъ быть терпимы въ военномъ сословіи, и таковыхъ лишать чиновъ на опредѣленное время. Всѣ же прочіе должны, лишаясь чиновъ, исключаться изъ военнаго званія, ибо солдатъ не есть званіе порочное.

---

[6]) Начинщикъ неповиновенія, случившагося въ Камчатскомъ пѣхотномъ полку, былъ бродяга, наказанный кнутомъ и сосланный въ Сибирь.

Мнѣніе представляемое вмѣстѣ со знаменемъ княгинею Авдотьею Голицыною, урожденною Измайловою (1814).

По неопытности моей я никогда не надѣялась на истину моихъ мыслей, но при всемъ томъ всегда пребыла твердою въ моихъ мнѣніяхъ.

Мнѣ всегда казалось ясно, что Французской народъ ознаменованъ непостоянствомъ, означающимъ слабость души и ничтожество. Революціонная система, произведшая во Франціи пагубное безначаліе и возвышающееся нынѣ безпредѣльное самовластіе, содержитъ въ себѣ всеразстроивающее правило, которое въ самомъ началѣ истребляетъ всѣ источники силы и благоденствія.

Въ продолженіе революціи, казалось, цѣлые вѣка совершили свое теченіе, и я всегда думала, что таковая система, повергающая людей въ бездну порока и преступленія, подобна искушающему народы гибельному потоку, который или быстро промчаться долженъ, или будетъ производить безпрестанныя перемѣны, и на таковыхъ основаніяхъ никакое прочное зданіе существовать не можетъ. Другой порядокъ вещей долженъ произойти, въ которомъ да не будетъ тлѣть пламя революціонное.

Несмотря на мужество нашего воинства, полководцы наши могли и могутъ имѣть неудачи; но всѣ неудачи наши и несчастія послужили только къ удостовѣренію неразрушимой силы народа Русскаго. Сила сія нынѣ всѣмъ извѣстна: императору Наполеону, всему свѣту и всѣмъ тѣмъ, которые прежде признавать сего не желали.

Въ каждомъ государствѣ существуютъ злонамѣренные люди во всѣхъ сословіяхъ; но, не взирая на всѣ соблазны, на всѣ вѣроломства во время мира и войны, Наполеонъ не могъ себѣ

сдѣлать сильной партіи, и тѣ самые, которые нѣкогда были предупреждены въ его пользу, нынѣ повержены въ молчаніе, и гласъ истиннаго геройства осудилъ ихъ на вѣчный позоръ и ничтожество. Императоръ Александръ силою и твердостію своего духа вспомоществовалъ сему великодушному рвенію. Не считая грозныхъ ударовъ нашего воинства, ускорившихъ паденіе враговъ съ самой той минуты, когда весь народъ Русской возсталъ и ополчился, Наполеонъ однимъ положеніемъ своимъ уже былъ на краю погибели. Удаленный отъ своихъ подкрѣпленій, лишенный всякаго сообщенія съ своими, онъ долженъ былъ бѣжать или жертвовать всею своею арміею. Мысль завоевать столь пространное государство силою оружія есть мысль совершенно противная разсудку.

Въ то время, когда Наполеонъ подвигалъ Россію къ отысканію дотолѣ неизвѣстныхъ ей способовъ, которыхъ употребить всѣхъ Россія не имѣла еще нужды, въ то время онъ бросалъ отчаянные взоры на прекрасныя страны опустошенныя революціею и долженъ былъ навсегда потерять мечтательную надежду истребить въ Россіи столько силы и добродѣтелей. Онъ долженъ былъ видѣть, что война, состоящая въ набѣгахъ, требуетъ безчисленныхъ издержекъ и ускоряетъ паденіе его владычества. Онъ призываетъ нынѣ мщеніе всѣхъ народовъ на злосчастную Францію, которая по своимъ заблужденіямъ болѣе достойна нашего сожалѣнія, чѣмъ ненависти. Россіяне, не упиваясь ядомъ злобы, задушили въ сердцѣ имперіи своей гидру соблазновъ и нечестія. Таковая слава превыше всякія славы; одинъ блескъ ея уничтожилъ Наполеоновы полчища, и наше непобѣдимое воинство превознесло съ торжествомъ самую побѣду. И такъ изнуренная Европа можетъ ли теперь противустать Россіи, сему юному исполину, озаренному силою и добродѣтелью, имѣющему крестъ щитомъ своимъ, и котораго Ангелъ-губитель вооружаетъ крушительнымъ мечемъ своимъ? Да сохранитъ насъ Богъ отъ всякихъ внутреннихъ неустройствъ, и тогда никакая иноземная власть не возможетъ поколебать толикаго могущества. Буде же Императоръ Александръ намѣренъ нынѣ спасти отъ Французскаго ига для собственнаго ихъ благополучія тѣ самые народы, которые противу насъ вооружались,

то сколь славно споспѣшествовать таковымъ намѣреніямъ и послужить примѣромъ цѣлому міру!

Я была въ крайнемъ смущеніи въ то время, когда орелъ Французскій развѣвался на стѣнахъ Кремля, когда поруганы были храмы Божіи, когда нечестивыя полчища въ Москвѣ исполняли мѣру преступленій своихъ... Но Господь, поразивъ ихъ страхомъ, свершилъ надъ ними казнь примѣрную: они погибали отъ меча, хлада и голода. Богъ силъ внушилъ мужество воинству нашему; Онъ шествовалъ среди строевъ ихъ, предводилъ ихъ десницами, и злобный палъ отъ ихъ ударовъ.

Разумъ мой никогда не стремился къ изобрѣтенію прожектовъ; но пламенныя чувства скорби, удивленія, любви и благодарности вселили въ меня желаніе видѣть знамя нечестія замѣненное знаменіемъ со крестомъ, съ симъ священнымъ символомъ нашей вѣры, которая осуждаетъ всѣ страсти низкія и ненавистныя, заглушаетъ вопль безчисленныхъ заблужденій, обращаетъ человѣка къ чистѣйшей добродѣтели и порождаетъ въ немъ всѣ героическія и великодушныя чувства. Одни только таковыя чувства могутъ утвердить силу и благоденствіе народовъ. Любовь къ отечеству, основанная на правилахъ вѣры, распространяетъ превосходное просвѣщеніе и открываетъ въ государствѣ источники силы и истины Счастливъ народъ, въ которомъ здравой смыслъ и твердая душа почитаютъ добродѣтель, слѣдуютъ истинному соображенію генія и предохраняютъ умъ отъ ложнаго просвѣщенія.

Я представляю сіе знамя со крестомъ и съ надписью: *Аще Богъ по насъ, кто на ны?* На бронзовой доскѣ съ одной стороны изображены святые лики Христа Спасителя, благословляющаго насъ, и Божьей Матери. По срединѣ оныхъ псаломъ Давида: *Ополчится Ангелъ Господень окрестъ боящихся Его и избавитъ ихъ. 1812.* Съ другой стороны бронзовой доски слѣдующая надпись: *Вознесоша знамя свое, въ торжество побѣдъ своихъ вознесоша! И не вѣдѣша, что твориша... Идѣ же развѣвашеся знамя нечестивыхъ, тамо воздвигаемъ изображеніе честнаго креста Господня, да возвѣстимъ потомству яко орелъ Гальскій сокрушися предъ симъ священнымъ знаменіемъ; и яко сіяніе креста озари*

языкъ Росскій силою и истиною, и превознесесе его славою паче всякія славы. Отнынѣ орелъ съ симъ священнымъ знаменемъ да красуется въ гербѣ Россійскомъ во славу Христа Спасителя нашего.

Основаніемъ сего да будетъ память тѣхъ Россіянъ, коихъ сподобилъ Господь содѣлаться примѣрами отличныхъ подвиговъ славы или высокой добродѣтели.

Какое благоговѣніе можетъ быть довольно достойно, какое воспоминаніе довольно сильно за толикія благости Провидѣнія?

На стѣнахъ Кремлевскихъ, тамъ, гдѣ возносилось знамя вражеское, да водрузится нынѣ сіе священное знамя во славу Христа Спасителя и въ воспоминаніе добродѣтели и торжества великаго народа Русскаго. Итакъ, основаніемъ сего христіанскаго памятника будутъ стѣны Кремлевскія, которыя да возвысятся нынѣ съ новою славою, и на нихъ имена всѣхъ тѣхъ, которые прославились воинскими или прочими знаменитыми подвигами или высокою добродѣтелью. Всѣ сіи имена, столь любезныя, столь драгоцѣнныя отечеству, будутъ вырѣзаны на бронзовыхъ доскахъ съ описаніемъ ихъ подвиговъ. Такія же бронзовыя доски останутся безъ надписей для изображенія впередъ на всякое время именъ тѣхъ, которые окажутъ дѣйствіе высокой добродѣтели или отличныхъ подвиговъ. Преисполненные таковыми чувствами будутъ всегда поддерживать силу, законы, благоустройство государства и возвеличатъ славу Россіи.

Здѣсь всѣ сословія должны быть смѣшаны. Хотя дворянство имѣетъ особенное отличіе, но какъ никакіе происки и богатство не должны бы давать право на сіе возвышенное званіе, и такъ дворянство съ должнымъ уваженіемъ принимаетъ въ нѣдра свои тѣхъ, которые сіе преимущество запечатлѣли отличными заслугами и добродѣтелями... то и здѣсь имена ихъ должны быть соединены.... И потому послѣдній изъ крестьянъ можетъ симъ воспользоваться. Казаки должны имѣть также сіе преимущество: они раздѣлили славу нашу и способствовали возвышенію оной и, исповѣдая одинакую вѣру, составляютъ одинъ народъ съ Россіянами.

Я предполагаю, чтобы никакое имя иностранное не являлось на семъ памятникѣ; ибо невозможно, чтобы иностранцы были движимы одинакими съ нами чувствами, и потому одинаковаго права имѣть не могутъ. Что же касается до тѣхъ, которые здѣсь поселились по какимъ-нибудь гнуснымъ видамъ своимъ, то весьма бы для насъ было счастливо, если бы таковыхъ отечество наше навсегда отъ себя отвергло. Я не называю иностранцами тѣхъ, которые не носятъ имени Русскаго, когда они заслужили преимущество быть Русскими не только тѣмъ, что избрали своимъ отечествомъ Россію, но посвятили ей свою жизнь, свои дарованія и добродѣтели. Тогда не почитать ихъ Русскими есть обида тому народу, который долженъ гордиться ими.

Памятникъ сей простъ. Всѣ сокровища міра и всѣ искусства, художества недостаточны, чтобъ его украсить. Взоръ не долженъ на немъ останавливаться, но онъ выражаетъ глубокое чувствованіе сердца. Пусть онъ хотя на минуту облегчитъ горесть потерявшихъ друзей, супруговъ и дѣтей своихъ, сію горесть глубокую, которую никакія слова не могутъ выразить, никакая мысль постигнуть не можетъ. Пусть сей памятникъ возвеличитъ также и радость тѣхъ, которыхъ Богъ сподобилъ видѣть добродѣтель друзей увѣнчанную, жизнь ихъ сохраненную.

Посреди толикихъ неустройствъ, неправосудій и нечестія сей христіанскій памятникъ соорудится въ центрѣ Россійской имперіи, какъ неколебимый столпъ силы и добродѣтели, увѣнчанной вѣрою, соединяющей небо съ землею. Крестъ есть символъ божественной вѣры нашей, и только души, преисполненныя вѣры, сего чувства твердаго и великодушнаго, способны питать столь совершенную приверженность къ отечеству, приносящую честолюбіе въ жертву добродѣтели и дѣлающую изъ славы истинную добродѣтель. Знамя есть знакъ соединенія войскъ и торжества: Іисуса Христа, возносящагося на небеса, изображаютъ со знаменемъ. И такъ мнѣ кажется, что крестъ нигдѣ не можетъ быть достойнѣе помѣщенъ какъ на знамени. Но чтобъ освятить сіе знамя наидостойнѣйшимъ образомъ, и чтобы память сокрушенія враговъ и торжества отечества нашего учинить незабвенною въ роды родовъ, то должно помѣстить таковое знамя со крестомъ въ гербѣ Россійскомъ. Мосты Аустер-

лицкіе и цѣлые города скорѣе истребятся всесокрушающимъ временемъ, но таковое воспоминаніе останется незабвеннымъ вѣчно. Что же касается до основанія сего памятника и до мѣста, гдѣ водрузится знамя сіе, то мнѣ кажется, ничто не возродитъ въ душѣ столь глубокаго воспоминанія. Затрудненія же помѣстить таковое знамя въ гербѣ Россійскомъ можетъ быть уничтожено единымъ словомъ Государя Императора и нимало не перемѣнитъ изображенія герба, ибо орелъ вмѣстѣ съ скиптромъ можетъ держать знамя сіе.

Я молода, я ни мало не почитаю себя добродѣтельною; но женщина также должна имѣть великодушныя чувствованія, и если происшествія подвигнутъ насъ къ выраженію словами или дѣйствіями чувствъ насъ воспламеняющихъ, то насъ обвинять не слѣдуетъ: ибо, чтобъ истребить способность выраженія, должно перестать чувствовать; но желаніемъ славы можемъ мы унизить нашъ характеръ и лишиться того прелестнаго покрова простоты и скромности, который долженъ покрывать всѣ поступки наши.

Я о семъ ни съ кѣмъ не совѣтывалась, но чѣмъ болѣе размышляла, тѣмъ болѣе находила, что сей памятникъ приличенъ, и тѣ, которымъ я показывала мое мнѣніе, поощряли меня въ семъ намѣреніи.

Я старалась, сколько можно сдѣлать мысли ясными, и теперь съ чистосердечіемъ описываю то, о чемъ я много разговаривала Я могу сказать по всей справедливости, что намѣренія мои чисты, а мнѣ всегда казалось дозволеннымъ изъяснить мои мнѣнія и представить оныя на ваше благоразсмотрѣніе.

Теперь совершенно зависитъ отъ васъ отвергнуть мое предложеніе, или представить оное Государю Императору. Таковое представленіе ваше я почту себѣ одобреніемъ, и прежде одобренія вашего я не осмѣлилась отнестись прямо къ Государю Императору; но, зная, что Его Императорское Величество одинъ можетъ утвердить и учинить священнымъ сей памятникъ, я прошу, чтобы сіе мое предложеніе или совершенно отвергнуть, или принять безъ всякой перемѣны. Я думаю, что оно не будетъ противно добродѣтельной душѣ Государя Императора, и я не

знаю ничего, что̀ бы могло быть достойнѣе сдѣлано во славу его, какъ сооруженіе таковаго памятника во время благотворнаго его царствованія.

Я не ищу, чтобы непремѣнно поставлено было то знамя, которое я представляю, и не сочту перемѣною мыслей моихъ, если дворянство благоразсудитъ перемѣнить пропорцію знамени, или вмѣсто моего пожелаетъ оное сдѣлать на свой счетъ. Я желаю только, чтобы не ограничиваемо было чувство, которымъ преисполнено мое намѣреніе и предложеніе. Всѣ мои желанія стремятся единственно ко славѣ Бога, отечества и августѣйшаго Монарха нашего, ко славѣ всего того, къ чему душа моя благоговѣетъ.

Какъ сіе мнѣніе мое имѣетъ главнымъ основаніемъ знамя, вмѣщающее въ себѣ крестъ Господень, то я сочла долгомъ въ самомъ началѣ испросить на мое намѣреніе благословенія преосвященнѣйшаго митрополита С.-Петербургскаго. Я писала къ нему о семъ и 22-го минувшаго Марта получила отвѣтъ, въ которомъ его высокопреосвященство призываетъ благословеніе Божіе на мое намѣреніе. И потомъ я просила его освятить знамя, у сего мною представляемое и помѣстить оное въ церкви. 26 Апрѣля знамя сіе было доставлено митрополиту, который обѣщалъ оное освятить и поставить въ алтарѣ храма Святаго Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго.

Если мое представленіе будетъ вами отвергнуто, то я надѣюсь, что мнѣ всегда будетъ дозволено удержать сіе знамя до тѣхъ поръ, покуда я могу оное приличнымъ образомъ перевезти въ мои земли, или можетъ быть я его посвящу церкви Казанской Божьей Матери, украшенной знаменами взятыми у непріятеля. Мнѣ кажется, что знамя, заключающее крестъ въ себѣ, не можетъ быть не принято во храмѣ Божіемъ.

Какъ знамя сіе уже помѣщено теперь въ Троицко-Невской лаврѣ, то я представляю мое мнѣніе на разсмотрѣніе С.-Петерскаго дворянства.

Письмо министра двора князя П. М. Волконскаго къ графу И. О. Витту.

Милостивый государь графъ Иванъ Осиповичъ!

Честь имѣю препроводить при семъ къ вашему сіятельству выписку изъ вопросныхъ пунктовъ, относительно высочайшаго путешествія въ Одессу и Крымъ, съ означеніемъ сдѣланныхъ противъ нихъ собственноручныхъ отмѣтокъ Его Императорскаго Величества, покорнѣйше прося сообщить оныя графу Михаилу Семеновичу Воронцову. Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію и пр. Князь Петръ Волконскій.

№ 890.
Въ С.-Петербургъ.
19 Марта 1837 г.

Выписка изъ вопросныхъ пунктовъ относительно высочайшаго путешествія въ Одессу и Крымъ.

Съ собственноручными Его Императорскаго Величества отмѣтками.

Le comte et la comtesse Woronzow osent espérer, que leur maison à Odessa sera encore une fois honorée de la présence de Leurs Majestés. «Благодарить».

Pour la Crimée, il est indispensable d' envoyer un écuyer pour choisir et préparer les chevaux pour Sa

Majesté l'Impératrice et les dames. «Будетъ Яковлевъ; но гдѣ можно только, вездѣ ѣхать ей и дамамъ въ экипажахъ».

Pour le séjour à Aloupka le comte et la comtesse Woronzow osent proposer leur maison et toutes celles des environs, dont tous les propriétaires regarderaient cela comme une faveur. «Благодарить и принять».

A Orianda, la Famille Impériale ne peut s'arrêter, que dans la maison du c-te Witt. Pour les autres personnages et la suite on occupera les maisons des environs, même jusqu'à Yalta. «Согласенъ».

Pendant le séjour à Massandra, la maison de Massandra, plusieurs attenances, quelques maisons aux environs, et de nouveau la ville de Yalta pourront servir. «Согласенъ».

Comme le temps entre Odessa et la Crimée sera très court, il est indispensable, qu'indépendamment de la personne envoyée à Odessa, une autre de confiance et expérimentée soit envoyée en Crimée, pour recevoir et distribuer les quartiers, recevoir et préparer les provisions. «Возложить на фельдегеря, готовящаго квартиры. О провизіи условиться съ г. Виттомъ, какъ удобнѣе заготовить».

Il est indispensable aussi de savoir à peu près le nombre de chevaux nécessaires. «Будетъ приказано въ свое время».

Comme sur la côte il est impossible de trouver sous peu de jours la quantité de provisions de bouche, fourrages etc nécessaire pour une pareille réunion, il est indispensable de préparer d'avance une quantité approximative de farine, bestiaux, volaille, oeufs, beurre, avoine, foin etc. Ce sera l'affaire du comte Woronzow de préparer tout cela dès qu'il saura à peu-près le temps et le nombre de personnes et de chevaux, en avancant pour cela les sommes nécessaires, remboursables par la personne, qui sera chargée de cela. Pour régulariser ces préparatifs, une commission sera nommée, dont le chef-lieu sera à Yalta. «Будетъ дано знать въ свое время».

Il sera indispensable d'avoir au moins une 100-ne de chevaux cosaques, ainsi que des cosaques pour les soigner. Ils peuvent être pris du régiment du colonel Kouteynikoff, cantonné dans la peninsule. Des Arnaoutes de Balaclava pourront servir d'ordonnances et interprêtes connaissant le pays et la langue. «Не по-«нимаю, развѣ для насъ, кои имѣемъ слѣдовать вер-«хами; въ первую поѣздку мою въ Крымъ, я имѣлъ «изъ Бакчисарая славную Татарскую лошадь, для всей «поѣздки одну и туже».

Il sera indispensable d' envoyer une certaine quantité de selles de dames et même de selles d'hommes. «Нѣтъ нужды въ мужскихъ; дамскихъ можно будетъ послать 4 или 5».

Письмо князя М. С. Воронцова къ Лондонскому священнику Я. И. Смирнову *).

14 (27) Апрѣля 1839 г.

Милостивый государь Яковъ Ивановичъ!

Принимая всегда живѣйшее участіе въ состояніи здѣшней Грекороссійской церкви, при которой я отъ васъ получилъ первыя познанія въ Православной нашей вѣрѣ, въ которой я въ юныхъ лѣтахъ самъ служилъ въ алтарѣ и пѣлъ на крылосѣ, я бы желалъ что-нибудь основать постояннаго на счетъ украшенія оной, какъ въ прежнія времена, въ торжественный день Свѣтлаго Воскресенія. Вслѣдствіе сего, я сего же дня пишу въ контору гг. Томсона и Бонара, чтобъ каждый годъ на первый день Страстной недѣли 15 фунтовъ стерлинговъ были заплочены на мой счетъ вамъ или кому отъ васъ назначено будетъ для покупки цвѣтовъ и вѣчно зеленыхъ арбюстовъ по вышеозначенному назначенію.

Желая отъ всей души, чтобъ вы еще многія лѣта **)...

---

*) Съ позднѣйшаго списка. П. Б.

**) Сколько намъ извѣстно, ежегодный взносъ денегъ въ Лондонскую посольскую церковь нашу продолжался и при сынѣ князя М. С. Воронцова. П. Б.

Ниже помѣщается шуточная передѣлка Оды Ломоносова: „Подражаніе Іову“. Эту оду знали наизусть цѣлыя поколѣнія, и до пятидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія она еще печаталась во всѣхъ хрестоматіяхъ. Ея передѣлка, примѣненная къ воинскимъ порядкамъ Павловскаго времени, пользовалась также широкою рукописною извѣстностью. Маринъ, талантливый Преображенецъ, товарищъ и другъ молодаго князя Воронцова, выразилъ въ этой передѣлкѣ общее негодованіе Русскихъ военныхъ людей на оскорбительное Прусское муштрованіе. Въ рукописи, въ стихахъ Марина, имѣются поправки, сдѣланныя рукою князя М. С. Воронцова. П. Б.

Ода 9-я Ломоносова, выбранная изъ Іова.

О ты, что̀ въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно,
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ,
И такъ его на распрю звалъ.

*
* *

Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ!
Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

*
* *

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою,
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ
Мое величество вѣщали;
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?

*
* *

Шуточная передѣлка С. Н. Марина.

О ты, что́ въ горести напрасно,
На службу ропщешь офицеръ,
Шумишь и сердишься ужасно,
Что ты давно не кавалеръ,
Внимай, что шахъ тебѣ вѣщаетъ.
Онъ гласомъ сборы прерываетъ,
Рукою держитъ эспантонъ;
Смотри, каковъ въ щиблетахъ онъ!

*
* *

Речетъ: сбери всѣ силы нынѣ
И стой такъ прямо какъ солдатъ.
Гдѣ былъ, какъ въ унтерскомъ я чинѣ
Завелъ въ Россiи вахтъ-парадъ?
Когда шаржировать заставилъ,
Явилъ въ маневрахъ и прославилъ
Величество и власть мою.
Подай-ка тактику свою!

*
* *

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Возросъ изъ алебардовъ лѣсъ
Моей обдѣланныхъ рукою,
А ты не видѣлъ сихъ чудесъ?
Когда солдаты всѣ одѣты,
Какъ бы виновые валеты,
Тянули фрунтъ передо мной,
А ты вкушалъ тогда покой!

*
* *

Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ
И въ суши сдвигнулъ океанъ?

*
* *

Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть,
И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить,
Пловцу способный вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть?

*
* *

Стремнинами путей ты разныхъ
Прошелъ ли моря глубину,
И счелъ ли чудъ многообразныхъ
Стада ходящія по дну?
Отверзлись ли передъ тобою
Всегдашнею покрыты тьмою
Со страхомъ смертныя врата?
Ты сперъ ли адовы уста?

*
* *

Кто деревянными кремнями
Солдатъ здѣсь выучилъ стрѣлять?
Къ спинѣ бѣлеными ремнями
Лопатки вздумалъ привязать?
Мундиры съ битью золотою
Не я ли сильною рукою
На плечи офицеръ надѣлъ
И въ праздникъ ихъ носить велѣлъ?

*
* *

Главы обстриженны солдатски
Ты могъ ли пуклями снабдить?
И ихъ одѣвши подурацки
Въ казармы кучами набить,
И вдругъ ударивши тревогу,
Подобясь звѣрю, а не богу,
Отъ трусости какъ листъ дрожать
И двухъ въ солдаты написать.

*
* *

Въ болотахъ глинистыхъ и грязныхъ
Когда и гдѣ ты увязалъ,
И офицеровъ безобразныхъ
Въ худыхъ мундирахъ гдѣ видалъ?
Не зря враговъ передъ собою,
Приготовлялся ли ты къ бою,
Никто на коемъ не погибъ,
И взялъ ли приступомъ ты Бипъ?

*
* *

Стѣсняя вихремъ облакъ мрачный,
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздухъ огустить прозрачный,
И молнію въ дождѣ родить,
И вдругъ быстротекущимъ блескомъ
И горъ сердца трясущимъ трескомъ
Концы вселенной колебать
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?

*
* *

Твоей ли хитростью взлетаетъ
Орелъ, на высоту паря,
По вѣтру крила простираетъ
И смотритъ въ рѣки и моря?
Отъ облакъ видитъ онъ высокихъ
Въ водахъ и пропастяхъ глубокихъ,
Чтó я ему на пищу далъ.
То ль быстро око ты-ль создалъ?

*
* *

Воззри въ лѣса на Бегемота,
Чтó мною сотворенъ съ тобой;
Колючій тернъ его охота
Безвредно попирать ногой.
Какъ верьви сплетены въ немъ жилы.
Отвѣдай ты своей съ нимъ силы!
Въ немъ ребры какъ литая мѣдь;
Кто можетъ рогъ его сотрѣть?

*
* *

Изъ бѣглыхъ могъ ли ты капраловъ,
Кои не могутъ говорить,
Надѣлать кучу генераловъ
И имъ полки препоручить?
Ты могъ ли эспантонъ поправить
И подъ арестъ за то отправить,
За вздоръ изъ службы исключить
И на̀ вѣкъ въ крѣпость засадить?

*
* *

Твоей ли хитростью Кутайцовъ
Играетъ роль большихъ вельможъ?
Мѣщанъ онъ душитъ такъ какъ зайцовъ,
Дворянство все не ставитъ въ грошъ,
Въ моихъ палатахъ обитая,
Россіянъ бѣдныхъ раззоряя?
Въ немъ виденъ точной басурманъ.
Такой талантъ тобой ли данъ?

*
* *

Не ясна-ль въ томъ моя щедрота,
Велѣлъ что головы рубить?
Пришлаль когда тебѣ охота
Кадиломъ въ церкви покадить,
Священной ризою одѣту,
Въ себѣ представить шута т'усвѣ
Служа обѣдню за попа?
Неужель мысль сія глупа?

*
* *

Ты можешь ли Левіаѳана
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ самой срединѣ океана
Онъ быстрый простираетъ бѣгъ;
Свѣтящимися чешуями
Покрытъ какъ мѣдными щитами;
Копье и мечъ и молотъ твой
Щитаетъ за тростникъ гнилой.

*
* *

Какъ жерновъ сердце онъ имѣетъ,
И зубы страшный рядъ серповъ:
Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?
Всегда къ сраженью онъ готовъ.
На острыхъ камняхъ возлегаетъ
И твердость оныхъ презираетъ.
Для крѣпости великихъ силъ,
Щитаетъ ихъ за мягкой илъ.

*
* *

Когда ко брани устремится,
То море какъ котелъ кипятъ,
Какъ печь гортань его дымится,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
Сверкаютъ очи раздраженны,
Какъ угль въ горнилѣ раскаленный.
Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ гоня.
Кто можетъ стать противъ Меня?

*
* *

Ума твого предѣлы узки,
Могли ли тайну ту понять,
Еврейска Анна что по русски
Святую значитъ благодать?
Могли ли руки твои дерзки
Украсить шапки гранодерски,
Знамена, флаги кораблей
Любезной имянемъ моей?

*
* *

Скажи ты мнѣ, въ странахъ Россійскихъ,
Кто славный акціонъ завелъ,
Чтобъ кто хотѣлъ крестовъ Малтійскихъ
За деньги въ ономъ ихъ нашелъ
Съ Французомъ кто два года дрался,
Чтобъ островъ Мальта намъ достался,
На коемъ нѣтъ почти людей?
Дѣла то мудрости моей!

*
* *

Возмогъ ли ты хотя однажды
Гоненье шляпамъ объявить?
Велѣть Россіянамъ, чтобъ каждый
Престалъ бы круглую носить?
Пучки и сапоги съ ушками
Указомъ истребя межъ вами,
Изгналъ потомъ съ заносомъ фракъ,
А всѣ кричатъ . . . . . .

*
* *

Обширнаго громаду свѣта
Когда устроить я хотѣлъ,
Просилъ ли твоего совѣта
Для множества толикихъ дѣлъ?
Какъ персть я взялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создати человѣка,
Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видъ иной тебѣ я далъ?

*
* *

Сіе, о смертный разсуждая,
Представь Зиждителеву власть,
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣньи часть.
Онъ все на пользу нашу строитъ,
Казнитъ кого, или покоитъ.
Въ надеждѣ тяготу сноси
И безъ роптанія проси.

Ко удивленью всего свѣта
Когда мундиры я кроилъ,
Зачѣмъ не подалъ ты совѣта,
Чтобъ я покрой перемѣнилъ?
Когда я выдумалъ щиблеты,
Ботѳорты, латы и колеты,
Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видъ иной всему я далъ?

*
* *

Сіе служивый разсуждая
Представь мою всесильну власть,
И мерзостной мундиръ таская,
Имѣй свою въ терпѣньи часть.
Я все на пользу вашу строю
Казню кого или покою;
Аресты, каторги сноси
И безъ роптанія проси!

MARCHE DES FRANÇAIS SUR MOSCOW.

Pot-pourri. Traduit de l'Anglais.

1.

Napoléon prend en tête
D'aller célébrer sa fête
Par la brillante conquête
De Moscow.
Les champs sont tous verts, le ciel est tout bleu,
Morbleu, parbleu!
Mes amis, ah! qu'il fait beau
Pour aller à Moscow.

2.

Quatre cent cinquante mille
Héros s'avancent en file,
Quittant Paris la grande ville
Pour Moscow.
Maréchaux à la douzaine,
Comtes, ducs à la vingtaine,
Cinq ou six princes, je crois,
Marchant avec deux ou trois rois.
Et les champs sont verts, et le ciel est beau.
Morbleu, parbleu!
Mes amis, qu'il fait beau
Pour aller à Moscow.

3.

Là le superbe Junot
Et le gentil Augereau,

Dombrofsky, Poniatofsky
Et le général Rapp et son empereur Nap
(La bonne aventure au qué),
A travers mainte et mainte prés,
Nous mangeons bon gré, mal gré
Tout le bled,
Tandis que les champs verts et le ciel bel et bleu
Leur font espérer qu'ils seront bientôt
A Moscow.

4.

Mais les Russes se retournent,
Dans les marais ils s'enfourrent.
Il faut faire un chemin,
Pistolet en main.
Battez-vous tant et plus,
Mais
Ne *parlez-vous* sur ce point—point!
Mais les champs sont tous verts, mais le ciel est tout bleu
Morbleu, parbleu!
Ils arrivent tout d'un saut
A Moscow.

5.

Mais le pays devient chaud,
Le feu prend à Moscow;
En dépit de tout notre art,
Il faut se mettre à l'écart:
Car
Être brûlés comme Juifs,
Tous vifs,
Plaît au Français, comme jeu,
Bien peu.
En vain les champs sont verts, en vain le ciel est bleu,
Morbleu, parbleu!
Hélas, en retraite il faut
Parler tant soit peu moins haut
De Moscow.

6.

Les cosaques tout bien vu
Les poursuivent sabre en *u*.
Français, n'avez-vous point eu peur,
Malgré que vous ayez du coeur,
De voir *Tormasow*, de voir *Yermolow*
Et tous les durs noms qui riment en *ow*!
Avec *Rayefsky* et *Névérofsky*
Et les noms affreux rimant en *efsky*!
Soukhareff, *Schamcheff* et *Chepeleff*
Et les vilains noms qui riment en *eff*,
Kostomaroff et *Tchoglokoff*
A la tête de ceux qui finissent en *off*.
Milaradovisch et *Yeladovitch*
Et ce grand monsieur *Kavatichkovitch*
Et les mille noms fendant l'oreille en *itch!*
Pour *Ojarofky* et *Koslofsky*
Et long comme le bras *Kozachikofsky*
Et les Iroquois rimant en *ofsky*!
Et, pour tout couronner, vint un grand amiral,
Armé d'un nom terrible, mais d'un nom de cheval,
Nom pire qu'aucun nom dans les Métamorphoses,
Appele, si tu peux, prononce, si tu l'oses!

7.

Là le gros *Platoff*
Les jette à bas—oh!
D'un autre *Markoff*
En fait sa marque—oh!
D'un sabre *Toutchkoff*
Plus d'un on touche—oh!
Ici *Koutousoff*
Coupe leur—oh!
Là de *Woronzow*
Tonne le bronze—oh!
Et le pistolet du grand *Dochtoroff*
De plus d'un soldat est le docteur—oh!

ПѢСНЯ.

Кто, борецъ съ Наполеономъ,
Поборолъ грозу бойцовъ
Въ славной битвѣ подъ Краономъ?
Ратный вождь нашъ Воронцовъ!

Кто Царю сподвижникъ нужной,
Вождь-правитель городовъ,
Устроитель Руси южной?
Нашъ вельможа Воронцовъ.

Кто избранникъ, вождь маститой,
На Кавказѣ отъ враговъ
Сталъ отечества защитой?
Руси честь—нашъ Воронцовъ!

В. Филимоновъ.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ КНИГѢ

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

* * *

* * *

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ КНИГИ АРХИВА

КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Стр.

I. Письма князя П. Д. Ціціанова къ князю М. С. Воронцову.

II. Изъ писемъ Д. В. Арсеньева къ князю М. С. Воронцову.

*

III. Письма князя М. С. Воронцова къ пріятелямъ его Д. В. Арсеньеву и С. Н. Марину

*

IV. Письмо князя М. С. Воронцова къ отцу его въ Англію изъ Персидскаго похода. 1804.

*

V. Письма князя М. С. Воронцова къ дядѣ его государственному канцлеру графу А. Р. Воронцову изъ Германіи.

*

VI. Письма Алексѣя Петровича Ермолова.

VII. Бумаги разнаго содержанія.

Письма разныхъ лицъ къ князю М. С. Воронцову.

